

ИСТОРИЯ
ПОВТОРЯЕТСЯ

США ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ЖАК
Р. ПАУЭЛС

МИФЫ
И РЕАЛЬНОСТЬ

Annotation

В книге, ставшей мировым бестселлером и впервые публикуемой на русском языке, канадский историк Жак Р. Пауэлс анализирует подлинную роль и цели США во Второй мировой войне и открыто отвечает на неудобные вопросы: руководствовался ли Вашингтон гуманистическими мотивами, выступая против нацистской Германии, как это принято считать за океаном, и почему многие влиятельные американцы сотрудничали с фашистскими режимами, а по окончании войны столь снисходительно отнеслись к преступникам? Чем объясняются «кровавый провал» наступления на Дьепп в августе 1942 года и печально известная бомбардировка Дрездена? Почему до сих пор на Западе и в США так мало известно о битве под Москвой в декабре 1941 года и начале контрнаступления Красной армии, а высадка союзников в Нормандии 1944 года восхваляется как сокрушительный удар по нацистской Германии? И что на самом деле заставило союзников открыть второй фронт?

Автор проводит весьма убедительные аналогии между отношением американцев к «самой хорошей войне за всю историю» страны и к борьбе с терроризмом, развернувшейся после трагических событий 11 сентября 2001 года, объявленных «новым Перл-Харбором», между растиражированными клише об идеалистичных целях американцев во Второй мировой войне и их миротворческой миссией на Ближнем Востоке... История повторяется.

-
- [Жак Р. Пауэлс](#)

- [Предисловие к новому изданию на английском языке](#)
 - [Предисловие: цели и методология](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Ссылки и примечания](#)
 - [Избранный список использованной литературы](#)
 - [Благодарность](#)
-

Жак Р. Пауэлс
США во Второй мировой
войне: мифы и реальность

Предисловие к новому изданию на английском языке

Эта книга была написана на нидерландском языке, точнее, на одном из вариантов нидерландского языка, распространенном в Бельгии и более известном как фламандский. Впервые она была опубликована в Бельгии в 2000 году. Англоязычное издание появилось двумя годами позже, в 2002 году. С первых лет двадцать первого века мы стали по-другому смотреть на мир, чему способствовала трагедия 11 сентября 2001 года, а также последовавшая за ней так называемая «война с терроризмом». События 11 сентября были объявлены «новым Перл-Харбором», и американская «война с терроризмом» была преподнесена – и продолжает преподноситься – властями и основными СМИ как еще одна «хорошая война», наподобие Второй мировой войны.

Однако многие люди внутри и за пределами Соединенных Штатов задаются вопросом, в чем подлинная причина «войны с терроризмом», и убеждаются, что это на самом деле, хотя и не обязательно исключительно, ресурсы, такие, как нефть, представляющая огромный интерес для трестов, связанных с бывшим президентом Джорджем Бушем, а также прибыль для корпораций военно-промышленного комплекса, например, таких, как Halliburton, тесно связанной с бывшим вице-президентом Диком Чейни, являются истинными причинами войны. В этом контексте стало легче воспринимать выдвинутый в данной книге тезис о том, что даже во время Второй мировой войны, которую в Америке пытаются представить как «хорошую войну», роль Соединенных

Штатов определялась в большей степени интересами крупных корпораций и банков страны, чем теми идеалистическими мотивами, которые выдумали власти в то время и которые с тех пор эхом повторяются в средствах массовой информации, в школах и университетах, в учебниках истории и, конечно же, в голливудской продукции. Вторая мировая война, якобы «самая хорошая война за всю историю» Америки (Майкл С. С. Адамс), больше не является той «неприкасаемой» историографической священной коровой, которой она была еще десяток лет назад. Начиная с 2002 года в свет вышли многочисленные новые книги и статьи на соответствующие темы, такие, как экономическая история нацистской Германии и американское экономическое проникновение в Европу в целом и в Германию в частности. В качестве примера можно привести книгу Адама Туза «*The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*» (2006). Самыми важными для нашей цели, естественно, были новые публикации, касающиеся сотрудничества американских корпораций с нацистским режимом Германии до и во время войны. Хорошие примеры таких публикаций – исследование Генри Эшби Тернера о фирме *Opel*, немецком подразделении *General Motors*, озаглавленное «*General Motors and the Nazis: The Struggle for Control of Opel, Europe's Biggest Carmaker*» (2005), и работа Эдвина Блэка «*Nazi Nexus: America's Corporate Connections to Hitler's Holocaust*» (2009).

Сегодня стало известно гораздо больше, чем десять лет назад, о сотрудничестве крупных корпораций и банков – не только американских, но и немецких, французских, швейцарских и т. д. – с фашистскими движениями и режимами в целом и с нацизмом в частности. (Я исследовал эти связи в книге «*Big Business avec Hitler*», изданной в 2013 году на французском языке.) Таким образом, были выявлены новые факты и

истолкования, подтверждающие понимание исторических событий, представленное в первом издании книги о «хорошей войне», что позволило усилить и проиллюстрировать многие из аргументов, выдвинутых в том издании книги. Конечно, это было включено в новое издание.

С другой стороны, некоторые новые данные сделали необходимой или, по крайней мере, желательной переработку некоторых частей книги. Например, в этом новом издании содержится более детальное обсуждение и более правдоподобное объяснение трагического наступления на Дьепп в августе 1942 года, в котором, и это было не случайно, в основном канадские войска были принесены в жертву. Более длинная и более подробная глава в этом издании посвящена еще одной загадке Второй мировой войны, а именно печально известной бомбардировке Дрездена. Эта глава была переписана в ответ на публикацию и успех, особенно (и неудивительно) в Великобритании и Германии, довольно шумевшей книги, пытающейся реабилитировать этот ужасный, хотя, казалось бы, бессмысленный эпизод войны, а именно работы Фредерика Тейлора «*Dresden: Tuesday, February 13, 1945*», опубликованной в 2004 году. Я также счел целесообразным включить совершенно новую главу об истинном поворотном моменте во Второй мировой войне – не высадке в Нормандии, даже не титанической битве за Сталинград, а битве под Москвой осенью 1941 года. Эта относительно малоизвестная битва, и особенно начало контрнаступления Красной армии 5 декабря 1941 года, ознаменовала конец чрезвычайно успешного до того момента германского «блицкрига», или стратегии «молниеносной войны». Таким образом, она обрекла нацистскую Германию на поражение в этой войне, что поняли уже в то время не только сам Гитлер и его генералы, но также некоторые хорошо

информированные иностранные наблюдатели (например, Ватикан и швейцарские спецслужбы).

Примечательно, что этот поворот в войне произошел за несколько дней до того, как США вступили в войну против нацистской Германии 11 декабря 1941 года. Надо также отметить, что поворот в войне произошел за несколько лет до высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года, которую слишком часто и совершенно ошибочно восхваляют как начало конца для нацистской Германии. Справедливо утверждать, как мы и сделаем в данной книге, что американцы и их британские и канадские союзники высадились в Нормандии, чтобы предотвратить нанесение поражения нацистской Германии Красной армией в одиночку, полное освобождение ею Европы и то, чтобы она единолично пожинала плоды этой победы.

Примечателен также тот факт, что Америка не вступила в войну против нацистской Германии с холодной головой и открытыми глазами, но была невольно и неожиданно «втянута» в неё, как выразился популярный и знаменитый американский историк Стивен Эмброуз, именно потому, что через несколько дней после нападения Японии на Перл-Харбор Гитлер беспричинно объявил войну США.

В этой новой редакции книги были предприняты усилия прояснить обстоятельства нападения Японии на Перл-Харбор и запутанный способ, которым это событие привело к втягиванию Америки в войну против Германии. Эта книга по-прежнему фокусируется на войне против Германии, войне на «европейском театре», но в данной новой редакции гораздо больше внимания уделяется войне Америки против Японии. В отличие от войны против Германии, конфликт с Японией был очень желанным в американском истеблишменте, который ожидал получить от него большие дивиденды. Именно по этой причине война с

Японией была во многом спровоцированной администрацией Рузвельта, как убедительно показал Роберт Б. Стиннетт в своей книге «*Day of Deceit: The Truth about FDR and Pearl Harbor*» (2000).

Наконец, новому изданию очень помогло то, что за примерно последнее десятилетие автор имел возможность познакомиться с очень проницательными исследованиями ряда итальянских ученых, в том числе историков и философов: покойного Филиппо Гая, автора «*Il Secolo Corto: La Filosofia del Bombardamento*», «*La Storia da Riscrivere*» (1994); Лучано Канфора «*La Democrazia: Storia di un'Ideologia*» (2008) и, прежде всего, Доменико Лосурдо, из впечатляющих опусов которого для нашей работы важнее всего оказался «*Il Linguaggio dell'Impero: Lessico dell'Ideologia Americana*» (2007). Я говорю «*Molto Grazie!*» (большое спасибо) своему итальянскому другу Сильвио Кальцаварини, который перевел книгу о «хорошей войне» на язык Данте, за то, что он обратил мое внимание на работы этих ученых.

Предисловие: цели и методология

Эта книга не является плодом кропотливых исследований, проведенных в Вашингтоне в монументальных зданиях Национального архива или других внушительных коллекций документов; в ней мало или почти совсем не использовано то, что историки именуют «первоисточниками». Более того, на страницах этой книги вы не найдете драматических откровений или доселе неизвестных фактов. Тем не менее мы надеемся, что это краткое исследование внесет что-то ценное, а именно новую и, возможно, способную вызвать удивление интерпретацию исторических фактов, которые уже известны многим из нас.

Исследования, которые в основном базируются на первоисточниках, – это практически всегда монографии, другими словами, подробный анализ исторических фактов, и они, как правило, освещают лишь небольшие фрагменты великих загадок таких сложных исторических событий, как Вторая мировая война. Научные книги и эссе, написанные экспертами-историками, являются примерами такого типа анализа, они обычно написаны не для широкой публики, для которой чтение подобных текстов часто является очень сложным, а, скорее, для коллег-ученых. О таких опусах частенько говорят, что они служат для продвижения границ исторического знания. Такие монографии действительно могут быть очень полезны, но они редко, а то и вообще никогда не предлагают всеобъемлющий обзор или более или менее убедительную интерпретацию крупной исторической проблемы во

всей ее сложности; они показывают нам не загадку в целом, а только ее части.

Следовательно, нам нужен не только анализ, но и другой тип исторического исследования – синтез. Такие исследования гораздо менее заинтересованы в деталях, чем в общей картине исторической драмы. В отличие от анализа, синтез действительно предлагает обзор и интерпретацию; он основывается, скорее, на вторичных, а не на первичных источниках, на существующих аналитических данных, а также на том, что социологи именуют «парадигмой», то есть общей теорией, которая вдохновляет толкования.

Данное исследование не анализ, а стремление к синтезу. Это попытка предложить относительно короткий эскиз, а также последовательную интерпретацию роли Соединенных Штатов во время Второй мировой войны. Эта интригующая и важная тема уже была предметом многочисленных работ в духе синтеза в течение последних двадцати лет в самой Америке. Настоящее исследование, однако, отличается во многих существенных отношениях от «ортодоксальных» обзоров истории Второй мировой войны в целом и роли Соединенных Штатов в этом конфликте. Прежде всего, мы утверждаем, что действия Соединенных Штатов или, точнее, политических и экономических кругов, обладающих властью в Америке в военное время, не руководствовались прежде всего идеалистическими мотивами, как это принято считать. Подавляющее большинство общепринятых работ типа синтеза, посвященных роли Соединенных Штатов во Второй мировой войне, являются типичными примерами работ так называемой истории, «которая позволяет себя хорошо чувствовать». Этот термин относится к душещипательной исторической литературе, которая стремится подтвердить то, что средний американец

сначала слышит во время учебы в школе, а затем в течение жизни слышит снова и снова от СМИ своей страны: что во время Второй мировой войны якобы идеалистические США взяли на себя руководство «крестовым походом» за демократию и против диктатуры и победили в этом «крестовом походе» практически в одиночку. Настоящее исследование не подпадает под эту категорию. Оно не принадлежит к тому, что британский историк Николай Толстой назвал школой военной историографии «труб и барабанов». Вместо этого оно ставит сложные вопросы и указывает на то, что американский политолог Майкл Паренти назвал «грязными истинами», вместо того, чтобы ограничиваться рамками приятных и удобных фактов¹. Этот тип интерпретации встревожит некоторых читателей; другие, как хочется надеяться, примут его и найдут его освобождающим. Цель данного исследования – бросить вызов читателям и заставить их размышлять. Кроме того, в отличие от «ортодоксальных» работ, которые, как правило, рассматривают войну как проблему международных отношений и часто лишь как почти чисто военное мероприятие, данное исследование предлагает взгляд с точки зрения политической экономики. Это попытка объяснить чрезвычайно важную роль, которую играли Соединенные Штаты во время Второй мировой войны, в свете экономических, социальных и политических устремлений, трудностей и возможностей для их лидеров. Следовательно, большое внимание уделяется, например, взаимосвязи между внутренними социальными и экономическими проблемами Америки и международной дипломатией и военной стратегией Вашингтона.

Есть и еще различия между этой книгой и общепринятыми исследованиями роли Соединенных

Штатов в большом Армагеддоне двадцатого века. Не только сама война находится в центре нашего внимания, но также и важные довоенные, и даже послевоенные события. Другими словами, в этой книге прослеживается хронологическая взаимосвязь. В ней подчеркивается преемственность между 1920-ми, 1930-ми годами, годами самой войны и послевоенной эпохой, в том числе относительно недавними событиями, такими, как воссоединение Германии. В ней автор пытается ответить на такие вопросы, как: почему так много влиятельных американцев симпатизировало фашизму до войны? Почему прошло столько времени, прежде чем Америка наконец-то вступилась за демократию против нацистской Германии? И почему для Соединенных Штатов потребовалось японское нападение на американское владение, Гавайи, чтобы оказаться случайно втянутыми в войну против нацистов Германии, вместо того чтобы намеренно вступить в такую войну?² Действительно, ведь это нацистская Германия объявила войну США, а не наоборот. Что касается послевоенной эпохи, то почему американские политики не искоренили все формы фашизма в Германии и других странах после 1945 года? Почему они выбрали вместо этого противостояние антифашистам? Кроме того, это исследование также сосредоточит внимание на огромном влиянии войны на американское общество, на роли Америки в послевоенном мире вообще и американских отношениях с Германией и Советским Союзом в частности. Например, будет показано, что в некоторых отношениях военные цели американских лидеров были полностью реализованы лишь в конце «холодной войны». Разделение Германии на два антагонистических государства и в конечном итоге их воссоединение будут проанализированы в этом контексте. Читатели,

несомненно, будут поражены непрерывностью и последовательностью политики довоенной, военной и послевоенной политики Вашингтона внутри своей страны и за рубежом. Это политика, которая руководствуется в первую очередь не идеалами свободы, справедливости и демократии, а интересами американской промышленности, «большого бизнеса» и финансов – другими словами, правящей элиты Америки.

На каких аналитических материалах и на какой парадигме базируется данное исследование? Ни одно подобное исследование не способно охватить все те аналитические данные, которые когда-либо были опубликованы по такой сложной теме. Каждое исследование-синтез неизбежно базируется на ограниченной выборке доступных аналитических материалов, и наша работа не исключение. Для работы над этой книгой мы избирательно использовали не только чисто исторические анализы, но также исследования в области экономики и политических наук и внутри – и междисциплинарные эссе, опубликованные не только в Северной Америке и Великобритании, но также в Германии, Франции, Италии и других странах.

На этот необычный синтез нас вдохновила прежде всего серия оригинальных и спорных исторических исследований, проведенных преимущественно в начале 1960-х годов, но в некоторых случаях также и в последние годы, – исследований, которые до сих пор не были использованы в целях написания обзора роли Соединенных Штатов в ходе Второй мировой войны. В этом разнородном семействе исследований мы находим, прежде всего, работы так называемых «ревизионистских» историков, которые стали известными в Америке во время войны во Вьетнаме. Ревизионисты, такие, как Уильям Эпплмэн Уильямс и Гэбриэл Колко, привлекли внимание своей критической

точкой зрения на американскую внешнюю политику до, во время и после Второй мировой войны, в начале «холодной войны» и во время войны во Вьетнаме. Другим известным ревизионистом является Гар Альперовиц, чье тщательное исследование американской «атомной дипломатии» в 1945 году вызвало определенное волнение в Соединенных Штатах в 1995 году – по случаю пятидесятой годовщины уничтожения Хиросимы³.

Термин «ревизионист» вызывает некоторую путаницу, потому что он также используется для описания всех тех, кто стремится «пересмотреть» историю Второй мировой войны и нацистской Германии в том смысле, что они отрицают историческую реальность холокоста. Однако американские историки-ревизионисты, для которых более подходящим было бы название «радикальные историки», не имеют абсолютно ничего общего с теми, кто стремится свести на нет холокост и реабилитировать Гитлера. Историки, которые инициировали это исследование, являются ревизионистами в том смысле, что они участвуют в критической экспертизе исторической роли Соединенных Штатов вообще и ее роли во Второй мировой войне в частности. Таких ревизионистов можно также найти за пределами Соединенных Штатов. В Германии, например, очень интересные критические исследования малоизвестной роли Америки в оккупации и послевоенном разделении этой страны были опубликованы в 1990-е годы.

Тесные, неафишируемые, но высокодоходные связи, которые крупные американские корпорации, такие, как Coca-Cola, IBM, Ford, General Motors, и ИТТ, поддерживали со своими дочерними фирмами и (или) немецкими фирмами-партнерами в гитлеровской Германия до Второй мировой войны и которые продолжали играть

важную роль во время и после войны, не получили достаточного внимания со стороны историков. Такая научная скрытность имеет, несомненно, много общего с тем, что влиятельные корпорации, участвовавшие в сделках с нацистами, предпочитают держать это под закрытой крышкой ящика Пандоры. Тем не менее некоторые неопровержимые исследования по этой болезненной теме были опубликованы, в том числе «*Trading with the Enemy*» Чарльза Хигема, «*Chrome Colossus*» Эда Крея, «*Working for the Enemy*», написанная немецко-американской группой исследователей: Рейнгольдом Биллштейном, Каролой Фингс, Анитой Куглер и Николасом Левисом, и «*IBM and Holocaust*» Эдвина Блэка. Их выводы также были приняты во внимание в данной работе. Хотя многие – но далеко еще не все – факты американского корпоративного участия в промышленности и экономике нацистской Германии уже известны, данное исследование особое внимание уделяет причинам такого сотрудничества и его последствиям для внешней политики Вашингтона. Наше исследование вдохновили вышеупомянутые работы, и мы разделяем не только их критический взгляд на политику, проводимую американскими лидерами во времена мира и войны, но и некоторые аспекты их методологии. Для того чтобы найти объяснение сложным и иногда неоднозначным историческим событиям, нужно ответить на вопрос, который часто задает сыщик во время своих расследований, а именно: кому это выгодно? *Cui bono?*

Не только историки, но и критически настроенные американские политологи оказали большое влияние на нашу работу. Два примера: С. Райт Миллс, автор классического исследования политической, социальной, экономической и военной элиты Америки, и Майкл Паренти, известный политический инакомыслящий, ученый из Калифорнии, который развеял множество

мифов американской политики и истории в таких своих книгах, как «*Democracy for the Few*». Ноам Хомский также заслуживает упоминания здесь: в своих междисциплинарных работах он обращает внимание на исторический вклад Америки в развитие современной мировой экономики, в которой Вторая мировая война представляет собой чрезвычайно важный этап. Хомский просит нас, например, сопереживать народам третьего мира: для них этот мировой конфликт выглядел как кровавая разборка между разбойниками, воевавшими за территориальную добычу вроде Гонконга и Перл-Харбора, которые эти разбойники – колониальные державы – вырвали у третьей стороны⁴. Идеи Хомского, Уильямса, Колко и прежде всего Паренти вместе составляют парадигму, общую теорию, на которой основано данное исследование: развитие капиталистического хозяйства Соединенных Штатов Америки требует, чтобы американские социальные, экономические и, соответственно, политические элиты последовательно проводили свои классовые интересы у себя дома и за рубежом с помощью демократов или диктаторов, мирными средствами или с применением насилия и без особого учета ценностей демократии, свободы и справедливости, которые Америка якобы так яро защищает.

Это исследование не является идеально объективным, да это и неизбежно, ведь его тема – не физическое явление вроде движения планеты вокруг Солнца, другими словами, не феномен такого рода, который можно полностью объективно исследовать, что долгое время считали возможным, пока Гейзенберг не показал иллюзорность подобной веры. Наше исследование фокусируется на исторической драме, от которой не просто дистанцироваться, драме, к которой невозможно отнестись с совершенно прохладной

объективностью. Полностью объективных исторических интерпретаций просто не существует. Однако в отношении объективности у данного исследования есть некоторые скромные заслуги. Во-первых, многое из того, что претендует на объективность, в реальности не более чем, как пишет Паренти, «установленное знакомство и единодушие в предвзятости», «ортодоксальность доминирующей точки зрения, которая выставляется напоказ как объективная»; от подобной ложной объективности эта книга гарантированно полностью свободна⁵. Кроме того, читатель, несомненно, будет рад заметить отсутствие откровенной субъективности, которая была так характерна для большинства работ основного течения в исторической науке эпохи «холодной войны», когда некоторые вещи просто нельзя было сказать. Например, в настоящее время автор может упомянуть тот бесспорный исторический факт, что Советский Союз внес наибольший вклад в победу союзников над фашистской Германией, без того, чтобы прослыть за это марионеткой Москвы. Гораздо более объективный взгляд на историю Второй мировой войны стал возможным после окончания «холодной войны», и эта большая объективность, как мы надеемся, отразилась на страницах этой книги.

Но достаточно об объективности. Исследованию-синтезу присущи и другие качества, которые важно упомянуть. Во-первых, толкование нацелено на большую свободу от противоречий, оно должно быть максимально последовательным. Во-вторых, мы вправе рассчитывать, что новая интерпретация объяснит нам некоторые события и обстоятельства, которые было нельзя или трудно истолковать в свете других интерпретаций. Другими словами, важнейшим качеством любого исследования-синтеза является его

убедительность в сравнении с другими работами. Каждый читатель должен решить для себя, насколько убедительна наша интерпретация по сравнению с другими.

Наконец, надо отметить, что это исследование, помимо всего прочего, в значительной степени является результатом долгих дискуссий – с преподавателями и студентами североамериканских университетов, с друзьями и незнакомыми людьми в барах и самолетах, с другими попутчиками – иногда ветеранами войны – во время посещения мест сражений и воинских кладбищ, от Монте-Кассино до Нормандии и Перл-Харбора, концентрационных лагерей, таких, как Бухенвальд, и других памятных мест Второй мировой войны. Именно благодаря таким дискуссиям образ Второй мировой войны в целом и роль Соединенных Штатов в частности претерпели постепенное изменение и начали все более отличаться от традиционной интерпретации, которая и так многократно предлагается – пусть и с небольшими вариациями – в широко распространенных исследованиях. То есть в этой книге Вторая мировая война представлена не в обычной манере – как «хорошая война», как великий американский «крестовый поход» против фашизма и милитаризма, но как конфликт, в котором на карту были поставлены деловые интересы, деньги и прибыль.

Глава 1

Введение. Америка и миф о «великом крестовом походе»

Всем известно, что Соединенные Штаты внесли большой вклад в победу союзников над немецким фашизмом, в разгром европейского фашизма в целом и, конечно, в разгром японского милитаризма. Не менее известным является тот факт, что значительная часть Европы была освобождена самими американцами. В силу этого та благодарность и доброжелательность, которыми они могли наслаждаться в послевоенной Европе, конечно, не были незаслуженными. Но почему Соединенные Штаты действительно вступили в эту войну? Многие, если не большинство европейцев, никогда не узнают ответ на этот вопрос ни в начальной, ни в средней школе: история, которая там преподается, предпочитает уделять внимание славным деяниям Цезаря, Колумба и других героев из далекого и, следовательно, безопасного прошлого, а не потрясшим нашу Землю драматическим событиям близкого XX века. В любом случае европейские школьники никогда не узнают многого из истории – давайте признаемся в этом – важной, но далекой от нас страны – Соединенных Штатов Америки, края ковбоев и индейцев, бандитов и кинозвезд, и не в последнюю очередь страны, о которой так часто утверждают – утверждают совершенно ошибочно, но с полной уверенностью, – что у нее вообще-то не слишком много истории.

Что мы знаем или, точнее говоря, предполагаем: о роли Соединенных Штатов во время Второй мировой войны, мы, кажется, узнали прежде всего от Голливуда, то есть от американской киноиндустрии. Бесчисленные

популярные фильмы на военную тематику, снятые в Голливуде пятидесятых и шестидесятых годов, такие, как эпос о дне высадки союзников в Нормандии, 6 июня 1944 года, – «Самый длинный день», распространяют без каких бы то ни было нюансов, но зато очень эффективным способом идею, что идеалистичные США вступили в войну ради восстановления свободы и справедливости в Европе и почти во всем мире⁶. Уже во время самой войны именно так американские власти начали представлять причины участия в войне американскому народу и всему остальному миру. Генерал Эйзенхауэр, главнокомандующий армии западных союзников в Европе, любил описывать вмешательство его страны во Вторую Мировую войну как «великий крестовый поход», а президент Франклин Д. Рузвельт говорил о войне, в которой Америка якобы боролась за такие ценности, как свобода, справедливость и даже, как он однажды выразился со всей искренностью, «наша религия»⁷.

Как правило, принято считать, что военные цели США и их трансатлантического британского партнера лучше всего представлены в Атлантической хартии – документе, с которым совместно выступили американский президент Франклин Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль во время их встречи на линкоре в прибрежных водах Ньюфаундленда 14 августа 1941. В тот момент Вашингтон, хотя и не находился официально в состоянии войны, действовал как де-факто союзник Великобритании из-за его активной моральной и материальной поддержки англичан. В этой «хартии» два партнера заявили, что они выступают против нацистской Германии ради самоопределения всех народов и ради так называемых «четырех свобод», а

именно свободы слова, свободы религии, свободы от нужды и свободы от страха.

Тем не менее к этим красивым (и очень неопределенным) словам нельзя относиться с доверием. Вашингтон и Лондон явно не были намерены позволить населению своих собственных колониальных (или полуколониальных владений) и протекторатов, таких, как Британская Индия или находящиеся под американским гнетом Филиппины, пользоваться всеми этими свободами. В любом случае провозглашение Атлантической Хартии послужило поводом для запуска в оборот идеи о том, что Америка вместе со своим британским союзником якобы боролась за свободу и справедливость, и эта идея активно начала распространяться в последовавшие за встречей союзников у побережья Ньюфаундленда месяцы и годы. Иллюстрация, созданная популярным американским художником Норманом Роквеллом, послужила в качестве важного инструмента в этом мифотворческом процессе. Сентиментальное изображение Роквеллом «четырех свобод» впервые появилось в популярном журнале “Saturday Evening Post”, и миллионы копий были впоследствии распространены в Америке и за рубежом в виде плакатов, которые тогда еще были очень важным средством пропаганды.

Бесчисленное множество людей, причем не только американцев, таким образом, пришло к выводу, что Соединенные Штаты решили осуществить «божественную миссию, чтобы спасти мир», как заявил философ и историк И. Берлин, бывший в то время британским дипломатом в Вашингтоне, в своем докладе в Лондоне⁸. Таким образом, официальный дискурс породил официальную «истину», или, скорее, официальную мифологию, в соответствии с которой

чисто идеалистические мотивы определили роль Соединенные Штаты во время Второй мировой войны.

Такая мифология широко распространилась по всему миру во время и после войны не только благодаря плакатам Роквелла, голливудским фильмам на военную тематику, многочисленным американским документальным фильмам о Второй мировой войне и таким американским изданиям, как "The Saturday Evening Post", "Life", и читателям «Дайджеста». В странах, которые на самом деле были освобождены американцами, драматические слова Рузвельта и Эйзенхауэра о свободе и справедливости нашли заинтересованный отзыв в официальном языке местных высокопоставленных лиц, используемом ежегодно во время празднований под сенью американских военных мемориалов в Нормандии, в бельгийских Арденнах и в других местах. Подобные «проповеди» также служат для закрепления той же самой «удобной» официальной «истины» в сознании многих благодарных граждан и усердных школьников, которые с верой и правдой присутствуют на этих церемониях.

Американские (а также британские и канадские) ветераны войны, посещающие такие церемонии, как правило, польщены такой официальной похвалой. Тем не менее сделанные в неформальной обстановке, иногда даже циничные замечания ветеранов войны показывают, что они, безусловно, не шли на войну из-за каких бы то ни было идеалистических побуждений. Кроме того, из устных рассказов, таких, как история американского автора Стадса Теркеля, а также из ряда замечательных исследований мотивации и поведения американских солдат во время войны также становится ясно, что обычные американские солдаты – так называемые «джи-аи» – взяли в руки оружие по самым различным причинам, но, безусловно, не из желания уничтожить фашизм и милитаризм и восстановить

демократию и справедливость в Европе, как уверяет официальная мифология.

Накануне Второй мировой войны большинство американцев просто не были настроены на крестовый поход против фашизма в целом и ее немецкую разновидность – гитлеровского национал-социализма (нацизма) – в частности. Они мало или вообще ничего не знали обо всех этих европейских «измах», а самим им непосредственно фашизм не угрожал. Не волновал их и милитаризм, будь то немецкий или японский: в конце концов, в самих Соединенных Штатах милитаризм и насилие традиционно прославлялись, а не осуждались. Джи-аи, кстати, позже жаловались, что они впервые познакомились с фашистской (или, по крайней мере, квазифашистской) практикой именно в своей собственной армии в виде ежедневных мелких унижений и плохого обращения, того, что стало известно как «дедовщина»⁹. Большинство американских солдат также мало знали о людях и странах, которые они освободили, да и не интересовались ими.

Знаменитый генерал Паттон – способный военачальник, который, однако, страдал манией величия и терроризировал своих солдат масштабной дедовщиной, был совершенно точно не единственным американцем, который проявлял больше сочувствия к немецким гражданам и военнослужащим, чем к голодным, больным и грязным изможденным людям, с которыми американцы столкнулись в концлагерях¹⁰.

Предыдущему поколению американцев внушали, что Первая мировая война была «войной за то, чтобы покончить со всеми войнами», или, как заявил президент Вильсон, «войной за демократию». Однако исход ужасной резни показал всю ложь этой красивой фразеологии, и мировоззрение разочарованной Америки

в двадцатые и тридцатые годы было поэтому решительно антивоенным¹¹. Поколение американцев, на долю которого выпало участвовать в «Великой войне», больше не было восприимчивым к идеалистическим фразам Вильсона, которые теперь хлынули из уст Рузвельта и Эйзенхауэра. Люди этого поколения на самом деле не знали, за что они боролись; на идеологическом уровне его представители боролись, как выразился американский историк (и ветеран войны) Пол Фасселл, «в вакууме». Он же пишет: «Войска на поле битвы не были настроены ни возвышенно, ни низменно. Они вообще не были никак настроены». Американские солдаты не хотели этой войны, и они не хотели бороться за красивые идеалы свободы, справедливости и демократии, они боролись, чтобы выжить, чтобы выиграть войну, для того, чтобы положить ей конец, для того, чтобы иметь возможность оставить армию, для того, чтобы иметь возможность вернуться домой. Когда они слышали идеалистическое объяснение войны, они, как правило, отвечали на это выразительным и кратким: “Чушь!” Солдатами руководила абсурдная, но неотразимая логика, – как пишет Фасселл. – Чтобы попасть домой, надо было закончить войну. Завершение войны было причиной того, ради чего вы воевали. Единственной причиной»¹². Тот же мотив пронизывает фильм «Спасти рядового Райана», в котором один из американских солдат замечает, что они боролись «за право вернуться домой»¹³. У большинства американского гражданского населения тоже не было четкого представления, о чем, собственно, шла речь в этой войне. Опрос Гэллапа сентября 1942 года показал, что 40 процентов американцев вообще не имели понятия, почему их страна была вовлечена в войну, и что менее чем одна четверть американцев вообще когда-либо слышала об

«Атлантической хартии». Только 7 процентов смогли назвать одну из перечисленных в ней «четырёх свобод». Для американского народа война была не крестовым походом за свободу и демократия, а просто, как писал журнал «Fortune», «болезненной необходимостью», прискорбной, но неизбежной неприятностью¹⁴.

На самом деле неважно, что думали американские солдаты или гражданское население, потому что их мнение не играло роли в процессе принятия решений, которые привели к вступлению их страны в Вторую мировую войну. Соединенные Штаты представляют собой демократию в том смысле, что американским мужчинам и женщинам время от времени позволяется избрать республиканских либо демократических кандидатов на пост президента и в члены Конгресса; они на самом деле пользуются этим правом, если для них имеют значение зачастую весьма тонкие различия между двумя политическими партиями, но это явно относится к не очень-то высокому проценту американцев. В любом случае существование избирательного ритуала не означает, что рядовые граждане США имеют большое влияние в коридорах власти в Белом доме, Капитолии, Пентагоне или где-нибудь еще в Вашингтоне. Решения американского правительства, касающиеся внутренней и внешней политики, как правило, являются лишь весьма бледным отражением мнений и интересов простых американцев.

С другой стороны, было бы также неверно полагать, что президент монополизирует процесс принятия решений, подобно всемогущему диктатору, хотя он широко считается «самым влиятельным человеком на Земле». В действительности американские президенты пользуются гораздо меньшей властью, чем обычно предполагается; они не могут рассчитывать даже на автоматическую поддержку членов их собственной

партии в Палате представителей и Сенате, и они также должны принимать во внимание мнения генералов Пентагона, влиятельных членов кабинета, высокопоставленных чиновников, СМИ и различных мощных лоббистских групп. Кроме того, уже не секрет, что ФБР и ЦРУ зачастую преследуют официальные и неофициальные американские политические цели дома и за рубежом, иногда без ведома «арендатора» Белого дома. Поэтому американская политика во время войны не должна объясняться как в первую очередь зависящая от личных мотивов и целей президента Рузвельта, как это обычно делается многими историками, которые до сих пор придерживаются распространенного в девятнадцатом веке понятия, что «великие люди» определяют ход истории¹⁵. Этот вид исторических исследований недостаточно принимает во внимание неназванные экономические и социальные факторы, которые для отдельных лиц – «великих людей», таких, как Наполеон, Гитлер, Черчилль или Рузвельт, дают возможность играть ведущую роль в исторической драме того или иного определенного периода. История, таким образом, слишком часто вырождается в биографии. Данная работа, в отличие от них, исходит из того, что история, скорее, определяет, кто станет великими людьми, чем великие люди определяют курс истории. Поэтому мы стремимся понять роль Америки во Второй мировой войне в свете внутренних сил в американском обществе, чья важность далеко превосходит любого, даже важного, по общему признанию, президента, например, Рузвельта.

В Америке важные общественно-политические решения не принимаются ни президентом в одиночку, ни американским народом в целом. Как писал Майкл Паренти, Соединенные Штаты можно определить, как «демократию для немногих», то есть государство,

которое во многих отношениях выглядит как демократия, но в котором за веревочки дергает лишь небольшая группа обладающих властью, как правило, очень богатых людей. То, что Америка делает или не делает, как правило, отражает и продвигает интересы политической, социальной, экономической и военной элиты страны – того, что описывается как «правлящая элита» в одноименной книге Ч. Райт-Миллса, хорошо известного социолога, который преподавал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Как писал Миллс, члены этой правящей элиты власти «правят крупнейшими иерархиями и организациями современного общества. Они правят подлинным треугольником власти». Но в то время как Миллс, как правило, считает, что все «отряды» правящей элиты – «вояки», «политиканы», «корпоративные богачи» и так далее – примерно равны по своей власти и важности, данное исследование подчеркивает ведущую роль экономических интересов и, следовательно, элиты экономической. С нашей точки зрения, правящая элита США мотивируется прежде всего экономическими интересами, интересами бизнеса, и ее подлинными нервными центрами являются крупные американские корпорации, такие, как Ford, General Motors (GM), ITT и IBM, которых часто коллективно именуют «большой бизнес». Эти крупные корпорации пользуются огромным влиянием в Вашингтоне, и не будет преувеличением сказать, что во многом американское государство, прежде всего, служит их потребностям и продвигает их интересы. Учитывая, что правящая элита США действует прежде всего в интересах американских корпораций, Соединенные Штаты, действительно, можно назвать «корпоративным государством», как пишет Майкл Паренти. Так обстояли дела уже задолго до Второй мировой войны, в двадцатые годы, когда

президент Калвин Кулидж категорично, но откровенно заявил, что «дело Америки – это бизнес».

Каковы интересы промышленности Америки, предприятий Америки, корпораций страны? И как американское государство должно их защищать и продвигать? Сегодня, как и в прошлом, руководители корпоративной Америки ожидают, что внутренняя и внешняя политика их страны будет направлена на удаление ограничений на все виды бизнеса так, чтобы держать американских рабочих как можно более послушными, чтобы они работали за как можно более низкую заработную плату, чтобы она обеспечивала источники сырья, а также рынки сбыта для американской продукции и сводила к минимуму риски отечественной и зарубежной конкуренции, и так, чтобы американские корпорации (и индивидуальные предприниматели) могли получать максимально возможные прибыли. В других странах крупный бизнес ожидает аналогичной политики от своего политического руководства такой же преданности делу получения прибыли и так далее. То же самое ожидается от наднациональных бюрократических организаций, таких, как Европейский союз, которые взяли на себя многие, если не все, важные функции национальных правительств, избираемых более или менее демократически и, следовательно, не абсолютно надежных с корпоративной точки зрения. Тем не менее нет, пожалуй, ни одной крупной страной в мире, где бизнес имел бы столько же влияния на правительство, как в Соединенных Штатах, и где правительство так старалось бы обеспечить бизнесу «полную свободу», где капитализм был бы настолько же, по-настоящему «неограниченным». И несмотря на это представители американского бизнеса не перестают жаловаться, что Вашингтон недостаточно чувствителен к их корпоративным ожиданиям.

Естественно, что в рядах правящей элиты есть различия во мнениях (как это было и в тридцатые, и сороковые годы) о том, как лучше всего достигнуть эти корпоративные цели, о том, как государство может лучше служить делу получения прибыли, делу «накопления капитала». Как и везде в мире, бизнес в США не является монолитным, но разделен внутри самого себя не только на бесчисленные предприятия, большие и маленькие, но и, что более важно, на фракции с конфликтующими интересами и потому очень разными мнениями о всевозможных вопросах внутренней и внешней политики. (Некоторые авторы употребляют в этом отношении термин «элитный плюрализм»). Так, в 1939 году некоторые фракции корпоративной Америки считали, что они выиграют от продолжения нейтральности, а другие ожидали преимущества от союза с Великобританией. Традиционное соперничество между Республиканской и Демократической партиями также отражает важное различие между теми, кто ожидает «спасения» от последовательного применения принципов невмешательства, и теми, кто верит в мудрость более интервенционистского и социально ориентированного курс государственной политики.

Учитывая эту фрагментацию американского бизнеса и давление на лиц, определяющих курс государственной политики, из других источников, таких, как профсоюзы и средства массовой информации, и полученные в результате этого уступки и компромиссы, ни внутренняя, ни внешняя политика Вашингтона никогда не приведет в восторг все существующие бизнес-группировки. Вместо этого она постоянно подвергается всевозможной критике. Американское правительство просто не может удовлетворить бизнес независимо от того, как старательно оно пытается это сделать, но именно из-за

этого менее вероятно, что широкая общественность сможет заметить, как политика Вашингтона, будь то выработанная республиканцами или демократами, последовательно стремится служить корпоративным интересам. И поэтому американскому народу так легко внушить официальную мифологию, которая провозглашает, что его политическая система плюралистическая, в которой все заинтересованные группы – бизнес, профсоюзы, фермеры и так далее – вносят примерно равный вклад в общественно-политический процесс таким образом, что власть широко рассредоточена, а не сконцентрирована в руках элиты¹⁶.

Данное исследование ставит своей целью объяснить, почему и как после войны, которая разразилась в Европе в 1939 году, интересы правящей элиты Америки поначалу лучше удовлетворялись нейтралитетом, но в конечном итоге еще лучше послужило им активное участие Америки в войне. Наше внимание будет, таким образом, сосредоточено на решающих экономических и социальных вопросах, которые стояли перед Америкой в тридцатые и сороковые годы, наполняя правящую элиту этой страны страхами, но также и надеждами, которые определили курс внутренней и внешней политики Вашингтона и в конечном итоге привели к войне с Японией и Германией. Наиболее важные военные события будут представлены и объяснены в рамках этой структуры, но не будут рассматриваться в этой книге подробно; поклонники боевых мелочей смогут найти их – вместе с обилием иллюстраций – в бесчисленных публикациях, которые почти исключительно посвящены военным аспектам Второй мировой войны и освещают их с американской точки зрения.

Те, кто изучал историю Второй мировой войны с помощью дидактического материала, доступного в Голливуде и из «Reader's Digest», возможно, воспримут это исследование как антиамериканское, но в действительности это не так. Прежде всего, данная работа основывается – но никоим образом не исключительно – на американских источниках, и вдохновение, основная парадигма, большинство данных и многие конкретные сведения были почерпнуты нами у американских авторов. Кроме того, эта книга является отнюдь не обличительной проповедью против США как таковых и, конечно, не против американского народа, то есть мужчин и женщин, гражданских лиц и солдат, которые принесли жертвы для победы в этой титанической борьбе с крайне опасным врагом. Напротив, симпатия к тем невоспетым героям на самом деле является здесь важным лейтмотивом. Это исследование, действительно, предлагает очень критический взгляд на роль правящей элиты США и политику, проводимую американским правительством до, во время и даже после Второй мировой войны. Это также далеко от антиамериканизма, потому что сами американцы не устают критиковать действия своего правительства и роль политической, социальной и экономические элиты страны, которая имеет такое огромное влияние на эти действия. Очевидно, что нельзя назвать «антигерманским» осуждение политики нацистов, которые правили этой страной с 1933 по 1945 год, что критика Франко не является «анти-испанской» и так далее. Также критически рассматривается здесь мифология о роли Соединенных Штатов в войне, мифология, которая спустя более полувека после окончания потрясшего весь мир конфликта по-прежнему распространяется в качестве «официальной правды» не только в самой Америке, но и в Европе, и практически по всему миру. Возможно, эта

официальная «правда» может польстить какой-то части честолюбивых американцев, но в действительности она не оказывает услуги США, и поэтому ее нельзя считать проамериканский. Причина этого заключается в том, что Америке полезнее было бы бросить критической и реалистичный взгляд на ее собственную недавнюю историю, чем верить в мифы и иллюзии. Это также относится к Германии и Японии, странам, которые часто упрекают – в частности, это делают американские чиновники, ученые и журналисты – за их нежелание участвовать в критическом историческом самоанализе в отношении Второй мировой войны. Эта война определенно была не простым противостоянием черного и белого, добра и зла, а сложной исторической драмой, из которой ни один из ее участников не вышел с «чистыми руками», хотя очевидно, что по сравнению с беспрецедентными преступлениями нацистов проступки их антагонистов представляют собой лишь незначительные нарушения. Следовательно, она обязывает не только побежденных, но и победителей, в том числе американцев, критически относиться к своей военной истории. И автоматическое осуждение критического анализа роли Америки во Второй мировой войне как «антиамериканского» так же неверно, как и быстрое осуждение некритического, «позволяющего себя хорошо почувствовать» проамериканского взгляда. Наконец, в нынешнюю эпоху глобализации, истоки которой будут прослежены в этой книге во Второй мировой войне, нас всех глубоко затрагивает политика единственной сверхдержавы в мире; и потому то, какую позицию мы займем, хотелось бы надеяться, сможет каким-то образом повлиять на эту политику. Поэтому это не только наше право, но и наша обязанность тщательно и критически изучать ту роль, которую сыграл Вашингтон на сцене недавней мировой истории.

Глава 2

Находящаяся у власти в Америке элита и фашизм

Обоснованно или неправоммерно, но Соединенные Штаты уже давно считаются – и сами считают себя – колыбелью свободы и демократии. В силу этого понятно, почему традиционная историческая наука, как правило, предполагает, что в кризисе, кульминацией которого стала Вторая мировая война, Америка с самого начала была на стороне свободы, демократии и справедливости, противостояв фашистской диктатуре, хотя почему-то она не вступила в войну вплоть до довольно поздней ее стадии. И хотя бесчисленное множество людей по обе стороны Атлантического океан принимают эту точку зрения просто потому, что она вызывает у них такие приятные чувства, более внимательное рассмотрение проблемы показывает, что историческая реальность этому совершенно не соответствует.

Прежде всего, хотя американские власти всегда заявляли о своей любви к демократии в теории, они частенько проявляли предпочтение диктатуре на практике. В одной только Латинской Америке, задолго до Второй мировой Войны, смогли начать свою длительную карьеру благодаря активной поддержке, полученной ими от дяди Сэма, многочисленные диктаторы, такие, как Трухильо (в Доминиканской Республике) и Сомоса (Никарагуа). Более того, даже после Второй мировой войны и травмирующего опыта с фашистами вроде Гитлера и Муссолини, в то время, когда Америка стала лидером международного сообщества, с гордостью именуя себя «свободный

мир», Вашингтон вполне терпимо относился к присутствию в этом сообществе таких жестоких гражданских и военных диктатур, как, например, в Испании, Португалии, Греции, Турции, Иране, на Тайване, в Индонезии, на Филиппинах, в Аргентине и Чили (а также в Южной Корее. – Прим. перев.). В действительности многие из этих диктаторских режимов были бы не в состоянии выжить так долго, как им это удалось, без активной поддержки американского правительства и его «экспертов по борьбе с повстанцами»¹⁷.

Перейдем к делу немецких и итальянских фашистских диктатур в тридцатые годы, которые имеют гораздо большее отношение к теме данной работы. К сожалению, эти диктатуры пользовались гораздо большей симпатией и даже восхищением в Америке, чем обычно принято считать, причем не только в тридцатые годы, но и вплоть до самого момента провозглашения Гитлером войны против США в конце 1941 года. Вряд ли является секретом, что многие американцы немецкого или итальянского происхождения обожали фюрера и дуче. Гораздо меньше известно, однако, о том, что фашизмом была очень увлечена католическая часть американцев и, что более важно, американская верхушка.

На миллионы американских католиков – большинство из них ирландского, польского и итальянского происхождения, – несомненно, повлиял пример Рима. Уже в двадцатые годы Ватикан с энтузиазмом одобрил режим Муссолини. Приход дуче к власти произошел не в результате широко разрекламированного «марша на Рим», который на самом деле был фарсом, а с помощью активной поддержки Папы Римского, а также итальянского короля, армии, крупных землевладельцев и других

столпов итальянской правящей элиты. Путем учреждения фашистской диктатуры эта элита пыталась подавить революционное движение, которое угрожало изменить коренным образом Италию и положить конец власти и привилегиям элиты страны. Благоприятное отношение Ватикана к фашизму также резко проявилось в конкордате, заключенном им с нацистской Германией еще 20 июля 1933, спустя лишь полгода после прихода Гитлера к власти. Это была инициатива кардинала Эудженио Пачелли, бывшего папского нунция в Германии, который позже стал Папой Пием XII. Этот конкордат стал первым крупным дипломатическим триумфом Гитлера, и это узаконило его режим в глазах католической части немцев; а также совершенно естественно было воспринято американскими католиками как своего рода *Nihil obstat* («зеленый свет») для национал-социализма и фашизма в целом. Кроме того, многие влиятельные американские прелаты последовали примеру Ватикана и открыто провозгласили свои симпатии к Муссолини и Гитлеру; так было в случае с Джорджем Мунделейном, архиепископом Чикаго, и с Фрэнсисом Спеллманом, помощником епископа Бостона начиная с 1932 года, который затем стал известным архиепископом Нью-Йорка. Если католические американцы, как правило, имели благоприятное мнение о фашистских диктаторах, то, безусловно, это было потому, что католической церковной элите нравился фашизм, и она поддерживала его. Гораздо более важным, с нашей точки зрения, однако, является тот факт, что многие члены социальной, экономической и политической элиты США также проявили себя поклонниками Муссолини и Гитлера¹⁸.

Как и их немецкие «собратья», богатые и консервативные американцы первоначально с

подозрением отнеслись к Гитлеру, плебейской выскочке, чья идеология называлась «*национал-социализмом*», чья партия определила себя как *Рабочая партия*, и кто говорил грозно об осуществлении «революционных» перемен. Однако опять же, подобно своим немецким «собратьям», они скоро поняли, что фашизм «тевтонского типа» Гитлера, как и любая другая разновидность фашизма, является не революционным, а консервативным и даже реакционным по своей природе и, следовательно, потенциально может быть чрезвычайно полезен для их целей. Более того, после массивной финансовой и политической поддержки со стороны немецкого эстеблишмента, которая сделала возможным приход Гитлера к власти¹⁹, американская и международные элиты обнаружили, к своему большому удовлетворению, что Гитлер в самом деле повел себя крайне консервативно в социальном и экономическом отношениях. Так называемая нацистская «революция» не сделала ничего угрожающего социальным и экономическим привилегиям немецких элит, а за потерю своей политической власти эти элиты получили более чем достаточную компенсацию в виде безжалостной ликвидации профсоюзов и всех левых политических партий. «Богемский Капрал», как президент Германии фон Гинденбург снисходительно называл Гитлера, прежде чем его полезность была открыта для себя немецким эстеблишментом, оказалось, не имеет ничего против принципа частной собственности – краеугольного камня капиталистической системы. Не случайно огромная надпись над главными воротами в концлагере Бухенвальд, где заключенные якобы «перевоспитывались» в духе доктрины национал-

социализма, гласила: «Jedem Das Seine», то есть «каждому – свое».

Такой лозунг произвел бы хорошее впечатление на собственников, акционеров, и менеджеров бесчисленных фирм Америки, больших и малых. Большинство американских компаний переживали очень трудные времена в тридцатые годы, то есть во время тяжелого экономического кризиса, который вошел в историю как Великая депрессия. Вину за эти тяжелые времена часто возлагали на якобы «жадные» профсоюзы, на чернокожих, которые, как утверждалось, «крадут» рабочие места у белых, или на «алчных» евреев. Американцы, которые видели мир через такую призму, ощущали родственную душу в Гитлере, который так же обвинял «козлов отпущения» во всех бедах Германии, и, таким образом, они восхищались им как проницательным человеком, политиком, который осмелился говорить правду, и лидером, который, не колеблясь, прибегал к жестким мерам, необходимым в данной ситуации.

На американских бизнесменов особое впечатление произвели два «достижения» Гитлера. Во-первых, после прихода к власти в начале 1933 года он сразу же запретил социалистические и коммунистические партии и распустил профсоюзы. Во-вторых, в течение последующих лет он вывел Германию из пустыни Великой депрессии с помощью необычных, но казавшихся очень эффективными методов, таких, как строительство автомобильных дорог и другие общественные работы, и, прежде всего, крупное перевооружение страны. Немецкий диктатор и его фашистские идеи особенно нравились и вызывали восхищение у собственников, менеджеров и акционеров тех американских предприятий, которые уже сделали значительные инвестиции в Германию или вступили в совместные предприятия или стратегическое

партнерство с немецкими фирмами в 1920-х годах. Их немецкие дочерние компании и (или) партнерские фирмы, например: завод по розливу кока-колы в Эссене, автомобильный завод Opel General Motors в Рюссельсхайме недалеко от Майнца, завод Форда Ford-Werke в Кельне, объекты IBM в Берлине или печально известной немецкий партнер Standard Oil, IG Farben, процветали в годы гитлеровского режима, уничтожившего профсоюзы и вызвавшего поток заказов своей программой перевооружения, с которым можно было заключать все виды высокоприбыльных сделок благодаря услугам таких коррумпированных нацистских бонз, как Герман Геринг, недобросовестных банкиров, таких, как печально известный Яльмар Шахт, и финансовых учреждений в самой Германии или в Швейцарии²⁰. Немецкий филиал Coca-Cola, например, увеличил свои продажи с 243.000 ящиков в 1934 году до 4,5 миллиона ящиков к 1939. Этот успех во многом объяснялся тем, что, как объяснял любовавшийся Гитлером и подражавший ему национальный менеджер Макс Кит, безалкогольный напиток с кофеином показал себя функциональной альтернативой пиву для освежения рабочих в Германии, от которых требовалось, чтобы они «работали все упорнее и быстрее». В гитлеровском Третьем рейхе, где профсоюзы и политические партии рабочего класса были запрещены, рабочие «немногим отличались от крепостных, было запрещено не только бастовать, но и менять работу, и их заработная плата была преднамеренно довольно низкой». Это, как пишет Марк Пендерграст, в сочетании с увеличением объема продаж значительно повысило рентабельность Coca Cola, как и в случае со всеми корпорациями, которые действовали в Германии²¹.

Немецкий филиал Форда, Ford-Werke, который нес тяжелые финансовые потери в начале тридцатых годов, впечатляюще увеличил свою годовую прибыль под эгидой гитлеровского режима – с жалких 63,000 RM (рейхсмарок) в 1935 году до вызывающих уважение цифр в 1.287.800 RM в 1939-м. Этот успех объясняется не только прибыльными государственными контрактами в рамках гитлеровской программы перевооружения Германии, но и ликвидацией Гитлером профсоюзов и партий рабочего класса, что позволило сократить затраты на рабочую силу от 15 процентов всего объема бизнеса в 1933 году до всего лишь 11 процентов в 1938 году. Что касается общего объема активов Ford-Werke, они между 1933 и 1939 годами росли как грибы – с 25.8 до 60.4 миллионов RM. (Официальный обменный курс на то время был 2.5 RM за один доллар, а курс доллара в конце тридцатых годов был примерно в семь раз выше, чем в настоящее время).

Заводу Opel, принадлежавшему GM, в Третьем рейхе повезло еще больше. Доля компании Opel на германском автомобильном рынке выросла с 35 процентов в 1933 году до более чем 50 процентов в 1935 году, и немецкая дочерняя компания General Motors, которая несла потери в начале тридцатых годов, стала чрезвычайно прибыльной благодаря экономическому буму, вызванному программой перевооружения Гитлера. Прибыль в размере 35 млн. RM – почти 14 миллионов долларов! – была получена ею в 1938 году, через год после этого общая стоимость Opel оценивалась в 86.7 миллионов долларов, более чем в два раза больше суммы, которую GM вложила в фирму десятилетием ранее, а именно 33,3 млн. долларов²². «Немецкий филиал американского бизнеса, который несколько лет назад был почти банкротом, со временем превратился в курицу, несущую золотые яйца», – писал

Генри Эшби Тернер, известный американский историк, которого General Motors попросила написать историю ее немецкого отделения во время Третьего рейха и который опубликовал книгу на эту тему²³.

В 1939 году, накануне войны, председатель General Motors Альфред П. Слоун публично защищал ведение бизнеса в гитлеровской Германии, указывая на высокорентабельный характер операций GM в Третьем рейхе. В том же году GM и Форд вместе контролировали 70 процентов немецкого автомобильного рынка и были готовы поставлять немецкой армии все виды оборудования, необходимые в предстоящей войне²⁴.

Еще одна американская корпорация, которая процветала в гитлеровском Третьем Рейхе, – это IBM. Ее немецкий филиал, Dehomag, поставил нацистам технологию перфокарт, предшественника компьютеров, необходимую для автоматизации производства в стране, начиная от хождения поездов по графику и кончая идентификацией евреев с целью конфискации их имущества и в конечном счете их уничтожения. Эдвин Блэк документально описал эту постыдную корпоративную сагу очень подробно в своей книге «IBM и Холокост». Однако все, что было важно для IBM, – это то, что в Германии она «делала деньги», и много денег. Уже в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, Dehomag получила прибыль в размере \$ 1 миллиона, а в первые годы его правления немецкий филиал должен был заплатить IBM в Соединенных Штатах около 4,5 миллиона долларов в виде дивидендов. К концу 1938 года, когда депрессия еще была в полном разгаре, «чистая стоимость компании [Dehomag], по существу, выросла в два раза по сравнению с общим объемом инвестиций в 1934 году (с 7,7 миллионов до более чем 14 миллионов рейсхмарок), – пишет Блэк, – и ежегодный доход был в 2,3 млн. RM, или 16 процентов

рентабельности чистых активов» В 1939 прибыль Dehomag снова впечатляюще увеличилась – до около 4 млн. RM²⁵. Если основатель и председатель IBM Томас Уотсон, как и многие другие американские магнаты с активами в Германии, восхищался Гитлером, то вовсе не из-за якобы неотразимого обаяния или харизмы фюрера, а просто потому, что с Гитлером можно было «делать бизнес», и потому, что ведение бизнеса с Гитлером было очень прибыльным. Многие американские корпорации впервые инвестировали в Германии, когда эта страна был еще парламентской демократией, известной как Веймарская республика. Тем не менее число американских инвестиций в Германии значительно выросло после прихода Гитлера к власти в 1933 году и преобразования демократической Веймарской республики в фашистскую диктатуру, известную как Третий рейх. Одной из причин для этого растущего как грибы американского капиталовложения было то, что прибыль, полученная зарубежными фирмами, уже не могла быть ими вывезена, по крайней мере, в теории. В действительности это эмбарго можно было обойти с помощью таких хитростей, как выписывание немецким филиалам счетов за «роялти» и всевозможных «сборов», как мы увидим позже. В любом случае это ограничение означает, что прибыль в значительной степени реинвестировалась в Германии, например, в модернизацию существующих объектов, в строительство или приобретение новых заводов, а также в покупку облигаций Рейха и приобретение недвижимости. IBM, например, реинвестировала свою значительную прибыль в новый завод в Берлин-Лихтерфельде, в расширение своих объектов в Зиндельфингене возле Штутгарта, в многочисленные филиалы по всему Рейху, и в покупку арендной

недвижимости в Берлине и другого недвижимого имущества, и в значительные активы²⁶. Американское корпоративное присутствие в Германии, таким образом, продолжало расширяться при Гитлере, и ко времени Перл-Харбора общий размер американских инвестиций в гитлеровском Третьем Рейхе оценивался в 475 миллионов долларов²⁷. Элита около двадцати крупных и мощных американских корпораций получила огромные прибыли от связи с Германией в тридцатые годы. Эта элита включает Ford, GM, Standard Oil of New Jersey (по выражению Чарльза Хайэма, главный драгоценный камень в короне империи Рокфеллера, в настоящее время известный как Exxon)²⁸, Du Pont, Union Carbide, Westinghouse, General Electric, Goodrich, Singer, Eastman Kodak, Coca-Cola, IBM и – в последнюю очередь, но от этого не менее важную – ИТТ. Кроме того, американские корпорации также вложили сотни миллионов долларов в фашистскую Италию. Наконец, значительное число американских адвокатских контор, инвестиционных компаний и банков также активно и прибыльно участвовали в «инвестиционном наступлении» Америки в фашистских странах, среди них банки JP Morgan and Dillon, Read and Company, а также известная на Уолл-стрит юридическая фирма Sullivan and Cromwell. В числе «звезд» Sullivan and Cromwell были два брата, Джон Фостер и Аллен Даллес, о которых мы услышим позднее. Еще одним игроком в прибыльной инвестиционной «игре» США в Германии (и наоборот) был относительно небольшой и малоизвестный банк под названием Union Bank of New York. Он был тесно связан с финансово-промышленной империей Тиссена, немецкого «стального барона», без значительной финансовой поддержки которого, как известно, Гитлер никогда не смог бы прийти к власти. Этим банком руководил Прескотт Буш, отец президента

Джорджа Буша-старшего и дед президента Джорджа Дабл Ю Буша. Утверждают, что Прескотт Буш был также ярым сторонником Гитлера, которому он посылал деньги через Тиссена, и что он был вознагражден за это бизнес-сделками с фашистской Германией. Он заполучил много денег в этом процессе и использовал часть этой прибыли для того, чтобы обеспечить своему сыну Джорджу место в техасской нефтяной промышленности²⁹.

Гигантский трест Du Pont, финансовый родитель General Motors, инвестировал значительные средства в немецкую военную промышленность. Он также занимался контрабандой оружия и боеприпасов в Германию через Нидерланды и, возможно, получил прибыль больше, чем любая другая американская фирма от агрессивной политики Гитлера и его программы перевооружения. В этом контексте не удивительно, что председатель Du Pont обожал Гитлера. Однако так же, как Форд и Рокфеллер, он уже предоставлял щедрую финансовую поддержку нацистскому движению задолго до прихода Гитлера к власти в 1933 году. Другой американской корпорацией, которая пользовалась интимными отношениями с нацистским режимом, была ИТТ, чей основатель и президент, Сосфенес Бен, не скрывал своей симпатии к Гитлеру. (ИТТ сохранила свою склонность к фашистским диктаторам надолго после исчезновения Бена со сцены; ее связь с режимом Пиночета в Чили хорошо известна). Босс нефтяного гиганта Техасо, Торкилд Рибер, был еще одним влиятельным американским предпринимателем, который восхищался Гитлером, и он был также личным другом Геринга; под его руководством Техасо не только получала прибыль от всякого рода коммерческих сделок с фашистской Германией, но также помогла фашистам Франко победить в гражданской войне в

Испании с помощью поставок нефти, которые противоречили американским законам о нейтралитете³⁰. Агент немецкой разведки сообщал о Рибере, что он был «абсолютно прогерманским» и «искренним поклонником фюрера»³¹.

Конечно, был и предел любви американских бизнесменов к Гитлеру и его нацистскому режиму. Например, как традиционные сторонники свободного предпринимательства, они были принципиально против того, что нацисты регламентировали деятельность фирм в Германии, в том числе американских дочерних компаний, например, путем ограничения репатриации прибыли, и того, что принадлежавшие германским собственникам предприятия часто пользовались привилегиями по сравнению с конкурирующими предприятиями американских и других иностранных владельцев. Но это были мелкие неприятности. Высшая заслуга Гитлера в глазах практически всех лидеров корпоративной Америки была в том, что благодаря буму перевооружения их немецкие активы принесли им огромные богатства, о которых они могли только мечтать в условиях американской депрессии, и что в Третьем рейхе их не беспокоили профсоюзы, ибо они, конечно же, мешали им дома. Забастовка в американском филиале в Германии сразу же вызвала вооруженную реакцию гестапо и волну арестов и увольнений, как это было на заводе Opel в Руссельсхайме в июне 1936³². (Как писал после войны учитель и член антифашистского сопротивления в Тюрингии Отто Йенссен, корпоративные лидеры Германии были счастливы, «что страх перед концлагерями сделал немецких рабочих кроткими, как домашние собачки»³³). В свете этого можно понять, почему председатель General Motors, Уильям Кнудсен, описывал нацистскую Германию после своего визита в

1933 году, как «чудо XX века», и тот факт, что у многих других представителей американской правящей элиты нашлись слова высшей похвалы для Гитлера и его нацистского государства. Довольно многие из них даже мечтали, открыто или тайно, о появлении аналогичного фашистского «спасителя» на их стороне Атлантического океана³⁴.

Du Pont и многие другие корпорации, даже оказывали щедрую финансовую поддержку фашистским организациям в самой Америке, таким, как печально известный «Черный легион»³⁵. Расовая ненависть, пропагандируемая Гитлером, не ранила чувства американцев в двадцатые и тридцатые годы в такой степени, как это было бы в настоящее время. После отмены рабства во время Гражданской войны негры продолжали считаться низшими существами со стороны многих, которые и обращались с ними соответствующим образом, и расизм отнюдь не был универсально осуждаемым, а оставался социально приемлемым. Линчевания были обычным явлением в южных штатах в двадцатые и тридцатые годы, даже за только предполагаемые мелкие правонарушения, и даже умеренные предложения о введении законов, запрещающих линчевание, были неоднократно отклонены Конгрессом. Строгая расовая сегрегация между белыми и черными осуществлялась не только к югу от линии Мейсона – Диксона, но и в Вашингтоне, округ Колумбия, и пережила даже Вторую мировую войну. Во время войны чернокожие были вынуждены сидеть в задней части трамваев и театров в южных штатах, иногда позади немецких военнопленных. Американская армия сама изобиловала расизмом. «Белая» и «черная» плазма крови строго разделялись в больницах, и довольно многие генералы, в том числе Эйзенхауэр, Маршалл, и Паттон, были убеждены, как и

нацисты, в превосходстве белой расы. После войны черные ветераны, привезшие с войны белых жен, или, раз уж об этом зашла речь, белые ветераны, вернувшиеся с азиатскими невестами, не имели права поселиться во многих штатах, где продолжали действовать законы, запрещающие смешанные, межрасовые браки. Что касается крайне расистских теорий евгеники, которые в нацистской Германии привели ко всевозможным бесчеловечным экспериментам по «расовой гигиене», «в том числе стерилизации и эвтаназии», они нашли широкое понимание в Соединенных Штатах тридцатых годов, где иммиграционные законы, например, официально дискриминировали в отношении лиц «ненормального» происхождения»³⁶. Это «ирония истории», как пишет известный американский историк Стивен Эмброуз, что «мы боролись в самой значительной для нас войне самого расистского в мире государства при помощи расово сегрегированной армии и, сохраняя у себя дома, при помощи законов либо традиций, систему расовой сегрегации»³⁷. Так что в 1930-е годы слишком многие американцы не возражали против расизма нацистов, как было выявлено в «опросах, показывающих близость взглядов американцев к немецким понятиям расовой иерархии»³⁸. Антисемитизм Гитлера и его фашистских приспешников тоже не был для Америки большой проблемой. Антисемитизм был довольно модным в двадцатые и тридцатые годы не только в Германии, но и во многих других странах, в том числе в США. В 1930-е годы, да и позднее, слишком многие американцы сами были антисемитами и поэтому терпимо относились к нацистским антисемитским действиям, а то и симпатизировали им³⁹. Американские промышленники и банкиры и элита страны в целом не представляла собой исключения из этого общего правила. В эксклюзивные

клубы и прекрасные отели, которым они покровительствовали, например, евреи, как правило, не допускались.

Самым известным антисемитом Америки был промышленник Генри Форд, влиятельный человек, который восхищался Гитлером, поддерживал его материально и вдохновил его своей антисемитской книгой «Международное еврейство», которая была опубликована в начале двадцатых годов. Восхищение было взаимным; фюрер повесил портрет Форда в своем кабинете, признал его источником своего антисемитского вдохновения, а в 1938 году удостоил его самой высшей награды, которую нацистская Германия могла даровать иностранцу.

Форд также финансировал пронацистскую пропагандистскую кампанию, которую активно вел по всем Соединенным Штатам известный авиатор Чарльз Линдберг, друг Геринга. Еще одним страстным и влиятельным американским антисемитом был Чарльз Е. Кохлин, католический священник из Мичигана, настраивавший в ежедневной радиопередаче миллионы своих слушателей против иудаизма, который он приравнивал к большевизму точно так же, как это делал Гитлер. Что касается американских бизнесменов, то значительное их число, возможно, большинство из них, глубоко презирало политику президента Рузвельта, известную под названием «Новый курс», которую эти бизнесмены осуждали как «социалистическое» вмешательство в экономику страны. Антисемиты считали это частью еврейского заговора и клеймили «Новый курс» как «курс еврейский». Они также считали президента тайным коммунистом и, следовательно, агентом евреев, или тайным евреем, и часто называли его «Розенфельд»⁴⁰. Американские банкиры, которые посетили Германию в июне 1934 года, пожаловались

послу своей страны в Берлине, что администрация Рузвельта была «полна евреев».

Очевидно, что американские бизнесмены и банкиры не презирали нацизм или фашизм в целом за его антисемитизм; напротив, они с симпатией относились к фашистам и к Гитлеру, в частности из-за их антисемитизма. Руководимая, прямо или косвенно, такими людьми, Америка не была готова начать крестовый поход в Европе из-за гитлеровского антисемитизма. Хотя надпись на постаменте Статуи Свободы приглашает в «гавань Америки всех уставших, бедных, неприкаянных людей Земли, жаждущих дышать свободно» и хотя правительство США и считало время от времени нужным выразить свое недовольство некоторыми аспектами антисемитской политики Гитлера, очень и очень немногие еврейские беженцы из Германии получили документы, позволившие им въехать в США⁴¹. Весной 1939 года кораблю, полному беженцев из Германии, в Сент-Луисе было отказано в разрешении на высадку пассажиров в Америке или хотя бы на Кубе, которая тогда еще де-факто была протекторатом США. Корабль был вынужден вернуться в Германию, но получил разрешение в крайнем случае взять курс на Антверпен, и его еврейские пассажиры получили убежище в Бельгии, Нидерландах, Франции и Великобритании⁴². Во время войны Вашингтон также мало беспокоился о судьбе евреев в Германии и в оккупированной ею Европе, несмотря на то, что становилось все более очевидным, что осуществляется систематический геноцид. В 1945 году, во время американской оккупации Германии и непосредственно после капитуляции Германии, многочисленные выжившие в Холокосте держались в концлагерях уже американскими властями, которые систематически плохо и даже жестоко обращались с ними там. Эта

прискорбная ситуация подошла к концу только после того, как президент Трумэн был вынужден признать в сентябре 1946 года, что «мы, по-видимому, обращаемся с евреями так же, как это делали нацисты, с той единственной разницей, что мы не убиваем их», и отдал приказ вмешаться генералу Эйзенхауэру⁴³. Только уже спустя годы после окончания войны евреи начали пользоваться определенной мерой уважения в Соединенных Штатах Америки, а именно после того, как новое государство Израиль, который с его киббуцами первоначально напугал их как нежелательного рода социалистический эксперимент, проявил себя как очень полезный союзник Америки в остром гнезде Ближнего Востока⁴⁴.

Также заслуживает упоминания, что Гитлер далеко не сразу лишился значительной симпатии, которую к нему питали высшие круги в Соединенных Штатах, после того как он развязал войну, атаковав Польшу 1 сентября 1939 года, или когда в 1940 году его армия захватила Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Францию.

Когда 26 июня 1940 года немецкий торговый представитель организовал ужин в Уолдорф-Астория в Нью-Йорке, чтобы отпраздновать победы вермахта в Западной Европе, в этом вечере приняли участие ведущие промышленники, такие, как Джеймс Д. Муни, топ-менеджер из General Motors. За услуги GM нацистской Германии Муни уже был удостоен Гитлером той же медали, которую Генри Форд получил от фюрера. (Еще одним американским магнатом, который отличился заслугами перед Третьим рейхом и в результате этого получил медаль от Гитлера во время его визита в Германию в 1937 году, был Томас Уотсон из IBM.) Пять дней спустя немецкие победы снова отмечались в Нью-Йорке, на этот раз на вечеринке,

организованной упоминавшимся уже профашистским боссом Техасо Рибером. Среди лидеров корпоративной Америки, которые присутствовали на этой вечеринке, были те же Джеймс Д. Муни и сын Генри Форда, Эдсель. Тем же самым летом, которое было зенитом гитлеровской карьеры, Рибер также предоставил щедрую моральную и материальную поддержку германскому посланнику, который посетил Соединенные Штаты для того, чтобы вести пропаганду дела Третьего рейха⁴⁵.

Американские автомобильные и нефтяные магнаты праздновали триумф Германии не без причины. Без грузовиков, танков, самолетов и другого оборудования, поставлявшегося немецкими филиалами Ford и GM, и без большого количества стратегического сырья, в частности резины, а также дизельного топлива, смазочных масел и других видов горючего, поставлявшихся Техасо и Standard Oil через испанские порты, немецкие воздушные силы и пехота не смогли бы так легко победить своих противников в 1939 и 1940 годах. Альберт Шпеер, архитектор Гитлера и его министр вооружения во время войны, позже заявил, что без определенных видов синтетического топлива, которые стали доступны при помощи американских фирм, Гитлер «никогда бы не решился на вторжение в Польшу». Американский историк Брэдфорд Снелл согласен с этим; намекая на сомнительную роль швейцарских банков во время войны, он отмечает, что «нацисты смогли бы напасть на Польшу и Россию без швейцарских банков, но не без General Motors». Военные успехи Гитлера основывались на новой форме войны, *блицкриге*, состоявшем из чрезвычайно быстрых и сильно синхронизированных нападений по воздуху и по земле. Но без вышеупомянутой американской поддержки и без самых современных коммуникаций и

информационной технологии, которую обеспечили ИТТ и IBM, фюрер мог только мечтать о *blitzkriege* и *blitzsieg* («молниеносной войне» и затем «молниеносной победе»)⁴⁶.

Гитлером восхищались отнюдь не все американцы. Как и в случае с другими странами, в том числе с самой Германией, мнения о Гитлере и о фашизме в целом разделились. В Соединенных Штатах тоже было огромное количество людей, презиравших немецкого диктатора, некоторым гражданам США нравились определенные аспекты политики Гитлера, но не нравились другие ее аспекты, а были, как и сейчас, многочисленные американцы, которые просто мало или вообще не интересовались делами других стран и международными отношениями и поэтому не имели никакого особого мнения по поводу фюрера и его фашистских коллег. Кроме того, мнения о Гитлере колебались по мере взлета и падения его карьеры. После нападения на Польшу, к примеру, его престиж значительно пошел на спад в США, где в таких городах, как Чикаго, многие люди гордятся своими польскими корнями. Важно, однако, то, что до и даже после начала войны в Европе Гитлер и его национал-социализм и фашизм, в общем, пользовались непропорционально большой симпатией в рядах американской правящей элиты.

Глава 3

Америка и «красная угроза»

Американской правящей элите был по душе европейский фашизм в целом и гитлеровский нацизм в частности, потому что фашистские режимы защищали интересы крупного бизнеса (и крупного капитала). Другими словами, потому что фашизм оказался «хорошим для бизнеса». Другой, не менее важной причиной было то, что фашизм был гораздо менее неприятен для американского истеблишмента, чем его левая альтернатива, коммунизм, или «большевизм», если использовать модный в то время термин. В глазах корпоративных лидеров США коммунизм представлял собой гораздо большую опасность, чем фашизм. Кроме того, фашизм, казалось, обеспечил эффективное решение для так называемой «красной опасности». Социально-экономическая элита Европы так же смотрела на вещи; она тоже флиртовала с фашизмом в надежде на «изгнание злого духа» большевизма. Отношение к фашизму в Соединенных Штатах и в Европе можно полностью понять только в свете их отношения к коммунизму.

Когда весть о русской революции перелетела через Атлантический океан в 1917 году, еще задолго до убийственной Второй мировой войны, эта весть поляризовала американское общественное мнение. Вполне естественно, что политическая и экономическая элиты, те, кто создал американскую капиталистическую систему и получал от нее прибыль, были чистосердечно напуганы движением, имевшим своей целью свергнуть капитализм не только в России, но и во всем мире⁴⁷. С другой стороны, среди беднейших американцев и даже

среди американского среднего класса наблюдался значительный энтузиазм по отношению к революционному движению, направленному на замену капиталистической системы новой, эгалитарной социально-экономической альтернативой. Дело большевиков вызвало значительные симпатии и поддержку со стороны относительно радикального американского рабочего движения, в частности революционного профсоюза МРМ (Международные рабочие мира), и среди социалистов и анархистов Америки, которые тогда еще были многочисленными. Но и пацифисты, интеллектуалы, и другие пользующиеся уважением в обществе представители среднего класса также позитивно отреагировали на новость о «красной» революции в России. Хорошо известным примером этого является журналист Джон Рид, который стремился повлиять на американское общественное мнение в пользу Ленина и его товарищей своими заметками из России и своим бестселлером «Десять дней, которые потрясли мир»⁴⁸. «Красные», такие, как Рид и члены МРМ, были «бельмом на глазу» у американского правительства и американского истеблишмента, которые презирали большевизм и боялись, что он может вдохновить на подобное же революционное движение или по крайней мере, на требования радикальных перемен в самих Соединенных Штатах. (Аналогичный страх также преследовал элиты, находящиеся у власти в европейских странах.) Поэтому все сочувствующие большевизму беспощадно преследовались. МРМ был разогнан, и с помощью СМИ правительство организовало кампанию, направленную на то, чтобы убедить американский народ в опасности «безбожного большевизма». Пламя «красной угрозы» раздували прежде всего газеты пресс-барона Уильяма Рэндольфа Херста, который вдохновил Орсона Уэллса

на его известный фильм «Гражданин Кейн»⁴⁹. А Митчелл Палмер, генеральный прокурор якобы идеалистичного и демократического президента Вудро Вильсона, во многих отношениях расист и антидемократ, подверг преследованиям и / или суммарной депортации тысячи реальных и мнимых «красных радикалов» во время так называемых «рейдов Палмера» в 1919 – 20⁵⁰. Кроме того, американские войска присоединились к контингентам английских, французских и других иностранных войск, которые были отправлены в Россию их правительствами в 1918–1920 гг. для того, чтобы помочь сторонникам царя, «белым», в беспощадной борьбе с большевиками⁵¹. Особенно усердный помощник Палмера, Джон Эдгар Гувер, был полностью одержим идеей «красной опасности». Позже, в течение своей долгой карьеры в качестве директора ФБР, он показал себя гораздо активнее в охоте на реальных или мнимых «красных», чем в борьбе против бандитов, таких, как Аль Капоне⁵². Исследователь истории ФБР Уильям У. Тернер описывает Гувера как «Бога-Отца антикоммунистического богословия» и как человека, который искал коммунистов «под каждой кроватью»⁵³. Пятьдесят лет спустя после той давней «красной угрозы» Гувер будет продолжать охотиться на «красных» дома и даже за рубежом; в 1970-х годах ФБР хранило объемистый файл на премьер-министра Канады Трюдо, которого Гувер подозревал в том, что тот является «тайным коммунистом»⁵⁴.

В то время американское правительство сражалось с «красной угрозой» при помощи внутренних репрессий и вооруженной интервенции в России, в то время как в Европе подходила к концу Первая мировая война. Тем не менее в России большевики победили и создали новое государство, Союз Советских Социалистических

Республик (СССР). В самих Соединенных Штатах «красные» были подавлены, но не уничтожены; они пережили «борьбу с красной угрозой» и перегруппировались в новую Коммунистическую партию. Коммунизм сохранил значительную долю симпатий среди американского рабочего класса и влияние на него и стимулировал деятельность нескольких наиболее динамичных активистов в рамках профсоюзного движения⁵⁵.

Таким образом, призрак большевизма продолжал преследовать американский истеблишмент. Страх перед «красной революцией» даже вспыхнул снова, когда печально известный крах на Уолл-стрит 1929 года ознаменовал собой начало всемирного экономического кризиса, известного как Великая депрессия. Эта экономическая чума привела к беспрецедентному уровню безработицы и невыразимым страданиям. Она также подтвердила теорию Маркса о развитии и неизбежной кончине капиталистической системы – анализ, который вдохновил революционеров-большевиков. В любом случае Великая депрессия резко выявила недостатки Америки и международного капитализма, тем более, что на родине большевизма, где при Сталине шла быстрая индустриализация, не испытывали ни экономического кризиса, ни массовой безработицы. Напротив, в 1930-е годы Советский Союз испытывал настоящую промышленную революцию. Американский историк Джон Х. Баккер даже сравнил это быстрое развитие советской экономики с экономическим бумом в Западной Германии после Второй мировой войны, широко известным как «экономическое чудо»⁵⁶.

Первоначально огромные жертвы были принесены советским народом, но, согласно Роберту В. Тарстону, автору недавнего американского исследования о России

в 1930-е годы, уровень жизни людей «улучшался медленно, но неуклонно» и [был достигнут] «ощутимый прогресс к общему благополучию» после 1933 года, в то время, когда для многих американцев ситуация становилась все более отчаянной и беспросветной. Неудивительно, что американские рабочие, безработные, интеллектуалы и художники ощущали острый интерес к социализму и к коммунистической модели нового альтернативного общества, которое строилось в СССР с таким энтузиазмом и единством цели, причем успешно⁵⁷. Молодой американский писатель Малкольм Коули так озвучил эти чувства:

«На протяжении всех 1930-х годов Советский Союз был второй родиной для миллионов людей в других странах, в том числе и в нашей. Это была страна, в которой мужчины и женщины жертвовали собой для создания новой цивилизации, не только для одной России, но и для всего мира. Это была не столько страна в глазах западных радикалов, сколько воплощение идеала, веры и международной надежды на спасение»⁵⁸.

Не без причины в Соединенных Штатах тридцатые годы иногда именуют «красными тридцатыми». В некоторых отношениях это было романтизирование Советского Союза, который служил в качестве модели в Соединенных Штатах и в других странах для различных антикапиталистических планов, потому что, безусловно, очень быстрая индустриализация СССР и сопутствующее ей строительство социализма сопровождались резкой регламентацией и потребовали очень высокой человеческой и экологической цены. С другой стороны, само существование Советского Союза и значительного социально-экономического прогресса, наблюдавшегося там, а также в большей степени возможного будущего успеха большевистского

эксперимента были восприняты как реальная угроза для социальных, экономических и политических элит Америки. В конечном итоге Советы давали американским рабочим, безработным и интеллигенции источник вдохновения, а также практическую модель некапиталистического общества, неважно, насколько несовершенной она была. «Советский Союз... не рассматривался в качестве военной силы первого ранга до Второй мировой войны [и, следовательно, не считался военной угрозой], – написал американский эксперт по данному вопросу Джеймс Р. Миллар в 1980-х годах и добавил: – *«Если [СССР] и рассматривался как угроза, то это была угроза идеологическая. Страх, что [американские] рабочие, а в особенности безработные в их рядах, увидят в большевистской России предпочтительную альтернативу капитализму»*⁵⁹.

В тридцатые годы большевизм беспокоил правящую элиту Америки гораздо больше, чем фашизм и нацизм. Несмотря на революционную фразеологию, эти движения крайних правых не стремились свергнуть капиталистическую систему, но были [в состоянии] легко «примириться с американским культом свободы и индивидуализма»⁶⁰. В глазах большинства представителей американских элит большевизм был опасен, в то время как фашизм, в том числе нацизм Гитлера, не был. Кроме того, фашизм в целом и германский фашизм в частности предложил «решение» проблемы «красной опасности». Муссолини и Гитлер были откровенными врагами большевизма, которые в своих собственных странах начали политически и часто физически устранять коммунистов (а также социалистов и лидеров профсоюзов) с момента своего прихода к власти. Они показали, как избавиться от коммунистической угрозы и рабочего движения в целом, и за это ими восхищались властные элиты не

только Соединенных Штатов, но и Великобритании, Франции, и всех других стран, где эти элиты чувствовали угрозу «красной опасности» или давление со стороны профсоюзов. Именно эти соображения и стали причиной того, что традиционно находившиеся у власти элиты Италии и Германии помогли прийти там к власти Муссолини и Гитлеру⁶¹.

Кроме того, Гитлер раструбил всему миру, что он намерен рано или позже свести счеты с родиной коммунизма не для того, чтобы обеспечить Германии *lebensraum* («жизненное пространство»), а для того, чтобы избавить планету раз и навсегда от государства, которое служило в качестве источника вдохновения для «красных» по всему миру. Антибольшевизм – определявший большевизм как «еврейский заговор» – был лейтмотивом «Майн кампф», и будет справедливо сказать, что Гитлер считал уничтожение Советского Союза главной миссией своей жизни, задачей, возложенной на него самим провидением⁶². «Фундаментальным политическим убеждением Гитлера, его добровольной обязанностью с того момента, когда он начал свою политическую карьеру, – подчеркивает немецкий историк Бернд Мартин, – было искоренение большевизма»⁶³.

В 1930-е годы фюрер сосредоточился на восстановлении грозной военной мощи, потерянной Германией в результате поражения в Первой мировой войне. Таким образом, он все более и более напоминал правящим кругам своего рода могучего Зигфрида, который не только хотел, но и был в состоянии сокрушить дракона международного коммунизма – Советский Союз. Во всех развитых странах были государственные, корпоративные руководители, хозяева СМИ и другие влиятельные личности, которые открыто или скрытно поощряли его реализовать

большую антисоветскую амбицию⁶⁴. В Соединенных Штатах оценивали нацистскую Германию как страховой полис или оплот против коммунизма; например, журнал "Time", издатель которого Генри Люс считал «нацизм... противоядием против большевизма»⁶⁵. И Гитлеру рекомендовали использовать мощь Германии, чтобы уничтожить Советский Союз такие люди, как Герберт Гувер, предшественник Рузвельта в Белом доме. По словам Чарльза Хигема, Гувер потерял «обширные российские нефтяные холдинги после коммунистической Революции», и его отношение к Советскому Союзу можно было определить, как «он должен быть разрушен»⁶⁶.

Гитлер хорошо осознавал, что он был «большой белой надеждой» антикоммунизма, и он умело воспользовался этим доброжелательным отношением для того, чтобы безнаказанно нарушить Версальский мирный договор. Таким образом, после первоначальной ремилитаризации Германии в нарушение международных соглашений ему также удалось аннексировать Австрию и Чехословакию, соседние страны, чьи территории, а также человеческие и материальные ресурсы оказались полезными, а то и просто необходимыми для реализации его огромных восточных амбиций. Учитывая то, какую неоценимую услугу они от него ожидают, англичане, французы и американцы не будут мешать ему забрать его добычу, так предположил Гитлер, и он был прав. Прежде всего, в самой Европе социальные и политические элиты ожидали больших антисоветских достижений от Гитлера. В Великобритании, например, восточные амбиции фюрера пользовались на ранней стадии поддержкой уважаемых там и влиятельных политиков, таких, как Ллойд Джордж, Лорд Галифакс, Лорд Астор и его круг друзей, так называемая «Клифденская сеть»,

Монтегю Норман из Банка Англии и даже членов королевской семьи. Герцог Виндзорский, который короткое время был на престоле в 1936 году под именем Эдуарда VIII и его американская жена, Уоллис Симпсон, даже отправились в Берхтесгаден, чтобы попить чаю с Гитлером в его домике для отдыха в баварских горах, и призывали его реализовать свои амбиции, напав на Россию⁶⁷. Много позже, в 1966 году, герцог признал это:

«[Гитлер] помог мне понять, что Красная Россия [так в оригинале] – это единственный враг и что Великобритания и вся Европа должны быть заинтересованы в поощрении выступления Германии на востоке с тем, чтобы сокрушить коммунизм раз и навсегда. Я думал, что мы сами будем только наблюдать, как нацисты и красные будут бороться друг с другом»⁶⁸.

Было ясно, что герцог Виндзорский, как и практически все другие западные лидеры, надеялся увидеть нацизм победителем в этой предстоящей титанической битве. Так он пришел к печально известной политике «умиротворения», которая стала темой блестящего исследования двух канадских историков, Климента Лейбовица и Элвина Финкеля, опубликованного в 1997 году. Квинтэссенция этой политики была следующей: Великобритания и Франция игнорировали предложения Сталина по международному сотрудничеству против Гитлера и стремились с помощью всех видов дипломатических искажений и важных уступок стимулировать Гитлера в его антисоветских амбициях и содействовать их реализации. Эта политика достигла своего перигея в Мюнхенском пакте 1938 года, в результате чего Чехословакия была принесена в жертву фюреру как своего рода трамплин для военной агрессии в сторону

Москвы. Но Гитлер в конечном счете потребовал более высокую цену, чем англичане и французы были готовы заплатить, и это привело летом 1939 года к кризису вокруг Польши. Сталин, который понял истинные цели политики «умиротворения», воспользовался возможностью и заключил Пакт о ненападении с немецким диктатором, чтобы получить не только драгоценное время, но и форпосты – стратегически важное пространство в Восточной Европе, без которого СССР почти наверняка не выдержал бы натиск нацистов в 1941 году. Гитлер тогда был готов иметь дело со своим заклятым врагом, потому что он чувствовал себя обманутым Лондоном и Парижем, которые отказали ему в Польше. Таким образом, политика «умиротворения» со стороны Великобритании и Франции закончилась крахом: во-первых, потому что СССР не исчез с лица земли; а во-вторых, потому что после короткого блицкрига в Польше нацистская Германия напала на тех, кто надеялся манипулировать ею для того, чтобы избавить землю от коммунизма. Так называемая ирония истории иногда, действительно, может быть чрезвычайно жестокой⁶⁹.

Когда фиаско «умиротворения» упоминается в американских исторических исследованиях, в них, как правило, указывается на Лондон и Париж. И в самом деле, британские и французские государственные деятели, такие, как Чемберлен и Даладье, были главными архитекторами этой отвратительной политики. Об американской внешней политике в тридцатые годы, с другой стороны, нельзя сказать, что она стремилась «умиротворить» Гитлера в той же степени, и это было по ряду причин. Например, идея немецкого крестового похода против Родины коммунизма была более привлекательной для Великобритании и Франции, потому что эти страны

считали, что из этого можно будет извлечь двойную выгоду. Не только Советский Союз будет стерт с лица земли Гитлером, но и новое тевтонское «предприятие» в Восточной Европе также ликвидирует угрозу немецкого реваншизма в Европе Западной.

По другую сторону Атлантического океана страх перед немецким реваншизмом был не таким сильным фактором по сравнению с желанием увидеть Советский Союз разрушенным. Так как для Лондона и Парижа ставки были гораздо выше, Вашингтон вполне мог переложить грязную работу по «умиротворению» на своих западноевропейских коллег. Так что после фиаско этой политики американским лидерам было очень легко умыть руки и сделать вид, что они тут ни при чем. Кроме того, американская политика «умиротворения» не могла быть последовательной, потому что некоторые фракции в руководящих кругах Америки начали интересоваться развитием хороших отношений с СССР.

В тридцатые годы родина большевизма не только не стала жертвой экономического кризиса, но и ее экономика развивалась очень быстро, и это создало спрос на все виды товаров, которые Америка со своей охваченной депрессией промышленностью (или, по крайней мере, некоторые из ее секторов и корпораций) очень хотела бы сбыть. Таким образом, в то время как некоторые американские фирмы сделали ставку на немецкую карту, другие корпорации считали перспективной альтернативную стратегию экспорта в Советский Союз. Результатом стали некоторые разногласия в американской элите у власти в плане политических предпочтений: в то время как большинство ее представителей по-прежнему выступало в пользу германофильской, профашистской и антисоветской политики, в духе линии на «умиротворение», некоторые начали выступать за

нормализацию отношений с СССР и занимали менее снисходительные позиции по отношению к нацистской Германии⁷⁰.

Президент Рузвельт некоторое время заигрывал с опцией данной политики. Вскоре после его избрания на пост в ноябре 1933 года Соединенные Штаты фактически вступили в нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом, чье существование до этого в Вашингтоне не признавалось. Тем не менее силовые элиты профашистских и германофильских элементов очень сильно укоренились в Государственном департаменте, в которой доминировали антибольшевистские дипломаты и чиновники, в том числе многие из них имели тесные связи с корпорациями, вложившими инвестиции в нацистскую Германию. Эти чиновники упорно работали, продвигая прогерманский и антисоветский курс в духе «умиротворения»⁷¹. Кроме того, политика «умиротворения» пользовалась некоторой общественной поддержкой. Многие американцы не испытывали большого уважения к Версальскому договору, который никогда не был официально признан их страной, и поэтому они относились с пониманием и даже с сочувствием к некоторым территориальным претензиям Гитлера⁷². Таким образом, мы можем понять, как, несмотря на личные опасения, президент Рузвельт позволил его администрации последовать европейскому примеру, когда британские и французские «умиротворители» действовали на практике. Агрессии Гитлера игнорировались или же им находили рациональное объяснение, и, как правило, в конечном итоге Вашингтон признавал его аннексии. Аннексия Австрии, например, была узаконена американскими дипломатами и политиками как естественное и потому неизбежное развитие, которое

не имело какого бы то ни было значения для их собственной страны. Политика «умиротворения», практиковавшаяся Лондоном и Парижем, отныне скромно поддерживалась в Вашингтоне, и англо-французские уступки Гитлеру получили политическое одобрение Рузвельта⁷³. Америка, как пишет американский историк Габриэль Котко, «молчаливо, а потом и открыто последовала за британской и французской политикой “умиротворения”». После заключения Мюнхенского пакта, в результате чего Чехословакия была принесена в жертву Гитлеру, президент Рузвельт даже счел нужным публично похвалить главного «умиротворителя» Чемберлена⁷⁴.

Политика «умиротворения» рухнула в конце лета 1939 года из-за польского кризиса. «Умиротворение» теперь официально не существовало, но его призрак продолжал преследовать коридоры власти по обе стороны Атлантики. «Мюнхенцы», такие, как Чемберлен, оставались у власти в Лондоне и Париже и тайно продолжали преследовать цели этой дискредитировавшей себя политики. Общественное мнение заставило их объявить войну нацистской Германии, но это было, действительно, «странной войной», «странной маленькой войной», *drôle de guerre*, как говорили французы, или, как выражались немцы, *Sitzkrieg*, «сидячей войной», в течение которой англичане и французы просто сидели сложа руки и наблюдали, как была захвачена Польша. Лондон и Париж явно надеялась, что Гитлер в конечном итоге обернется против Советского Союза, и принимались меры, чтобы помочь ему в этой миссии. Французские и британские высокопоставленные чиновники и военные деловито строили различные планы атаки в течение зимы 1939–1940 годов, но не против Германии, а против СССР, например, в виде операции с Ближнего Востока

для захвата нефтяных месторождений Баку⁷⁵. В Соединенных Штатах также многие ведущие деятели продолжали надеяться, что Гитлер вскоре придет к соглашению с Великобританией и Францией и тогда он будет свободен, чтобы посвятить все свое внимание безраздельно Советскому Союзу. После победы Германии в Польше, например, посол Америки в Берлине, Хью Р. Уилсон, выразил надежду на то, что британцы и французы смогут разрешить свой бывший «некстати» конфликт с Германией таким образом, чтобы фюрер наконец получил возможность раздавить большевистский эксперимент Советов на благо всей западной «цивилизации».

Через несколько месяцев, 4 марта 1940 года, вышеупоминавшийся Джеймс Д. Муни, вице-президент General Motors, посетил Гитлера в Берлине в качестве неофициального посланника президента Рузвельта. Он призвал к миру в Западной Европе, но намекнул, «что американцы с пониманием относятся к позиции Германии по отношению к вопросу о жизненном пространстве», другими словами, что они не имеют ничего против его территориальных притязаний на востоке. Идея того, что Германии нужна свобода в Восточной Европе, также пропагандировалась коллегой Уилсона в Лондоне, Джозефом П. Кеннеди, отца будущего президента Кеннеди. Что касается американских средств массовой информации, они из всех сил пытались убедить американский народ, что международный коммунизм, штаб-квартира которого находилась в Москве, представлял собой гораздо большую опасность для их страны, чем немецкие или итальянские версии фашизма. В католических и в протестантских изданиях «подрывная деятельность коммунистов» была определена как «огромная угроза для страны» и, наоборот, Гитлер оценивался как

великий «спаситель от большевизма». Тех, кто настаивал, что фашизм был большей опасностью, клеймили как обманутых Москвой; антифашизм станет популярным позже, во время войны, но довоенные антифашисты Америки – лучшим примером из которых являются смелые члены интербригады имени Линкольна, сражавшиеся против сил Франко в Гражданской войне в Испании, – в глазах американского истеблишмента совершили ошибку тем, что «преждевременно стали антифашистами»⁷⁶.

Так вот и случилось, что, несмотря на фашистскую агрессию в Европе, Соединенные Штаты стали свидетелями новой версии антикоммунистической (и антисоветской) «борьбы с красной угрозой». Во время этого второго «приступа» так называемой «маленькой красной паники» президент Рузвельт счел целесообразным объявить себя «воинствующим антикоммунистом». Правда, СССР сам невольно «лил воду» на мельницу этой новой «красной паники», начав войну против Финляндии – своего соседа, отвергнувшего предложение советской стороны об обмене территориями. В результате корректировки границы, вырванной у финнов в этой «зимней войне», советская сторона смогла укрепить оборонительную систему вокруг города Ленинграда с его жизненно важными отраслями промышленности, в том числе танковыми заводами. Когда в 1941 году на советскую землю пришла война, это оказалось одним из решающих факторов для города, который смог с трудом, но все-таки выдержать жестокую блокаду, продлившуюся восемьсот дней. Тем не менее родина большевизма дорого заплатила за эту «маленькую войну» против Финляндии в плане потери международной поддержки и престижа⁷⁷.

Глава 4

Война в Европе и экономические интересы Америки

В 1939–1940 годах мнения о войне разделились среди американского народа в целом, а также внутри американской правящей элиты. Тем не менее правящая элита США оставалась антикоммунистической, а не антифашистской, и основная группа влиятельных профашистских американцев надеялась, что рано или поздно Гитлер реализует их самые заветные фантазии, повернувшись против Советского Союза. Поэтому они готовы были так же принести Западную Европу на алтарь антикоммунизма и антисоветизма, как Лондон и Париж уже пожертвовали Европой Восточной. Откровенно симпатизирующие Гитлеру Генри Форд и Чарльз Линдберг задавали тон в движении «Америка в первую очередь», которое выступало против любой формы вмешательства в европейский конфликт; и в Конгрессе так называемое изоляционистское большинство сопротивлялось любым попыткам вовлечь Соединенные Штаты в войну в Европе. Изоляционистам противостояли сторонники интервенции, которые высказались в пользу американского вмешательства в войну на стороне Великобритании, единственного остававшегося в Западной Европе противника Гитлера. Сторонники вмешательства руководствовались такими факторами, как важность деловых связей, но также и культурными, этническими, интеллектуальными и чисто эмоциональными связями с Великобританией, искренней заботой о судьбе демократии в Европе, и

страхом перед тем, что рано или поздно Соединенные Штаты сами могут стать жертвой нацистской агрессии.

Американское правительство также разделилось. Идею вмешательства на стороне Великобритании, казалось, поддерживал президент Рузвельт, но ее не рассматривали из-за прочности позиций изоляционистов в Конгрессе. Так что в Вашингтоне ожидали – с одобрением или с сожалением, – что «новый порядок», созданный в Европе нацистами, не исчезнет в ближайшее время. Что касается международных отношений, это означало, например, что американское правительство не видело оснований для отзыва своего посла из Берлина и что нормальные дипломатические отношения поддерживались с французским коллаборационистским режимом маршала Петена в Виши. В конечном счете Виши разорвало дипломатические отношения с Соединенными Штатами в ноябре 1941 года, после американо-британской высадки во французской Северной Африке, которая будет обсуждаться далее в этой книге⁷⁸.

Тем не менее война в Европе открыла очень привлекательные возможности для американской промышленности, погрязшей в течение почти десяти лет в глубоком экономическом кризисе. Причины Великой депрессии, которая разорила не только Америку, но и все промышленно развитые страны в тридцатые годы, с заметным исключением из этого числа Советского Союза, можно найти в быстром развитии капиталистической промышленной системы. Производительность возросла до такой степени, что предложение товаров начало превышать спрос на них. Как результат хронического перепроизводства, цены, а также прибыль снизились, запасы непроданных продуктов накапливались, и заводы увольняли рабочих

или просто закрывали свои двери, тем самым увеличивая безработицу. Обусловленное этим падение покупательной способности вызывало дальнейшее падение совокупного спроса, что ухудшало основную проблему перепроизводства. Печально известный биржевой крах осенью 1929 года не вызывал Великую Депрессию, как часто утверждается или подразумевается, а лишь отразил эти фатальные структурные тенденции: акции на фондовом рынке упали в цене, когда стало очевидно, что не было больше никаких перспектив устойчивого промышленного роста и, следовательно, дальнейшего увеличения прибыли и доходности инвестиций.

В 1932 году Америка избрала кандидата от Демократической партии, Франклина Д. Рузвельта, на пост президента. Он дал понять, что под его руководством государство предпримет какие-то меры, чтобы бороться с экономическим кризисом, в то время как его республиканский соперник, Герберт Гувер, пожелал остаться верными отродоксальным либеральным принципам Адама Смита, которые требовали, чтобы государство как можно больше воздерживалось от вмешательства в экономическую жизнь. Новая администрация Рузвельта, действительно, боролась с кризисом с помощью инструментов новой политики, в том числе гигантских спонсируемых государством проектов, таких, как строительство плотин в долине Теннесси. По сути, идея состояла в том, чтобы стимулировать спрос на товары путем создания рабочих мест. Тем не менее огромные расходы, связанные с этой политикой, которая подвергалась очернению сторонниками невмешательства как «гнусный социалистический эксперимент», грозили вызвать рост национального долга. Неортодоксальная и способствовавшая росту инфляции экономическая политика Рузвельта, которая

лишь немногим отличалась от политики дорожного строительства и перевооружения, используемой Гитлером для борьбы с экономическим кризисом в Германии, сыграла вдохновляющую роль для новой экономической теории, связанной с именем британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. В этом смысле, по крайней мере, рузвельтовский новый подход к экономическому кризису был кейнсианским, хотя нельзя было назвать самого Рузвельта кейнсианцем и хотя его (весьма непоследовательная) политика была далеко не безупречной с кейнсианской точки зрения. В любом случае эта новомодная экономическая политика, которая стала известна как «новый курс Рузвельта», не смогла вывести Америку из пустыни Великой депрессии.

С другой стороны, военный конфликт в Европе открыл чрезвычайно привлекательные перспективы для американской экономики. Можно было ожидать, что, и как в Первой мировой войне, воюющим нациям будут нужны все виды вооружений и техники, по крайней мере, если война снова окажется затяжной. Если американская промышленность смогла бы поставлять эти товары, это могло бы обеспечить решение для экономического кризиса и проблемы безработицы. Но какие из воюющих наций были потенциальными клиентами дяди Сэма? Какие страны могли стать рынком для американских экспортных товаров? На ранних стадиях Первой мировой войны нейтральные США вели бизнес с Антантой, и прежде всего с Великобританией. С 1914 до 1916 гг. общая сумма американского экспорта в Великобританию и Францию резко увеличилась с 824 миллионов до 3,3 миллиарда долларов, в то время как объем экспорта в Германию и Австро-Венгрию снизился до всего лишь одного миллиона долларов. Эти статистические данные являются отражением не американских симпатий к

Антанте, а того простого факта, что британская военноморская блокада сделала невозможными поставки немцам товаров, в которых так нуждалась их военная промышленность⁷⁹.

В начале Второй мировой войны так называемые законы «кэш энд керри» в Соединенных Штатах («плати наличными и забирай») требовали, чтобы воюющие страны приобретали товары в Америке только в обмен на оплату наличными; эти страны должны были принять собственные меры для перевозки закупленных грузов к месту назначения. Так как британские ВМС еще доминировали в Атлантическом океане, это означало, что немцы не могли покупать американские товары для военных поставок. После военной кампании в Западной Европе в конце 30-х – начале 40-х годов так же, как во время Первой мировой войны, одна только Великобритания оставалась в качестве потенциального рынка для американской промышленности⁸⁰. Оплата наличными была необходимой, так как были извлечены уроки из Первой мировой войны. Первоначально англичанам было позволено покупать товары в кредит. В 1917 году, когда англичанам и французам угрожало проиграть войну, Соединенные Штаты были вынуждены пойти на военное вмешательство для того, чтобы предотвратить крах своих клиентов и должников⁸¹.

Поэтому понятно, что, когда началась Вторая мировая война, нейтральные американцы оказались более осторожными и настаивали на оплате наличными. Однако, когда находящаяся в очень трудной ситуации Британия начала страдать от нехватки денежных средств, американские лидеры не могли допустить перспективу прекращения прибыльной трансатлантической торговли своей страны с Великобританией. Несмотря на свои высокие тарифы, Великобритания «поглощала» более чем 40 процентов

американского довоенного экспорта, и США не хотели терять такого важного партнера, особенно в то время, когда военные заказы могли помочь им вытащить их экономику из болота Великой депрессии. В любом случае, несмотря на свои истощенные денежные резервы, Великобритания оставалась в определенной степени кредитоспособной, потому что это была империя, обладающая огромным геополитическим капиталом в виде заморских владений. Так, в обмен на коллекцию устаревших эсминцев для британского Королевского военно-морского флота Соединенные Штаты в сентябре 1940 года заполучили ряд военно-морских и военно-воздушных баз на британских территориях в Карибском бассейне и в Ньюфаундленде, британском доминионе, который присоединился к Канаде только после войны, в 1949 году. Президенту Рузвельту в конце концов удалось убедить Конгресс предоставить англичанам льготные условия оплаты в виде системы, которая была неоднозначно называлась «ленд-лиз». Этот термин создал впечатление, что это было чисто деловое и взаимное соглашение между двумя странами. Ленд-лиз был официально представлен в марте 1941 года, при условии, что практически неограниченные кредиты для Лондона будут использоваться для приобретения американского оружия, боеприпасов и аналогичных срочно требуемых поставок. Стоимость американского экспорта в Великобританию, таким образом, значительно выросла с 505 млн. долларов в 1939 году до 1 млрд. в 1940 году, 1,6 млрд. в 1941 году, 2,5 млрд. в 1942 году, 4,5 млрд. в 1943-м и не менее, чем 5,2 млрд. в 1944 году. Для американского бизнеса ленд-лиз оказался сбывшейся мечтой, потому что он открыл огромный рынок для экспортной продукции США⁸².

Поставки по ленд-лизу были также связаны с важной для британцев уступкой, известной как «соображение». Лондон брал на себя обязательство послевоенного демонтажа протекционистской системы тарифов «имперских референций», которые не мешали, но, конечно, ограничивали американский экспорт в Великобританию и его зависимые территории. Ленд-лиз, как писали два американских историка, Джастас Д. Дунеке и Джон И. Вилц, *«был далеко не таким щедрым, как это было долгое время было принято считать.... поставки не представляли собой самоотверженный подарок, потому что выплаты лишь откладывались, но в конце концов их должны были потребовать. Конечный счет не обязательно надо было платить деньгами или поставками в обратном направлении. [Ожидалось, что] Британская империя отменит свои привилегированные тарифы, так чтобы американские продукты в будущем легче добирались до многих рынков, на которых до тех пор доминировала Англия [так в оригинале]»*⁸³.

Благодаря ленд-лизу экспортные продукты американской промышленности в будущем больше не должны были «стучаться в дверь» относительно закрытой экономики Великобритании, но пользоваться вместо этого преимуществом так называемых открытых дверей. Это открыло перспективы для решения кризиса Великой депрессии в Соединенных Штатах, а именно свободный доступ на британский рынок и в конечном итоге на рынки всего мира для американских товаров. Расцвет международной торговли затем, как ожидалось, устранил ключевую проблему дефицита спроса⁸⁴. Система ленд-лиза была классическим кейнсианским лекарством от кризиса тридцатых годов: государство «накачивало насос» экономики посредством крупных заказов по ленд-лизу и финансировало эту схему, в первую очередь заимствуя

необходимый капитал. Госдолг значительно увеличился в результате ленд-лиза и быстро растущих американских военных расходов с примерно 3 миллиардов долларов в 1939 году до почти 5 млрд. в 1941 году, 20 млрд. в 1942 году и 45 миллиардов в 1945 году. Но ожидалось, что в конечном итоге высокие прибыли позволят получать достаточную выручку от налогообложения, что позволит Вашингтону ликвидировать свои долги.

Все это было чисто теория, кейнсианская теория. На практике схема сводилась к тому, что американское государство использовало получаемые с населения налоги для оплаты гигантских счетов, представленных крупными корпорациями, которые практически монополизировали бизнес ленд-лиза и военное производство в целом. Эти счета оплачивались в основном при помощи прямых и косвенных налогов, которые во время войны, в первую очередь в результате регрессивного Закона о налогах октября 1942 года, который ввел такое понятие, как «налог для победы», выплачивались в основном рядовыми гражданами США, а не богатыми американцами и крупными корпорациями. Таким образом, огромная прибыль частных компаний финансировалась за счет американского народа⁸⁵.

«Бремя финансирования войны, – отмечает американский историк Шон Деннис Кэшман, – ложилось прочно... на плечи бедных членов общества»⁸⁶. Великобритания также выиграла от ленд-лиза, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, потому что импорт американского оружия и другого оборудования позволил ей продолжать войну против Гитлера после падения Франции и несколько лет спустя оказаться в числе победителей в этой схватке. Однако в долгосрочной перспективе Великобритания заплатила

за него ценой своего статуса политической и экономической мировой державы. Ленд-лиз оказался тем ударом ноги в дверь, который позволил США проникнуть в Великобританию и на всю территорию ее империи экономически и в конечном итоге начать доминировать там. Ленд-лиз безвозвратно привел к очень близкому, но и крайне асимметричному военному, политическому и экономическому американо-британскому сотрудничеству, в котором Великобритании было предопределено играть роль младшего партнера, роль «закадычного кореша» Америки в Европе. Это случится еще задолго до конца Второй мировой войны, и так обстоят дела и по сей день⁸⁷. (Некоторые лидеры союзников того времени, например, Камиль Гутт, очень способный министр финансов бельгийского правительства в изгнании в Лондоне, очень хорошо понимал, что помощь по ленд-лизу позволит Соединенным Штатам после войны «диктовать другим странам торговые и экономические условия» двусторонних отношений и, таким образом, приведет к высокой степени экономической зависимости от Америки и что, следовательно, надо использовать кредиты по ленд-лизу разумно и экономно. По сравнению с англичанами, однако, бельгийцы пользовались тем преимуществом, что они были в состоянии заплатить за американские поставки важными минералами из своей колонии Конго, такими, как медь, кобальт, и, в первую очередь, уран, который будет использоваться американцами потом для создания своей атомной бомбы)⁸⁸.

Война, вспыхнувшая в Европе, создала для американцев условия беспрецедентных возможностей для их бизнеса. Многие владельцы и менеджеры американских корпораций, которые воспользовались этим шансом получения прибыли от выгодной торговли

с Великобританией, несомненно, больше симпатизировали Гитлеру, чем Черчиллю, больше сочувствовали фашизму, чем демократии. Тем не менее чисто деловые американо-британские торговые отношения, которые начались с *«кэш энд керри»* и переросли в ленд-лиз, начали влиять на настроения даже наиболее упрямых американских предпринимателей. По мере того, как американская промышленность все более и более ориентировалась на прибыльную торговлю с Великобританией, эта страна постепенно начала пользоваться все большими симпатиями в Соединенных Штатах. С другой стороны, дело нацистской Германии начало встречать все меньше и меньше понимания в Америке, даже среди бизнесменов, которые совсем еще недавно желали победы Гитлеру, но теперь они получали хорошие деньги от процветающей торговли с Великобританией.

Были и другие, чисто экономические причины того, почему нацистская Германия встречала все меньше и меньше сочувствия в рядах американской правящей элиты. Политические и промышленные лидеры Соединенных Штатов были единодушны в их убеждении, «что внешняя торговля имеет важное значение для американского процветания», как историки Питер Н. Кэрролл и Дэвид У. Нобл писали в похвале Рузвельту и его советникам за то, что они хотели открыть двери для экспорта американских продуктов⁸⁹. Однако постепенно стало ясно, что в рамках своей подготовки к войне нацисты стремились достичь самодостаточности, тем самым сокращая импорт и превращая Германию в одну из тех «закрытых экономик», которые так ненавидели американские бизнесмены. Экспорт из США в Германию сокращался в тридцатые годы сначала медленно, а затем все быстрее, по мере того как осуществление нацистских

схем самодостаточности набирало обороты. Между 1933 и 1938 годами доля Германии в объеме американского экспорта снизилась с 8,4 до 3,4 процента; к 1938 году стоимость всего экспорта США в Германию составила только 406 млн. долларов по сравнению с двумя миллиардами долларов десятью годами раньше. Для американских корпораций, у которых имелись свои отделения в самой Германии, это развитие, возможно, не представляло собой серьезной проблемы, но американские корпоративные лидеры, которые не обладали такой привилегией, – и политики, убежденные, что процветание США зависит от внешней торговли, – были чрезвычайно возмущены таким трендом⁹⁰. (Несмотря на стремление к самодостаточности, у Германии был один товар, который ей было необходимо продолжать импортировать, – нефть, которую, как мы уже видели, американские фирмы тайно поставляли ей в огромных количествах через нейтральные страны).

Еще более раздражали многих американских промышленников и политиков, в том числе тех, кто хорошо относился к Гитлеру, успехи агрессивной международной торговой политики Берлина в Латинской Америке. Начиная с провозглашения доктрины Монро в начале девятнадцатого века, американцы считали Центральную и Южную Америку своей собственной коммерческой вотчиной. Тем не менее во время 1930-х годов доля Германии в объеме импорта таких стран, как Бразилия, Чили и Мексика, быстро росла за счет – и к неудовольствию – американского импорта, которому до сих пор нико не угрожал⁹¹. Американский историк Патрик Дж. Херден писал:

«Торговое наступление нацистов в Южной Америке по-прежнему получает большие прибыли за счет Соединенных Штатов. Доля Германии в общем объеме

латиноамериканского импорта увеличилась с 9,5 % в 1929 году до 16,2 % в 1938 году, в то время как показатели Соединенные Штаты снизились с 38,5 до 33,9 %. Госдепартамент был встревожен. “Конкуренция становится все время острее”, – отметил [чиновник] в мае 1938 года. – Все больше и больше неудовлетворенности выражается американскими экспортерами”»⁹².

Так что в коммерческом отношении нацистская Германия стала «самым надоедливym конкурентом» Соединенных Штатов в этой части мира, как докладывал немецкий посол в Мексике в Берлин в 1938 году⁹³. С американской точки зрения проблема «закрытой экономики усугубилась в 1938, 1939, 1940 годах. Сначала это было связано с политикой «умиротворения», а затем с победами вермахта – фактору, который позволил нацистам установить экономическую гегемонию над большинством стран Восточной Европы, а также Францией и странами Бенилюкса. Отныне речь шла больше не об одной Германии, но обо всей его Grossraumwirtschaft («большой экономической зоне») на континенте, которая закрыла свои двери для продуктов американского экспорта. Американским корпорациям с филиалами в Германии фактически удалось тайно получить прибыли от такого развития событий, как мы увидим позже, но для промышленных и политических лидеров Америки в целом это была еще одна пощечина от нацистских лидеров, в адрес которых многие из них ранее выражали такое сильное восхищение. Именно на этом фоне в конце 1940-го – начале 1941 года соблазнительные бизнес-возможности для торговли с Великобританией – и потенциал ленд-лиза в плане создания «открытых дверей» – полностью проявили себя. Неудивительно, что в связи с войной в Европе

симпатии корпоративной Америки заметно сдвинулись от Германии к Великобритании, а в СМИ в последовавшее за этим время больше не говорилось ничего положительного о Гитлере, так что американское общественное мнение в целом также все более склонялось на сторону Великобритании.

В бизнесе банкротство важного клиента может обойтись поставщику чрезвычайно дорого. Следовательно, Соединенные Штаты не могли позволить себе, чтобы Великобритания проиграла войну. С другой стороны, интересы американской промышленности вовсе не требовали, чтобы британцы выиграли войну, это казалось совершенно невероятным после падения Франции. Большинству корпоративной Америки был выгоден такой сценарий, при котором война в Европе длилась бы как можно дольше, чтобы крупные корпорации продолжали как можно дольше поставлять товары своему британскому партнеру. Так, по словам биографа Генри Форда Дэвида Ланье Льюиса, «[он] выразил надежду на то, что ни союзники, ни нацисты не выиграли войну, и однажды он выразил такую точку зрения, что Соединенные Штаты должны поставлять как Англии, так и Германии и ее союзникам «средства, чтобы они продолжали борьбу друг с другом, пока обе стороны не рухнут»⁹⁴. Форд делал то, что он проповедовал, и он организовал поставки всякой боевой техники со своих заводов в стране и за рубежом как немцам, так и англичанам. Другой олигарх с прибыльными инвестициями в Германии, Томас Уотсон из IBM, в равной степени равнодушно относился к перспективе постоянного нацистского владычества в континентальной Европе. «Как и многие другие [бизнесмены США], – пишет Эдвин Блэк, – Уотсон ожидал, что Америка не вмешается в войну; Германия останется хозяином Европы, а IBM, уже прочно

расположившаяся в Третьем рейхе через Dehomag, выиграет от [доминирования в области] баз данных».

Уотсон вовсе не был возмущен тем, что оккупированной нацистами Европе, казалось, суждено стать кошмарным блоком власти, подобным описанным в книге Оруэлла «1984»; напротив, он надеялся на обеспечение «большого брата» технологическими инструментами для полного контроля и на получение прибыли в соответствии со своими услугами⁹⁵. Ввиду всего этого понятно, что в то время как американские лидеры все более сочувствовали Великобритании, у них не было никаких планов активного участия Соединенных Штатов в военных действиях. В момент падения Франции и эвакуации из Дюнкерка ситуация на мгновение выглядела критически для англичан. Тем не менее после того, как летом 1940 года была выиграна битва за Британию, в которой блестяще действовали королевские ВВС, стало ясно, что маленький, но твердый орешек Альбион не сдастся, по крайней мере, до тех пор, пока Соединенные Штаты будут продолжать снабжать его необходимыми для сражения средствами. Так что война в Европе, как ожидалось, продлится очень долгое время. То, что в это время нацисты оставались хозяевами европейского континента и могли устанавливать там свой «новый порядок», не очень беспокоило Вашингтон. У Америка не было никакого желания стать активным участником конфликта в Европе, и по случаю президентских выборов осенью 1940 года Рузвельт заверил американцев, что во время его следующего президентского срока «[наши] парни не будут отправлены ни на какую войну в других странах».⁹⁶ Когда осенью 1941 года произошла серия инцидентов между немецкими подводными лодками и эсминцами ВМС США, которые сопровождали грузы, направлявшиеся в Великобританию, которая привела к

дальнейшему ухудшению отношений с нацистской Германией, даже этот кризис, известный как «необъявленная морская война», не привел к активному американскому участию в войне в Европе⁹⁷. Правящая элита просто не была заинтересована в крестовом походе против нацистской Германии, а нацистская Германия, которая напала на Советский Союз в июне 1941 года, не была заинтересована в объявлении войны Америке. В конце концов, в декабре 1941 года Соединенные Штаты станут активной воюющей стороной. Однако, как отметил Стивен Амброз, Америка не «вступила» во Вторую мировую войну в том смысле, что «вступить» является активным глаголом, подразумевает какой-то положительный поступок, а Соединенные Штаты «были втянуты» в войну, что произошло, как он справедливо подчеркивает, «не из-за, а несмотря на действия американского президента» и, как мы можем добавить, несмотря на желания находившейся у власти элиты, которую он представлял⁹⁸.

Глава 5

Осень 1941 года. Поворот в войне после битвы под Москвой

Война против СССР – то, чего Гитлер хотел с самого начала. Уже в «Майн кампф», написанной в середине двадцатых годов, он показал это совершенно ясно. Более того, как недавно убедительно показал немецкий историк⁹⁹, именно войну против СССР, а не против Польши, Франции или Англии Гитлер хотел и планировал развязать в 1939 году. 11 августа 1939 года Гитлер объяснил Карлу Дж Буркхардту, чиновнику Лиги Наций, что «все, что он предпринял, было направлено против России» и что, «если Запад (т. е. англичане и французы) слишком тупы и слепы, чтобы это понять, ему придется договориться с русскими, развернуться и победить Запад, а потом повернуться снова и со всей силы ударить по России»¹⁰⁰. Именно так и вышло. Запад в самом деле оказался «слишком туп и слеп», как его видел Гитлер, чтобы дать ему «свободу рук» на Востоке, так что он в самом деле заключил сделку с Москвой, известную как «Пакт Гитлера – Сталина», и затем начал войну против Польши, Франции и Англии. Но его конечная цель осталось той же самой – напасть на СССР и разрушить его, как можно скорее.

Гитлер и его генералы были уверены, что выучили важные уроки Первой мировой войны. Не имея сырья вроде нефти и каучука, необходимого для победы в современной войне, Германия не смогла бы победить в запланированном ею новом издании «Великой войны». Чтобы победить, Германия должна была сделать это

быстро, очень быстро. Так родилась идея блицкрига, то есть идея о войне (криг), быстрой, как молния (блиц). Блицкриг означал моторизованную войну, так что в подготовке к такой войне Германия в тридцатые годы наделала огромное количество танков и самолетов, а также грузовиков, чтобы перевозить солдат. Вдобавок были закуплены за рубежом и складированы огромные запасы нефти и каучука. Как мы видели, большая часть этой нефти была куплена у американских корпораций, некоторые из которых по дружбе также передали «рецепт» производства синтетической нефти из угля. В 1939 и 1940 годах это позволило вермахту и люфтваффе опрокинуть оборону Польши, Голландии, Бельгии и Франции тысячами танков и самолетов за недели, и блицкриг – молниеносная война, привел к молниеносной победе.

Победы над Польшей, Францией и т. д. были достаточно впечатляющими, но доставили Германии не так уж много добычи в виде жизненно необходимых нефти и каучука. Напротив, блицкриг истощил запасы, созданные до войны. К счастью для Гитлера, в 1940 и 1941 годах Германия могла продолжать импорт нефти из нейтральных США, в основном через нейтральные (и дружественные) страны, как франкистская Испания. Более того, по условиям Пакта Гитлера – Сталина СССР также довольно щедро поставлял Германии нефть. Однако Гитлер был крайне озабочен тем, что в ответ Германия поставляла СССР высококачественную промышленную продукцию и новейшую военную технологию, которую СССР использовал для модернизации своей армии и улучшения качества оружия¹⁰¹. Еще одной головной болью Гитлера было то, что условия соглашения позволили СССР занять восточную часть Польши (Западную Украину и Западную Белоруссию. – *Прим. пер.*), отодвинув границу

и оборону на сотни километров к западу, сделав тем самым планируемое наступление на Москву куда длиннее для вермахта. (Так как немецкие войска в самом деле дошли до Москвы в конце 1941 года, можно утверждать, что они, возможно, смогли бы захватить этот город и даже победить в войне, если бы смогли начать наступление с позиций, отодвинутых на восток.)

В 1939 году Гитлер неохотно отложил свой план войны против СССР. Но он снова достал его вскоре после победы над Францией летом 1940 года. Официальный приказ составить план такого нападения, под названием операция «Барбаросса», был отдан несколько месяцев спустя, 18 декабря 1940 года¹⁰². В 1940 году, с точки зрения Гитлера, ничего не изменилось. «Настоящий враг – на Востоке»¹⁰³. Гитлер попросту не желал дольше ждать воплощение своей величайшей цели – уничтожения страны, которую он назвал основным врагом еще в «Майн кампф». Более того, он знал, что Советы лихорадочно готовят оборону против нападения Германии, которого они с полным основанием ожидали раньше или позже. (Утверждение, что в результате Пакта о ненападении 1939 года гитлеровская Германия и Советский Союз были дружественными «союзниками», совершенно ошибочно.)

Поскольку СССР становился сильнее день ото дня, время было не на стороне Гитлера. Сколько еще мог он ждать, прежде чем удобная возможность исчезнет? Более того, блицкриг против СССР сулил снабжение Германии практически неограниченными богатствами этой огромной страны, от украинской пшеницы для прокорма немецкого населения, которое испытывало проблемы военного времени со снабжением, ископаемых – уголь, из которых можно производить синтетическую нефть и каучук, и еще важнее – богатые

нефтяные месторождения Баку и Грозного, где пожирающие бензин танки и самолеты смогли бы в любой момент залить баки под горлышко. Усиленному всем этим добром Гитлеру было бы уже нетрудно свести счеты с Англией, начав, например, с захвата Гибралтара. Германия, наконец, стала бы настоящей мировой державой, неуязвимой в европейской «крепости» от Атлантики до Урала, владычицей неиссякаемых ресурсов и поэтому способной победить даже в долгой, затяжной войне против любого противника, включая США, в одной из будущих «войн между континентами», созданных горячечным воображением Гитлера.

Гитлер и его генералы были уверены, что подготовленный ими против СССР блицкриг будет так же успешен, как предыдущие молниеносные войны против Польши и Франции. Они считали СССР «гигантом на глиняных ногах», чья армия, предположительно обезглавленная в сталинских чистках конца 30-х годов, была «просто смехотворна», как однажды сказал Гитлер¹⁰⁴. На войну и само собой на победу в решающих сражениях они отводили от 4 до 6 недель, возможно, с последующими «зачистками», во время которых остатки Советской армии будут «преследовать по стране как шайку побитых казаков»¹⁰⁵. В любом случае Гитлер был абсолютно уверен в победе и накануне нападения «воображал, что стоит на пороге величайшего триумфа своей жизни»¹⁰⁶.

В Вашингтоне и Лондоне военные эксперты также считали, что СССР не сможет оказать серьезное сопротивление нацистскому джаггернауту, чьи военные победы 1939 – 40 годов создали ему репутацию непобедимости. Спецслужбы Англии были уверены, что СССР будет «ликвидирован в 8 – 10 недель», и глава имперского генштаба утверждал, что вермахт пройдет

сквозь Красную армию, как «горячий нож сквозь масло», и что Красную армию загонят, «как скотину». Эксперты в Вашингтоне считали, что Гитлер «раздавит Россию, как яйцо»¹⁰⁷.

Нападение Германии началось 22 июня 1941 года рано утром. 3 миллиона немецких солдат и почти 700 000 союзников нацистской Германии перешли границу. У них было 600 000 машин и мотоциклов, 3 648 танков, более 2 700 самолетов и немногим больше 7 000 орудий.¹⁰⁸ Поначалу все шло по плану. В советской обороне были пробиты огромные дыры, быстро были захвачены обширные территории, сотни тысяч красноармейцев были убиты, ранены и взяты в плен в ряде впечатляющих «котлов». Казалось, что путь на Москву открыт. Однако очень скоро стало ясно, что блицкриг на востоке не будет легкой прогулкой, как ожидалось. Встретив самую мощную армию мира, Красная армия, что неудивительно, понесла тяжелые потери, но, как записал в своем дневнике министр пропаганды Йозеф Геббельс уже 2 июля, она также оказала упорное сопротивление и в некоторых случаях ударила в ответ очень существенно. Генерал Франц Гальдер, во многих отношениях «крестный отец» плана нападения операции «Барбаросса», признал, что сопротивление Советского Союза было куда сильнее, чем то, с которым немцы столкнулись в Западной Европе.

Донесения вермахта указывали на «упорное», «отчаянное», даже «дикое» сопротивление, приводившее к тяжелым потерям в живой силе и технике Германии. Чаше, чем ожидалось, советские войска смогли организовать контратаки, которые замедляли продвижение немецких войск. Некоторые советские подразделения скрывались в обширных припятских болотах и в других местах, организовали

смертоносную партизанскую войну и угрожали растянутым и уязвимым немецким коммуникациям¹⁰⁹. Также отказалось, что Красная армия была лучше вооружена, чем ожидалось. Немецкие генералы были «поражены», как пишет немецкий историк, качеством советского оружия, таким, как «Катюши» (они же «Сталинские органы»), и танки Т-34. Гитлер был в бешенстве, что его шпионы не знали о существовании некоторых из этих вооружений¹¹⁰.

Самой большой проблемой, с точки зрения немцев, было то, что Красная армия сумела отступить в относительном порядке и избежала уничтожения в огромных «котлах» в духе повторения Канн или Седана, о чем мечтал Гитлер и его генералы. Очевидно, советские военные хорошо изучили опыт блицкрига в 1939 и 1940 годах и извлекли уроки. Они, должно быть, заметили, что в мае 1940 года французские войска были сосредоточены на границе и в Бельгии, что дало возможность немецкой армии их окружить. (Английские войска тоже были окружены, но сумели сбежать через Дюнкерк.) СССР оставили некоторое количество войск на границе, разумеется, и эти войска понесли главные потери СССР в начале «Барбароссы». Но в противоположность тому, что утверждают некоторые историки вроде Ричарда Овери¹¹¹, большая часть Красной армии находилась в тылах, избегая окружения. Это была «глубокая оборона», облегченная получением «предполья», территориальной «передышки» в Польше в 1939 году. Это не дало выполнить цель Германии – полностью разрушить Красную армию. Как писал потом маршал Жуков, «думаю, что Сов. Союз был бы скорее разбит, если бы мы все свои силы накануне войны развернули на границе»¹¹².

Уже в середине июля, когда война Гитлера на востоке стала терять «молниеносность», множество

немцев, военных и штатских, высокопоставленных и рядовых, включая самого Гитлера, потеряли веру в быструю победу. И к концу августа, в то время, когда Барбаросса должна была подходить к концу, верховное командование вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht* — ОКВ) признало, что, возможно, нет шансов победить в 1941 году¹¹³. Большой проблемой было то, что, когда «Барбаросса» началась 22 июня, запасы горючего, шин, запчастей и т. д. были рассчитаны только на 2 месяца. Это считалось достаточным, потому что ожидали, что за 2 месяца СССР будет поставлен на колени, и его огромные ресурсы – промышленная продукция и сырье – будет, таким образом, в распоряжении Германии¹¹⁴.

Однако в конце августа немецкие передовые части отнюдь не оказались вблизи отдаленных частей СССР, где можно было бы получить нефть – самый драгоценный из военных материалов. И если танки продолжали идти вперед, хотя все медленней, по кажущимся бесконечными российским и украинским просторам, то в значительно степени благодаря горючему и каучуку, импортированному через Испанию и оккупированную Францию из США.

Оптимизм снова разгорелся в сентябре, когда немецкие войска захватили Киев, и севернее продвинулись к Москве. Гитлер верил (или притворялся, что верит), что конец войны теперь близок. В речи в берлинском Sportpalast 3 октября он объявил, что война на востоке практически закончена. Вермахту было приказано нанести решительный удар: операция «Тайфун» – наступление с целью взять Москву.

Однако шансы на успех выглядели неважно: СССР подводил резервы с Дальнего Востока (от главного шпиона в Японии – Рихарда Зорге – была уже получена информация, что японцы, чья армия стояла в Северном Китае, больше не намеревались напасть на уязвимую

советскую границу у Владивостока). Более того, у Германии больше не было превосходства в воздухе, особенно над Москвой. Также они не могли подвезти из тыла значительные количества боеприпасов и продовольствия, так как партизаны серьезно нарушали линии коммуникаций¹¹⁵. Наконец, в СССР похолодало, хотя не больше, чем обычно в это время года. Но высшее командование Германии, уверенное, что блицкриг закончится к концу лета, не снабдили войска обмундированием и прочим для боевых действий в дождь, грязь, снег и температуру ниже нуля – в русскую осень и зиму.

Взятие Москвы было крайне важно для Гитлера и его генералов. Они считали, хотя, вероятно, ошибочно, что падение столицы «обезглавит» СССР и тем самым приведет к его падению. Также казалось важным не допустить повторения того, что произошло летом 1914 года, когда казавшееся неостановимым немецкое наступление во Франции было задержано на восточной окраине Парижа в битве на Марне. Эта катастрофа – с точки зрения Германии – лишила Германию практически неизбежной победы в начале Второй мировой войны и вынудила перейти к долгой борьбе, в которой без достаточных ресурсов и с морской блокадой флота Англии они были обречены на поражение. На этот раз в новой мировой войне против нового самого главного врага – СССР, «чуда на Марне» – поражения у самой столицы – не должно было произойти, и Германия не будет опять вынуждена вести без ресурсов и в блокаде долгую и безнадежную войну. В отличие от Парижа, Москва падет, история не повторится, и Германия выйдет победительницей¹¹⁶. Так они надеялись в ставке Гитлера.

Вермахт продолжал наступление, хотя очень медленно, и к середине ноября некоторые части

оказались всего в 30 километрах от столицы. Но солдаты были теперь совершенно изнурены, и у них кончались припасы. Их командиры знали, что практически невозможно взять Москву, пусть и такую близкую, и что даже это не принесло бы им победы. 3 декабря некоторые части перестали наступать по своей инициативе. Не прошло и нескольких дней, как вся германская армия под Москвой была вынуждена перейти к обороне. В самом деле, 5 декабря в три часа утра, в холод и снег Красная армия неожиданно перешла в решительное, хорошо подготовленное контрнаступление. Линии фронта были прорваны во многих местах, и немцы отброшены на 100-280 километров с тяжелыми потерями в живой силе и технике. Только с огромным трудом удалось избежать катастрофического окружения. 8 декабря Гитлер приказал армии перестать наступать и перейти к обороне. Он обвинял в этом якобы неожиданно раннюю зиму, отказался отступить дальше, что предлагали некоторые из его генералов, и начал готовиться к весеннему наступлению¹¹⁷.

Так кончился гитлеровский блицкриг против СССР, война, если бы она была победной, означала бы исполнение его великой цели – уничтожения СССР.

Еще важнее, что такая победа также доставила бы нацистской Германии достаточно нефти и других ресурсов, чтобы стать практически неуязвимой мировой державой. И такая нацистская Германия, вполне вероятно, смогла бы покончить с упрямой Великобританией, даже если бы на помощь «родственникам» не пришли бы США, чего в начале декабря 1941 еще не планировалось. Блицкриг, быстрая победа над СССР, таким образом, должна была бы сделать поражение Германии невозможным и вполне могла бы. (Вероятно, можно сказать, что, победи

нацистская Германия СССР в 1941 году, Германия была бы до сих пор госпожой Европы и, возможно, также Ближнего Востока и Северной Африки). Однако поражение в битве за Москву в декабре 1941 года означало, что гитлеровский блицкриг не принес результатов, на которые надеялись. В новой «Битве на Марне», сразу к западу от Москвы, нацистская Германия потерпела поражение, которое сделало победу немыслимой, не только победу над СССР, но и над Великобританией и в войне в целом. Следует заметить, что США в то время еще не воевали против Германии.

Помня уроки Первой мировой, Гитлер и его генералы знали с самого начала, что, дабы победить в начатой ими войне, Германия должна победить быстро, молниеносно. Но 5 декабря 1941 года всем в ставке Гитлера стало ясно, что блицкриг против СССР не состоялся и что Германия обречена проиграть эту войну, не сейчас, так после. По словам генерала Альфреда Йодля, начальника штаба по разработке военных операций, Гитлер тогда понял, что не сможет победить¹¹⁸. Поэтому можно утверждать, как немецкий историк и специалист по войне против СССР, что победа Красной армии под Москвой была, без сомнения, «крупным переломом» во всей войне¹¹⁹.

Другими словами, можно сказать, что ход Второй мировой войны повернулся 5 декабря 1941 года. Однако, как обычно, крупные повороты происходят не внезапно, а постепенно и незаметно, этот поворот произошел не в один день, но в ряде дней, недель и даже месяцев, в течение осени, 3 месяцев, прошедших между концом лета и началом декабря. Ход войны на востоке изменился постепенно, но далеко не незаметно. Уже в августе 1941 года опытные наблюдатели начали сомневаться в победе Германии не только над СССР, но и в войне в целом.

Хорошо информированный Ватикан, например, вначале был полон энтузиазма в отношении гитлеровского «крестового похода» против «безбожного» большевизма. Но уже в конце лета 1941 года там начали выражать серьезную озабоченность, в середине октября пришли к выводу, что Германия потерпит поражение в этой войне¹²⁰. Также в середине октября спецслужбы Швейцарии сообщили, что «германцы больше не могут победить»¹²¹. К концу ноября своего рода пораженчество начало заражать высокопоставленных чинов вермахта и нацистской партии. Посылая в бой на Москву солдат, некоторые генералы предлагали в качестве лучшего варианта предложение мирных переговоров и окончание войны без достижения великой победы, которая казалось такой бесспорной в начале операции «Барбаросса»¹²².

Когда Красная армия перешла в сокрушительное контрнаступление 5 декабря, сам Гитлер понял, что проиграет войну. Но он не был готов дать населению Германии знать об этом. Неприятности на фронте под Москвой изображались как временные трудности, в которых виновата была неожиданно ранняя зима и (или) некомпетентность и трусость отдельных командиров. (Только более чем год спустя, после катастрофического поражения в Сталинградской битве зимой 1942 – 43 года, население Германии и весь мир поймут, что Германия обречена; именно поэтому многие историки даже сегодня считают, что решительный перелом произошел под Сталинградом.)

7 декабря 1941 года Гитлер в ставке в глуши восточнопруссских лесов все еще не до конца переварил зловещие новости о советском контрнаступлении под Москвой, когда он узнал, что на другой стороне Земли японцы напали на американцев в Перл Харбор. Мы скоро займемся подоплекой и значимостью этого

нападения, которое ввело США в войну. Сейчас мы только укажем, что это привело к тому, что США объявили войну Японии, но не Германии, которая не имела никакого отношения к этому нападению и даже не знала о японских планах. У Гитлера не было никаких обязательств бросаться на помощь своим японским друзьям, как утверждают некоторые американские историки, так же, как японское руководство не считало себя обязанным выступить на стороне Гитлера, когда он воевал с Польшей, Францией и СССР. Однако 11 декабря 1941 года – через 4 дня после Перл Харбор – диктатор Германии неожиданно объявил войну США.

Это иррациональное на первый взгляд решение нужно понимать в свете германских проблем в СССР. Гитлер, весьма вероятно, рассуждал, что этот совершенно непрошенный жест вынудит его дальневосточного союзника в ответ объявить войну врагу Германии – СССР, что вынудило бы того сражаться на два фронта – крайне опасное положение. (Значительная часть японской армии находилась в северном Китае и поэтому смогла бы немедленно атаковать СССР в районе Владивостока). Гитлер, очевидно, считал, что он сможет изгнать дух поражения в СССР и в войне в целом, вызвав своего рода «бога из машины» на уязвимой границе СССР в Сибири. Как пишет немецкий историк Ханс В. Гацке, фюрер был убежден, что «если Германия не присоединится к Японии (в войне против США), на этом... закончатся все надежды на помощь Японии против СССР»¹²³. Но Япония не клюнула на наживку Гитлера. Япония также ненавидела Советский Союз, но Страна восходящего солнца так же мало могла позволить себе роскошь войны на два фронта, как и СССР. В Токио предпочли поставить на «южную» стратегию, надеясь на большой куш – Юго-Восточную Азию, с нефтяными богатствами

Индонезии и каучуком Индокитая, а не ввязываться в сомнительное предприятие на негостеприимных равнинах Сибири. Только в самом конце войны, уже после капитуляции нацистской Германии, дошло дело до сражений между СССР и Японией.

Так что по вине самого Гитлера в числе врагов Германии теперь были не только Великобритания и СССР, но и могущественные США, чьи войска могли ожидать на берегах Германии или хотя бы на берегах оккупированной Германией Европы. Американцы в самом деле высадились во Франции, но только в 1944 году, и это явно незначительное событие до сих пор часто изображают как переломный момент Второй мировой войны. Однако можно спросить, высадились бы американцы когда-либо в Германии или вообще объявили войну нацистской Германии, если бы Гитлер не объявил им войну 11 декабря 1941 года. И еще спросить, принял бы Гитлер такое отчаянное, даже самоубийственное, решение объявить войну США, если бы не оказался в безнадежном положении в Советском Союзе. Участие США в войне против Германии, таким образом, которое вовсе не планировалось до декабря 1941 года, было также последствием поражения Германии под Москвой.

Нацистская Германия была обречена, но война предстояла долгая. Гитлер не послушал совета своих генералов, которые настаивали на том, чтобы поскорей выйти из войны, и решил продолжать, надеясь на чудо. Контрнаступление окончилось, вермахт пережил зиму, и весной 1942 года Гитлер собрал все имеющиеся силы для наступления под названием «Операция Синий» в направлении на Кавказ. Сам Гитлер признал, что, «если бы он не получил нефть Майкопа и Грозного, ему бы пришлось закончить войну»¹²⁴. Однако эффект неожиданности был утерян, и у СССР оказалось много

солдат, нефти и других ресурсов так же, как и превосходного вооружения, большая часть которого производилась на заводах за Уралом, построенных в 1939-1941 годах.

С другой стороны, вермахт не смог восполнить тяжелые потери 1941 года. С 22 июня 1941 года и 31 января 1942 года германцы потеряли 6 000 самолетов и более 3 200 танков и бронетранспорта. Было убито, ранено и пропало без вести не меньше 918 000 солдат – 28.7 % армии из 3 200 000 человек¹²⁵. В войне против СССР Германия потеряет не менее 10 миллионов из 13 с половиной миллионов убитых, раненых и пленных во время войны, и Красная армия уничтожила 90 % всех немецких солдат, погибших во Второй мировой войне¹²⁶.

Поэтому для наступления на нефтяные поля Кавказа сил было не так много. При этих обстоятельствах удивительно, что в 1942 году Германия смогла наступать так далеко, как она это сделала. Но, когда это наступление неизбежно остановилось, в сентябре того же года, боевые порядки были слабы и растянуты на многие сотни километров и оказались прекрасной мишенью для советского контрнаступления. И когда оно началось, целая германская армия была захвачена в котел и, в конце концов, уничтожена под Сталинградом.

Именно после этой великой победы Красной армии неизбежность поражения Германии стала очевидной для всех. Однако на первый взгляд незначительное и сравнительно неизвестное поражение под Москвой в конце 1941 года было прологом к куда более потрясающему и заметному германскому поражению под Сталинградом. Есть куда больше оснований назвать именно декабрь 1941 года решающим переломом в войне. Советское контрнаступление уничтожило славу «непобедимого» вермахта, которой он пользовался с

1939 года в Польше, и тем придало смелости врагам Германии в других местах. Битва за Москву также связала на Восточном фронте основные силы Германии на неопределенное время на 4 000 километрах, что практически исключило возможность нападения на Гибралтар, например, и тем самым колоссально облегчило положение Великобритании. Кроме того, это поражение деморализовало финнов и других союзников Гитлера. И так далее...

Именно под Москвой течение войны повернулось. В самом деле, именно тут блицкриг провалился, и нацистская Германия в результате была вынуждена воевать без достаточных ресурсов в ту самую затяжную военную кампанию, которую, как Гитлер и его генералы знали, они не смогут выиграть.

И именно в этот момент США вступили в войну против нацистской Германии.

Глава 6

США в войне с Японией и Германией

Если бы Гитлер напал на Советский Союз, так ненавидимую буржуазией родину коммунизма, на десять лет, на пять лет или даже только на один год раньше, чем в июне 1941 года, то это, несомненно, громко приветствовали бы американские средства массовой информации. Однако в 1941 году дела уже обстояли по-другому, ибо все большее и большее число американцев перешло в своих симпатиях на сторону Великобритании. Это также относится и к находившейся у власти в США элите, которая ранее симпатизировала фашизму, но остро осознавала, что поставки по ленд-лизу британскому врагу Гитлера теперь были полезны для бизнеса и, по сути, именно они помогли экономическому возрождению Америки.

Подлинных симпатий к Советскому Союзу там не испытывали, но американцам было в значительной степени понятно, что новый враг для немцев было благом для англичан. Чем дольше Советы могли противостоять немцам, тем лучше было для Великобритании. Однако многие американцы были убеждены, что Советы, как и поляки, и французы до них, не смогут длительно противостоять натиску вермахта. Даже те из них, кто не считал нового советского союзника Великобритании столь уж отталкивающим – среди них президент Рузвельт, в действительности разделяли это пессимистическое мнение. Вашингтон рассчитывал на победу Германии и строил планы привести к власти некоммунистические правительства на любых советских территориях,

которым удастся, возможно, избежать немецкой оккупации, таких, как Сибирь.

Эмигранту Александру Керенскому, правительство которого было свергнуто большевиками в России в 1917 году, был дан сигнал потихоньку готовиться на заднем плане для этой цели. Гораздо более важно, что запрос Сталина о срочных американских поставках не получил положительного ответа. В Америке не полагается давать кредиты клиенту, которого подозревают в балансировании на грани банкротства. Американский посол в СССР, Лоуренс Стейнхардт, категорически предупреждал против отправки помощи, утверждая, что в связи с предстоящим распадом Советского Союза эти материалы попадут в немецкие руки.

Ситуация изменилась в конце осени 1941 года, когда стало все более и более ясно, что Советы не будут «раздавлены, как яйца», а их упорное сопротивление нацистам показало, что они, вероятно, будут чрезвычайно полезным континентальным союзником англичан на довольно продолжительное будущее, что, конечно, было также выгодно американскому партнеру Великобритании по ленд-лизу. Нью-Йоркская фондовая биржа начала отражать этот факт: котировки начали расти по мере того, как нацистское продвижение в России замедливалось. Более того, начиная с этого времени, можно было выдавать кредиты и Советскому Союзу, а это означало, что корпоративная Америка может начать «делать бизнес» с до тех пор ненавидимыми ею советскими «красными». В ноябре 1941 года Вашингтон и Москва заключили соглашение по ленд-лизу¹²⁷.

Когда Красная армия под Москвой в начале декабря вынудила танки вермахта повернуть в обратную сторону, это было особенно хорошей новостью для корпоративной Америки вообще и для корпораций,

занимающихся ленд-лизом, в частности. Они не понимали истинной важности битвы под Москвой, но теперь стало очевидно, что их британский партнер, который с трудом пережил невзгоды 1940 года, сможет продолжать вести войну на неопределенный срок, что ликвидировало необходимость вмешиваться в нее для самих американцев. Советский Союз был полезным тем, что мощно способствовал военно-экономическому выживанию самого главного клиента Америки – Великобритании¹²⁸. И когда 11 декабря 1941 года Гитлер объявил войну США, Советский Союз, как враг врага Америки, автоматически стал партнером, союзником и своего вида другом, нелюбимым и временным другом, но тем не менее другом. Америка, таким образом, стала тесно связана с государством, которое ранее так сильно было ненавидимо Вашингтоном и правящей элитой США. Симптоматичным для новой ситуации было то, как был принят Максим Литвинов, новый советский посол, который прибыл в Вашингтон, чтобы представить свои полномочия в декабре 1941 года. Это резко контрастировало с тем, как обращались с его предшественником. Как отметил журналист Дэвид Бринкли, Литвинова чествовала элита общества, которая «теперь видела в России союзника, врага своего врага и, следовательно, друга»¹²⁹.

Среди правящей элиты США уже не модно стало выражать восхищение Гитлером, хотя с его нападением на СССР германский диктатор сделал именно то, чего руководящие круги Америки уже давно от него ожидали. Под конец 1941 года нацистская победа над Советами перестала быть желательной не только потому, что Германия вдруг стала врагом, но и потому, что теперь это было бы плохо для бизнеса; это поставило бы под угрозу прибыль, поступающую в

изобилии от ленд-лиза. Немецкая победа над СССР была бы катастрофической с точки зрения самых больших опасений всех страховых расчетов – рубашки, которая была гораздо ближе к телу даже самых упрямых бизнесменов, чем любые их причудливые идеологические соображения.

Американская элита в то время надела антифашистскую шляпу, но в глубине души многие ее члены, если не большинство из них, остались истинными антикоммунистами. Те, кто ранее надеялся, что Гитлер уничтожит колыбель коммунизма, теперь увидели титаническую борьбу на бесконечном Восточном фронте в ином свете. Они не желали определенной победы ни одной стороне, предпочитая, чтобы противники как можно дольше были заняты войной друг с другом и как можно больше друг друга ослабили. Надежда на длительность конфликта между Берлином и Москвой нашла отражение во многих газетных статьях и в столь известном замечании сенатора Гарри Трумэн 24 июня 1941 года, всего лишь через два дня после начала операции «Барбаросса», нацистского нападения на Советский Союз: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если Россия будет побеждать, мы должны помогать Германии, так чтобы обе стороны понесли как можно большие потери». Даже уже 5 декабря 1941 года, всего за два дня до японского нападения на Перл-Харбор, которое «официально усадило американцев в одну и ту же антифашистскую лодку с англичанами и русскими», как писали американские историки Клейтон Р. Коррес и Грегори Д. Блэк, карикатура в херстском «Chicago Tribune» намекала, что было бы идеально для цивилизации, если бы эти «два опасных зверя [нацисты и Советы] уничтожили друг друга». Если этот сценарий каким-то образом стал бы реальностью, то Америка с

Великобританией на ее стороне смогла бы сама создать новый порядок в Европе. В конце 1941 года дела, действительно, выглядели так, будто такой сценарий вполне мог осуществиться¹³⁰.

В военном и политическом отношении дела шли хорошо для Соединенных Штатов, и в экономическом отношении американские корпорации получали выгоду от войны на Восточном фронте и рынков, которые были открыты для них с появлением нового партнера США по ленд-лизу. Соединенные Штаты Америки (вместе с Канадой и Великобританией) в конечном итоге поставили в СССР гораздо меньше оружия, чем «Студебеккеры» и грузовики, джипы, одежды и консервов. Ленд-лизу также открылись ранее немыслимые перспективы вовлечения гигантского Советского Союза в американскую экономическую сферу влияния после войны – тема, которую мы рассмотрим ниже. Иногда утверждается, что Советский Союз сумел выжить в ходе нацистского нападения только благодаря американской помощи по ленд-лизу, но по ряду причин такое утверждение крайне сомнительно. Во-первых, как мы уже видели, соглашение о ленд-лизе с Советским Союзом было заключено только в конце 1941 года. За первые поставки американского оружия и других материалов Советы были обязаны платить наличными. Эти первые поставки были очень скромными, если не сказать незначительными. Так, немецкий историк Бернд Мартин утверждает, что на протяжении 1941 года американская помощь Советскому Союзу оставалась «фиктивной». Американская материальная помощь стала значительной только в 1942 году, то есть задолго после того, как Советы в одиночку остановили вермахт и повернули ход войны. Во-вторых, американская помощь никогда не составляла более чем 45 процентов

от общего объема советского производства военного времени, хотя надо признать, что даже такое небольшое количество в кризисной ситуации могло бы, возможно, оказаться решающим. В-третьих, сами Советы производили все высококачественные виды легкого и тяжелого оружия, такие, как танк Т-34, вероятно, лучший танк Второй мировой войны, которые обеспечили их успех в борьбе против вермахта. В-четвертых, и это, наверное, самое главное, разрекламированная помощь СССР по ленд-лизу в значительной степени нейтрализовывалась той неофициальной, ограниченной, но очень важной помощью, которую американские корпоративные источники предоставляли немецким врагам Советов. В 1940 и 1941 годах американская промышленность получала прибыль, в первую очередь, от бизнеса с Великобританией, но это не помешало американским нефтяным фирмам и трестам заключать тайные, еще более прибыльные бизнес-сделки также и с фашистской Германией. Огромные запасы нефти были доставлены в нацистскую Германию при помощи нейтральных государств, таких, как Испания, о чем было известно в Белом доме. Американская доля в импорте жизненно важных для Германии нефтепродуктов быстро увеличивалась; в случае моторного масла – с 44 процентов в июле 1941 года до не менее 94 процентов в сентябре того же года. Учитывая истощение германских запасов нефтепродуктов в то время, было бы справедливо сказать, что немецкие танки, вероятно, никогда не дошли бы до окраин Москвы без топлива, поставляемого Германии американскими трестами¹³¹. Более того, без поставляемого США топлива ни нападение Германии на Советский Союз, ни, раз уж о том зашла речь, какая-то любая другая из немецких военных операций 1940 и 1941 года не были бы

возможными, согласно немецкому историку Тобиасу Йерсаку, эксперту в области американского «Топлива для фюрера»¹³². Наконец, следует также учитывать, что с помощью «обратного ленд-лиза» Советский Союз поставлял США важные сырьевые материалы, в том числе хром и марганцевую руду, а также платину; и если учитывать это, то, возможно, США даже выиграли больше, чем Советы, от торговли военного времени¹³³.

Благодаря войне в Европе Америка вышла из кошмара Великой депрессии. На Великобританию и СССР отныне можно былорассчитывать как на рынки для американских промышленных товаров. Но и в других местах мира были другие потенциальные рынки, а также источники дешевого сырья, такого, как каучук и нефть, которые были крайне необходимы для американской промышленности. США присоединились к крайне конкурентной мировой борьбе других крупнейших промышленных наций мира за рынки и ресурсы в конце девятнадцатого века, став, таким образом, империалистической державой, такой же, как Великобритания и Франция. Путем агрессивной внешней политики, проводимой такими президентами, как Теодор Рузвельт, его двоюродный брат Франклин Делано Рузвельт, и «великолепной маленькой войны», как ее назвал Джон Хей, посол США в Лондоне, против Испании Америка приобрела контроль над бывшими испанскими колониями, такими, как Пуэрто-Рико, Куба и Филиппины, а также над доселе независимым островным государством Гавайи. Так Дядя Сэм стал очень заинтересованным в Тихом океане, его островах и в высадке на его дальних берегах, на Дальнем Востоке. Особенно привлекательным там был Китай, с точки зрения бизнесмена, «рынок» с неограниченным потенциалом и огромная, но слабая тогда страна,

которая, казалось, была готова экономически подчиниться любой империалистической стране с достаточными силами и амбициями для такого проникновения туда¹³⁴. Все это, однако, не помешало США, бывшей британской колонии, изображать себя повсюду противником колониализма, защитником дела свободы и борцом за права угнетенных народов. Бренд американского империализма отличался от его европейского сорта, как саркастически замечает американский историк Уильям Эпплман Уильямс, тем, что «мы замаскировали нашу имперскую правду риторикой о свободе». От этой американской империалистической экспансии в первую очередь выиграл американский бизнес. Например, успех Dole, американской «империи» консервированных ананасов, не стал бы возможным без (украденной) земли и принудительного труда коренных гавайцев, которые сегодня составляют меньшинство на своих родных островах.

На Дальнем Востоке, в частности по отношению к Китаю, США столкнулись с конкуренцией со стороны агрессивной державы, которая стремилась реализовать свои собственные империалистические амбиции в этой части мира, а именно Японии, Страны восходящего солнца. Отношения между Вашингтоном и Токио не были хорошими уже в течение многих десятилетий, но еще более ухудшились во время депрессии 1930-х годов, когда накалялась конкуренция за рынки и ресурсы. Япония еще более нуждалась в нефти и подобном сырье для своих заводов, а также в рынках как для своей готовой продукции, так и для инвестиционных возможностей. Токио зашел так далеко, что начал войну с Китаем и «отрезал» государство Маньчжоу-Го от северной части этой большой, но слабой страны. Американцев беспокоило не

то, что японцы скверно обращались со своими китайскими (и корейскими) соседями, как с «недочеловеками», или, пользуясь нацистской терминологией, Untermenschen, а то, что они были полны решимости превратить Китай и остальной Дальний Восток, в том числе богатую ресурсами Юго-Восточную Азию и Индонезию, в то, что они именовали «Великой восточноазиатской сферой взаимного процветания», то есть созданием собственной экономической вотчины, «закрытой экономики», в которой не найдется места для американских конкурентов¹³⁵.

Американские бизнесмены и американская правящая элита в целом были чрезвычайно озабочены перспективой вытеснения с прибыльного дальневосточного рынка «япошками», якобы «неполноценной» «желтой расой», которую многие американцы начали презирать уже в девятнадцатом веке¹³⁶. В свете этого можно понять, почему уже в 1930-х годах американские военные выработали планы приготовления к войне против Японии. (Также были подготовлены планы войн против Мексики, Великобритании, Канады, но не против нацистской Германии)¹³⁷.

С началом войны в Европе в действие вступил новый фактор. Поражение Франции и Нидерландов в 1940 году от рук нацистской Германии подняло вопрос о том, что будет с колониями данных стран на Дальнем Востоке: Индокитаем, богатым каучуком, и Индонезией, богатый нефтью. Их метрополии были оккупированы немцами, и эти колонии выглядели, как зрелые плоды, готовые упасть к ногам одного из выживших в жестокой борьбе между великими державами-конкурентами, но кого именно? Возможно, немцев, если и когда они победят в войне и навяжут договор в стиле

Версальского проигравшим. Но перспективы немецкого триумфа быстро испарились во время краха их планов в 1941 году, когда более вероятным стало, что вермахт столкнется с перспективой длительной войны в России. У англичан руки были по-прежнему связаны войной против нацистской Германии. Очень вероятным кандидатом, однако, была Япония, держава весьма амбициозная, особенно в своей части мира, с большими аппетитами в отношении каучука и нефти. Могли ли США стерпеть японскую экспансию в Юго-Восточной Азии в дополнение к японской монополии на китайском рынке? Это было маловероятно, так как это означало бы полную японскую гегемонию на Дальнем Востоке и конец американских амбиций и мечтаний в этой части мира. Тем не менее именно такой сценарий, казалось, начал реализовываться, когда французское коллаборационное правительство в Виши передало контроль над Ханоем и Сайгоном Японии в 1940 году и когда на следующий год Япония забрала себе весь Индокитай.

В США тогдашняя правящая элита считала, что нужно срочно действовать, пока в руки Японии не попала богатая нефтью Индонезия, ибо тогда весь Дальний Восток был бы потерян. В 1930-е годы, как мы знаем, американская элита была в основном против войны с Германией, но все чаще благосклонно смотрела на перспективу войны против Японии. Страна восходящего солнца воспринималась как высокомерная, но, по существу, слабая страна-выскочка, которую могущественная Америка может легко «стереть с карты мир за три месяца», как выразился однажды секретарь военно-морского флота Фрэнк Нокс¹³⁸. Как уже упоминалось, планы войны против японцев готовились в течение довольно продолжительного времени. Именно с учетом этих планов авианосцы и стратегические

бомбардировщики были разработаны в 1930-х годах. Это оружие делало руки Дяди Сэма достаточно длинными, чтобы дотянуться через Тихий океан, где Филиппины, стратегически расположенные недалеко от Японии, а также от Китая, Индокитая и Индонезии, могли, очевидно, служить наиболее полезной для операций базой.

Правящая элита США хотела войны против Японии, и президент Рузвельт, капиталы семьи которого были созданы, по крайней мере, частично за счет торговли опиумом с Китаем, показал себя вполне готовым начать такую войну. Но Вашингтон не мог позволить себе считаться агрессором и начать конфликт, только оборонительную войну можно было бы представить Конгрессу, где были сильны изоляционистские настроения, и американской общественности, которая не очень-то желала войны. Американское нападение на Японию, кроме того, вызвало бы вступление в эту войну нацистской Германии, которая должна была прийти на помощь Японии в соответствии с условиями их взаимных договоров, в то время как нападение Японии на США такой необходимости не вызвало бы¹³⁹. (Более того, так как она уже была в отчаянном положении в СССР, Германия, как считалось, вовсе не стремилась взять на себя нового врага калибра США. Это мнение, очевидно, подтверждалось сдержанной реакцией Берлина на серию инцидентов с участием кораблей и немецких подводных лодок в Атлантике осенью 1941 года, которая получила гиперболическое название «необъявленная морская война»). Для того, чтобы вызвать в воображении войну, которая была бы желанной, своего рода новую редакцию «великолепной маленькой войны» против Испании на рубеже века, войны против единственного и предположительно относительно слабого врага – Японии, последнюю надо

было спровоцировать, так чтобы представить эту войну как акт агрессии.

Решив, что «Япония должна быть представлена как сделавшая первый выстрел», президент Рузвельт положил «провоцирование Японии на очевидный акт войны в основу политики, которой руководствовались [его] действия по отношению к Японии на протяжении 1941 года». Используемые военные хитрости включали в себя развертывание военных кораблей близко от японских территориальных вод или даже вхождение в них, по-видимому, в надежде что это вызовет инцидент, который мог бы служить в качестве «казуса белли» (благовидного предлога). Более эффективным, однако, было то неумолимое экономическое давление, которое было пущено в ход против Японии, страны, отчаянно нуждавшейся в сырье и поэтому более вероятно считающей такие методы особенно провокационными. Летом 1941 года администрация Рузвельта заморозила все японские активы в Соединенных Штатах и приступила к «стратегии предотвращения приобретения японской стороной нефтепродуктов». В сотрудничестве с англичанами и голландцами США ввели тяжелые экономические санкции против Японии, в том числе эмбарго на жизненно важные нефтепродукты, политику, которая служила для того, чтобы усилить японское желание взять под контроль богатую нефтью голландскую колонию Индонезия. Ситуация еще более обострилась осенью 1941 года, особенно после того, как Вашингтон начал также оспаривать «эксклюзивный» характер политики Токио в Китае, требуя «открытых дверей» для американского бизнеса в этой стране. Токио ответил предложением применить в Китае принцип недискриминационных торговых отношений при условии того, чтобы американцы сделали бы то же самое в своей собственной сфере влияния в Латинской Америке.

Однако Вашингтон хотел «взаимности» только в сферах влияния других империалистических держав, но не в своем собственном заднем дворе. Японское предложение было отклонено.

Продолжающиеся провокации США против Японии были предназначены для того, чтобы подтолкнуть Токио к войне, и все более и более усиливали вероятность этого. «Это продолжающееся покалывание гремучей змеи булавкой, – доверился Рузвельт друзьям позже, – наконец, вызвало проглатывание этой страной наживки». 26 ноября, когда Вашингтон направил свою «Записку из 10 пунктов» с требованием немедленного вывода Японии из Китая, «гремучие змеи» в Токио решили, что с них хватит, и приготовились к тому, чтобы «укусить»¹⁴⁰.

Японский флот получил приказ выйти в море на Гавайи для того, чтобы атаковать впечатляющую армаду кораблей, которую Рузвельт решил разместить там в 1940 году, – вызывающий, а также «напрашивающийся на ответ», как считали японцы, шаг. Они надеялись, что смертельный удар по находящейся среди Тихого океана военно-морской базе сделает невозможным для американцев любое эффективное вмешательство на Дальний Восток в обозримом будущем. И это предоставит Японии достаточно большие возможности для того, чтобы твердо установить свое господство на Дальнем Востоке, например, путем добавления Индонезии в свою коллекцию трофеев, захватом Филиппин и так далее. То есть поставить, таким образом, США перед свершившимся фактом, который они не смогут отменить даже после того, как оправятся от удара, нанесенного им в Перл-Харборе, особенно потому, что тогда американцы будут уже лишены плацдарма на Дальнем Востоке в виде Филиппин. Расшифровавшие

японские шифровки американское правительство и верхние эшелоны армии точно знали, что намеревалась сделать японская армада, но не предупредили своих командующих на Гавайях, позволив таким образом «внезапное» нападение на Перл-Харбор, которое произошло в воскресенье, 7 декабря 1941¹⁴¹. На следующий день Рузвельт легко убедил Конгресс в необходимости объявить войну Японии, а американский народ, потрясенный таким трусливым, как казалось, нападением, о котором ему не было известно, что нападение это было спровоцированным, как и ожидало его собственное правительство, предсказуемо сплотился под флагом войны¹⁴².

США были готовы к войне против Японии, и перспективы относительно легкой победы едва ли уменьшились от потерь, понесенных в Перл-Харборе, которые, хотя и были якобы тяжелыми, были далеки от катастрофических. Корабли, которые были потоплены, являлись «старыми, в основном... реликвиями Первой мировой войны» и вовсе не незаменимыми для войны против Японии. С другой стороны, современные военные корабли, в том числе авианосцы, чья роль будет иметь решающее значение в войне, как окажется позднее, остались невредимыми. Они весьма подходяще для Вашингтона ушли с базы по его приказу как раз перед нападением и благополучно оказались в открытом море, когда японцы нанесли свой удар¹⁴³.

Тем не менее схема не сработала так, как предполагалось. Причиной этого было то, что через несколько дней после Перл-Харбора, 11 декабря, Гитлер неожиданно объявил войну США по причинам, которые были пояснены выше. Правда, американские отношения с Германией ухудшались в течение уже некоторого времени в связи с американской поддержкой ленд-лиза для Великобритании, которая привела к наращиванию

активности в необъявленной морской войне осени 1941 г. Но ведущий еще до сих пор войну против Англии и не закончивший свой крестовый поход против Советского Союза, который шел не по плану, Гитлер не имел никакого желания обрести еще одного могучего нового врага. В свою очередь, несмотря на то, что было много убедительных гуманитарных причин для крестовых походов против «действительного зла» – Третьего рейха, американская правящая элита тоже вовсе не желала объявить войну Германии. Крупные американские корпорации вели замечательный бизнес и с нацистской Германией, а также сторицей получали прибыль от войны, развязанной Гитлером, при помощи ленд-лиза. А некоторые члены американской элиты, не осознавая значения битвы под Москвой, все еще надеялись, что Гитлер сможет в конечном итоге уничтожить Советский Союз. Война против Германии была нежеланной и незапланированной. В Белом доме объявление войны Германией было воспринято как неприятный сюрприз.

Америка, таким образом, была втянута в войну в Европе против ее воли, что ставит интересный, но безответный вопрос: когда Вашингтон вступил бы в войну против фашистской Германии, если бы сам Гитлер не объявил ему войну 11 декабря 1941 года? Может быть, никогда? В любом случае американцы неожиданно оказались лицом к лицу с двумя врагами, а не с одним. И теперь им пришлось вести гораздо более масштабную войну, чем они ожидали, – войну на два фронта как в Европе, так и в Азии, действительно, мировую войну, вместо еще одной «великолепной маленькой войны».

Некоторые американские историки обращают внимание на простой, но неприятный и, как правило, поэтому игнорирующийся факт, что Соединенные Штаты объявили войну Японии не из-за неспровоцированной

агрессии Токио и его ужасных военных преступлений в Китае, а из-за нападения на американские имперские владения. Говард Зинн, вероятно, самый известный радикальный историк Америки, сухо отмечает, что:

«Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну не из-за уничтожения Гитлером евреев, Соединенные Штаты полностью вовлеклись в войну из-за нападения японцев на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, то есть нападение японцев на звено, связывающее Штаты с их Тихоокеанской империей, сделало это»¹⁴⁴.

Глава 7

Классовая война на американском домашнем фронте

Если война в Европе была хороша для американской промышленности, то мировая война была для нее просто прекрасной, так что она даже перешла на усиленный режим работы. Результатом этого стал устойчивый экономический бум, при котором занятость, а также прибыль впечатляюще выросли. Общая численность безработных в Соединенных Штатах снизилась за годы войны с более чем 8 миллионов в 1940 году до 5,5 млн. в 1941 г., 2,6 млн в 1942 году, 1 млн. в 1943 году и 670 000 в 1944 году, в результате чего уровень безработицы упал с почти 15 процентов рабочей силы страны в 1940 году до всего лишь 1,2 процента в 1944-м. Одна только армия поглотила миллионы мужчин и женщин, которые могли бы в противном случае пополнить ряды безработных: не менее 16 миллионов американцевполнили ряды вооруженных сил во время войны. Маятник занятости, действительно, качнулся от одной крайности к другой, и скоро началась нехватка кадров в таких важных секторах, как самолетостроение, так что все больше и больше женщин были мобилизованы для работы на заводах. В любом случае рабочие Америки в то время имели достаточно хорошие возможности найти работу, более высокую заработную плату (но также и цены), и уровень их жизни стал беспрецедентно высоким. Лекарством от Великой депрессии стали не домашние рецепты, вместо этого кошмар «грязных» тридцатых

годов был прекращен благодаря зарубежным военным конфликтам¹⁴⁵. «Война была подобна алхимику, – пишет американский автор Стадс Теркель, – она превратила плохие времена во времена хорошие»¹⁴⁶.

Простым американцам стало лучше жить, но больше всех от военного бума выиграли, несомненно, предприниматели и корпорации страны, которые накопили беспрецедентные богатства. «В течение четырех лет войны, 1942-1945, – пишет Стюарт Д. Брандес, историк, занимающийся изучением военных прибылей в Соединенных Штатах, – 2230 крупнейших американских фирм привели данные о прибыли после уплаты налогов на сумму в 14,4 миллиардов долларов – рост на 41 процен [в сравнении с предвоенными годами, 1936 – 39]». Он добавляет, что «щедрое правила налоговой амортизации» привели к тому, что эти данные «еще и занизили фактические доходы примерно на 20 процентов». Относительно низкие ставки налогообложения служили лишь для максимизации бума прибыли военного времени, полученной, в первую очередь, за счет «огромного роста продаж во время войны», который обеспечивался, в свою очередь, щедрыми программами государственных расходов на оборону в сочетании с отсутствием значимых антиспекуляционных ограничений и / или какого-либо эффективного контроля цен»¹⁴⁷. «Если вы собираетесь попытаться воевать... в капиталистической стране, – заявил военный министр Рузвельта, Генри Стимсон, – то вы должны позволить бизнесу делать деньги из этого процесса, иначе бизнес не сможет работать»¹⁴⁸.

Однако в то время как корпоративные прибыли (после уплаты налогов) в целом значительно увеличились в годы войны (по некоторым оценкам, более чем на 70 процентов), больше всего прибыли от бума получила очень ограниченная корпоративная

элита – «большой бизнес», в отличие от бизнеса в целом. Менее шестьдесят предприятий получили 75 процентов всех военных и других государственных заказов, и неудивительно, что крупнейшие корпорации оказались в числе «жирных боровов войны» (Брандс), которые имели привилегированный доступ к «корыту» государственных расходов в военное время. IBM было одним из предприятий, которое хорошо умело получить прибыль от этой возможности, как пишет Эдвин Блэк:

«Война всегда была хороша для IBM. В Америке военные доходы были беспрецедентными. Через девяносто дней после Перл-Харбора [председатель IBM] Уотсон сообщил журналистам, что IBM добилаь более чем \$ 150 млн. в боеприпасах и других гособоронзаказах. Общий объем продаж в военное время увеличился в три раза с примерно 46 миллионов долларов в год в 1940 году до примерно 140 млн. ежегодно в 1945-м»¹⁴⁹.

Что касается GM, то война «благословила» эту корпорацию прибылью в 673.000.000 долларов на волне государственных заказов с общей стоимостью 13,4 млрд. долларов¹⁵⁰.

Большие и малые корпорации также выиграли от того, что во время войны государство финансировало новые технологии и новые производства, щедро субсидировало частные инвестиции и потратило более 17 млрд. долларов на более чем 2 000 государственных оборонных проектов. Фирмам частного сектора было разрешено арендовать государственные средства производства в обмен на очень скромную плату, а после войны им позволили купить эти средства производства у государства за «лишь половину или даже одну треть их стоимости», как пишет Брандс. Миллионы долларов, таким образом, прежде всего поступили на счета крупных корпораций, «опухших от прибыли», что

побудило Гарри Трумэна «осудить эту форму получения доходов как «узаконенную спекуляцию»¹⁵¹. Журналист Дэвид Бринкли также заметил эту послевоенную феерию приватизации, комментируя, что это было «замечательным непредвиденным выигрышем», который сторонники «свободного предпринимательства» редко признают. «На самом деле последние предпочитают игнорировать любые доказательства того, что подрывает распространяемый ими миф, а именно, что в Америке большая часть, а то и все богатство создается якобы в частном секторе»¹⁵².

Корпоративная Америка «сделала» много денег во время войны, но получила выгоду от войны и в других важных сферах. Например, обеспечение соблюдения так называемых «антимонопольных законов», которые ограничивали корпоративную вседозволенность, было практически заброшено. Именно во время войны многие представители корпоративной Америки получили важные правительственные посты в Вашингтоне. Наблюдался «военный подъем бизнес-влияния в правительстве», пишет американский экономический историк Гарольд Г. Ваттер, и «Элементы с Уолл-стрит» и «бизнес-прослойка» в целом увеличили свое влияние на государственную политику, особенно в Госдепартаменте и Пентагоне. Таким образом, появилось близкое партнерство между правительством и крупным бизнесом, от которого большой бизнес продолжал получать прибыль и спустя много времени после окончания войны¹⁵³.

Американское государство финансировало свои военные проекты в меньшей степени за счет налогообложения (примерно 45 процентов), чем при помощи кредитов (примерно 55 процентов). Военные облигации Вашингтона, по которым платили относительно высокую процентную ставку, таким

образом, представляли собой особо интересную форму инвестиций для банков, страховых компании и физических лиц с деньгами. Видное место среди покупателей военных облигаций занимали те же самые акционеры и менеджеры крупных корпораций, которые сделали состояние в результате государственных заказов и которые, возможно, в противном случае не нашли бы таких прибыльных возможностей для инвестиций. В отношении богатых американцев, которые, как правило, были защитниками частных предприятий и врагами государственного вмешательства в экономическую жизнь, американское государство функционировало во время войны как щедрый покровитель. В любом случае богатые и могущественные американцы, безусловно, стали еще богаче и могущественнее из-за того, как американское правительство решило вести войну¹⁵⁴. С. Райт Миллс заметил в этом отношении что в то время «частному промышленному приобретению в США была гарантирована “общественная щедрость”», а войны создали много новых возможностей «для частного присвоения капитала и власти». В этом отношении, продолжает Миллс, Вторая мировая война «заставила предыдущие приобретения выглядеть просто ничтожными», ибо «ключевые позиции в управлении средствами производства нации были отданы в руки частных корпораций»¹⁵⁵.

Однако луч надежды военного времени для корпораций также имел свою темную сторону. С концом безработицы и ростом нехватки рабочей силы преимущество в том перетягивании каната, которое на рынке труда определяет стоимость рабочей силы, то есть уровень заработной платы и условия труда, сместилось со стороны работодателей на сторону наемных работников. Впервые американские рабочие

смогли использовать собственную сильную позицию на переговорах против своих хозяев, как отметил английский историк Артур Марвик. И они воспользовались этой ситуацией для требования более высокой заработной платы и улучшения условий труда. Они делали это не поодиночке, появляясь с протянутой рукой перед боссом со своими запросами, а все вместе, предъявляя требования от имени рабочей силы всего завода, промышленного сектора или прифсоюза посредством коллективных переговоров. Американские рабочие начали понимать преимущества солидарности и организации во время кризиса «грязных тридцатых годов», и во время войны они массово вступали в профсоюзы для защиты интересов труда. Профсоюзные ряды быстро росли с примерно 9 млн. членов в 1939 году до почти 15 млн. в 1945 году. Бизнес в Соединенных Штатах уже давно был «большим бизнесом», но теперь и труд находился в процессе превращения в «большой труд», и отныне большой труд стал фактором, который приходилось учитывать не только в залах заседаний американских корпораций, но даже в коридорах власти в Вашингтоне, в том числе в Белом доме, где ранее были слышны только голоса крупного бизнеса.

Работодатели Америки без энтузиазма отнеслись к перспективам отказаться даже хотя бы от незначительной доли их военных прибылей из-за коллективных переговоров. Рабочие тем не менее не стеснялись подкрепить свои требования испытанным оружием забастовки, оружием, которое показало себя особенно эффективным в то время. Правда, верное своим традициям американское государство вмешивалось в этот конфликт с мерами, которые благоприятствовали работодателям. Вскоре после нападения на Перл-Харбор администрация Рузвельта вырвала у крупных (и консервативных) профсоюзов,

таких, как Американская федерация труда (АФТ), так называемый «зalog не бастовать» – обещание не бастовать во время войны. А в 1943 году Конгресс помог деловому миру законом Смита-Конналли, который объявил незаконными некоторые формы забастовок. Но все это не могло помешать волне забастовок, захлестнувших США во время войны.

Говард Зинн излагает детали:

«Несмотря на преобладающую атмосферу патриотизма и полную преданность делу победы в войне, несмотря на обещания не бастовать со стороны АФТ и КПП, многие рабочие страны, разочарованные замораживанием заработной платы и тем, что в то же время прибыль предприятий взлетела до небес, объявляли забастовку. Во время войны было четырнадцать тысячи забастовок с участием 6.770.000 трудящихся, больше, чем в любой сопоставимый период в американской истории. Только 1944 году миллион рабочих вышли на забастовки в шахтах, на металлургических заводах, в автомобильной промышленности и в производстве транспортного оборудования».

Самыми активными забастовщиками были шахтеры, которыми руководил Джон Л. Льюис из Объединенного профсоюза шахтеров. Кроме того, необычайно большое количество забастовок были стихийными, без разрешения профсоюзов. Единственным настрой рабочих был таков, что работодателям – и американскому государству – пришлось поднять белый флаг. Требования по зарплате были постепенно удовлетворены по всей стране, и в результате этого средняя недельная заработная плата фактически выросла за время войны с примерно 23 долларов в 1939 году до более чем 44-х долларов в 1945 году (это

составляет увеличение на 90 процентов; инфляция за тот же период составила только 30 процентов) ¹⁵⁶.

Во время Второй мировой войны острая классовая борьба велась в Соединенных Штатах между трудом и капиталом, и это тоже важная часть истории роли Америки в этом мировом конфликте. Эта классовая война велась в американском тылу, и ее стычки и бои состояли из бесчисленных забастовок, больших и маленьких. Эта война, однако, не была черно-белым конфликтом между «хорошими» американцами и «нехорошими» фрицами или япошками, а видом социальной гражданской войны среди самих американцев. У этого конфликта не было явных победителей и проигравших, и перемирие в нем никогда не было заключено. Неудивительно, что Голливуд не посвятил ни одного фильма этому драматическому, болезненному и до сих пор продолжающемуся конфликту, а в самих Соединенных Штатах нет никаких памятников его героям. Неудивительно также, что большинство исторических исследований о Второй мировой войны предпочитают ограничиваться безопасной темой боев, которые велись далеко по ту сторону Атлантического и Тихого океанов. Из этой игнорируемой историками классовой войны, которая бушевала на американском домашнем фронте в сороковых годах, правящая элита США извлекла великий урок, а именно, что формы коллективного действия, такие, как забастовки и демонстрации, представляют собой наиболее эффективное оружие, доступное трудящимся. Именно поэтому голливудские фильмы снова и снова пытаются внушить, что проблемы лучше решать с помощью героических трюков (предпочтительно вооруженных до зубов) одиночек, которые резко контрастируют с якобы присущей массам апатией и бессилием; в боевиках основное внимание

всегда уделяется действиям одиночек, а не коллективным действиям. Таким путем Голливуд подрывает интерес и доверие к коллективным действиям любого рода, которые обеспечили такую головную боль американской элите, находившейся у власти во время Второй мировой войны, как раз среди тех людей, которые могли бы извлечь из таких действий пользу. В научной жизни также началась атака против коллективных действий. Во влиятельной книге, впервые опубликованной престижным Гарвардским университетом в 1965 году, экономист Манкур Олсон ассоциирует коллективные действия профсоюзов с принуждением и насилием, ссылаясь именно на рост профсоюзов и успех забастовок и других форм коллективного действия во время Второй мировой войны.

Книга Олсона продолжает и по сей день использоваться в вузах Северной Америки в курсах по деловому администрированию, политологии, теории организации и так далее. Наконец, отвращение американской элиты ко всем видам коллективных действий также четко отражается в насмешливых замечаниях, которые часто отпускаются в средствах массовой информации о готовности французского народа защищать свои интересы с помощью забастовок и демонстраций¹⁵⁷.

После Перл-Харбора Соединенные Штаты оказались формально в состоянии войны с Японией, отдаленной и сравнительно неизвестной страной, и с нацистской Германией, государством, о котором влиятельные люди лишь незадолго до этого говорили так много положительных вещей. Теперь же, наоборот, Америка стала официальным союзником не только Великобритании, но и Советского Союза, государства, которое ранее изображалось, как изгой. Можно понять,

что американский народ срочно нуждался в разъяснении, и разъяснение вскоре предстало в виде пропагандистской кампании, которая в черно-белых тонах «ставила все на свои места».

Плакаты по-прежнему являлись важным пропагандистским средством в те дни. В двадцатые и тридцатые годы, и особенно в момент «красной паники» и «маленькой красной паники», они часто были нацелены на безбожных большевиков, но теперь они стали изображать садистских «япошек» и надменных нацистских офицеров в моноклях с полезным пояснением: «Это враг»¹⁵⁸. Художники, очевидно, хотели исправить ошибку прошлого, когда они изображали большевиков «главным злом нашего времени». В целях дальнейшего инструктирования общественности о враге правительство США также заказало хорошо известному кинопродюсеру Фрэнку Капра «провернуть» серию документальных фильмов «Почему мы воюем», в которой нацисты изображались как «порочные, дьявольские мафиози», которые решили «поработить всех свободных людей и уничтожить религию». Первый из этих фильмов, «Прелюдия к войне», был описан в рекламном материале, как «Величайшее кино о гангстерах, когда-либо снятое, ужаснее, чем любой фильм ужасов, который вы когда-либо видели!», и стремление к мировой власти было приписано «порочным, дьявольским мафиози»¹⁵⁹. Голливуд подхватил эту тему и приступил к просвещению американцев об истинной природе фашизма посредством таких фильмов, как «Банда Гитлера», который также изображал нацистов гнусными бандитами. Также Голливуд высмеивал фашизм мультфильмами, такими, как «Ducktators», в которых ведущим героем была деспотическая птица по имени «Утка Гитлер». Американские герои комиксов,

такие, как Капитан Америка, Супермен, и Вондервуман, внесли свой вклад в пропагандистскую кампанию, срывая хитроумные планы нацистских агентов и шпионов. Так родился в Америке образ нациста как гангстера, злодея, карикатурный образ, который дожил до нашего времени в голливудских постановках типа «Индиана Джонс». Но эта упрощенная пропагандистская кампания совершенно не способствовала подлинному пониманию комплекса такого социального феномена Европы, как фашизм в целом и немецкий нацизм в частности¹⁶⁰.

Советы подверглись столь же замечательный метаморфозе – от безбожных большевиков до героических «русских» патриотов. Голливуд, который не проявлял большого интереса и еще меньше проявлял симпатий к СССР перед войной, задавал тон – четко по сигналу из Вашингтона – с просоветскими фильмами, такими, как «Миссия в Москве», «Северная звезда» и «Песнь о России». Популярные журналы Америки, в том числе «Life», «Saturday Evening Post» и «Readers Digest», которые ранее охотно распространяли антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду и снова займутся этим после войны, «сделали поворот на 180 градусов», как пишут историки Коппес и Блэк, и внесли свой собственный вклад в просоветскую пропаганду. Зловещего вида обитатели далекого рабочего рая в прошлом теперь представлялись как трудолюбивые, реалистичные и порядочные люди, которые, как заявил журнал “Life” в 1943 году, «выглядят, как американцы, одеваются, как американцы, и думают, как американцы», и которые якобы лишь дожидались окончания войны, чтобы перейти к капитализму и демократии. (И наоборот, фашисты теперь изображались как тевтонская разновидность большевиков, у которых не было

никакого уважения ко всему, что так дорого американцам, таким вещам, как религия и частная собственность). Советский лидер Сталин стал любимцем американских журналов; они приняли его как бы в большую американскую семью в качестве «дядюшки Джо», публиковали лестные для него фотографии на своих обложках, а в 1943 году “Time” провозгласил его «Человеком года». На американцев также должно было произвести благоприятное впечатление то, что Сталин имел слабость к американским сигаретам, таким, как “Camel”, “Chsterfield” и “Lucky Strike”. В якобы «красные» тридцатые годы не только коммунисты Америки, но также многие радикальные и прогрессивные американцы романтизировали Советский Союз; в начале сороковых годов Советский Союз был романтизирован на «земле обетованной» капитализма даже в Голливуде и американских СМИ¹⁶¹.

Таким образом американский народ готовили к новому курсу Вашингтона в отношении СССР, курсу, который имел значительную пользу для американской промышленности. Это не означает не то, что правящая элита Америки больше не презирала Советское государство и коммунизм, а лишь то, что они выиграли от временного приглушения антикоммунистической риторики.

Нечто аналогичное произошло в Советском Союзе, где антикапиталистический лозунг мировой революции исчез из официального дискурса и где 22 мая 1943 г. Сталин распустил Коминтерн – коммунистический Интернационал, который под руководством Москвы должен был разжечь пролетарскую революцию повсюду на Земле. Эту новость приветствовали американские СМИ как «свидетельство готовности [СССР] играть в нашу игру, если мы его в эту игру примем»¹⁶².

Такого рода вид коллективного «промывания мозга», которое Вашингтон применял к американскому народу в отношении Советов, имел важные последствия для классовой войны, которая велась в тылу США во время войны. Среди американских рабочих еще больше вырос интерес к социалистическому эксперименту, запущенному в 1917 году. Они узнали, например, что в СССР нет безработицы и что их советские коллеги, которые, по общему признанию, зарабатывали меньше, чем американские рабочие, пользовались благами значительно более низких цен, бесплатного образования и здравоохранения, пенсии по старости, оплачиваемого отпуска и другими социальными преимуществами. Все больше и больше американцев – и, конечно, не только рабочих, – таким образом, стало задумываться, что пришло время ввести, по меньшей мере, столь же щедрую систему полной занятости и социальной защиты в интересах простых американцев. В конце концов, какой смысл был в войне, которую они помогали выиграть, если победа не приведет к социальной «новой сделке» вместо возвращения к нищете «грязных тридцатых»¹⁶³. У столкнувшейся с такими ожиданиями правящей элиты Америки были основания для беспокойства. Деловой истеблишмент считал, что он и так делал больше, чем достаточно, идя на уступки по значительно более высокой заработной плате рабочим, и ему вовсе не улыбалась перспектива того, чтобы финансировать социальные реформы.

По мере приближения конца войны правящим кругам стало очевидно, что нужно будет что-то предпринять, чтобы предотвратить превращение Америки, родины неограниченного свободного предпринимательства, не в большевистское государство, потому что для этого никогда не было

даже отдаленной возможности, но даже в какое-либо «государство всеобщего благополучия».

Глава 8

Второй фронт для Сталина, или Третий фронт в воздухе?

Весной 1942 года вермахт перешел в новое наступление на восточном фронте. СССР с трудом пережил нападение нацистов 1941 года, и Красная армия снова сражалась в крайне тяжелых условиях. Материальная помощь шла теперь из США и Англии, но больше всего Сталину от союзников была нужна военная помощь, поэтому он попросил Черчилля и Рузвельта открыть второй фронт в Западной Европе. Англо-американская высадка в Западной Европе – во Франции, Бельгии или Голландии – вынудила бы Германию снять часть войск с Восточного фронта и тем самым облегчила бы положение СССР.

В США и Англии среди политиков и военных не было единства в вопросе возможности и желательности второго фронта. С военной точки зрения было можно уже летом 1942 года открыть второй фронт, то есть высадить во Франции или в другом месте значительные силы. Английская армия успела оправиться от проблем 1940 года, и немалое число американских и канадских солдат, присоединившихся к английским товарищам на Британских островах, с нетерпением ожидали приказа, который пришлось бы отдать раньше или позже заняться нацистами на континенте. Но пока что они были заняты, ухлестывая за женщинами, чьи ухажеры – «томми» – защищали интересы империи в Северной Африке и других местах. «Перекормленные, сексуально озабоченные и путаются под ногами» – так насмешливо описывали англичане американских солдат. Более того, отнюдь не было тайной, что, отчаянно пытаясь

наскрести силы для нового наступления на Восточном фронте, немцы оставили сравнительно немного войск для обороны тысяч километров атлантического побережья. Да и войска эти были куда хуже тех, что на Восточном фронте. На атлантическом побережье Гитлер держал 60 дивизий, притом второго сорта, а на востоке – не менее 260¹⁶⁴. Наконец, в 1942 году эти солдаты еще не так хорошо укрепились, как позднее, в июне 1944 года в Нормандии. Гитлер приказал строить укрепления знаменитого Атлантического вала только в августе 1942 года, и строительство тянулось с осени 1942 по весну 1944¹⁶⁵.

Ряд английских и американских генералов, включая начальника штаба США Джорджа Маршалла и Эйзенхауэра, были знакомы с этими фактами и поэтому выступали за открытие второго фронта в Европе. Такой проект также поддерживал президент США Рузвельт, по крайней мере, вначале. Он пообещал Черчиллю, что США сначала будут воевать с Германией, а с Японией разберутся потом. Это решение было известно под названием «Сначала Германия»¹⁶⁶. Поэтому Рузвельт был готов заняться Германией немедленно, а для этого нужно было открыть второй фронт. Лидеры США, вероятно, также беспокоились, что без помощи СССР может все-таки рухнуть под напором нацистов. Еще одним фактором для американцев могло быть то, что немедленная военная помощь СССР сделала бы ненужными возможные уступки Москве позднее. В любом случае в мае 1942 года Рузвельт обещал советскому министру иностранных дел Молотову, что американцы откроют второй фронт до конца года¹⁶⁷.

Несмотря на принцип «Сначала Германия», тем не менее Вашингтон не смог удержаться и не выделить значительное число солдат и техники на войну против Японии, в которой интересы США были сильнее

затронуты, чем в Европе. В связи с этим спешка с открытием второго фронта в Европе казалась рискованной. И кроме того, имело значение мнение премьер-министра Англии Уинстона Черчилля, который был решительным противником открытия второго фронта. Он мог опасаться, как полагают некоторые историки, что высадка во Франции приведет к повторению колоссальных потерь времен Первой мировой войны во Франции. Возможно, Черчилль также предпочитал, чтобы Гитлер и Сталин как следует пустили друг другу кровь на Восточном фронте, считая, что Лондон и Вашингтон выгадают от затянувшейся позиционной войны на востоке. Трумен и многие другие видные американцы разделяли это мнение. Поскольку он имел 3 года военного опыта, Черчилль обладал значительным влиянием на Рузвельта, который был новичком в войне в Европе. Не удивительно, таким образом, что мнение английского лидера возобладало, и планы открытия второго фронта в 1942 году потихоньку положили под сукно¹⁶⁸.

После того как Черчилль убедил его не торопиться со вторым фронтом, Рузвельт обнаружил, что такой образ действия (или, скорее, бездействия) давал заманчивые перспективы. Он и его советники поняли, что для победы над Германией требовались большие жертвы, что могло не понравиться американцам. Высадка во Франции была бы равна выскакиванию на ринг против германского противника, и даже в случае победы она, несомненно, далась бы дорого. Разве не умнее стоять в сторонке в безопасности, по крайней мере, пока и дать СССР побить Германию? Красная армия была пушечным мясом, необходимым для победы над Германией, так что американцы и их английские союзники могли уменьшить свои потери. Еще лучше они могли пока накопить силы, чтобы вмешаться

решительно в подходящий момент, когда и Германия, и их союзник СССР будут обессилены. С Англией вместе в таком случае США с высокой вероятностью могли бы играть ведущую роль в стане победителей и играть роль верховного судьи в разделе добычи предполагаемой общей победы. Весной и летом 1942 года, когда нацисты и СССР вели титаническую битву, а англосаксы с безопасного расстояния, потирая руки, за этим наблюдали, в самом деле, казалось, что тем дело и кончится¹⁶⁹.

Такая стратегия выжидания в сторонке явно не исключала некоторого риска, о чем знали в Лондоне и Вашингтоне. Весной 1942 года немцы наскребли достаточно сил, чтобы начать новое наступление на Восточном фронте, направленное на крайне важный богатый нефтью Кавказ. Нам-то сейчас ясно, что шансы на успех у Германии были не так велики, но для современников все еще выглядело возможным. Шансы внезапного разгрома нелюбимого, но полезного советского союзника, хотя небольшие, для Вашингтона и Лондона нельзя было исключить. Чтобы не допустить такой катастрофы, которая оставила бы западных союзников один на один с немецким Голиафом, все больше оборудования шло в СССР. Для большей уверенности были составлены на всякий случай планы высадки в Западной Европе под названием «Кувалда», если Красная армия будет в таком состоянии, что не справится в одиночку и надо будет ее спасать. Противоположный вариант – внезапный разгром Германии на восточном фронте – был также возможен, но в 1942 году выглядел так маловероятно, что на этот случай планов не составили. Однако не прошло и года после битвы за Сталинград, как именно такая возможность вызвала все большую озабоченность в Лондоне и Вашингтоне. Тогда-то и были составлены

планы пересечения Ла Манша и открытия второго фронта¹⁷⁰.

Разумеется, англичане и американцы не могли открыть настоящие причины, почему они не желали открыть второй фронт. Вместо этого они делали вид, что их объединенные силы были еще недостаточны для такого дела. Тогда говорили – и все еще повторяют, – что в 1942 году английские и американские войска еще не были готовы к крупной операции во Франции. Предположительно, сначала надо было победить подводный флот Германии, чтобы обезопасить перевозку солдат через океан. Тем не менее солдат успешно перевозили из Северной Америки в Англию, и осенью того же года англичане и американцы оказались способны высадить значительные силы в отдаленной Северной Африке, на той же стороне опасного Атлантического океана. Эти высадки, известные как операция «Факел», включали оккупацию французских колоний – Марокко и Алжира¹⁷¹.

Однако Сталин, который знал, что германская оборона в Западной Европе была слаба, продолжал настаивать, чтобы Лондон и Вашингтон организовали высадку во Франции. Да к тому же и в самой Англии были сильны настроения в пользу второго фронта, в том числе в его же правительстве, например, за это выступал Ричард Стэффорд Криппс и особенно профсоюзы из-за симпатии рабочих к участи советских людей. Но, к счастью для Черчилля, давление на него сразу ослабело после трагедии, которая как будто убедительно показала, что западные союзники еще не были способны открыть второй фронт. 19 августа 1942 года группа солдат союзников, посланных из Англии во французский порт Дьепп, как будто бы попыталась открыть что-то вроде «второго фронта» и была

уничтожена немцами. Эта операция называлась «Юбилей».

Из 6 086 солдат, добравшихся до берега, 3623 – почти 60 % – были убиты, ранены или попали в плен. Английская армия и флот потеряли около 800 человека и ВВС – 106 самолетов. Из 50 американских рейнджеров, участвовавших в высадке, было потеряно 3. Но наибольшую часть потерь понесли канадцы, которых было 5000. Большинство канадских солдат – не меньше 3 367 – 68 % – были потеряны, около 900 убиты, почти 600 – ранены, и остальные попали в плен. При таких потерях обычно желают, чтобы они были «не даром», и неудивительно, что именно Канада – и СМИ и население – желали знать цель такой высадки и чего удалось достичь. Однако политики и военные не могли сказать ничего убедительного, хотя их объяснения и попали в исторические сочинения. Например, Черчилль объявил высадку «разведкой боем», необходимой проверкой береговой обороны Германии. Но в самом ли деле необходимо принести в жертву тысячи солдат, только для того, чтобы узнать, что немцы хорошо укрепились в естественной крепости – морском порту, окруженном скалами, каким был Дьепп? В любом случае критически важную информацию о пушках, пулеметных позициях и дотах можно было бы получить от воздушной разведки и с помощью местных бойцов Сопротивления.

Кстати, о Сопротивлении. Эта высадка должна была также предположительно поднять дух французских партизан и французского населения в целом. В таком случае результат был прямо противоположным. В самом деле, итог операции – бесславное отступление, пляж, усеянный трупами и брошенной техникой, и вид изнуренных и подавленных канадских солдат, ведомых в лагерь военнопленных, – вряд ли мог подбодрить французов. Наоборот, эта история дала отличный

материал для германской пропаганды, позволив им высмеивать некомпетентность союзников, хвалиться своим военным искусством и тем вводить в уныние французов и ободрять немецкое население, которому очень не хватало хороших новостей с фронта среди постоянных плохих новостей с Востока.

Наконец, не менее важно, что операция «Юбилей» также предположительно должна была бы облегчить положение СССР. Однако было ясно, что такой булавочный укол, как под Дьеппом, не мог повлиять всерьез на титаническую борьбу на Восточном фронте. Он не вынудил немцев перевести войска с востока на запад, напротив, после Дьеппа немцы могли быть уверены, и не без оснований, что в ближайшем будущем второго фронта не будет, так что они даже смогли отправить солдат с запада на восток, где те были отчаянно нужны. Дьепп не принес облегчения Красной армии.

Историки по большей части охотно повторяли эти оправдания «Юбилея», а в некоторых случаях придумали и свои собственные. Например, совсем недавно высадка в Дьеппе была объявлена проведенной также, если не главным образом, с целью похитить оборудование и инструкции, связанные с машиной кодирования «Энигма», а возможно, и части самой машины¹⁷². Но разве немцы немедленно не сменили бы код, если бы эта цель была бы достигнута?

Утверждение, что целью было взорвать здание перед отступлением, тем уничтожив улики похищения Энигмы, неубедительны, потому что предполагают, что немцы были бы слишком тупы или некомпетентны, чтобы заметить, что сверхсекретное оборудование исчезло.

После высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года под названием «Оверлорд» можно было придумать

как бы убедительное обоснование для операции «Юбилей». Дьепп вдруг с триумфом был объявлен «генеральной репетицией» успешной высадки в Нормандии. Дьепп вроде был испытанием немецкой обороны для будущей большой высадки. Лорд Моунтбаттен, автор «Юбилея», которого многие обвиняли и продолжают обвинять в произошедшей катастрофе, таким образом, заявил, что «Битва за Нормандию была выиграна на пляже в Дьеппе» и что «на каждого солдата, погибшего в Дьеппе, не меньше десяти выжили в 1944 году в Нормандии». Так родился миф: трагедия «Юбилея» как необходимость для триумфа «Оверлорда».

Крайне важный урок для военных, каким предположительно был Дьепп, состоял в том, что немецкие береговые укрепления были особенно сильны в гаванях и вокруг них. Именно поэтому, как нам объясняют, высадка в Нормандии была проведена на берегу без портов, к северу от Каена, для чего союзники привезли с собой искусственную гавань под названием «Тутовник». Однако разве не самоочевидно, что немцы будут сильнее укреплять морские порты, чем незначительные курортные пляжи? В самом ли деле было необходимо жертвовать тысячами солдат на пляжах Дьеппа, чтобы выучить такой урок? Также неясно, какая именно информация, полученная в «пробе» немецких береговых укреплений летом 1942 года, была все еще значима в 1944, особенно учитывая, что огромные укрепления «Атлантической стены» были построены в 1943 году. И почему высадка, «генеральная репетиция» которой прошла в августе 1942, произошла только спустя 2 года? Разве не нелепо утверждать, что «Юбилей» был репетицией для операции «Оверлорд», проведенной в 1944 году и еще даже не запланированной двумя годами ранее, летом 1942? Наконец, преимущества уроков Дьеппа, если такие и

были, почти наверняка были сведены на нет тем, что немцы тоже извлекли урок и, возможно, куда более полезный, как союзники будут (или не будут) высаживать войска. Идея, что трагедия «Юбилея» была условием для триумфа «Оверлорда», – всего лишь миф. И даже сегодня трагедия Дьеппа замазана дезинформацией и пропагандой.

Возможно, мы можем уловить проблески правды про Дьепп, используя старую философскую задачу: если хочешь провалиться, и проваливаешься, это победа или провал? Если в Дьеппе хотели одержать военную победу, то высадка точно была провалом. Но если хотели, чтобы высадка провалилась, то это была победа. В таком случае надо выяснить настоящую цель этой высадки, ее скрытую, а не выставленную напоказ роль.

Есть основания полагать, что провал был запланирован. Прежде всего, Дьепп был, и был известен в этом качестве, удобен для обороны и поэтому являлся одной из сильнейших позиций Германии на атлантическом побережье Франции. Любой, приплывший на пароме из Англии, сразу видит, что порт, окруженный высокими крутыми скалами, вооруженными пулеметами и пушками, будет смертельной ловушкой для нападающих. Находящиеся там немцы не верили своим глазам, когда увидели высадку. Один из их военных корреспондентов, бывший свидетелем неизбежной бойни, описал высадку как «операцию с нарушением всех правил военной логики и стратегии»¹⁷³. Другие факторы вроде плохого планирования, недостаточной подготовки, скверной техники – танков, которые не могли идти по гальке пляжа в Дьеппе, наводят на мысль, что целью был провал, а не победа.

С другой стороны, операция в Дьеппе, включая кровавый провал, имеет смысл, – то есть была успехом, если ее провели не с целью военной победы. Военные действия часто ведут с политической целью, и, вероятно, так и было в Дьеппе в августе 1942 года. Политическое руководство западных союзников, особенно англичане, и прежде всего Черчилль, оказались под давлением с целью открыть второй фронт, но не желали открыть такой фронт, и им только не хватало удобного оправдания своего бездействия. Провал того, что можно было изобразить как попытку оторвать второй фронт, или хотя бы подготовку к такому открытию, дал им такое оправдание. С этой точки зрения эта операция была успешной, даже вдвойне. Первое, эта операция могла быть и была представлена как самоотверженная и героическая попытка – англосаксов – помочь СССР. Второе, провал этой операции как будто показывал, и очень наглядно, что западные союзники, в самом деле, были все еще не готовы открыть второй фронт.

Если целью операции «Юбилей» было заткнуть рот тем, кто ратовал за открытие второго фронта, то операция была успешной. Катастрофа в Дьеппе прекратила популярное требование открыть второй фронт и позволила Черчиллю и Рузвельту продолжать сидеть сложа руки, пока Советская армия и нацисты убивали друг друга на востоке. Хотя в данный момент нет документального подтверждения этой гипотезы, она хорошо объясняет, почему овцами на заклание в Дьеппе были не столько американцы или англичане, сколько канадцы. Канадцы, в самом деле, были идеальным пушечным мясом для такого дела, потому, что их политическое и военное руководство не входило в клуб для избранных – высшее командование Англии и США, которое и планировало эту операцию и кто, очевидно, не хотел бы приносить в жертву своих людей.

После трагедии в Дьеппе, Сталин перестал просить открыть второй фронт.

Советский Союз, в конце концов, получил свой второй фронт, но гораздо позже, в 1944 году, когда Сталин уже не просил о такой услуге. Однако в этот момент американцы и англичане имели свои неотложные причины для высадки на побережье Франции. В самом деле, после Сталинградской битвы и Курска, когда советские войска неуклонно продвигались к Берлину, «стало необходимо для американской и английской стратегии, – как пишут два американских историка, – высадить солдат во Франции и пойти в Германию, чтобы удержать большую ее часть от попадания в (советские) руки»¹⁷⁴. Когда второй фронт был, наконец, открыт в Нормандии в июне 1944 года, это было сделано не для того, чтобы помочь СССР, а чтобы не дать СССР победить в одиночку. СССР получили второй фронт, когда он больше не хотел или не нуждался в нем. (Это не значит, что они не приветствовали высадку в Нормандии или не получили выгоды от этого запоздавшего открытия второго фронта, в конце концов, немцы оставались серьезным противником до самого конца). Что до канадцев, принесенных в жертву в Дьеппе, они тоже кое-что получили, а именно кучу похвал от верхушки военной и политической иерархии. Сам Черчилль, например, торжественно заявил, что «Юбилей», которые он описал как «канадский вклад величайшей ценности в конечную победу», был ключом к успешной высадке в Нормандии. Канадцев также осыпали престижными наградами, включая два Креста Виктории, и такая щедрость, возможно, отражает желание со стороны властей искупить решение послать столько человек на самоубийственную миссию ради весьма сомнительных политических целей.

Второй фронт откроют позднее, когда такая операция будет служить целям англичан и американцев. Летом 1942 года американцы по-прежнему были сосредоточены на войне против Японии, где они выиграли важные битвы у островов Мидуэй и на Гуадалканале. Однако США в союзе с Англией имели более чем достаточно живой силы и техники, чтобы сделать также что-нибудь против гитлеровской Германии. В 1942 году ВВС США и Англии открыли так называемый «третий фронт», бомбя немецкие города и другие цели. Задачей этой программы стратегической бомбежки была деморализация населения Германии и тем самым закладка основы для победы. Создателем этой стратегии был глава бомбардировочной авиации ВВС Англии, имевший большое влияние на Черчилля, и чья статуя была открыта в Лондоне не так давно не без споров и протестов. Его имя было Артур Харрис, но его собственные подчиненные звали его «бомбовый Харрис». Что же до командования вооруженных сил США, они увлекались возможностями стратегической бомбардировки еще в тридцатые годы, когда был создан знаменитый четырехмоторный бомбардировщик В-17 «Летающая крепость». После войны американцы продолжали верить, как видно из недавних бомбежек Ирака, Сербии и Афганистана, что войны можно выиграть авиацией, бомбардировщиками. И, однако, опыт стратегической бомбардировки во время Второй мировой войны был не таким уж впечатляющим.

Программа стратегических бомбардировок требовала непропорционально большого количества материальных и человеческих ресурсов, которые, как можно доказать, можно было бы использовать более эффективно для других целей, например, для открытия второго фронта в Западной Европе. Более того, ВВС США и Англии терпели огромные потери в самолетах и летчиках. Только американцы потеряли 40 000 человек

и 6 000 самолетов. За один месяц – июля 1943 года – ВВС США, бомбившие Германию средь бела дня, потеряли 100 самолетов и 1 000 человек. Положение улучшилось к концу 1943 года, с началом использования дальних истребителей P-51 «Mustang», способных сопровождать неуклюжих гигантов в глубокий тыл Германии. Хотя впечатляющие бомбежки давали прекрасный материал для пропаганды союзников, а потом для фильмов вроде «Разрушители плотин» и «Красотка Мемфиса», стратегические бомбежки отнюдь не привели к ожидаемому результату, как показало основательное официальное исследование в 1946 году, то есть это было признано после войны. Стратегические бомбардировки были обычно очень неточны, хотя американцы говорили о «точнейших бомбежках», и не смогли предотвратить постоянный рост промышленного производства в Германии, который продолжался даже в 1944 году. За время войны жертвами этих бомбардировок стало 300 000 гражданских немцев. Это вызвало ненависть немцев к союзникам, но отнюдь не упадок духа, потому что немцы, сжав зубы, продолжали терпеть до «победы», которую им обещали Гитлер и Геббельс¹⁷⁵.

Живая сила и техника, которую не использовали для открытия второго фронта в Западной Европе, были растрачены, так сказать, на стратегические бомбардировки. И именно потому, что столько было вложено в план Харриса, открытие второго фронт становилось все менее возможным. Тем не менее в ноябре 1942 года американцы высадили значительные силы в Северной Африке. Не без труда эти войска сумели отбить французские колонии под управлением Виши, а затем в сотрудничестве с английскими войсками, наступавшими из Египта, покончить с тем, что осталось от североафриканской армии Роммеля.

Операция «Факел», как называли высадку в Северной Африке, принесла существенные выгоды, которые нельзя отрицать. Например, она значительно усилила позиции Англии в стратегически важном Гибралтаре, в Египте с его Суэцким каналом и на богатом нефтью Ближнем Востоке. Вероятно, именно потому, что это касалось английских интересов, Черчилль был самым горячим сторонником «Факела» и войны на Средиземном море в целом. Еще одно преимущество этой операции – прямая угроза слабому союзнику Германии – Италии, где войска союзников высадились летом 1943 года. Черчилль твердо верил, что стоит нанести удар в «мягкое подбрюшье» нацистов на Средиземноморье, а не во Франции. Однако узкий и гористый Апеннинский полуостров оказался труднодоступным, его могли защищать относительно небольшое число немецких солдат после падения Муссолини. Путь на Берлин (Вену) через Италию оказался адски трудным. То есть высадка в Северной Африке не принесла особого толка, кроме как защиту английских интересов там и на соседнем Ближнем Востоке.

Более того, «Факел» привел к серьезным проблемам. Теперь, когда англо-американцы раскрыли свои стратегические планы, немцы знали, что второго фронта во Франции (и вообще в Западной Европе) не будет в обозримом будущем. Так что они смогли перебросить больше войск из Западной Европы на Восточный фронт. То есть для СССР положение нисколько не улучшилось в результате операции «Факел»¹⁷⁶. Сталин был крайне разочарован. В конце 1942 года он сделал вывод: в беспощадной схватке с гитлеровской Германией он мог рассчитывать только на силу самой Красной армии и не особо верить союзникам.

Что же до англичан и американцев, сомнительно, что решение не открывать второй фронт принесло им серьезные выгоды. Жертв высадки во Франции, например, не избежали, а просто отложили их с 1942 до 1944 года. Более того, открой они второй фронт во Франции в 1942 году, взамен вложения таких средств в стратегические бомбардировки и войну в Северной Африке, их войска, возможно, смогли бы пройти глубже в Западную Европу и Германию, чем они смогли в 1944 и 1945 годах. В конце войны, таким образом, англичане и американцы могли бы оказаться в Берлине, а может быть, и в Варшаве, что дало бы им те самые преимущества против СССР, которые они пытались получить, НЕ открывая второй фронт. Однако невозможно сейчас точно знать, случилось бы это потому, что второй фронт не стал реальностью в 1942, да и в 1943 тоже.

Глава 9

Сталинский Советский Союз: нелюбимый, но полезный партнер

Вскоре после того, как американцы показали себя не только немцам, но и Советам своей высадкой в Северной Африке, военная ситуация вдруг резко изменилась в дальнем углу европейского военного театра. На далеком Восточном фронте, в районе города Сталинграда, немецкая армия численностью в целых 300 000 солдат была разбита Красной армией после долгого и кровавого сражения. Сентиментальная «Песня Волги» из оперетты Франца Легара была главным хитом в немецком Heimat (отечестве) в течение зимы 1942 – 43 годов, но, когда дело дошло до того, чтобы перейти через эту российскую реку, это обернулось настоящей катастрофой для Германии. Провал блицкрига Гитлера в СССР в декабре 1941 года был поворотным моментом войны, но до конца 1942 года все еще казалось возможным. Однако на берегах Волги, в непосредственной близости от города, носящего имя советского лидера, произошел настоящий коренной перелом в войне, в том смысле, что всем стало ясно, что немецкая армия получила такой удар, от которого она вряд ли оправится. Когда вскоре после этого, летом 1943 года, мир стал свидетелем второго крупного советского успеха, на этот раз в районе Курска, который вызвал еще больше огромных потерь в вермахте, стало ясно, что крах нацистской Германии – это только вопрос времени¹⁷⁷.

Что касается межсоюзнических отношений, то Сталинград представлял собой не менее важный переломный момент. Представляемый Черчиллем идеал того, что он называл «Гранд альянс» антигитлеровского союза США, Великобритании и Советского Союза, описан британским историком Фрейзером Дж Харбуттом как «твердая, доминирующая англо-американская комбинация, конфронтирующая с просящим их Советским Союзом». До зимы 1942 – 43 годов реальность соответствовала этому образу. Действительно, Сталин до тех пор играл более или менее роль нищего в компании своих богатых союзников, он постоянно просил об одолжении в виде открытия второго фронта. Вашингтон и Лондон преобладали в коалиции в том смысле, что они сами по себе не находились непосредственно под угрозой нацистов и обладали огромными трудовыми и природными ресурсами. Американцы и англичане тогда еще могли надеяться, что со временем они смогут вмешаться на континенте, как Deus Ex Machina (сила, которая неожиданно появляется и разрешает все казавшиеся неразрешимыми до этого проблемы), для того, чтобы навязать свою волю как истощенным Советам, так и побежденным нацистам. После Сталинграда, однако, ситуация стала кардинально иной. Красная армия уже не была прижата спиной к стенке, но продвигалась вперед без помощи всякого второго фронта и медленно, но верно шла по пути к Берлину. В рамках Великой коалиции Сталин больше не был в позиции подчиненного; для Рузвельта и Черчилля он отныне стал равноправным партнером, к которому нужно было относиться с уважением¹⁷⁸. С чисто военной перспективы Сталинград был благом для западных союзников, потому что это поражение остановило нацистскую военную машину, что было

также и в их интересах. Тем не менее американские и британские лидеры не особенно радовались изменению соотношений власти внутри антигитлеровской коалиции и последствиям этого изменения для послевоенных договоренностей, которые должны были последовать за ставшим уже очевидно неизбежным поражением нацистской Германии.

В Соединенных Штатах Белый дом был наводнен предупреждениями, сделанными военными, спецслужбами, ветеранами государственных постов и лидерами союзников, такими, как Владислав Сикорский, премьер-министр польского правительства в изгнании и командующий польскими войсками. Эти «вещие кассандры» сетовали на нависшую оккупацию Германии Красной армией и угрозу советской экспансии, «возможно, далеко на запад, до Рейна или, возможно, даже за его пределы», как написал Уильям Буллит, бывший посол в СССР и один из самых громких фаталистов в отношении этого, в своем меморандуме Рузвельту.

Большая озабоченность также царила и в Лондоне. До войны Черчилль опасался, что попытка «мюнхенцев», таких, как Чемберлен, устранить СССР руками Гитлера может иметь неприятные последствия и фактически позволит советскому коммунизму расшириться на запад; теперь он приходил в ужас от мысли, что Советы могли бы, возможно, выиграть войну без помощи своих союзников и, таким образом, в конечном итоге доминировать над Германией и остальной частью Европейского континента¹⁷⁹.

Но до этого еще было далеко. Красная армия была еще очень далеко от германской столицы. Кроме того, на Восточном фронте Советы по-прежнему боролись с «подавляющей частью» немецкой армии, как отметил британский историк Клайв Понтинг, в то время как

западные союзники никогда не противостояли более чем 10 процентам от общего объема сил вермахта. Руки Советов по-прежнему будут полностью заняты на долгое время, за которое в Западной Европе могло произойти что угодно. С помощью высадки в северной Франции или Бельгии американцы и англичане могли сами вторгнуться в Германию и, возможно, дойти до Берлина до того, как это сделает Красная армия. В этом смысле второй фронт во Франции стал более интересным для западных союзников. Однако, сделав выбор в пользу южной стратегии, британцы и американцы своей высадкой там заняли свои силы в Средиземном море, так что второй фронт в Западной Европе больше не был возможен в 1943 году¹⁸⁰.

После Сталинграда западные союзники столкнулись с тремя основными возможными сценариями. В худшем случае Советы победят нацистскую Германию в одиночку и, таким образом, станут «хозяевами Европы», о чем Буллит предупреждал в январе 1943 года, когда только начало осознаваться значение Сталинградской битвы. Тем не менее даже лучший сценарий был далек от привлекательности для Вашингтона и Лондона. Даже если американцы и британцы вторгнутся в Германию через Италию или Францию и, таким образом, им удастся выиграть войну вместе с Советами, Сталин неизбежно будет иметь право в значительной степени определять послевоенное устройство Германии и остальной Европы.

Перспектива того, чтобы поделиться влиянием над послевоенной Европой с Кремлем, была тем более болезненной потому, что лишь незадолго до этого казалось, что в конце войны англо-американцы смогут навязать свою волю не только немцам, но и Советам.

Эти два сценария переполняли западных лидеров тревогой о будущем. Кроме того, они боялись еще и

третьего неприятного сценария после Сталинградской битвы, а именно возможности того, что Сталин снова пойдет на сделку с Гитлером. Американский эксперт по истории Второго мировой войны, Уоррен Ф. Кимбалл, пишет:

«Постоянным кошмаром для Рузвельта и Черчилля на протяжении всей войны была мысль о советско-германском соглашении. На протяжении всей войны и особенно после победы Красной армии под Сталинградом американские разведывательные оценки выражали обеспокоенность тем, что, как только немцы будут вытеснены из Советского Союза, он [Сталин] захочет свести к минимуму потери и начнет искать благоприятного урегулирования, оставив своих союзников на произвол судьбы, чтобы иметь дело с Гитлером. Эта озабоченность не оставляла Рузвельта»¹⁸¹.

Рузвельт и Черчилль считали, что повторение советско-германского пакта 1939 года не было немыслимым, потому что как для Советов, так и для нацистов альтернатива – продолжение кровопролития на Восточном фронте, была очень непривлекательной. Кроме того, соглашение Сталина с нацистской Германией почти наверняка содержало бы крупные немецкие уступки Советскому Союзу. По сравнению с возможной очень выгодной сделкой с Гитлером, как они думали, Сталин мог счесть непривлекательным продолжение альянса с американцами и англичанами, за которых он до сих пор таскал каштаны из огня, в ответ на что они лишь отказывали ему в облегчении в виде создания второго фронта. Новый Пакт о ненападении между нацистами и Советами закончил бы войну на Восточном фронте и позволил бы нацистской Германии бросить все ее оставшиеся (значительные) силы против американцев и британцы. Для Лондона и

Вашингтона, как очевидно, это было бы большим бедствием. На самом деле такому сценарию был исторический прецедент: российско-германский Брестский мир 1918 года. Этот мир позволил немцам начать крупное наступление на Западном фронте, которое едва не позволило им вырвать победу в конце Первой мировой войны¹⁸².

Сталин не волновался из-за того, что Вашингтон и Лондон были обеспокоены. Скорее, наоборот. Беспокойство его западных партнеров позволило ему оказывать давление на них, получить от них больше материальной помощи и сделать их более склонными соглашаться с военными целями Советского Союза. По мере того как беспокойство Рузвельта и Черчилля росло, росла и уверенность Сталина в рамках коалиции. Для усиления своей позиции он, возможно, даже намеренно распространил слухи о переговорах между советскими и нацистскими представителями в нейтральной Швеции. Тем не менее есть основания полагать, что Сталин на самом деле не намеревался покинуть на произвол судьбы своих британских и американских союзников. В 1941 году он испытал на себе, насколько нельзя верить Гитлеру, с которым он заключил соглашение за два года до этого. Кроме того, нацистский варварский стиль войны на Востоке слишком отчетливо проявил истинные намерения Гитлера по отношению к СССР, так что на заключение нового пакта между Берлином и Москвой практически не было шансов. Сталин также, скорее всего, думал о том, принесет ли новая сделка с Гитлером долгосрочную пользу Советскому Союзу: если англо-американцы в конечном счете победят Германию, не потребуют ли они возмездия от Советов? Кроме того, не захочет ли Гитлер после гипотетического триумфа на Западе снова расширить «жизненное пространство» на

востоке? В связи с этим понятно, почему ряд неофициальных немецких «мирных прощупываний» не получил никакого ответа от Москвы¹⁸³. Так как на Восточном фронте Красная армия продолжала яростно сражаться с вермахтом и после Сталинграда и Курской битвы, Вашингтон и Лондон в конечном итоге поняли, к большому для себя облегчению, что Сталина не оставит их в беде.

В этом контексте можно понять, почему сразу же после Сталинградской битвы, по случаю конференции в Касабланке 14-25 января 1943 года, Рузвельт предложил, чтобы союзники обещали никогда не вести сепаратных переговоров с нацистской Германией и соглашаться только на безусловную капитуляцию их общего нацистского врага. Сталин отказался присутствовать на встрече в этом марокканском порту, что, вероятно, усилило американские и британские опасения в отношении его намерений. Западные союзники испытали значительное облегчение, когда советский лидер согласился с формулой безоговорочной капитуляции. Тем не менее Рузвельт продолжал беспокоиться о призраке нового пакта между Москвой и Берлином до самой глубокой осени 1943 года¹⁸⁴.

Что касается формулы о безоговорочной капитуляции, было такое мнение, что это требование было контрпродуктивным, потому что оно, кажется, продлило сопротивление немцев.

Кроме того, весной 1945 года, когда нацистская Германия была наконец готова сдаться, теорию Касабланской декларации оказалось нелегко воплотить на практике, как мы увидим позже.

Новый договор между Сталиным и Гитлером не материализовался. Тем не менее американцы и британцы теперь начали все больше беспокоиться о том, на какие награды «дядюшка Джо» может

претендовать в конце войны за вклад Советского Союза в победу над фашизмом. У Сталина были определенные ожидания, в которых его союзники вряд ли могли ему отказать, хотя они явно неохотно одобряли их. Было очевидно, что, например, западные границы Советского Союза будут пересмотрены. Советские намерения в этом отношении были представлены уже летом 1941 год британскому секретарю внешнеполитического ведомства Энтони Идену. Гражданская война и иностранное вмешательство заставили в свое время новорожденный Советский Союз потерять огромные территории по сравнению с западной границей его предшественника, царской России, в пользу новых балтийских государств и Польши в начале 1920-х годов. Граница с Польшей «переехала» на значительное расстояние к востоку от так называемой линии Керзона, определенной после Первой мировой войны от имени западных держав министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном как этнически и лингвистически оптимальная граница между СССР и Польшей. (Польша, например, поглотила большую часть Западной Украины.) К сожалению, для Польши и прибалтийских государств после войны западная граница СССР неизбежно должна была вернуться дальше на запад. Польшу, однако, можно было компенсировать за счет немецкой территории к востоку от рек Одер и Нейсе. Эту договоренность вряд ли можно назвать справедливой, но она была совершенно рациональной с точки зрения «карательных принципов», которые усердно практиковались со всех сторон в Первой мировой войне, а также и во Второй, в том числе и самой Германией, пока она побеждала.

Сталин дал понять, что не потерпит злобных антисоветских режимов в соседних странах, таких, как

Польша, где такой режим царил до 1939 года, против чего западные союзники вряд ли могли возражать¹⁸⁵.

Ожидания Сталина были не более неразумными или экстравагантными, чем аналогичные ожидания со стороны западных союзников, что они рано или поздно восстановят самостоятельно потерянное ими «имперское имущество», такое, как Гонконг и Сингапур для Великобритании, французские колонии Индокитая, Индонезия для Голландии, а в случае Соединенных Штатов – Филиппины. (Когда американский генерал Макартур был изгнан из Филиппин японцами, он заявил, что «вернется туда», и это смелое «я вернусь» сделало его мгновенно известным в США. Но никто не удосужился спросить, а желали ли филиппинцы возвращения своих американских хозяев.) Но в отношении Советов англичанам и американцам было гораздо труднее одобрить для них такие же территориальные выгоды, на которые они считали совершенно имеющими право себя самих и своих западных имперских коллег. Хотя колониальные привилегии, которые они собирались себе вернуть, четко противоречили не только основным нормам западной демократии, но и знаменитой Атлантической хартии тем, что никакого внимания не уделялось мнению миллионов колониальных подданных, а выборы в колониях даже и не предполагались.

Если американцы и англичане и поняли, что они не могут позволить себе отказать Сталину в его ожиданиях, то это было не потому, что они осознали все это, а потому, что они хорошо понимали, что окончательная победа над нацистской Германией и Японией – предварительное условие для восстановления их собственных имперских владений – потребует гораздо больших жертв с советской стороны.

Рузвельт был в курсе, что такие многочисленные жертвы были необходимы для того, чтобы выиграть войну, не желая при этом проливать значительное количество американской крови. В этом контексте надо отметить, что во время Второй мировой войны на каждого американца, который «отдал свою жизнь», как говорится в таких случаях, приходилось не менее 53-х советских солдат; в общей сложности лишь 600 000 британцев и американцев были убиты на всех фронтах, в том числе в войне против Японии, когда более 13 миллионов советских солдат погибли на Восточном фронте. Один только Ленинград потерял больше людей, чем совокупные потери Соединенных Штатов и Великобритании во всей Второй мировой войне. Для того чтобы обеспечить поддержку Сталина, было действительно полезно на время забыть об интересах балтийских государств и Польши. Так что польские и прибалтийские интересы, можно сказать, были принесены вовсе не на алтарь советских амбиций, как внушали миру в годы «холодной войны», а на алтарь британских и американских интересов¹⁸⁶.

Существует еще один, последний фактор, который помогает объяснить отношение западных союзников к территориальным целям Советского Союза: то, что было уже предрешено, что в конце военных действий рассматриваемые территории будут заняты Красной армией. Любая попытка отменить этот свершившийся факт была заранее обречена. Так что по всем этим причинам ни Лондон, ни Вашингтон не могли позволить себе отказать Сталину в его территориальных устремлениях, независимо от того, хотели они этого или нет. Англичане уже явно или неявно признали определенные советские ожидания в 1941 и 1942 годах, например, в англо-советском договоре от 26 марта 1942 года. Президент Рузвельт тоже продемонстрировал

некоторое понимание советской точки зрения и затем последовал британскому примеру. Тем не менее для того, чтобы защитить себя от потенциально негативной политической реакции (от американцев польского происхождения, например), он сформулировал определенные возражения, а также маневрировал в максимально возможной степени, чтобы отложить окончательные договоренности до окончания военных действий, то есть до тех пор, когда Советы больше не будут необходимыми, и поэтому можно стало бы противодействовать им. В любом случае, практически все ожидания Сталина получили одобрение на момент первой встречи «Большой тройки», которая состоялась в столице Ирана Тегеране, с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, на котором Рузвельт и Сталин очень хорошо поладили¹⁸⁷.

Но что должно было произойти с Германией и с освобожденными странами? Здесь, по крайней мере, по некоторым пунктам царило единодушие. Во-первых, нацистский режим будет ликвидирован, и его «герои» и приспешники будут привлечены к суду как военные преступники; а в освободившихся странах пройдет чистка всех нацистов, фашистов и их коллаборантов.

Во-вторых, как и после Первой мировой войны, Германии придется возместить нанесенный войной ущерб и платить репарации. Какие режимы будут установлен в побежденной Германии и в освобожденных странах Европы?

Очевидно, американские и британские идеи по этому поводу резко отличалась от советских. Поэтому пока союзники разумно ограничивались самыми благочестивыми, но смутными декларациями, такими, как Атлантический устав, с которыми каждый мог согласиться. Все союзники, например, согласились, что позволят населению освобожденных стран и Германии

восстановить «демократические» формы правления под руководством союзников. Для Рузвельта демократия означала демократию по-американски; Черчилль имел в виду «славные британские демократические традиции»; а для Сталина демократия представляла собой демократию большевиков для и с участием рабочих, крестьян и солдат, которая позднее стала известна в Восточной Европе как «народная демократия».

Все были в курсе этих различий, но никто не был готов поднять этот чувствительный вопрос, поскольку это могло бы поставить под угрозу сотрудничество, от которого зависела все еще окончательная победа союзников.

В Тегеране Рузвельт, который был очень рад, что никакого нового Пакта Гитлера-Сталина не было заключено, на самом деле нашел требования Сталина, разумными и умеренными. Кроме того, он был в восторге, что «дядюшка Джо» согласился с важной американской просьбой. Сталин обещал объявить войну врагу Америки на Дальнем Востоке, Японии, вскоре поражение Германии¹⁸⁸. Рузвельт был удовлетворен. Однако, когда весной 1945 года после поражения нацистов Сталин был готов сдержать свое обещание, преемник Рузвельта в Белом доме окажется далеко от восторга от перспективы отказа от славы – и преимущества – победы над Японией, как мы увидим ниже.

Глава 10

Освобождение Италии: роковой прецедент

Что должно было случиться с границами освобожденных стран, Германии и всей Европы после войны, в теории должно было определяться по договорам, заключенным союзниками в Тегеране и в других местах. С другой стороны, многое зависело также от развития событий на фронтах, в частности от двух факторов. Во-первых, соответствующие военные успехи (и, возможно, неудачи) западных союзников и Красной армии в заключительной фазе войны могли создать определенную ситуацию «свершившегося факта», что в свою очередь могло повлиять как на толкование часто смутно сформулированных уже заключенных ранее соглашений, так и на детали возможных новых соглашений. Вторым важным фактором могли стать фактические обстоятельства освобождения, то есть то, как союзники будут вести себя в освобожденных странах и в Германии, создавая, таким образом, потенциально значимые прецеденты.

Что касается западных союзников, для них, совершенно очевидно, было важно, по крайней мере, достичь военных успехов, сравнимых с успехами Красной армии хотя бы в заключительной фазе войны, чтобы освободить как можно больше европейской территории и, если это вообще возможно, прибыть в Берлин до того, как туда войдут Советы. Однако из-за высадки американцев и англичан в Северной Африке в 1942 году у них не было никакого выбора, кроме как продолжать свою средиземноморскую стратегию, по крайней мере, на время. Следующим шагом,

продиктованным этой стратегией, должна была стать переброска войск из Северной Африки в Сицилию и южную Италию, что и произошло летом 1943 года.

С другой стороны, теперь наконец были готовы планы открытия второго фронта в Франция, хотя этого было явно сделано для того, чтобы оказать полезную услугу Сталину. Советы, конечно, неизбежно извлекли бы выгоду от такой операции, которая наконец заставила бы вермахт перевести значительные силы с Восточного фронта в Западную Европы, но они больше не нуждались в этом облегчении так отчаянно, как всего лишь незадолго для этого. Второй фронт в Западной Европе, однако, становится все более и более важным для самих западных союзников. Они пришли к выводу, что с помощью средиземноморской стратегии они смогут достичь Германии слишком поздно для того, чтобы предотвратить занятие Берлина Советами без посторонней помощи, и, таким образом, чтобы предотвратить завоевание Советами лавров победителей и всех или большинства преимуществ победы над общим нацистским врагом. Только с помощью высадки в Западной Европе, которая, в отличие от Италии, не была отделена от Германии цепью гор, американские и британские войска могли по-прежнему надеяться на успех в конкуренции с Красной армией в необъявленной гонке на Берлин. В меморандуме Рузвельту и другим лидерам союзников американский генерал военно-воздушных сил Генри Арнольд предупреждал весной 1943 года, что второй фронт надо будет открывать в ближайшее время, поскольку в противном случае «может случиться так, что мы все еще будем обсуждать [высадку во Франции], а русские [в это время] уже будут подступать к Берлину»¹⁸⁹.

Тем не менее пройдет еще значительное время до осуществления требуемой высадки, пока военная техника не сможет быть переброшена в Англию со средиземноморского военного театра, где она все еще была по-прежнему необходима для операций в Италии летом 1943 года. Только весной 1944 года западные союзники наконец-то совершат прыжок через Ла-Манш, прыжок, который войдет в историю как операция «Оверлорд». В то же время западные союзники также получили определенные преимущества от своего присутствия в районе Средиземного моря. В то время как Красная армия продолжала бороться с германскими нацистами в своей стране, американцы и англичане получили возможность вывести Италию из войны. Таким образом, на их долю выпадала честь – но и ответственность – стать первыми, кто уничтожит фашистский режим и восстановит демократию в европейской стране, причем стране большой и важной. К сожалению, нельзя сказать, что в этом отношении западные союзники проделали замечательную работу. С военной точки зрения итальянская кампания вряд ли может считаться успешной: после того, как итальянцы сами выбросили белый флаг, не смирившиеся с этим немцы смогли оказать эффективное сопротивление относительно малыми силами до самого конца войны, так что не было никакой надежды на продвижение союзников из Италии на далекий Берлин. Но гораздо более важным был тот факт, что союзники напортачили в политическом отношении. Взятый ими курс действий во время освобождения Италии привел к дополнительной напряженности в отношениях с советским партнером и создал роковой прецедент, который затем будет преследовать Вашингтон и Лондон, когда Сталин позже последует их примеру в странах Восточной Европы, освобожденных Советами. Жестокий и коррумпированный фашистский режим

Муссолини был глубоко ненавистен большинству итальянцев, и они приветствовали его падение летом 1943 с облегчением и с энтузиазмом. У их освободителей, американцев и англичан, появилась возможность помочь итальянцам заменить фашистский режим Дуче демократической системой правления. (Кстати, канадские войска сыграли важную роль в итальянской кампании, но Вашингтон и Лондон не привлекли Оттаву к политическому процессу принятия решений). В Италии в политическом и военном отношении действовало значительное по силам антифашистское движение Сопротивления. Это движение пользовалось широкой поддержкой среди населения и намеревалось взять на себя ведущую роль в восстановлении страны. Однако союзники отказались сотрудничать с этим антифашистским фронтом: он был «слишком левым» для них и не только потому, что важную роль в нем играли коммунисты. Было очевидно, что подавляющее большинство итальянских антифашистов выступало за радикальные социальные, политические и экономические реформы, в том числе за ликвидацию монархии. Говорят, что Черчилль в особенности был перепуган призраком таких радикальных реформ по ту сторону Альп, реформ, которые в глазах этого консервативного государственного деятеля представляли собой «большевизацию» Италии. Так что ни планы и пожелания самих итальянцев, ни заслуги и устремления их антифашистского движения не имели для союзников никакого веса. Вместо этого последние заключили сделку с офицерами и политиками, представлявшими традиционную итальянскую влиятельную элиту, такими, как монархия, армия, крупные землевладельцы, банкиры и промышленники и Ватикан. Похоже, союзников не беспокоило, что это была именно та элита, которая сделала возможным приход Муссолини к

власти в 1922 году и что ей был очень выгоден его режим, за что эта элита и презиралась большинством итальянцев. Итальянские партизаны были разоружены в военном и нейтрализованы в политическом отношении, за исключением, конечно, находящихся в оккупированной немцами Северной Италии, где они были и оставались силой, с которой нельзя было не считаться. Маршалу Бадольо, бывшему коллаборанту Муссолини, на котором лежала ответственность за ужасные военные преступления в Эфиопии¹⁹⁰ было позволено стать первым главой постфашистского правительства Италии. В освобожденной части Италии новая система подозрительно напоминала старую и поэтому отвергалась многими итальянцами как *fascismo senza Mussolini*, или «фашизм минус Муссолини»¹⁹¹.

В Италии в целом, и в Сицилии в особенности, американцы также тесно сотрудничали с мафией, которую они воспринимали, как антикоммунистический бастион». Главными героями в этой операции «Мафия» были печально известный гангстер из Нью-Йорка Лаки Лучиано и, по иронии судьбы, Эдгар Гувер из ФБР. Эта «сицилийская инициатива» положила начало бесславному, но близкому и длительному послевоенному сотрудничеству между спецслужбами Америки и международным преступным миром, прежде всего, в прибыльной области торговли наркотиками. В течение многих десятилетий ЦРУ будет использовать деньги, полученные от этого сотрудничества, для финансирования контрреволюционной деятельности во всем мире либо без, либо, что более вероятно, с ведома таких президентов, как Рональд Рейган. Вот только два примера: покушение на Фиделя Кастро, запланированное в прямом сговоре с мафией, и тайная война против сандинистов в Никарагуа. Это были так

называемые «секретные операции», которые нарушали американское законодательство, так что их нельзя было профинансировать с помощью ассигнований, утвержденных Конгрессом¹⁹².

То, что сделали западные союзники в Италии после падения фашистского режима Муссолини, конечно, нельзя назвать правильным. Однако поучительно отметить, как именно они действовали там. Англичане и американцы не позволили своему советскому партнеру сказать ни единого слова, по сути, они почти даже не консультировались с ним. Москва имела право голоса в дискуссии об Италии, потому что итальянские войска воевали на стороне нацистов на Восточном фронте.

Более того, по общему признанию, расплывчатое межсоюзническое соглашение предусматривало «советы союзнического контроля», и в теории в эти советы предполагалось включить всех трех союзников, чтобы направлять освободившиеся страны на возвращение к демократии. Этот теоретически благородный принцип был первым делом реализован в Италии. Британцы и американцы решили создать такой совет союзнического контроля там, и советскому представителю было разрешено войти в его состав, но в реальности советам вообще не давали слова. Американцы и британцы определенно считали постфашистскую Италию страной своей эксклюзивной сферы влияния и, как сухо подметил американский историк Ф. Уоррен Кимбалл, «исключили русских из любой имеющей значение роли в оккупации Италии». Именно таким образом фашизм был ликвидирован, и демократия была восстановлена в первой стране, освобожденной союзническими державами¹⁹³.

Сталин, несомненно, наблюдал за развитием событий по ту сторону Альп с большим интересом. Вряд ли он был доволен тем, как англо-американские освободители

убрали с дороги не только итальянских коммунистов и других левых антифашистов, но и своего союзника, СССР.

Тем не менее Сталин не хотел рисковать враждой со своими западными партнерами из-за удаленной Италия, таким образом, он смирился со свершившимся фактом, и, к ужасу итальянских коммунистов, он даже официально признал режим Бадольо в марте 1944 года. Сталин рассматривал события в Италии – не без причины – в качестве прецедента, который показал, как соглашения между союзниками будут реализоваться на практике. «Русские восприняли [итальянскую] формулу без особого энтузиазма, – пишет Колко, – но тщательно заметили для себя это устройство для будущих ссылок и в качестве прецедента»¹⁹⁴. Позже, в 1944 и 1945 году, когда Красная армия освободит страны Восточной Европы, Сталин будет действовать теми же методами и ожидать, что на этот раз американцы и англичане будут вынуждены смириться. Тем не менее западные союзники начали горько жаловаться, что Советы «навязали свою волю» Восточной Европе, приступили к искоренению фашизма так, как они считали нужным, и ввели свой собственный вид демократии. Американцы и англичане слишком легко забыли, что они сами уже дали пример такого рода поведения в 1943 году в Италии и что они по-прежнему действовали таким образом в других освободившихся странах Западной Европы. Везде, как в Западной, так и в Восточной части Европы, освободители создавали такую политическую, социальную и экономическую систему, которая была им по нраву, и при этом они проявляли немного уважения к мнению освобожденного населения или других своих союзников. Согласно Миловану Джиласу, бывшему высокопоставленному коммунистическому деятелю и политическому писателю из Югославии, Сталин

сформулировал на словах принцип, впервые введенный на практике британцами и американцами:

*«Эта война не такая, как войны прошлого. Когда кто-то занимает территорию, он вводит там свою собственную социальную систему. Каждый вводит свою систему в странах, контролируемых его собственной армией. Другого способа просто нет»*¹⁹⁵.

В шестнадцатом веке в Европе, во время беспокойных времен протестантской Реформации и католической Контрреформации, цари и другие коронованные особы вынуждены были заставлять своих подданных принять их собственную религию – крайне недемократичная практика, которая стала известна как принцип *cuius regio eius religio*. На момент освобождения Европы, с 1943 по 1945, аналогичный и одинаково недемократический принцип определял, что каждая освобожденная страна фактически получала политическую, социальную, а также экономическую систему ее освободителя. Военное положение западных союзников в Италии в начале 1944 года вряд ли можно было назвать замечательным. Немцы снова организовали очень эффективное сопротивление, и начались долгие кровопролитные бои вокруг Монте-Кассино, между Неаполем и Римом, которые можно сравнить с кровавыми сражениями Первой мировой войны. Так как теперь уже было очевидно, что через «итальянский сапог» никоим образом не получится попасть в Берлин прежде, чем туда войдет Красная армия, были ускорены работы по организации операции «Оверлорд», высадки на французском Атлантическом побережье. Актуальность этой задачи быстро росла, по мере того, как Красная армия расширенно и систематически наступала по всей длине Восточного фронта и весной 1944 года уже оказалась на границе Венгрии и Румынии. «Когда русские войска начали

выбивать немцев, – пишут два американских историка, Питер Н. Кэрролл и Дэвид В. Нобл, – для американской и английской [так в оригинале] стратегии стало необходимостью высадить войска во Франции и начать поход на Германию, чтобы спасти большую часть этой страны из коммунистических лап»¹⁹⁶. Американцы и англичане также были обеспокоены возможностью того, что нацистская Германия могла внезапно рухнуть еще до того, как они откроют второй фронт во Франции. В этом случае Советы заняли бы всю Германию, освободили даже Западную Европу и были бы в состоянии «поступать так, как им заблагорассудится», так же, как англо-американцы поступили в Италии. «Возможность полной победы России над Германией до высадки американских войск на континенте, – пишет американский историк Марк А. Столер, – была «кошмаром» для Вашингтона и, конечно, для Лондона, но такой сценарий можно было бы предполагать¹⁹⁷. Поэтому были выработаны планы действий на случай срочной высадки на побережье Франции и последующего использования воздушно-десантных войск в сочетании с быстрым наземным ударом при помощи бронетанковых подразделений с целью занять насколько можно большую территорию в Западной Европе и Германии до прибытия туда Советов. Эта операция имела кодовое название «Ранкин», и войска находились в состоянии готовности к этой операции вплоть до трех месяцев после высадки западных союзников в Нормандии¹⁹⁸.

Глава 11

Долгое лето 1944 года

Операция «Оверлорд», долгожданная высадка западных союзников во Франции, стала реальностью 6 июня 1944 года, на пляжах Нормандии. Это якобы особенно впечатляющая операция была уже отмечаена в Голливуде в шестидесятых годах блокбастером «Самый длинный день», а в 2014 году отмечалось 70-летие этого события с большой шумихой, которая намекала на то, что за всю Вторую мировую войну не было более драматического или решающего события, чем эта высадка. О том, что операция «Оверлорд» была связана не только с чисто военными цели, но что она также была призвана помочь американцам и британцам соревноваться с Советами в необъявленной гонке на Берлин, предпочитают не упоминать в тех многочисленных выступлениях, которыми перемежаются такого вида праздничные мероприятия. Поначалу дела в Нормандии у союзников пошли не совсем гладко. Сама высадка прошла удовлетворительно, и был создан значительный плацдарм, но немцам в конце концов удалось поставить ситуацию под контроль и предотвратить его дальнейшее расширение.

Однако в первые дни августа 1944 года немецкое сопротивление в Нормандии неожиданно рухнуло после тяжелых боев в секторе Кан-Фалез. Благодаря этому американцы, англичане, канадцы оказались в состоянии двинуться вперед гораздо быстрее, чем даже самые оптимистичные планы осмеливались прогнозировать. Париж был освобожден 25 августа, и несколько дней спустя британские танки оказались в Бельгии, где им

больше мешали печально знаменитые булыжные мостовые этой страны, чем их немецкие враги. Брюссель, бельгийская столица, снова стал свободным городом, и большой морской порт в Антверпене попал в руки освободителей безо всяких повреждений. Эти успехи, казалось, делали возможным для западных союзников закончить войну до конца года с помощью операции «Ранкин» – быстрого рывка в сердце Германии. В этом случае американцы и англичане заполучили бы лучшие карты для будущей игры с Советами по послевоенной реорганизации Германии и Европа.

Так возник «Маркет гарден» – впечатляющая попытка англо-американских войск в сентябре 1944 года пересечь крупные реки Нидерландов, в том числе Рейн у Арнема на границе с Германией, с помощью воздушно-десантных войск (Маркет) и одновременного быстрого сухопутного наступления (Гарден). Целью этой операции было открыть путь к германскому промышленному сердцу, Рурской области, и, следовательно, к Берлину. Маркет Гарден вдохновил Голливуд на создание суперблокбастера «Слишком далекий мост». С тоже весьма важной кассовой точки зрения фильм был невероятно успешным, но осенью 1944 года амбициозная операция в голландских низменностях в реальности закончилась полным провалом. Так растворилась недолго жившая мечта о скорейшем окончательном наступлении в Западной Европе в 1944 году.

В то же время на Восточном фронте Красная армия не почилла на лаврах. 22 июня 1944 года, вскоре после высадки союзников в Нормандии, Советы начали наступление под кодовым названием «Багратион», которое препятствовало переброске германских войск с востока в сторону британско-американских войск во Франции; Сам генерал Эйзенхауэр позднее признавал,

что это было необходимым условием для успеха операции «Оверлорд». И снова вермахт был смят Красной армией, и Советы продвинулись более чем на 600 километров из глубины России до пригородов польской столицы Варшавы, до Румынии и Болгарии и к границам Венгрии и Югославии¹⁹⁹.

Для того чтобы удержать Советы от действий в одностороннем порядке в странах, которые они освобождали или скоро должны были освободить, то есть сделать то, что западные союзники уже сделали в Италии, Черчилль взял на себя труд посетить Сталина в Москве осенью 1944 года. С согласия Рузвельта он предложил советскому лидеру заключить сделку об урегулировании соответствующей степени влияния Советов и западных союзников в каждой освобожденной стране на Балканах. Западные союзники, и прежде всего англичане, которые считали, что у них есть особые интересы в этой части Европы, имели все основания быть довольными. Ибо Сталин на самом деле был согласен на сделку, которая должна была быть официально утверждена в октябре 1944 года. Англо-американцы, действительно, должны были позволить СССР большое влияние в Румынии, Болгарии и Венгрии, но Великобритания получала 50 процентов влияния в Югославии и не менее чем 90 процентов влияния в Греции. Что думали люди этих стран о таком урегулировании, не играло никакой роли ни для Сталина, о котором говорят, что он был диктатором, ни для Черчилля, якобы одного из величайших демократов XX века. Впоследствии Рузвельт также дал свое благословение этому соглашению. В любом случае многие вопросы оставались открытыми для будущего, потому что несмотря на крайне точные проценты было совершенно непонятно, как эта сделка впоследствии будет воплощена на практике²⁰⁰.

В Греции, ключевой страной в Средиземном море, где Черчилль планировал сделать Великобританию после войны «ведущей державой», британцы намеревались действовать так же, как они сделали в Италии, только гораздо более безжалостно. Греческое антифашистское движение сопротивления пользовалось широкой народной поддержкой, но было слишком левым, не по вкусу в Лондоне, и поэтому британские освободители расчистили от него дорогу авторитарному правому режиму с участием множества бывших коллаборационистов и фашистских элементов, говоря иными словами, для греческой версии Бадольо. Сталин вряд ли был доволен тем, что коммунисты стали главной мишенью репрессий в только что освобожденной британцами Греции, но он мало что мог сделать, чтобы помочь своим греческим товарищам. С другой стороны, Сталин, несомненно, в то время чувствовал себя свободным для того, чтобы продвигать советские интересы все более энергично в странах, освобожденных Красной армией, которые в силу этого находились в сфере советского влияния. Несмотря на это в то время Сталин действовал с большой осторожностью в этих странах; и лишь позже к власти там придут коммунистические силы²⁰¹.

В конце лета 1944 года наступила очередь освобождения Франции и Бельгии. Американцы и их британские партнеры получили возможность решать, какая из политических и социально-экономических систем будет установлена в этих странах. Их внимание было сосредоточено, естественно, на Франции, стране, которая лишь пару десятков лет была державой того же калибра, что и США, и Великобритания. Во Франции, однако, ситуация была чрезвычайно сложной. В Виши маршал Петен возглавлял коллаборационистский режим, который культивировал консервативные

традиции Ancien-Regime France, иными словами, традиции Франции до Великой революции 1789, и который считал себя и был, по мнению многих французов, законным правительством страны. В Лондоне, однако, поддерживали Шарля де Голля, также консервативного деятеля, выступавшего как против Виши, так и против немцев, красноречиво обещавшего в передачах Би-Би-Си на французском языке возрождение Франции, которое должно было стать реальностью под его авторитарным руководством. В самой оккупированной Франции действовали разнообразные группы Сопротивления. Фронт Сопротивления, широкое движение, в котором коммунисты играли важную роль, хотя они и не контролировали руководство, был настроен решительно, что после войны стрелки часов не будут просто переведены вспять к 1939 году; в отличие как от Петена, так и от де Голля, рядовые члены, а также руководители сопротивления мечтали о более или менее радикальных социальных и экономических реформах, которые в конечном итоге были сформулированы в «Хартии Сопротивления» от марта 1944 года («Хартия» призывает к «введению подлинной экономической и социальной демократии, включая экспроприацию крупных экономических и финансовых организаций» и «социализацию [возвращение народу] [самых важных] средств производства, таких, как источники энергии и полезные ископаемые, а также страховых компаний и крупных банков»²⁰². Практически все члены Сопротивления презирали Петена, и многие из них считали де Голля не только политически слишком авторитарным, но и социально слишком консервативным. Личность де Голля, безусловно, не доминировала в Сопротивлении, как многие начали считать после войны, и в самой Франции голлисты

оставались меньшинством в течение войны. «Хотя точных цифр не существует, – пишет Колко, – в самой Франции группы Сопротивления, которые были бы голлистскими по идеологии, всегда были незначительным меньшинством, [а] во многих ключевых частях Франции они вряд ли вообще существовали»²⁰³.

Несмотря на это де Голль пользовался значительным влиянием в Сопротивлении в основном из-за его контактов в Великобритании, которая контролировала поставки оружия патриотам Франции. Черчилль надеялся манипулировать де Голлем в своих целях: не только устранить коммунистическое влияние в самой Франции, но и интегрировать Францию в послевоенный блок стран Западной Европы под руководством Великобритании, который мог бы противопоставить себя Соединенным Штатам и СССР, двум странам, чье появление в качестве сверхдержав Черчилль предвидел и боялся²⁰⁴. Что касается американских лидеров, включая президента Рузвельта, то у них было мало предчувствий и еще меньше понимания французской запутанной ситуации. Им казалось непонятным, почему французские патриоты, очевидно, мечтают о большем, чем просто вывод немцев со своей территории и возвращении политического, социального и экономического статуса-кво. Американские власти были обеспокоены не меньше Черчилля радикальными тенденциями в целом и влиянием коммунистов в частности внутри Сопротивления и относительно радикальными социально-экономическими планами этого движения на будущее. Такие планы пользовались широкой поддержкой внутри самой Франции, но они не подходили консервативному видению освободителей. Администрация Рузвельта на самом деле предпочитала коллаборанта Петена Сопротивлению, которое

оказалось настолько лево-ориентированным, а также де Голлю, который воспринимался как шовинист-француз, недостаточно послушный Лондону и Вашингтону. В Белом доме последнего считался почти невыносимым, и не без причины он также рассматривался в качестве потенциальной марионетки Черчилля, который намеревался способствовать британским, а не американским интересам в послевоенной Франции²⁰⁵.

Вашингтон предпочел бы избавиться от де Голля, и однажды Рузвельт даже предложил Черчиллю назначить французского генерала губернатором Мадагаскара! На момент высадки во французской Северной Африке, что вызвало разрыв дипломатических отношений Виши с Вашингтоном, американцы даже не сообщили де Голлю о своих планах. Они провели переговоры о прекращении огня с петеновским командующим в Северной Африке Франсуа Дарланом и, казалось, готовы были признать последнего в качестве главы освобожденных французских колоний. Де Голль был в ярости, и в самих Соединенных Штатах поднялся большой общественный резонанс от такого сотрудничества с бывшим коллаборантом. Проблема была решена, когда Дарлан был (очень кстати) убит в Алжире, возможно, голлистскими агентами. Вашингтону понадобилось долгое время, чтобы понять, что в послевоенной Франции не может быть места коллаборантам из режима Виши. Следовательно, американцы долго тянули, прежде чем они наконец оказали поддержку де Голлю. Они не испытывали к нему никаких симпатий, впрочем, так же, как и он к ним, и в дальнейшем у них тоже были с ним проблемы²⁰⁶.

Не без оснований американцы считали де Голля высокомерным, страдающим манией величия. «Узкомыслящий французский фанатик, у которого

слишком много амбиций, что вредит ему самому», – как писал военный министр Генри Л. Стимсон в своем дневнике, вторя мнению президента Рузвельта. Тем не менее де Голль предоставил Вашингтону два преимущества: во-первых, его репутация не была загрязнена коллаборационизмом, как это было в случае Петена и его приспешников, таких, как Дарлан; во-вторых, его планы для послевоенной Франции не призывали к радикальным, возможно, даже революционным, социальным и экономическим экспериментам вроде тех, которые были на уме у левого Сопротивления. Первое качество сделало его приемлемым для самих французов, второе качество сделало его приемлемым для американцев и англичан. «Де Голль плох, – поведал Стимсон в своем дневнике, – но не иметь дело с ним еще хуже». В самом деле, в отличие от ультраконсервативных, реакционных петеновцев, Сопротивление без Шарля де Голля угрожало интересам США. Его планы социально-экономических реформ, изложенные в «Хартии Сопротивления», были восприняты в Вашингтоне, как вдохновленные коммунистами, а перспектива красной революции во Франции глубоко беспокоила многих американских лидеров, включая президента Рузвельта, как сообщал Стимсон²⁰⁷. Другой предполагаемой угрозой американским интересам было то, что коммунистические и другие левые партизаны Франции стремились развивать дружественные отношения с Советским Союзом. С американской разведстанции в Берне (Швейцария), которая контролировала развитие событий в оккупированной немцами Европе, пришли срочные предупреждения, что неголлистский Национальный комитет освобождения «имеет опасную тенденцию укрепления прорусских настроений среди французов». «Нужен был кто-то, – отмечает Колко, – кто

мог бы спасти Францию от левых, кто-то, кто мог бы “квалифицированно контролировать” влиятельных коммунистов в рамках Сопротивления, и неприятный де Голль показал себя как единственный, кто мог взять на себя эту миссию и позже так и сделает». Колко сухо заключает: «Если американцам и не нравился де Голль, то [французские] большевики нравились им еще меньше»²⁰⁸.

Итак, с лета 1944 года Вашингтон постепенно последовал примеру Великобритании и начал помогать поддерживать амбиции де Голля стать лидером послевоенной Франции. 23 октября того же года Вашингтон наконец признал его в качестве легитимного главы французского правительства. Вскоре после высадки в Нормандии де Голль был репатриирован на родину в целях представления его французскому народу как героя и лидера Сопротивления, с тем, чтобы он был признан в качестве главы правительства освобожденной и обновленной Франции. Но в самой Франции, и в частности в Сопротивлении, было гораздо меньше энтузиазма по поводу этой подготовленной коронация, чем люди обычно представляют сегодня. Готовились альтернативные планы. В Париже, например, Сопротивление взяло в руки оружие и выступило против немецкого гарнизона, когда союзные армии продвигались к французской столице. Эта инициатива стоила жизни многим партизанам. Почему эти патриоты не просто подождали несколько дней, пока немцев не выгнали, а танки союзников не въехали в город, чтобы потом начать праздновать освобождение?

Для многих французов, конечно, было, очень важно, чтобы они самостоятельно освободили свою столицу, сердце и символ нации. Кроме того, они, возможно, хотели предотвратить печально известный приказ

Гитлера об уничтожении Парижа. То, что это было все, чем руководствовались парижские партизаны, было ошибочно предположено в широко разрекламированном фильме, выпущенном в шестидесятые годы, «Горит ли Париж?» Тем не менее наиболее радикальные бойцы Сопротивления взяли в руки оружие в Париже, и это было не случайно. Они знали, что вместе с армиями союзников на пути к городу был консервативный и авторитарный де Голль, и они слишком хорошо понимали, что англичане и американцы планируют привести его к власти, чтобы политически изолировать левых лидеров Сопротивления и, таким образом, предотвратить их планы послевоенных реформ. Левые, радикальные члены Сопротивления стремились быстро захватить власть в Париже, городе, который управляет сильно централизованной сетью французского государственного аппарата, таким образом, чтобы западным союзникам и их протекции де Голлю было очень трудно свести это на нет ²⁰⁹. Польские бойцы сопротивления похожим образом попытались освободить Варшаву в августе 1944 года до прихода Красной армии, но восстание в польской столице было утоплено в крови нацистами. Основным фактором, определившим это фиаско, было то, что Советы не пришли на помощь. Сталин знал, что, в отличие от бойцов Сопротивления в Париже, польское сопротивление было антикоммунистическим и антисоветским и что они готовили исход в Варшаве, который был бы неблагоприятным для Советов. Поэтому, конечно, его не смутил тот факт, что нацисты сорвали сценарий польских партизан. Тем не менее далеко не очевидно, что Красная армия была бы в состоянии успешно вмешаться в события в Варшаве, хотя ее авангард уже находился в восточных пригородах, отделенных от самого города рекой

Вислой. Советская военная стратегия после Сталинграда характеризовалась гигантскими наступлениями вдоль чрезвычайно широкого фронта, простирающегося от Балтики до Черного моря. Такие наступления, примером которых может быть «Багратион», приводили к огромным территориальным завоеваниям и, как правило, чередовались с очень длинными паузами, срочно нужными не только для того, чтобы позволить отдохнуть уставшим войскам, но, чтобы укрепить растянутые линии снабжения между фронтом и промышленными производственными центрами в глубине Советского Союза.

Варшавское восстание произошло именно во время такого перерыва. Для Красной армии вмешательство было бы во многом рискованным, оно могло бы предоставить ослабленному, но все еще опасному вермахту возможность для нанесения контрудара²¹⁰.

В Париж западные союзники пришли слишком быстро для красных партизан. Шерманские танки вошли в Город Света прежде, чем немцы были изгнаны оттуда полностью. Так им все же удалось устроить «триумфальный въезд» для де Голля – зрелище, которое было преподано так, чтобы создать впечатление, будто бы он был тем самым спасителем, которого патриотическая Франция с нетерпением ждала в течение четырех долгих лет. Говорят, что сам генерал побеспокоился о том, чтобы во время триумфального шествия на Елисейских Полях местные лидеры сопротивления не могли идти рядом с ним, как они намеревались, но были бы вынуждены следовать за ним на почтительном расстоянии. Авторитарный де Голль – «генерал, который не выиграл ни одной битвы, и политик, который никогда не участвовал в выборах», как цинично заметил британский историк А. Дж. П. Тейлор²¹¹, был таким образом навязан французскому

народу их американскими и британскими освободителями. Де Голлю пришлось позволить коммунистам и другим левым группам Сопротивления внести определенный вклад в политическую жизнь и пришлось пойти на определенные политические реформы, но без него к власти во Франции, наверно, пришло бы более радикальное правительство, и реформы, предложенные в «Хартии Сопротивления», быть может, стали бы реальностью. Как уже было дело в Италии, действия американцев и их британских партнеров во Франции были далеки от безупречных, по крайней мере, в том смысле, что это вряд ли отвечало провозглашенному принципу того, что освободители должны были разрешить освобожденным народам восстановить демократию в своей собственной стране. Правда, во Франции западные союзники не выступили так грубо, как в Италии и Греции, но это было не столько из-за британской и американской тактичности, сколько из-за того, что после освобождения Парижа французские коммунисты показали себя особенно послушными. Практически наверняка, что они вели себя так по поручению Сталина, который не хотел портить хорошие отношения с Соединенными Штатами и Великобританией из-за амбиций коммунистов во Франции. В любом случае Советскому Союзу вновь было отказано в том, чтобы внести какой-либо вклад в дела освободившейся страны²¹².

В Бельгии западные союзники вели себя аналогично. С возвращением бельгийского правительства из его изгнания в Лондоне политические и социально-экономические часы были просто переведены на четыре года назад. Группы Сопротивления, которые планировали провести более или менее радикальные реформы после освобождения, в первую очередь местные коммунисты, были

вынуждены освободителями сложить оружие, и им был поставлен политический мат. Бельгия рассматривалась в Лондоне в качестве небольшой, но важной части будущей британской сферы влияния в Европе, в качестве своего рода британского плацдарма на континенте, и поэтому в первую очередь британцы взяли на себя восстановление старый порядок в этой стране. Они так и сделали, однако «с сильным американским одобрением», потому что американские власти также стремились предотвратить диалектику оккупации и освобождения от того, чтобы она привела к радикальным политическим, социальным и экономическим изменениям в Бельгии. При полной энтузиазма поддержке национальных элит и старых политических партий стремление к переменам в Бельгии было выхолощено и в конечном итоге выродилось в «королевский вопрос», то есть в не имеющий большой важности вопрос о том, должна ли монархия в этой стране уступить место республиканским учреждениям, или нет²¹³.

Глава 12

Успехи Красной армии и Ялтинские договорённости

События года 1943 и 1944 годов в таких странах, как Италия, Греция и Франция, показали слишком ясно, что от освободителей зависело, будут ли местные фашисты наказаны, или же их пощадят, как будет восстановлена демократия, какой вклад в реконструкцию своей страны будет позволено внести антифашистским движениям сопротивления и местному населению в целом и будут ли там проведены политические, социальные и экономические реформы.

Поведение западных союзников, которое вряд ли можно было назвать тактичным, невольно дало Сталину карт-бланш, чтобы поступить так же в странах, освобожденных Красной армией. Однако абсолютной симметрии тут не наблюдается. Во-первых, до лета 1944 года Советы продолжали бороться почти исключительно на своей собственной территории. Только лишь осенью того же года они освободили соседние страны, такие, как Румыния и Болгария, государства, которые вряд ли могли конкурировать с Италией и Францией. Во-вторых, формула сфер влияния, согласованная между Сталиным и Черчиллем, предоставляла западным союзникам небольшую, но, возможно, значительную по весу долю вклада в определение будущего в некоторых странах Восточной Европы, чем Советы не пользовались ни в одной стране в Западной Европе. Что касается перспектив их влияния на послевоенную реорганизацию Европы, то положение американцев и англичан к концу 1944 года выглядело

совсем неплохо. И все же были и причины для беспокойства.

После операции «Market Garden» стало очевидно, что война в Европе еще далека от завершения. Значительная часть континента все еще ждала освобождения, и сама нацистская Германия еще не была завоевана. В то же время было очевидно, что Польша будет освобождена советскими войсками полностью, но эта перспектива встревожила большое число поляков, в частности консервативное и чрезмерно антисоветское заграничное польское правительство в Лондоне. Между прочим, это правительство состояло не из демократов-идеалистов, как это принято думать, а из представителей автократического польского режима довоенного периода, режима, который выступал с соглашательской политикой в отношении Гитлера и успел, по случаю Мюнхенского пакта, изъять кусочек чехословацкой территории ²¹⁴. К тому же, по крайней мере, с начала 1945-ого года стало очевидно и то, что победным маршем в Берлин войдет Красная армия, а не американские или британские войска. Наступление британо-американских войск через Нидерланды на Берлин было остановлено, а затем снова оказалось невозможным в периоде декабря 1944 – января 1945 из-за неожиданной контратаки фельдмаршала фон Рундтштеда в Арденнах. Этот эпизод затем вошел в коллективную американскую память и в американские учебники истории как большое, героическое столкновение, «битва за Арденны» и нашел воплощение позднее и в одноименной голливудской продукции. В действительности битва за Арденны оказалась серьезным поражением для американцев. Контрнаступление фон Рундтштеда все-таки окончилось ничем, несмотря на первоначальный сильный немецкий натиск. Американцы героически

контратаковали в ряде случаев, как, например, в Бастони, но были и случаи паники и смущения, так что опасность продолжала нависать над ними до конца января 1945 г.²¹⁵.

По этой причине было решено попросить помощи у полезного советского партнёра. В ответ на срочное требование американцев Красная армия развернула с 12-ого января, на неделю раньше плана, агрессивное наступление на Польшу. Вермахт был вынужден изменить свои планы в Арденнах, смягчая, таким образом, натиск на американцев. Немцы не сумели остановить советский штурм на Восточном фронте, и за несколько недель они отступили до западного берега Одера. В начале февраля советские войска достигли Франкфурта на Одере, находящегося менее, чем в 100 км от немецкой столицы. Американцы должны были чувствовать признательность за такую военную помощь со стороны Москвы, но их вряд ли радовало то обстоятельство, что в необъявленной гонке на Берлин советские войска намного опередили своих западных союзников, находившихся в 500 км. от немецкой столицы. Последние не дошли еще даже до Рейна²¹⁶.

Уже после краха операции «MarketGarden» американским и британским лидерам был очевиден тот факт, что их войска не успеют добраться до Берлина раньше русских, а Красная армия будет контролировать львиную долю территории Германии, и, следуя примеру освободителей Италии, сможет установить там свои порядки после войны. Это вызвало большой пессимизм, и крайние пессимисты вроде генерала Макартура, утверждавшего в ноябре 1944 года, что вся Европа неминуемо будет подчинена Советам, несомненно, укрепили свою репутацию, особенно после битвы за Арденны²¹⁷.

Было очевидно, что если позволить одному только развитию военных событий определять окончательный успех, то западным союзникам можно было мало на что рассчитывать. Однако окончательный результат смог бы стать иным, если бы удалось вовлечь Советы в такие договоренности, результаты которых не будут зависеть от военных успехов²¹⁸. Именно этого старались добиться британцы и американцы в сериях встреч с советскими представителями в Лондоне осенью 1944 г. Они предложили поделить Германию на три приблизительно равные зоны независимо от вклада в победу отдельных союзников. (Четвертая оккупационная зона будет определена для Франции значительно позднее). Несправедливость дележа была очевидна, но Сталин принял предложение Запада. Это было большим успехом для Запада, даже пессимисты вроде Макартура, вероятно, были крайне удивлены, узнав об этом.

«Короче говоря», – пишет Колко. – ...Русские, несмотря на свой несомненный военный успех, согласились не управлять Германией в одиночку»²¹⁹.

Неожиданным подарком для западных союзников оказалось и решение Советов поделить не только Германию, но и Берлин на три оккупационные зоны, несмотря на очевидность факта, что Красная армия возьмёт столицу, находящуюся глубоко в советской оккупационной зоне. То обстоятельство, что появится и «Западный Берлин» в самом сердце Восточной Германии, было следствием благодушного настроения самого Сталина осенью 1944-ого года и зимой 1944-45 гг. В действительности лондонские договоренности относительно будущих оккупационных зон в Германии, как и договоренности Большой тройки (Рузвельта, Черчилля и Сталина) на Ялтинской конференции (4 – 11 февраля 1945 г.), могут быть правильно объяснены

только с учетом беспокойства западных союзников и их военных неудач на фоне успехов Красной армии в период 1944 – 45 гг.

Часто говорят, что на крымском курорте Ялте умница Сталин успел перехитрить своих западных коллег, особенно президента Рузвельта, который в то время был уже больным человеком. Это далеко не так. Самое главное на этой встрече британцам и американцам терять было нечего, а получить они могли почти все. На другом полюсе были русские: им эта конференция была, скорее всего, вообще не нужна. В самом деле, впечатляющие успехи Красной армии глубоко в центре самой Германии увеличивали сумму козырей в руках Сталина. В день до конференции генерал Жуков уже стоял на берегу реки Одер, совсем недалеко от Берлина. Именно поэтому Вашингтон и Лондон, а не Москва настаивали на встрече лидеров союзников. Именно потому, что они так отчаянно хотели встретиться с Сталиным с целью достижения обязывающих договоренностей, они согласились на его предварительное условие провести такую конференцию на территории СССР. Западные союзники были готовы предпринять неудобную, длинную поездку, предоставляя Советам преимущество «дома стены помогают» на этой конференции, которая обещала стать похожей на перетягивание каната. Все это были мелочи по сравнению с возможным неблагоприятным для Запада результатом, таким, как вероятная оккупация Красной армией большей части Германии. Сталин не нуждался в этой встрече «Большой тройки» и не желал ее на этом этапе войны. Однако, как мы поймем позже, у него были свои причины согласиться организовать эту конференцию с целью выиграть некоторые преимущества для советской стороны и

показать себя доброжелательным хозяином по отношению к своим западным партнерам²²⁰.

Во-вторых, договоренности, которые стали результатом Ялтинской конференции, были, действительно, выгодными для западных союзников. Госсекретарь Рузвельта Эдвард Стетиниас, тоже присутствовавший на Крымском полуострове, позже написал, что на этой конференции «Советский Союз сделал Западу больше уступок, чем Запад – Советскому Союзу».²²¹ Американский историк Кэролин Вудс Эйзенберг в своей недавно изданной книге подчеркивает, что американская делегация покинула Ялту в «ликующем духе», с убеждением, что благодаря «благоразумию Советов» не только американцы, а все человечество в целом «одержало великую победу мира»²²².

В отношении Германии Лондонские договоренности были официально подтверждены в Ялте Большой тройкой. Как отмечалось, разделение Германии на оккупационные зоны было выгодно американцам и британцам, так как уже осенью 1944 года и тем более во время проведения Ялтинской конференции все больше была вероятность того, что Красная армия, находящаяся на востоке, под Франкфуртом-на-Одре, окажется и под Франкфуртом-на-Майне на западе к тому моменту, когда придет время заключать мир.

Более того, британцам и американцам достались более обширные и более богатые западные части Германии, но об этом будет сказано позже. На встрече на Крымском полуострове в принципе было решено, что после войны Германия будет выплачивать репарации, как было и после Первой мировой войны. И Рузвельт, и Черчилль считали, что резонно и справедливо, чтобы половина репараций, тогда грубо оцениваемых в сумму на около 20 млрд. американских долларов, была

предоставлена Советскому Союзу, на территории которого нацистские вандалы вели себя особенно варварски и разрушительно. (Половина этой суммы, предназначенная для Советского Союза, то есть 10 миллиардов долларов, по некоторым оценкам считалась несколько чрезмерной. В действительности сумма эта была «очень умеренной», как утверждает немецкий историк Вильфрид Лот. В 1947, т. е. несколько лет спустя после Ялтинской конференции, были обнародованы цифры, согласно которым общие потери Советского Союза от войны, и это по консервативному подсчету, были не меньше, чем 128 млрд. американских долларов). Для Сталина вопрос о выплате репарации был крайне важным. Весьма вероятно, что именно по этой причине он не оспаривал план раздела Германии на оккупационные зоны, выдвинутый западными партнерами, – надеясь на их сотрудничество касательно репараций²²³. Со своей стороны с целью получить ратификацию со стороны советского лидера на разделение Германии на оккупационные зоны, как и его согласие на другие договоренности, выгодные для их интересов, американцы и британцы сделали некоторые уступки Сталину. Например, в ответ на готовность Сталина объявить войну Японии Рузвельт согласился на восстановление дальневосточных территорий, которые царская Россия уступила Японии, проиграв русско-японскую войну 1904 – 05 годов²²⁴. В Ялте не были приняты окончательные решения относительно будущего Германии, хотя американцы и в какой-то степени Советы, были заинтересованы в ту пору широко известным планом американского секретаря государственного казначейства Генри Моргентау. Считают, что он предложил решить «немецкую проблему» путем уничтожения промышленности этой страны и превращения ее в отсталое, безобидное

аграрное государство. В действительности этот план включал в себе неясные и не связанные между собой предложения, далеко не такие жестокие, как утверждали его оппоненты, или какими их и по сей день считают многие немцы²²⁵.

Чего тогда не понимали как следует ни в Вашингтоне, ни в Москве, это того, что против данной идеи Моргентау были не только моральные, но и серьезные практические возражения. Так, например, в плане не было обосновано, как Германия сможет платить в таком случае планируемые огромные репарации. «Логика плана Моргентау, – пишет немецкий историк Йорг Фиш, – не учитывала репарационных выплат»²²⁶.

Более того, как указывает американский историк Кэролин Вудс Эйзенберг, план Моргентау о «пасторализации» Германии никак не вязался идеями и «мыслями высших политиков США», которые предпочитали «экономическое восстановление Германии». Некоторые американские политики опасались, что этот «план» вовлечет Германию в анархию, хаос и, возможно, приведет к большевизму. Бизнесмены считали, что невозможно будет вести выгодный бизнес с бедной Германией. Влиятельные американцы боялись, что план Моргентау будет иметь отрицательные последствия для судьбы фирмы Opel и других немецких дочерних компаний американских фирм. Не случаен тот факт, что именно такие представители больших инвесторов в Германии, как Альфред П. Слоан – влиятельный председатель руководства General Motors, материнской компании немецкого Opel, были против плана Моргентау. (Советский посол в США Андрей Громыко был недалеко от истины, когда заметил, что за оппозицией плана Моргентау видны интересы «империалистических

кругов» Америки). Так или иначе, план постепенно и незаметно исчез несколько месяцев спустя после Ялтинской конференции. А сам Моргентхау, хороший друг Рузвельта, будет удален с высокопоставленного правительственного поста 5-ого июля 1945 г. новым президентом США Трумэном ²²⁷.

Так или иначе, с точки зрения интересов западных союзников, Ялтинские договоренности по Германии, хотя и иногда неточно сформулированные, были выгодны и важны. Более того, Сталин был готов для обсуждения будущего восточноевропейских стран, освобожденных Красной армией, например, Польши, хотя Большая тройка никогда не обсуждала послевоенную судьбу западных стран, таких, как Франция, Италия и Бельгия. У Сталина не было никаких иллюзий в отношении Западной Европы, и он не хотел подвергать риску отношения с британскими и американскими союзниками, тем более, что эти страны (Франция, Италия и Бельгия) были далеки от границ Советского союза, «социалистической отчизны», чья выживание и безопасность были для него главным с самого начала его карьеры. Что касается Восточной Европы вообще и Польши в частности, то здесь ситуация была совсем другой. Советский Союз был кровно заинтересован в том, в каком направлении будут развиваться после войны соседние с ним страны, чьи правительства были недружественными ему, а иногда даже открыто враждебными и чьи территории традиционно были использованы как путь всех нашествий на Москву. У Сталина были на этот счет основательные доводы, а в лице занявшей эти страны Красной армии и средства требовать, чтобы Советский Союз имел такое же право на определение будущего этих стран, какое позволили себе в отношении западноевропейских стран американцы и британцы.

Сталин не оспаривал «модус операнди» своих западных союзников в странах Западной Европы. Можно предположить, что он ожидал от них такого же права для СССР в Восточной Европе²²⁸. Несмотря на все это в Ялте Сталин был готов на обсуждение судьбы Польши и остальных восточноевропейских стран, хотя Западная Европа даже не упоминалась. Советские требования оказались минимальными и достаточно обоснованными, чего не могли отрицать даже Черчилль и Рузвельт: так называемая линия Кэрзона должна была стать границей Польши с Советским Союзом (за это Польша получила в качестве компенсации немецкую территорию восточнее линии рек Одер и Нисса). Кроме того, не будут допускаться антисоветские режимы как в Польше, так и в соседних странах²²⁹. В обмен на все это американцы и британцы получили от Сталина все, что они хотели в отношении освобожденных стран Восточной Европы, а именно никаких общественных и экономических перемен в коммунистическом плане, свободные выборы и продолжающаяся роль западных союзников в определении будущего этих стран, конечно, совместно с СССР. Такая формула не была нереалистичной, и различные вариации ее успешно применялись после войны в Финляндии и Австрии. Ялтинские договоренности, таким образом, не дали Советскому Союзу монопольного влияния в Восточной Европе в виде того рода исключительного влияния, которое имели американцы и британцы в странах Западной Европы (благодаря молчаливому согласию Сталина), хотя Запад и согласился с «контролирующим влиянием» СССР над странами Восточной Европы.

Ялтинские договоренности представляли собой значительный успех для западных союзников. Часто упоминается, что у Черчилля были серьезные опасения относительно предполагаемых «уступок» Рузвельта на

крымском курорте. В действительности он был в состоянии эйфории к концу конференции²³⁰, и причиной тому было то, что британцы и американцы получили в Ялте больше того, на что они могли рассчитывать до начала этой конференции. Голословные утверждения, что хитрый Сталин «выжал» из своих западных коллег предостаточно уступок, полностью не соответствуют действительности. Верно то, что впоследствии Ялтинские договоренности не были достаточно четко выполнены, как, например, в Польше и восточноевропейских странах. Причиной тому была реакция Сталина на американскую «атомную дипломатию» летом 1945 г., о чем пойдет речь ниже, а также на непримиримое и совершенно нереалистичное антисоветское поведение польского правительства в изгнании в Лондоне. Лондонские поляки не хотели даже признавать линию Керзона как будущую восточную границу своей родины, что было принято Рузвельтом и Черчиллем как неизбежное и справедливое и было официально принято Ялтинской конференцией²³¹. В ответ на несговорчивость лондонских поляков Сталин все больше использовал карту коммунистического и просоветского польского правительства в изгнании, «люблинских поляков», что помогло в конце концов установить исключительно коммунистический режим в Варшаве. Американцы и британцы могли сколько угодно сетовать по этому поводу, но никакие их протесты не могли прикрыть тот неопровержимый факт, что сами они поддерживали диктаторские режимы во многих странах, таких, как Греция, Турция и Китай, в которых они вовсе не настаивали на свободных выборах, требуемых ими от Сталина в Польше и других восточноевропейских странах. Сталин был реалистом. Как во время проведения Лондонских переговоров, так и Ялтинской

конференции он пошел навстречу пожеланиям как Черчилля, так и Рузвельта не потому, что он так хотел, а потому, что он вряд ли мог позволить себе этого не сделать. Война, в которой СССР так сильно пострадал и с трудом избежал оккупации, еще не была кончена. В военном плане в начале 1945-ого года позиции СССР были великолепными, но могли еще возникнуть всякого рода неприятности. Например, хотя конец Третьего рейха уже был на горизонте, машина пропаганды Геббельса агрессивно работала по сценарию спасения нацистского государства, в частности, речь шла о проекте сепаратного перемирия между Германией и западными союзниками с целью совместного «крестового похода» против большевистского Советского Союза. Этот план был не так наивен и нереалистичен, как он выглядит: Геббельс прекрасно знал, что ведущие круги в Великобритании, да и буквально во всем капиталистическом мире считали большевизм своим «естественным» врагом и в то же время рассматривали нацистскую Германию в качестве основной силы этого предстоящего «крестового похода». Нацистский министр пропаганды также прозорливо считал, что СССР считался полезным союзником во время войны для западных лидеров, но в то же время последние были врагами коммунистического государства и хранили надежду на его ликвидацию, рано или поздно.

Для Советского Союза все это означало, что после нескольких лет сверхчеловеческих усилий и огромных потерь, когда победа была уже так близка, на повестке дня по-прежнему стояли выживание, спасение, жизнеспособность страны, живучесть «социализма в одной стране», что было так дорого Сталину. Советского лидера беспокоил, и не без оснований на то, сценарий Геббельса. В лагере западных союзников целый ряд именитых личностей, генералы и

государственные деятели, считали этот сценарий привлекательным. После войны некоторые из них открыто выражали сожаление о том, что в 1945 г. армии западных союзников не продолжили марш-бросок на восток, на Москву. Сам Черчилль заигрывал с мыслью об этой инициативе, известной как «Немецкая альтернатива», или «Германский выбор».

У Сталина не было никаких иллюзий в отношении западных антипатий к Советскому Союзу. Его дипломаты и разведчики докладывали ему о мнениях и событиях в Лондоне, Вашингтоне и всех других странах. Для советского лидера, который хорошо помнил исторический прецедент интервенции союзников Антанты в Гражданской войне в России, возможность измены союзников, совместных германско-западных действий против Советского Союза была настоящим кошмаром. Во избежание этого он не давал ни Черчиллю, ни Рузвельту никаких поводов для возможных действий против СССР. Исходя из этого, можно понять, почему он воздерживался критиковать их действия в Западной Европе и Греции, а также его сговорчивость в Ялте²³².

Глава 13

Дрезден: сигнал для дядюшки Джо

К концу января 1945 года западные союзники все еще приходили в себя после тяжелой битвы в Арденнах, и они еще не дошли до Рейна, не говоря уже о том, чтобы через него перейти. В то же время Советы глубоко проникли на территорию Германии, достигли Одера и оказались на весьма близком расстоянии от Берлина. Эта ситуация вызвала некоторый дискомфорт у Черчилля и Рузвельта, которые готовились поехать в Ялту и не могли иметь ни малейшего понятия, что на этой конференции Сталин окажется любезным хозяином. Учитывая впечатляющие недавние успехи Красной армии, они, вероятно, ожидали, что он будет дерзким и что с ним трудно будет иметь дело. Чтобы несколько «спустить его с неба на землю» и таким образом сделать его «более управляемым» в Ялте, британские и американские лидеры хотели дать ему понять, что несмотря на последние неудачи их военную мощь не следует недооценивать. Красная армия, действительно, была сильна огромными массами пехотинцев, отличными танками и мощной артиллерией. Западные союзники, однако, имели на руках военный козырь, против которого у Советов не было никакого эквивалента, козырь, который позволял американцам и англичанам наносить разрушительные удары даже на большом расстоянии от их собственных фронтов. Этим козырем были их военно-воздушные силы, самый впечатляющий воздушный флот бомбардировщиков, который когда-либо видел мир. И Вашингтон, и Лондон хотели, чтобы Сталин знал об

этом. В ночь с 13 на 14 февраля 1945 года, которая оказалась ночью с масленицы на пепельную среду, Дрезден, столица Саксонии, город, известный хранившимися там произведениями искусства, был атакован британскими бомбардировщиками не один, а два раза. А на следующее утро город подвергся нападению бомбардировщиков американских. Последствия этого тройного рейда, в котором приняли участие в общей сложности более 1 000 бомбардировщиков, были катастрофическими. Историческое ядро «Флоренции на Эльбе» было сожжено. Особенно разрушительным было то, что интенсивное использование британцами зажигательных бомб – по оценкам, их было сброшено около 750.000 – намеренно вызвало огненную бурю, которую британский журналист и историк Филипп Найтли описывает так:

«Искусственный торнадо, в результате которого воздух все быстрее и быстрее втягивается в огонь. В Дрездене ветры со скоростью более 150 километров в час сметали людей и обломки в огромный пылающий костер с температурой более тысячи градусов по Цельсию. Пламя пожирало все органические вещества, все, что могло гореть. Тысячи людей погибли, были сожжены, обращены в пепел, задохнулись»²³³.

Огромное количество жителей города, а также беженцев, которых в Дрездене оказались десятки тысяч, погибли. Точной информации о числе жертв не имеется; мы не знаем точно, сколько людей потеряло свои жизни в огне в ту ночь. В прошлом, как правило, приводились огромные цифры, достигающие до 300.000. Часто упоминается и сравнительно низкая цифра примерно в 30.000 погибших, но, кажется, это только число опознанных трупов, лишь малая доля от общего числа жертв, которое, согласно секретному докладу

местной полиции, возможно, составляет где-то от 200.000 и до четверти миллиона. По многим причинам мы, вероятно, никогда не узнаем точное количество. Тем не менее большинство из тех, кто считается экспертами в этом вопросе в настоящее время, похоже, согласны на минимум в 25.000 и максимум в 40.000²³⁴. Точные статистические данные, впрочем, не имеют решающего значения. Достаточно знать, что в Дрездене огромное количество людей погибло страшной смертью. Смерть и разрушения, нанесенные этому городу, как правило, считаются бессмысленными. Основной причиной этого мнения является то, что красивая «Флоренция на Эльбе» не имела большого значения в промышленном и военном отношении и потому не являлась целью, заслуживающей таких американских и британских усилий, которые были затрачены на этот рейд. С военной и стратегической точки зрения Дрезден с его «зачаточной военной промышленностью, на которую эти удары даже не были направлены» был слишком незначительным, чтобы оправдать чрезмерное американо-британское «усердие», таков был вывод американского историка Майкла С. Шерри, сделанный им в конце 1980-х годов²³⁵. Бомбежку Дрездена также нельзя было объяснить как возмездие за прошлые немецкие бомбардировки таких городов, как Роттердам и Ковентри. Для уничтожения этих городов, которые немецкие Люфтваффе бомбили беспощадно в 1940 году, Берлин, Гамбург, Кельн и бесчисленные другие большие и маленькие немецкие города уже дорого заплатили в 1942, 1943 и 1944 годах. В начале 1945 года британские и американские военные руководители прекрасно знали, что даже самым свирепым бомбардировочным налетом не удастся «запугать [немцев] до того, чтобы они сдались»²³⁶, так что нереально приписать этот мотив организаторам

операции. Бомбардировка Дрездена в свете всего вышесказанного казалась бессмысленным убийством.

Однако в последние годы, когда бомбардировки стран и городов стали обычным явлением, которое оправдывают не только наши политические лидеры, но также и наши СМИ, представляющие эти бомбардировки в качестве «эффективной военной меры» и как «вполне законное» средство для достижения якобы благородных целей. В этом контексте для некоторых историков было проще утверждать, что бомбардировки городов во время Второй мировой войны были также оправданны и эффективны. В своей книге «Почему союзники победили», опубликованной в 1995 году, например, Ричард Овери выступил против до сих пор преобладающего мнения, что бомбардировки играли важную роль в разгроме нацистской Германии²³⁷. Но в этом новом общественном климате даже страшное нападение на Дрезден было реабилитировано. В книге «В Дрездене: вторник, 13 февраля 1945 года», опубликованной в 2004 году, британский историк Фредерик Тейлор утверждал, во-первых, что огромные разрушения в саксонской столице не были задуманы теми, кто планировал бомбардировки, а лишь неожиданным результатом сочетания неблагоприятных обстоятельств. К ним относились рост эффективности стратегии «зоны бомбардировки», разработанной англичанами под командованием Артура Харриса, также известного, как «бомбовый Харрис», в ответ на прошлые немецкие воздушные атаки на Великобританию; идеальные погодные условия и то, что город принял безнадежно неадекватные меры защиты от воздушных атак и был плохо готов к ним. В то время как многие прежние воздушные налеты на немецкие города вызвали меньший ущерб, чем ожидалось, налет

на Дрезден получился вызвавшим гораздо больший ущерб, чем ожидалось. По крайней мере, таково видение Тейлора, который приходит к выводу, что нападение на Дрезден было атакой, в «котором все пошло ужасно, как надо»²³⁸. Кроме того, возражая общепринятой точке зрения, Тейлор утверждает, что Дрезден представлял собой законную цель, так как это был не только важный военный центр, но также и важный железнодорожный пункт, и крупный промышленный город, в котором бесчисленное множество фабрик и заводов производили всякого рода важную военную боевую технику. Однако обоснованию гипотезы Тейлора, что степень разрушения оказалась больше, чем ожидалось, потому что «все пошло больше, чем по плану», противоречит факт, о котором он сам упоминает в своей книге, а именно, что примерно сорок американских тяжелых бомбардировщиков сбились с пути и в конечном итоге сбросили бомбы на Прагу, а не на Дрезден²³⁹. Если бы все пошло по плану, то разрушения в Дрездене, несомненно, были бы даже больше, чем они оказались. Совершенно очевидно, что необычно высокая степень разрушения планировалась, и это и есть причина того, почему необычайно высокая степень разрушения (хотя и не такая высокая, как предполагалось) был на самом деле достигнута. Более убедительным кажется аргумент Тэйлора о том, что Дрезден был важным железнодорожным узлом и что в городе имелось определенное число военных объектов, а также многочисленные заводы и фабрики, где производилось оружие и другая военная техника, что делало Дрезден законной мишенью для крупного воздушного налета. Тем не менее ряд фактов показывает, что присутствие в городе всевозможных объектов, заслуживающих бомбардировки, вряд ли играло роль в расчетах, планировавших этот рейд. Во-

первых, единственный по-настоящему значительный военный объект, аэродром Люфтваффе в нескольких километрах к северу от города, не был атакован за все время рейда. Во-вторых, якобы принципиально важный железнодорожный вокзал не был отмечен в качестве мишени британскими разведсамолетами, которые предшествовали бомбардировщикам. Экипажи были проинструктированы сбрасывать бомбы на центр города, расположенный к северу от железнодорожного вокзала. Следовательно, хотя многие люди погибли в нем, сам вокзал пострадал относительно мало, так мало в действительности, что он оказался в состоянии снова принимать поезда, перевозящие войска уже через несколько дней после бомбардировки. В-третьих, большинство важных объектов военной отрасли Дрездена были расположены не в городе, а в пригородах, куда бомбы сброшены не были, по крайней мере, намеренно²⁴⁰.

Нельзя отрицать, что Дрезден, как и любой другой крупный немецкий город, содержал важные в военном отношении промышленные объекты и что, по крайней мере, некоторые из этих объектов были расположены в центре города и поэтому уничтожены в ходе рейда. Но это не приводит логично к выводу, что нападение было запланировано именно для этой цели. Больницы и церкви были также уничтожены, но никто не утверждает, что рейд был организован для того, чтобы уничтожить их. Некоторому числу евреев и членов антигитлеровского сопротивления Германии, которые находились в городе в ожидании депортации и / или казни, удалось бежать из тюрьмы во время хаоса, вызванного бомбардировкой²⁴¹, но никто не утверждает, что это было целью рейда. Наконец, многочисленные военнопленные союзники, которые тоже находились в городе в то время, были убиты в

Дрездене 13-14 февраля 1945 года, но разве кто-нибудь будет утверждать, что это было причиной, по которой город был уничтожен? Нет никакой логической причины делать вывод, что разрушение неизвестного числа промышленных объектов, которые имели более-менее военную важность, было главным смыслом осуществления этого рейда или что, подобно освобождению горстки евреев и немецких антифашистов, это разрушение было лишь незапланированным последствием операции.

Объяснение, которое часто предлагают историки, в том числе Тейлор повторяет то, что уже говорили экипажи бомбардировщиков, отправленных на миссию в Дрезден, что бомбардировка столицы Саксонии имела своей целью якобы облегчить наступление Красной армии. Утверждают, что Советы просили своих западных партнеров во время Ялтинской конференции (4 - 11 февраля 1945 года) ослабить сопротивление немцев вдоль Восточного фронта с помощью воздушных рейдов, чтобы таким образом облегчить наступление Красной армии в сердце Германии. Тем не менее нет никаких доказательств, которые подтверждают истинность такого утверждения. Возможность англо-американских бомбардировок по целям в восточной Германии, действительно, обсуждалась в Ялте, но во время этих переговоров Советы выразили обеспокоенность тем, что их собственные войска могут попасть под удар бомбардировщиков, так что они просили, чтобы ВВС Британии и США не залетали слишком далеко на восток²⁴². (Опасения Советов в отношении того, что сейчас называется «дружественным огнем», не были необоснованными, как это было продемонстрировано в ходе рейда в самом Дрездене, когда, как мы уже знаем, значительное число самолетов сбились с пути и бомбили Прагу,

расположенную примерно так же далеко от Дрездена, как и войска Красной армии). Именно в этом контексте можно упомянуть общий интерес советского генерала Антонова к «воздушным атакам, которые препятствуют движениям противника, но это вряд ли можно интерпретировать как запрос разбомбить саксонскую столицу, которая вообще не упоминалась, или любой другой немецкий город, да еще так, как это испытал на себе Дрезден 13-14 февраля. Ни в Ялте, ни где-либо еще Советы не просили своих западных союзников о таком виде поддержки с воздуха, который материализовался в виде уничтожения Дрездена. Кроме того, они никогда не давали свое согласие на планы бомбить Дрезден, как это часто утверждают²⁴³. Следует также отметить, что Советы не предоставляли своим западным союзникам точной информации о направлении движения своих войск, так что было бы довольно трудно узнать, какие города надо бомбить, чтобы облегчить их продвижение. Советы не просил бомбить Дрезден. Более того, это еще вопрос, даже если Москва попросила бы о такой помощи в Ялте, ответили бы политические и военные власти в Лондоне и Вашингтон на эту просьбу так скоро, всего через несколько дней после окончания Крымской конференции, да еще таким актом, как бомбардировка Дрездена с использованием необычно огромного числа бомбардировщиков. Ответ на этот вопрос, несомненно, является отрицательным. Американцы, англичане и канадцы еще не перешли Рейн, и их войска еще находились в более чем 500 километров от Берлина. На Восточном фронте между тем Красная армия 12 января приступила к крупному наступлению и быстро подошел к берегам реки Одер, в некоторых местах приблизившись к центру столицы Германии до пределов 100 километров. Основывающаяся на этих

фактах неизбежность того, что Советы не только возьмут Берлин, но и зайдут глубоко в западную половину Германии до окончания войны, значительно волновала многих американских и британских военных и политических лидеров. Реально ли поверить, что в этих условиях, Вашингтон и Лондон были бы готовы помочь Советам достигнуть еще большего прогресса? Даже если бы Сталин попросил англо-американской воздушной помощи, Черчилль и Рузвельт, несомненно, придумали бы оправдание для того, чтобы ее не предоставлять. Они могли бы предоставить какую-то чисто формальную помощь, но никогда бы не начали массовую и беспрецедентную совместную операцию, которой стали бомбардировки Дрездена. Кроме того, для нападения на Дрезден требовалось, чтобы сотни больших бомбардировщиков пролетели более 2 000 километров через воздушное пространство противника, с тем чтобы приблизиться так близко к войскам Красной армии, что они рисковали попасть под огонь советской зенитной артиллерии или, наоборот, сбросить бомбы на советские войска. Можно ли поверить, чтобы Черчилль или Рузвельт вложили такие огромные людские и материальные ресурсы, да еще с таким риском для того, чтобы облегчить для Красной армии взятие Берлин и, возможно, достижение Рейна до того, как они сами окажутся там? Совершенно очевидно, что нет. Американо-британские политические и военные лидеры, несомненно, считали, что Красная армия уже и без того наступает достаточно быстро.

Бомбардировка Дрездена была запланирована до Ялтинской конференции, где, как считалось, советский лидер будет дерзким, и с ним будет трудно иметь дело. В этом контексте демонстрация военной мощи западных союзников и особенно могущества их военно-воздушных сил рассматривалась как полезная.

Считалось, что Сталин должен был знать, что у американцев и англичан имеется на руках военный козырь, противопоставить которому Советы ничего не в состоянии, – наиболее впечатляющая коллекция бомбардировщиков, которую когда-либо видел мир, козырь, который позволял им наносить разрушительные удары даже по самым удаленным целям. Если бы Сталин узнал об этом, с ним бы было легче иметь дело на встрече в Ялте и после нее, разве не так? Именно Черчилль решил, что полное уничтожение немецкого города под носом у Советов, так сказать, «даст понять то, что надо» Кремлю. Британские и американские ВВС уже в течение довольно продолжительного времени до этого могли нанести сокрушительный удар по любому немецкому городу, и подробные планы такой операции, известные как операция «Громовой удар», были тщательно подготовлены. Однако в течение лета 1944 года, когда быстрое продвижение из Нормандии сделало, казалось, возможным то, чтобы война была победоносно закончена до конца года, и мысли союзников поэтому были обращены уже к послевоенной реконструкции, планы такой операции начали вырисовываться как полезный способ «запугать Советы». Так, в августе 1944 года меморандум ВВС отметил:

«Впечатляющий и последний урок немецкому народу... будет иметь непреходящую ценность в послевоенный период... Полное опустошение центра огромного города... будет представлять собой неопровержимое доказательство мощи современных ВВС для всех народов... [Это] убедит российских союзников... в эффективности англо-американской мощи в воздухе»²⁴⁴.

«Громовой удар» больше не считался необходимым для победы над Германией с начала 1945 года, однако,

к концу января 1945 года, то есть в то время, когда шла подготовка к поездке в Ялту, Черчилль вдруг проявил большой интерес к этому проекту, настаивая, чтобы тот был осуществлен немедленно, и специально поручил «бомбовому Харрису» уничтожить город на востоке Германии, другими словами, неподалеку от расположения советских войск²⁴⁵. Несколько городов подпадали под эту категорию, но в конце концов был выбран Дрезден, вероятно, самим Черчиллем. Действительно, 25 января премьер-министр Великобритании указал, где бы он хотел «взорвать» немцев, а именно, где-то «в их [западном] убежище недалеко от Бреслау [ныне Вроцлав в Польше]»²⁴⁶. С точки зрения существующих в Германии городов это было равносильно тому, чтобы написать крупными печатными буквами: ДРЕЗДЕН. На то, что Черчилль сам принял решение бомбить город в Восточной Германии, который оказался столицей Саксонии, намекает также в своей автобиографии «бомбовый Харрис», который писал, что «нападение на Дрезден считалось в то время военной необходимостью гораздо более важными людьми, чем я»²⁴⁷. Очевидно, что только личности калибра Черчилля могли навязать свою волю «царю стратегических бомбардировок». Как писал британский военный историк Александр Макки, Черчилль «намеревался написать [на] ночном небе [Дрездена] текст урока» для Советов. Однако поскольку ВВС США также в конце концов приняли участие в бомбардировке Дрездена, можно считать, что Черчилль действовал с ведома и одобрения Рузвельта. Партнеры Черчилля в политической верхушке, а также военной иерархии Соединенных Штатов, в том числе Генерал Маршалл, разделяли его мнение; их тоже «очаровала», как пишет Макки, идея «запугивания [советских] коммунистов, терроризированием нацистов»²⁴⁸.

Американское участие в рейде над Дрезденом не было так уж необходимо, потому что британские ВВС были, несомненно, способны уничтожить Дрезден в одиночку. Но эффект «перебора» от несомненно лишнего американского участия имел свое значение для цели демонстрации Советам смертельной опасности, которую представляет собой англо-американский ВВС. Вероятно также, что Черчилль не хотел возложить исключительно на Британию ответственность за то, что, как он знал, станет страшной бойней; это было «преступление», в котором он нуждался в «партнере».

Операция в духе «Раскат грома» – масштабная по своему определению, – конечно, непременно должна была нанести ущерб любым военным и промышленным объектам и коммуникационной инфраструктуре в городе, который был ее целью, и поэтому неизбежно представляла собой еще один удар по уже шатающемуся германскому врагу. Но когда такая операция, наконец, была реализована с Дрезденом в качестве цели, это было сделано не столько для того, чтобы ускорить поражение нацистского врага, сколько для того, чтобы запугать СССР. Используя терминологию школы функционального анализа из американской социологии, нанести как можно более сильный удар по немцам было «объявленной функцией» операции, в то время как запугивание Советов было его гораздо более важной «скрытая» или «тайной» функцией. Полное разрушение Дрездена не было результатом несчастного стечения обстоятельств. Оно было запланировано, другими словами, было «функциональным» не для нанесения разрушительного удара по германскому врагу, а с целью демонстрации Советам, что их западные союзники имеют оружие, которым Красная армия не обладает, какой бы могучей и успешной в борьбе против немцев она ни была, и от которого у нее нет достаточных оборонительных средств.

Многим американским и британским генералам и высокопоставленным офицерам, несомненно, было известно о скрытой функции операции по разрушению Дрездена, и они одобрили эту операцию. Знали об этом также и командующие ВВС Британии и США на местах, а также «главные бомбардировщики». (После войны два главных бомбардировщика утверждали, что помнят, как им четко было сказано, что это нападение было предназначено «произвести впечатление на Советы разрушительной силой нашей бомбардировочной авиации»)²⁴⁹. Но Советы, которые внесли самый большой вклад в борьбу против фашистской Германии, и таким образом не только понесли самые большие потери, но и добились самых зрелищных успехов, например в Сталинграде, пользовались большой симпатией среди американских и британских военнослужащих низших рангов, в том числе экипажей бомбардировщиков. Эти люди, конечно, не одобрили бы любой подобный план запугивания Советов и, безусловно, план уничтожения немецкого города с воздуха, в котором они должны были принять участие. Поэтому необходимо было замаскировать цели задания официальным обоснованием. Другими словами, из-за того, что скрытая функция рейда был «такой, что о ней нельзя было говорить», «такая, о которой можно говорить», официальная функция должна быть выдумана. Вот так местные командующие и «главные бомбардировщики» получили задание сформулировать другие и, как надеялись вышестоящие лица, заслуживающие доверия цели на благо своих экипажей. Учитывая это, можно понять, почему разным экипажам давались инструкции, имеющие разные официальные цели, отличающиеся друг от друга, причудливые и даже противоречивые. Большинство командиров подчеркивало военные цели и ссылались на

гипотетические «жизненно важные заводы по производству боеприпасов» и «склады оружия и материалов», на якобы важную роль Дрездена как «укрепленного города» и даже на существование в городе какого-то «штаба немецкой армии». Расплывчатые ссылки также указывали на «важные промышленные объекты» и «сортировочные станции». Для того, чтобы объяснить, почему экипажи должны бомбить исторический центр города вместо того, чтобы выбрать своей целью его промышленные пригороды, некоторые командиры говорили о существовании там «застенках гестапо» и «гигантском заводе по производству ядовитого газа». Некоторые «ораторы» были либо не в состоянии изобретать такие мнимые цели или по какой-то причине не желали делать этого; они лаконично сказали своему личному составу, что бомбы надо сбросить на «застроенный центр города Дрездена «или просто на Дрезден», и весь сказ²⁵⁰.

Уничтожить центр немецкого города, надеясь вызвать насколько можно больший ущерб для военных и промышленных объектов и коммуникационной инфраструктуры, – такова была суть союзнической или, по крайней мере, британской стратегии «зоны бомбардировки»²⁵¹. Члены экипажа научились принимать этот неприятный факт жизни или, скорее, смерти, но в случае Дрездена многие из них чувствовали себя неловко. Они задавались вопросами по поводу инструкций в отношении цели и чувствовали, что в данном рейде есть что-то необычное и подозрительное, что эта миссия была, очевидно, не «делом житейским», каким ее пытается представить в своей книге Тэйлор²⁵². Радист В-17, например, заявил в конфиденциальном сообщении, что «это был единственный случай», когда» [он] (и другие) считали, что миссия была необычной»²⁵³. О тревоге,

испытываемой экипажами, также свидетельствовал тот факт, что во многих случаях брифинг командира не вызывал традиционных приветствий экипажей, а был встречен ледяным молчанием²⁵⁴. Прямо или косвенно, намеренно или ненамеренно, но инструкции и брифинги на имя экипажа иногда выдавали истинную функцию операции. Директива британских ВВС экипажам группы бомбардировщиков в день нападения, 13 февраля 1945 года, например, однозначно заявляла о намерении «в то же время показать русским, когда они войдут в город, на что способны наши бомбардировщики»²⁵⁵. В таких обстоятельствах вряд ли стоит удивляться тому, что многие члены экипажей четко понимали, что им предстоит стереть Дрезден с лица Земли для того, чтобы напугать Советы. Канадский член экипажа бомбардировщика, например, ответил следующим образом, когда через много лет после войны собирающий устную историю исследователь задал ему вопрос о цели этой миссии:

«Что произошло на самом деле? Я думаю, следующее: русские очень быстро продвигались вперед, и [западные] союзники решили показать русским, что у нас не только сильная армия, но и великолепные ВВС. Таким образом, чтобы русским было ясно, что они должны были вести себя хорошо, в противном случае мы покажем им, что можем сделать такое и с русскими городами. [Дрезден] был идеей таких людей, как Черчилль; это было намеренное массовое убийство – в этом я не сомневаюсь»²⁵⁶.

Новость необычайно ужасного разрушения Дрездена также вызвала большой дискомфорт среди британского и американского мирного населения, которое также испытывало большие симпатии к советским союзникам и которое, услышав новость о

рейде, также почувствовало, что в этой операции есть что-то необычное и подозрительное.

Власти почувствовали необходимость успокоить общественность, и сделали они это при помощи так называемого «полета на фронт». Рейд объяснили общественности так же, как раньше это сделали перед экипажами, попыткой облегчить наступление Красной армии. Это было сделано на пресс-конференции британских ВВС, состоявшейся в освобожденном Париже 16 февраля 1945 года. Журналистам, которые присутствовали на ней, было сказано, что разрушение этого «центра коммуникаций», расположенного недалеко от «русского фронта», было вызвано желанием помочь русским «успешно продолжать свою борьбу». То, что это было просто обоснование, придуманное уже после свершившихся фактов теми, кого бы сейчас назвали «политтехнологами», было высказано самим военным представителем. В ответ на вопросы журналистов, которые тогда были еще способны (в отличие от нынешних) оспаривать официальную версию событий, он замялся и признал, что он просто «думал», что, вероятно, причина состояла в «намерениях помочь Советам»²⁵⁷.

Гипотеза о том, что нападение на Дрезден было, в первую очередь, призвано запугать Советы, объясняет не только масштабы операции – тройной рейд, беспрецедентное сотрудничество британских и американских ВВС, но также и выбор цели. Для тех, кто планировал эту операцию, идеальной мишенью был бы Берлин. Однако к тому времени, когда Черчилль возродил этот проект, в январе 1945 года столицу Германии уже бомбили несколько раз. Можно ли было ожидать, чтобы еще один бомбардировочный налет, каким бы разрушительным он ни был, возымел желаемый эффект на Советы, когда они будут

пробиваться в город? Уничтожение города в течение 24 часов, несомненно, было бы значительно более угрожающим и эффективным, если в качестве мишени выбрать город компактный и «девственный», то есть такой, который еще не бомбили. Дрезден, которому до этого везло тем, что его не бомбили, и который был известен, как «бомбоубежище рейха» (Reichsluftschutzkeller), теперь, к сожалению, отвечал всем этим критериям. Кроме того, англо-американские командующие ожидали, что Советы достигнут столицы Саксонии через день, так что они очень скоро смогут увидеть своими глазами, на что способны британские и американские ВВС в одной только операции. Именно по этой причине Дрезден и был выбран в качестве цели. Однако Красная армия вошла в Дрезден намного позже, 8 мая 1945, чем ожидали англичане и американцы. Несмотря на это в некоторых отношениях разрушение Дрездена имело желаемый эффект. Советские линии были расположены лишь в паре сотен километров от города, так что красноармейцы могли полюбоваться на ночном горизонте свечением от горящего Дрездена, которое, как рассказывают, было видно на расстоянии до трехсот километров.

Если рассматривать запугивание Советов как «скрытую», другими словами, подлинную цель разрушения Дрездена, то не только масштабы, но и сроки проведения операции приобретают смысл. Нападение предполагалось провести, по крайней мере, по мнению некоторых историков, 4 февраля 1945 года, но оно было отложено из-за ненастной погоды и перенесено на ночь с 13 на 14 февраля²⁵⁸. 4 февраля был днем, когда началась Ялтинская конференция. Если бы «дрезденский фейерверк» произошел в тот день, это, возможно, дало бы Сталину пищу для размышлений в критический момент. Союзники надеялись, что

советский лидер, вдохновленный недавними успехами Красной армии и пользующийся тем, что именуется «дома стены помогают» по сравнению со своими западными партнерами, будет отрезвлен зловещим «посланием» британских и американских ВВС и, следовательно, станет менее уверенным в себе и более уступчивым собеседником за конференционным столом. Это ожидание четко выражено в замечании американского генерала Дэвида М. Шлаттера, члена SHAEF (Верховного главнокомандования союзных экспедиционных сил), сделано за неделю до начала Ялтинской конференции:

«Я чувствую, что наши военно-воздушные силы – это козырные карты, с которыми мы сможем сесть за стол переговоров о послевоенном договоре, и что эта операция [планируется бомбардировка Дрездена и / или Берлина] неизмеримо добавит к нашей силе или, точнее, к тому, чтобы русские ее осознавали».

Бомбардировку пришлось отложить, но она не была отменена. Этот вид демонстрации военной мощи сохранил свою психологическую полезность даже после окончания Крымской конференции. По-прежнему ожидалось, что Советы скоро войдут Дрезден и, таким образом, смогут увидеть, какие ужасные разрушения англо-американские военно-воздушные силы в состоянии нанести городу, находящемуся далеко от их баз, за одну ночь. Потом, когда расплывчатые соглашения, заключенные в Ялте, должны будут применяться на практике, они, конечно, будут помнить то, что они видели в Дрездене, и сделают «полезные выводы» из этих своих наблюдений. Ближе к концу боевых действий американские войска имели возможность достичь Дрезден до того, как туда придут войска советские. Черчилль призвал Эйзенхауэра не допустить этого; даже на этом позднем этапе войны британский премьер-министр, видимо, все еще хотел

извлечь выгоду из того, чтобы продемонстрировать советской стороне эффект бомбардировки Дрездена. Хотя он хотел бы, чтобы англо-американские войска заняли как можно больше территории Германии, Черчилль настаивал, что Дрезден должны занять Советы.

Дрезден не просто бомбили, даже не просто сильно бомбили, его уничтожили, практически стерли с лица земли для того, чтобы запугать Советы демонстрацией огромной огневой мощи бомбардировщиков ВВС и ВВС США, которые могли сеять смерть и разрушение за сотни километров от своих баз. Все это чтобы показать, что, если это будет сочтено необходимым, они могут сделать то же самое в тылу Красной армии и в самом СССР. Бомбардировка Дрездена была демонстрацией силы, призванной показать, что в лице своих военно-воздушных сил западные союзники обладают оружием, на которой Красной армии нечем ответить, независимо от того, насколько сильна и успешна она против германской армии, и против которого у нее нет достаточных средств обороны.

Эта интерпретация объясняет многие особенности бомбардировки Дрездена, такие, как масштабы операции, необычное совместное участие в ней британских и американских ВВС, выбор цели, (преднамеренная) масштабность разрушений, дата бомбардировок и последний, но не менее важный факт – то, что якобы принципиально важный железнодорожный вокзал, пригороды с их фабриками и аэродром Люфтваффе не были уничтожены. Бомбардировки столицы Саксонии не имели никакого отношения к войне против фашистской Германии, исход которой была практически предрешен в то время. Их «авторов» не заботила судьба жителей Дрездена, мужчин, женщин, стариков и детей, а также бесчисленных немецких и восточноевропейских

беженцев, которые искали в Дрездене убежище или просто находились в нем проездом и стали жертвами этой операции. Разрушение Дрездена было просто американско-британским сигналом для «дядюшки Джо».

В эпоху «холодной войны» часто предполагалось, что в конце Второй мировой войны Красная армия была готова захватить всю Европу и что, конечно, она бы так и сделала, если американские и британские союзники не помешали такому сценарию. Ничто не было так далеко от истины, как это. Советский Союз только что пережил нацистскую нападение на свою территорию и отстоял ее благодаря сверхчеловеческим усилиям и огромным жертвам. По последним оценкам, почти 30 миллионов советских солдат и мирных жителей – приблизительно 15 процентов довоенного населения – погибли в годы Второй мировой войны, и значительная часть страны была полностью опустошена²⁵⁹. Учитывая, в каком состоянии была страна, было бы абсолютным безумием для ее руководителей немедленно развязать новую войну, войну завоевательную, за тысячи километров от дома, причем против бывших союзников, чья авиация могла бы нанести СССР в десять раз больше разрушений, чем в Дрездене. Сталин не был сумасшедшим.

Существуют убедительные доказательства, что Советский лидер хорошо понимал, что это уже было огромным достижением для его страны, пережившей нацистскую агрессию и вышедшей из страшной войны с увеличенной территорией, а также беспрецедентным влиянием и престижем. Он слишком хорошо понимал, что Красная армия не могла соперничать с объединенными силами англичан и американцев с их мощными ВВС и чуть позже с их атомной бомбой, так что было лучше не раздражать их, а поддерживать с ними хорошие отношения. Американцы сами хорошо знали, что в военном

отношении Советы не представляли реальной угрозы для них. В начале 1945 года начальники Объединенного штаба их армии сообщили, что у Советского Союза имеется огромное множество причин, чтобы «избегать» конфликта с Великобританией и Соединенными Штатами. «Утверждение, что в 1945 Советы были готовы захватить всю Европу, – не что иное, как сказка, одна из многих басен мифологии, пышно расцветшей в годы «холодной войны»²⁶⁰.

Глава 14

От «мягкой руки» Рузвельта к «жесткой линии» Трумэна в отношении Сталина

Из всех британских и американских лидеров, которые в начале 1945 года стремились запугать Сталина с помощью слухов о возможной сделке Запада с нацистской Германией и / или такими грубыми приемами, как бомбардировка Дрездена, Черчилль был, несомненно, первым среди равных. Президент Рузвельт не противился такой политике, но с другой стороны, он также проявлял некоторое понимание советской точки зрения. Уже в 1942 году он был склонен позитивно реагировать на срочный запрос Сталина об открытии второго фронта в Европе. Основываясь на своем опыте встречи в Тегеране, американский президент лично считал, что с советским лидером можно было иметь дело. Он также прекрасно понимал значение успехов СССР в титанической борьбе с нацизмом и то, что после общей победы Сталин будет иметь прав более чем, кто-либо другой, в процессе принятия решений, которые определяют судьбу послевоенной Германии и Европы. Отношение Рузвельта в этом смысле часто противопоставляется отношению его преемника, Гарри Трумэн, который показал себя сторонником жесткой линии Черчилля в отношении Сталина. Однако очевидные различия в политике по отношению к Советскому Союзу этих двух американских президентов в действительности не зависели от их личностей, что, как правило, предполагается в книгах жанра «Великие личности в истории». Основными определяющими

причинами были резкие изменения в условиях войны и другие события, определившие смену курса тех, кто принимал решения в Вашингтоне после смерти Рузвельта, в том числе не только нового президента, но и его старших советников, которые ранее помогали формировать внешнюю политику его предшественника и которые также переключились на жесткую «черчиллевскую» линию. Они столкнулись с совершенно новой ситуацией, с совершенно другими трудностями и возможностями. Неизбежно эта серия новых обстоятельств привела к выработке нового курса в американской внешней политике в целом и в политике в области американских отношений с СССР в частности. Как же изменились тогда обстоятельства войны и какими были новые развития в политике, которые возникли в момент смерти Рузвельта и прихода Трумэна в Белый дом?

Во-первых, до начала 1945 года Рузвельт был глубоко обеспокоен проблемой, которая скоро перестанет преследовать его преемника, а именно войной против Японии. Мы уже убедились, что это была на самом деле война, которую Рузвельт и американская правящая элита хотели и даже спровоцировали. С самого начала война против Японии была большей проблемой для американских лидеров, чем вооруженный конфликт в Европе, хотя Вашингтон согласился с Лондоном, что надо сначала рассчитаться с европейским врагом, Германией. В войне на Тихом океане и вокруг него Соединенные Штаты переживали серьезные трудности в период после нападения Японии на Перл-Харбор. Американцы сильно недооценили японцев, которые показали себя крайне упорными противниками. После Перл-Харбора они заняли Индонезию и даже выгнали американцев с Филиппин, плацдарма «дяди Сэма» на Дальнем Востоке. Это означало, что американцам придется много «прыгать»

по разным островам через Тихий океан прежде, чем начнется реальная война против Японии и сможет быть установлена американская гегемония на Дальнем Востоке, что, с точки зрения правящей элиты США, и было реальной целью этой войны. Япония оказалась гораздо более «твердым орешком», чем ожидали американцы, хотя основная часть ее пехоты была занята в далеком Китае и потому почти не участвовала в боях против американцев. Большая часть японских войск была в Китае не только для борьбы с китайцами, которые продолжали сопротивление посягательствам Токио, включая коммунистов Мао и националистов Чан Кай-ши, но и для охраны границ их вассального государства Маньчжоу-Го вдоль дальневосточных рубежей Советского Союза. Токио и Москва, кстати, отвоевали там короткую пограничную войну в 1939 году, которая с японской точки зрения не была успешной. Многочисленные наблюдатели считали, что эти военные действия могут вспыхнуть снова, особенно если в Токио возникнет соблазн воспользоваться тем, что по состоянию на начало лета 1941 года Красная армия была полностью занята борьбой с немцами. В Токио некоторые политические и военные руководители, действительно, выступали за «северную стратегию», направленную против Советского Союза. Однако ввиду своей большой потребности в резине и нефти из Юго-Восточной Азии в Токио в конце концов остановились на «южной стратегии», которая предполагала противостояние не с Советским Союзом, а с США. Тем не менее основная часть японской армии по-прежнему оставалась в Китае.

Учитывая все эти непредвиденные осложнения и трудности, в Вашингтоне полагали, что война против Японии может стать очень дорогостоящей и затяжной, и это было, конечно, большой причиной беспокойства для Рузвельта. Для американцев было бы крайне

выгодно, если бы Советский Союз объявил войну Японии, а затем напал на японскую армию в Северном Китае. Такой сценарий не вставал, пока Советы были «приперты к стенке», но начал казаться возможным, когда в конце 1942 года немецкое наступление в направлении кавказских нефтяных месторождений заглохло, и огромная немецкая армия попала в «котел» около Сталинграда. Именно тогда Рузвельт дал понять Сталину, что в обмен на помощь по ленд-лизу Советам в их борьбе против нацистов он ожидал, что Советский Союз вступит в войну против Японии как можно скорее. Однако СССР все еще вряд ли мог позволить себе такую роскошь, как война на два фронта. Его затруднительное положение было сравнимо с положением Японии. В декабре 1941 года Токио не удалось объявить войну Советам, на что надеялся Гитлер. Японцы хорошо понимали, что их руки будут полностью связаны борьбой на Тихом океане против американцев и их союзников, таких, как Австралия. Сталин аналогично не мог позволить себе объявить войну Японии, когда Красная армия боролась не на жизнь, а на смерть с нацистской военной машиной.

Как упоминалось ранее, Рузвельт был доволен полученным им от Сталина на Тегеранской конференции в 1943 году обещанием: Советский Союз объявит войну Японии через три месяца после окончания войны в Европе. Однако Рузвельт опасался, что Сталин может не сдержать свое слово. Именно для того, чтобы не дать советскому лидеру повод не сдержать слово в отношении войны против Японии. Рузвельт был так благосклонен к советскому лидеру в Ялте, пообещав ему определенные территории на Дальнем Востоке. Сталин ответил взаимностью, не только снова пообещав объявить войну Японии, но также согласившись с решением о разделе Германии на оккупационные зоны. Что касается Рузвельта, то его

тогдашняя политика «мягкой линии» по отношению к Сталину принесла щедрые дивиденды. Но даже несмотря на это не следует переоценивать доброжелательность Рузвельта к его советскому союзнику. Аргументы Черчилля в пользу жесткой линии пользовались одобрением и поддержкой значительного числа собственных советников президента, и эти аргументы, вероятно, произвели впечатление и на него. Есть два способа заставить упрямого осла выполнять работу: с помощью моркови или палкой. Рузвельт предпочел использовать морковь, но был готов применить также и палку или, по крайней мере, угрожать ею. Участие Америки в бомбардировке Дрездена – операции, которую британские ВВС вполне могли провести в одиночку, – показало, что Рузвельт не имел никаких возражений против того, чтобы время от времени применять запугивание – прием, типичный для жесткой линии, сторонником которой выступал Черчилль. Рузвельт умер 12 апреля 1945 года, и его сменил Гарри Трумэн, решительный сторонник жесткой линии в отношении к Сталину. «Если Трумэн что-то и принес в Белый дом, – пишет Майкл Паренти, – то это было требование срочно ужесточить политику в отношении Кремля». Новый президент, действительно, вскоре открыто выступил за применение жесткой линии против Сталина, но этот отказ от более тонкой политики Рузвельта по отношению к Москве был определен прежде всего тем, что обстоятельства войны, а также возможные варианты для американской внешней политики радикально изменились за пару месяцев, прошедших между Ялтинской конференцией и смертью Рузвельта. Диалог и сотрудничество со Сталиным всегда пользовались благосклонностью у западных союзников, когда Красная армия продвигалась вперед и освобождала новые территории, особенно когда дела у самих западных союзников шли

не очень хорошо. Предпочтение Рузвельтом «мягкой линии» в отношении Советов на примере Ялтинских соглашений надо рассматривать в контексте серии важных военных успехов Красной армией и практически одновременных военных неудач англо-американских войск. На момент начала Ялтинской конференции генерал Жуков уже стоял на Одере, менее чем в ста километрах от Берлина, в то время как американцы по-прежнему зализывали раны, полученные ими в ходе контрнаступления фон Рундштедта в Арденнах. Впоследствии, однако, Красная армия в течение недель не делала заметных продвижений вперед, как и обычно бывало после предыдущих крупных советских наступлений. На момент смерти Рузвельта войска Жукова все еще находились на болотистых берегах Одера. В то же время ситуация на западном фронте резко изменилась. В начале февраля американцы, англичане, канадцы перешли в наступление в Рейнской области. Сначала дела шли негладко, но потом они перешли Рейн, сначала американцы у Ремагена неподалеку от Кобленца 7 марта, а затем британцы севернее, недалеко от города Везель, 23 марта. С тех пор дела на фронте у них пошли значительно лучше²⁶¹. «Это был самый масштабный в мире бронетанковый бросок», – провозгласил военный корреспондент Хэл Бойл, который сопровождал передовые колонны американских войск, практически не встречавшие сопротивления в их продвижении на восток, к Берлину²⁶². Действительно, на западном фронте германское сопротивление таяло, как снег на весеннем солнышке, а все больше и больше войск перенаправлялись на Восточный фронт, где Красная армия, как ожидалось, вот-вот начнет битву за Берлин. К концу марта американцам и британцам противостояли менее тридцати немецких дивизий, в то

время как более 150 дивизий были брошены против советских войск на Востоке. Это открыло возможность быстрого продвижения союзников по Германии и шанса для западных держав занять гораздо больше территории Германии, чем они могли мечтать всего лишь несколько месяцев назад. На момент смерти Рузвельта американцы оказались на таком же расстоянии от Берлина, как Советы, которые теперь наконец-то были готовы возобновить свое наступление²⁶³.

В других местах тоже стало очевидно, что Советский Союз больше не будет иметь возможности освободить значительные по размеру территории. Лишь незадолго до этого на Западе боялись, что Красная армия также освободит Данию, так чтобы после войны Советы могли бы доминировать в Скандинавии. Однако такой сценарий был предотвращен чрезвычайно быстрым британским броском к балтийскому побережью в районе Любека, что стало возможным из-за отсутствия серьезного немецкого сопротивления. Южнее американцы достигли хорошего прогресса в направлении Пльзеня и Праги в Чехословакии, другой части «европейской недвижимости», о которых они и англичане не решались даже мечтать лишь несколькими месяцами раньше. В конце концов, Красная армия первой вошла в Берлин, несмотря ни на что. Советы открыли огонь по немецкой столице 20 апреля, а 25-го апреля замкнули вокруг города кольцо. В тот же день их войска встретились с американскими на юго-западе Германии, в городе Торгау на Эльбе. Берлин капитулировал 2 мая 1945 года, но освобождение столицы Германии от нацистов обошлось Красной армии не менее, чем в 100.000 человек. Эта цена была почти такой же, как все американские потери на всех европейских полях сражений во время

Второй мировой войны²⁶⁴. К концу войны в Европе стратегическая ситуация западных союзников по сравнению с ситуацией Советов резко улучшилось за последние два месяца. Правда, Красная армия заняла Берлин, но американцы, англичане и их канадские и французские союзники завоевали гораздо большую и гораздо более важную часть Германии, чем они смели даже мечтать во время Ялтинской конференции. В некоторых районах американские войска даже перешли на востоке демаркационную линию между оккупационными зонами, которые были ратифицированы в Ялте, ту демаркационную линию, которая, казалось, была так выгодна для западных союзников во время Крымской конференции. Авангард американской армии оккупировал город Лейпциг, расположенный в середине оккупационной зоны, зарезервированной для Советов. Теперь, когда американские и британские войска заняли самую важную и большую часть Германии и проникли глубоко в Центральную Европу, «мягкая линия» в отношении к Сталину вдруг начала пользоваться у них гораздо меньшим расположением. Ни Черчиллю, ни некоторым американским командующим (таким, как генерал Паттон) была не по вкусу идея вывода войск с этой территории в пользу Советов, и сторонники «холодные войны» позже часто сожалели том, что взглядам этих ястребов было не суждено воплотиться в жизнь. Однако такое грубое нарушение Ялтинских соглашений было бы контрпродуктивным, поскольку Советы в таком случае, конечно, отказались бы освободить место в западном секторе Берлине, который должен был стать Западным Берлином, как тоже было согласовано в Ялте²⁶⁵. Именно поэтому в середине июня 1945 года, после долгих проволочек, президент Трумэн неохотно отдал приказ вывести американские войска за

демаркационную линию, которая позже станет границей между Западной и Восточной Германией²⁶⁶. Новый американский президент, неискушенный политик из не слишком-то «космополитичного» штата Миссури, до сих пор не был вовлечен в деликатные переговоры Большой тройки. Кроме того, Трумэн мало или совсем не понимал проблемы и устремления Сталина, лидера страны, которая так долго «вытаскивала каштаны из огня» за союзников, но которую Трумэн, как и бесчисленное множество других представителей правящей элиты США, тем не менее презирал за то, что это была Мекка коммунизма. Обстоятельства войны научили Рузвельта ценить преимущества «моркови» в своих отношениях с Советами. Изменившиеся обстоятельства войны в последующее время дали Трумэну повод поверить в потенциал «палки».

Позицию Трумэна и его уверенность в себе усилили военные успехи американских и британских войск в марте-апреле 1945 года, которые привели к оккупации ими большей части Германии. Кроме того, вскоре после своего прибытия в Белый дом этот человек из штата Миссури узнал, что в обозримом будущем в его распоряжении, вероятно, скоро окажутся совершенно новые средства, которые помогут Вашингтону навязать свою волю Советскому Союзу. Речь идет об атомной бомбе, но весной 1945 года бомба еще не играла значительной роли в американской дипломатии. Только в самые последние месяцы войны, то есть летом 1945 года, Трумэн окажется в состоянии разыграть карту ядерной дипломатии.

Глава 15

Антисоветский «крестовый поход»?

Западных союзников некоторое время занимала соблазнительная возможность сепаратного перемирия с Германией. Такая сделка предлагала перспективу англо-американского сотрудничества с немцами с целью вытеснить Красную армию из Восточной Европы и, возможно, даже стереть с карты Советское государство, которое уже с 1917 года было, как бельмо на глазу, для капиталистического мирового порядка, по крайней мере, для его верхушки. Даже лишь в теории сама возможность такого разворота альянса была выгодна для американцев и англичан, потому что она давала Сталину определенную пищу для размышлений, подобно демонстрации в Дрездене англо-американского превосходства в воздухе, и, таким образом, делала его более сговорчивым, даже на то время, когда были достигнуты самые выдающиеся успехи Красной армии. Так называемый «немецкий вариант», возможность союза между американцами и англичанами, с одной стороны, и немцами – с другой, таким образом, составлял важный элемент «жесткой линии» по отношению к СССР, той «палки», которую все чаще и чаще выбирали американцы и англичане весной и в начале лета 1945 года. Кроме того, такой сценарий, как это ни парадоксально, стал более реалистичным в последние дни войны в Европе.

Было просто немыслимо, конечно, чтобы Вашингтон и Лондон пошли на сделку с *нацистами*. С другой стороны, в американской спецслужбе УСС (Управление стратегических служб, предшественник ЦРУ) уже в

течение некоторого времени считали, что есть возможность прихода к власти в Берлине людей, которые, в отличие от нацистов, стали бы приемлемыми партнерами для американцев и англичан. Это могло произойти с помощью государственного переворота, например, совершенного генералами вермахта. С такими собеседниками американцам можно было бы говорить о таких вещах, как капитуляция Германии, по крайней мере, на Западном фронте; быстрая оккупация территории Германии западными союзниками после подобной капитуляции; возможность того, что вермахт сможет продолжать сражаться на восточном фронте и в конечном итоге совместные выступления против Советов. УСС не случайно было заинтересовано в таком сценарии. По данным немецкого историка Юргена Брюна, эта спецслужба была *«...в социальном отношении смесью из топ-менеджеров американской промышленности, брокеров Уолл-стрит, брокеров и юристов-ученых, высокопоставленных военных, политиков и так называемой «оборонной интеллигенции».* УСС, очевидно, представляло правящие круги Америки...Кадры УСС еще были заняты тем, как победить национал-социализм, но они уже планировали «ликвидировать» Советский Союз как политическое образование или, по крайней мере, свести до минимума его влияние в послевоенной Европе»²⁶⁷.

На курс УСС большое влияние оказывала группа американских бизнесменов, юристов и политиков, которые были уже известны своими антибольшевистскими и профашистскими взглядами задолго до начала Второй мировой войны и которые продолжали на протяжении этой войны культивировать тесные связи с «респектабельными» немцами через нейтральные страны.

УСС, таким образом, установило контакт с определенными немецкими военными и политическими руководителями, которые составляли то, что вошло в историю как антигитлеровская «оппозиция», хотя большинство этих людей поддерживали Гитлера с большим энтузиазмом во время его триумфов. Члены этой неоднородной группа получили кодовое имя «выключатели» от Аллена Даллеса, агента УСС в Швейцарии. Даллес был партнером в нью-йоркской юридической фирме Sullivan & Cromwell, специализирующейся на американо-германских деловых отношениях. Но он отказался от своей прибыльной юридической практики, чтобы вступить в ряды УСС и стать ее агентом в нейтральной Швейцарии, откуда он мог поддерживать контакты со своими старыми знакомыми в Германии, что он и делал. (Глава УСС Уильям Джозеф (более известный как «Дикий Билл») Донован также был бывшим адвокатом с Уолл-стрит с прекрасными контактами в Германии)²⁶⁸.

Довольно многие «выключатели» возлагали большие надежды на свою собственную версию американского «немецкого варианта». Их сценарий заключался в замене нацистского правления военной хунтой с последующим заключением антисоветского соглашения с западными союзниками. Таким образом, они надеялись сохранить для Германии как можно больше территориальных завоеваний Гитлера в Восточной Европе. Однако контакты между УСС и «выключателями» еще не дали никаких конкретных результатов, и перспективы такой германо-американской сделки практически свелись к нулю после того, как большинство лидеров немецкой оппозиции были физически устранены нацистами в результате неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года²⁶⁹.

После самоубийства Гитлера 30 апреля 1945 года американцы и британцы получили новую, возможно, последнюю возможность найти «респектабельных партнеров» в Германии. Нацисты, такие, как босс СС Генрих Гиммлер, также охотно предложили свои услуги, но эти люди не отвечали важнейшим критериям респектабельности. С другой стороны, генералы традиционного аристократического прусского юнкерского типа, высокопоставленные офицеры вермахта, такие, как фон Рундштедт, которые в западном мире справедливо или ошибочно и до настоящего времени пользуются репутацией «честных людей», возможно, были в состоянии обеспечить западных союзников консервативными германскими партнерами, и с прусской версией Бадольо открывалась бы возможность заключения перемирия и организации совместного «крестового похода» против Красной армии. В любом случае так называемый «юнкерский вариант» вдруг стал реалистичным вариантом для американской политики в последние дни войны в Европе, когда преемником Гитлера оказался не еще один фанатичный нацист, но, казалось бы, почтенный человек в военной форме, адмирал Дёниц. Не исключено, что Гитлер хотел сделать такой сценарий возможным и поэтому выбрал в качестве своего приемника этого адмирала, а не кого-то из бонз нацистской партии.

До чудовищного альянса между британцами, американцами и немцами и до совместного «крестового похода» против Советов дело не дошло. Но тем не менее интерес, проявленный в Вашингтоне и Лондоне к такой сделке, был конечно, не только теоретическим: практическая подготовка к ней на самом деле осуществлялась, «на всякий случай».

Например, является установленным фактом то, что многие захваченные в плен западными союзниками

немецкие военные части тайно поддерживались в полной боевой готовности для возможного использования против Красной армии. Черчилль, который не без оснований имел высокое мнение о боевых качествах немецких солдат,²⁷⁰ отдал приказ об этом фельдмаршалу Монтгомери в последние дни войны, как он публично признал гораздо позже, в ноябре 1954 года. Он обеспечил для солдат вермахта, которые сдались в плен в Северо-Западной Германии и Норвегии, чтобы они сохранили свою униформу и даже оружие и оставались под командованием своих собственных военачальников, потому что он рассматривал их потенциальное использование в военных действиях против Советов. В Нидерландах немецким частям, которые сдались канадцам, даже разрешили использовать свое оружие 13 мая 1945 для расстрела двух собственных дезертиров. Взятые в плен генералы, такие, как Кессельринг, получили разрешение от американцев оставаться во главе своих сдавшихся в плен войск и свободно перемещаться среди своих солдат. Таким же необычным обращением пользовался в британском секторе преемник самого фюрера. Адмирал Дёниц заявил в радиопередаче по случаю инаугурации, что отныне Германия хочет воевать только против «большевизма». Он, очевидно, считал себя потенциальным немецким партнером западных союзников против Советов. Британцы с их слабостью к офицерам ВМФ, вероятно, полагали, что они нашли в этом адмирале того «почтенного немецкого лидера», с которым можно вести антисоветский «бизнес». В любом случае с преемником Гитлера и его коллегами англичане первоначально очень деликатничали. Дёниц и его окружение были официально помещены под арест только 23 мая 1945 года, через две недели после капитуляции Германии, и

только после того, как Эйзенхауэр издал особый приказ на этот счет²⁷¹.

Немецких солдат держали про запас с целью их возможного использования против Красной армии, но это еще не все. Арестованным немецким офицерам также было поручено написать подробные отчеты об уроках, извлеченных ими из войны на восточном фронте против СССР. Эти отчеты носили такие названия, как «Бои в российских лесах и болотах» или «Война в условиях Крайнего Севера». Информация, почерпнутая из таких аналитических разборов, была особенно ценной для американского военного командования потому, что они рассматривали возможность подготовки новой версии операции «Барбаросса», нападения Гитлера на Советский Союз. Для того, чтобы избежать повторения фиаско первой операции «Барбаросса», американские власти, очевидно, были намерены использовать все возможные преимущества. Они даже бесстыдно использовали нацистских шпионов, таких, как Рейнхард Гелен, и высокопоставленных эсэсовцев, которые были готовы поделиться своим опытом в войне против Советского Союза с американскими спецслужбами и помочь этим спецслужбам установить контакты с немецко-фашистскими агентами в тылу Красной армии. Даже многие известные военные преступники (например, Йозеф Менгеле и Клаус Барбье), таким образом, были взяты под защиту американцев; после допроса они обычно получали фальшивые документы, и их отправляли начать новую жизнь в Южной или Северной Америке²⁷².

Этот американский вывоз всевозможных военных преступников из Центральной и Восточной Европы, не только из Германии, но также из Хорватии, Украины, и других мест, как правило, осуществлялся через Италию

и пользовался особенно активной поддержкой в Ватикане, который симпатизировал фашистским державам и до, и во время войны и который после войны хотел спасти нацистов и коллаборационистов, на чьи военные преступления Папа Пий XII дипломатично закрывал глаза. Однако было чрезвычайно сомнительно, что тогдашнее общественное мнение в Соединенных Штатах и отчасти в освободившихся странах Европы стало бы молча терпеть такой антисоветский «крестовый поход», проводимый совместно с немцами. Приходилось считаться, в частности, с историческим прецедентом антибольшевистского вмешательства в Гражданскую войну в России сразу после Первой мировой войны. От этого вмешательства пришлось отказаться из-за полного отсутствия народной поддержки во всех западных странах. Кроме того, начиная с конца 1941 года, правительство, а также американские СМИ убедили людей, что врагом являются не Советы, а нацисты и что бойцы Красной армии сражались плечом к плечу с американцами и их британскими товарищами по оружию за справедливость и свободу. Правда, в Соединенных Штатах скоро будет подан молчаливый сигнал для коллективного промывания мозгов, направленного на новое ознакомление населения с противоположным образом, то есть с преобладавшей до 1941 г. картиной, в которой Советы, а не нацисты функционировали в качестве злодея. Весной 1945 года, однако, союзник СССР все еще пользовался большой симпатией среди людей Америки и среди американских солдат, находившихся в Европе и в других странах²⁷³.

Так, опрос Геллопа в марте 1945 года, показал, что не менее 55 процентов американцев хотят, чтобы их страна продолжала оставаться союзником СССР и после войны²⁷⁴. Что касается американских солдат, в том

числе в Европе, которых пришлось бы использовать в «крестовом походе» против Советов, практически все они без исключения испытывали симпатию, восхищение и уважение к своим товарищам в Красной армии. Оглядываясь назад на ту эпоху, американский ветеран войны позже повторил это мнение:

«Мы знали, что русские понесли огромные потери на Восточном фронте, что они, действительно, сломали хребет немецкой армии. На нашу долю выпали бы бесконечно более тяжелые жертвы и страдания, если бы не они. Мы хорошо к ним относились. Помню, как я говорил, что если случится, что мы с ними встретимся, то я без колебаний расцелую их. Я не слышал ни одного враждебного к русским высказывания. Думаю, что мы были достаточно реалистичными, чтобы понимать, если нам доведется бороться с ними, мы наверняка не выйдем победителями... В конце войны мы были в Баварии, в армии Паттона. Паттон сказал, что мы должны продолжать идти вперед [до Москвы]. Для меня это была немыслимая идея. Русские бы нас уничтожили... Не думаю, что среди рядовых в нашей армии было желание воевать с русскими. Мы тогда достаточно знали из прессы и кинохроники о Сталинграде»²⁷⁵.

Положительные чувства американских солдат по отношению к Советам слишком ясно отразились в результатах опросов общественного мнения, которым американские политические и военные правящие круги, судя по всему, уделяли большое внимание весной 1945 года. Вашингтон очень остро осознавал настроение населения и армии. Кроме того, в конце войны солдаты, в частности, в Маниле, Гонолулу, Сеуле, Лондоне, Франкфурте, Париже и Реймсе ясно дали бы понять с помощью петиций и демонстраций, другими словами, с помощью оружия коллективных действий, которого

власти так боялись, что они не хотят быть использованными для антисоветской или другой военной кампании в Европе, или где-либо еще. А что касается государств, то солидарность рабочих с солдатами, желающими вернуться на родину, отразилась в многочисленных стачках. В таких условиях антисоветский «крестовый поход» совместно с нацистами или с теми, кто займет их место в Берлине, оказался невозможным весной 1945 года, каким бы привлекательным делом это ни казалось некоторым американским и британским деятелям²⁷⁶.

Английским и американским лидерам очень по душе была идея капитуляции Германии только на Западном фронте – предложение, которое немцы выдвигали снова и снова, при условии, что вермахту будет позволено продолжать бороться с Советами на Восточном фронте, быстро продвигавшемся теперь на Запад. Такая сделка была бы явным нарушением межсоюзных договоров, но ее потенциальные преимущества были особенно привлекательны для американцев и англичан. Это означало бы, например, что многие другие воинские части вермахта окажутся в британском или американском, а не в советском плену, и, следовательно, их можно будет использовать в совместном «крестовом походе» Запада и Германии против Красной армии. На такой сценарий надеялся не только Дёниц и многие другие немецкие командиры, но и многочисленные высокопоставленные должностные лица в рядах западных союзников, которые вслух мечтали о броске на Москву плечом к плечу с вермахтом²⁷⁷. В телефонном разговоре с генералом Джозефом Т. Макнарни заместитель Эйзенхауэра, генерал Паттон, как сообщалось, сделал такое аявление:

«Мы будем бороться с ними [Советами] рано или поздно... Почему бы не сделать это сейчас, пока наша армия цела и проклятых русских можно загнать пинком под задницу обратно в Россию за три месяца? Мы легко можем сделать это сами с помощью немецких войск, которые у нас есть, если мы просто вооружим их и возьмем их с собой; они ненавидят этих ублюдков. За десять дней я могу устроить достаточно инцидентов, которые смогут ввести нас в состояние войны с этими сукиными детьми, и дело будет выглядеть так, словно виноваты они. Настолько, что наше нападение на них будет полностью оправдано»²⁷⁸.

Паттон не был единственным американским лидером с таким видением. Американские историки Рассел Д. Бухайт и Уильям Кристофер Хамел подчеркивают, что многие другие военные и политические лидеры «начали рассматривать возможность превентивной войны [против СССР] в 1945 году».²⁷⁹ С точки зрения западных союзников, предложения немцев сдаться на Западном фронте были заманчивыми, даже если дело не дойдет до совместного антисоветского «крестового похода». В то время как Советам, возможно, пришлось бы бороться еще много лишних дней для того, чтобы преодолеть окончательные очаги сопротивления вермахта или ваффен-СС, американцы и англичане могли уже начать оправляться от своего участия в военных действиях. Чем слабее Советы выйдут из войны, тем лучше для Вашингтона и Лондона. Даже если Москва останется партнером, слабый партнер предпочтителен сильному, так как у слабого партнера легче вырвать уступки в ходе предстоящих переговоров на такие деликатные темы, как модификация национальных границ, польский вопрос, компенсации со стороны Германии и так далее.

Общая германская капитуляция не могла быть принята американцами и англичанами без участия их советского партнера, так как это было бы слишком грубым нарушением межсоюзных соглашений. С другой стороны, ничто не могло помешать американцам или англичанам принять «местные» или «частные» – и якобы чисто «военные немецкие капитуляции» от которых они могли бы получить определенные выгоды.

Американцы не стали ждать до последних дней войны, чтобы начать разговор с немцами о таких местных капитуляциях. Уже в марте 1945 года, например, состоялись переговоры в Берне, столице Швейцарии, между американским агентом секретной службы Даллесом и генерлом СС (и печально известным военным преступником) Карлом Вольфом. Переговоры в Берне, проведение которых организовал Вашингтон и которые были известны под кодовым названием операция «Восход», затрагивали вопросы возможности капитуляции Германии на итальянском фронте. Американцы искали для себя двойных преимуществ, которые они по понятным причинам стремились держать в секрете от Советов, и Вольф тоже ожидал для себя «услуги за услугу» с их стороны, в частности иммунитета при рассмотрении его военных преступлений. (В качестве командира айнзатцгруппы СС в Советском Союзе Вольф нес ответственность за гибель примерно 300 000 человек.) Два преимущества, которые хотели получить для себя американцы, были, во-первых, то, что в случае немецкой капитуляции в северной Италии пользующиеся влиянием коммунистические партизаны могли быть с немецкой помощью устранены как военный и политический фактор, а, во-вторых, капитуляция Германии позволила бы американским и британским войскам продвигаться в Италию быстрее в северо-восточном направлении для того, чтобы положить конец продвижению вперед

югославскими коммунистическими партизанами Тито в направлении итальянских и австрийских границ.

Советы в конечном счете узнали о событиях в Берне, но их запрос на участие в переговорах был отклонен. Недоверчивый Сталин выразил резкий протест, и Рузвельт не хотел рисковать противостоянием с Москвой из-за этого вопроса. Поскольку уже возникли некоторые сомнения в отношении полезности контактов Даллеса, операция «Восход» была тихо свернута. Однако, Даллес и Вольф стали хорошими друзьями, и Даллес обеспечил генералу СС почти спокойную старость. Конечным результатом Бернской инициативы было то, что отношения между западными союзниками и их советским партнером были здорово испорчены. С тех пор Советы относились с большим подозрением к каждому разу, когда поднималась тема капитуляций на местах. Тем не менее, британцы и американцы не могли удержаться от соблазна и реагировали на такие немецкие предложения за спиной своего советского союзника. Чем ближе был конец войны, тем больше предложений о капитуляции поступало в штаб англичан и американцев.²⁸⁰

В первые дни мая 1945 года, американское командование, например, приняло местную капитуляцию от немцев на берегах Эльбы. В результате этого основная часть 12-ой армии Венка, которая до сих пор воевала с русскими, смогла ускользнуть в американский тыл. Эта американская снисходительность намного облегчила участь немецких врагов Америки, тысячи которых смогли избежать советского плена, но создала проблемы для советского союзника все той же Америки, которому в течение более трех дней пришлось бороться с отчаянным сопротивлением арьергарда армии Венка. Капитуляция, или, скорее, спасение армии Венка не была

изолированным инцидентом. По данным немецкого генерал Курта Типпельскирха, «целые немецкие армии смогли в самый последний момент удрать в американский тыл» в последние дни войны. Речь идет о сотнях тысяч немецких солдат, составлявших примерно половину всех войск вермахта войны на восточном фронте. Высказывалась точка зрения, что американские командующие, которые соглашались принять такие местные немецкие сдачи в плен, якобы мотивировались в основном гуманитарными соображениями, а именно желанием помочь немецким гражданским беженцам избежать советских солдат, жаждущих мести. Однако этот аргумент неубедителен по целому ряду причин. Во-первых, условия сдачи в плен на местах, как правило, предоставляли приоритет немецкой армии, так что беженцы из числа мирных жителей часто были не в состоянии проскользнуть в американский тыл вовремя. Во-вторых, немецким беженцам иногда становилось только хуже из-за таких местных сдач в плен. Например, когда Советский Союз понял, что происходит, русские начали обстреливать пути эвакуации немецких войск дополнительной артиллерией. В случае спасения армии Венка погибли не только мирные немецкие граждане, но и большое количество американских солдат на берегах Эльбы. В-третьих, хотя Советы и начали мстить зимой 1944-1945, когда они вошли в Восточную Пруссию, дисциплина в рядах Красной армии была быстро восстановлена. Весной 1945 года занятие Германии советскими войсками, как правило, проходило без зверств, так что американское «гуманитарное» вмешательство за немецких гражданских лиц не требовалось. В-четвертых, такой американский «гуманизм» не только возможно принес некоторое облегчение немцам, то есть врагам американцев, но и вызвал ненужные потери у союзников американцев, Советов. Немецкий

исследователь истории армии Венка, таким образом, подчеркивает, что американская роль в этой капитуляции «[была], безусловно, неверной по отношению к их советскому союзнику»²⁸¹. Если в этом и было что-то гуманное, то такой гуманизм, по-видимому, был очень избирательным и чрезвычайно удобным для негласных антисоветских целей. Надо упомянуть и еще один фактор. Хотя может показаться правдой, что мирные жители благодаря таким местным сдачам в плен смогли избежать всякого рода незаслуженного возмездия, редко говорят о том, что это также позволило военным преступникам уйти от наказания, которого они так щедро заслуживали, ибо Советы не позволили бы всяким Менгеле и Барбье получить билет до Южной Америки. Наконец, позволим себе еще одно наблюдение в отношении сотен тысяч немецких солдат, которые не успели убежать на Запад, или тех, кто был захвачен в плен Советами гораздо раньше. Советы, несомненно, почувствовали, что принятие американцами сдачи отдельных немецких армий на Западном фронте на самом деле были не самоотверженным гуманизмом, а преднамеренным маневром, направленным (среди прочего) на то, чтобы заполучить под свое крыло как можно больше немецких армейских подразделений, которые потом можно будет использовать в совместной акции западных союзников и немцев, направленной против СССР. Уже в то время, а также значительно позже, например, когда началась реимилитаризация Западной Германии, Москве пришлось учитывать возможность того, что милитаристские и реваншистские германские круги могут попытаться осуществить новую версию операции «Барбаросса» под эгидой западных стран. В свете этого хорошо понятно, почему Советы долго колебались по поводу освобождения своих немецких военнопленных, которые

также могли бы быть использованы в новом антисоветском «крестовом походе». (Хотя, конечно, были также и другие причины для того, чтобы держать их в плену. Например, в отсутствие значимых послевоенных репараций от Германии труд немецких военнопленных рассматривался как определенная форма компенсации за военный ущерб, нанесенный Советскому Союзу). То есть сотни тысяч немцев, умерших в советском плену, или те, кто смог вернуться в свою страну много лет спустя после окончания войны, в некотором роде заплатили цену за то, что весной 1945 года многим из их товарищей было позволено «исчезнуть» в англо-американском тылу.

Глава 16

Извилистая дорога к германской капитуляции

Более-менее тайные переговоры с немцами были во многом интересны для американцев и англичан, и такие переговоры проводились в Берне и в других местах. На них обсуждались такие вопросы, такие, как сдача в плен на местах, как вермахту избежать попадания в советский плен и попасть в боеготовном состоянии в руки западных союзников, перспективы общих военных действий против Советов, стратегия для устранения радикальных и потому нежеланных групп сопротивления в немецком тылу (как, например, в Италии) до прибытия туда американских или британских освободителей и так далее. Такие контакты, очевидно, нарушили дух межсоюзного соглашения времен конференции в Касабланке, предусматривающего не вести никаких сепаратных переговоров с немцами.

Однако в конечном счете безоговорочная капитуляция Германии перед Америкой, Великобританией и Советским Союзом должна была где-нибудь произойти. Даже хотя бы только из соображений престижа западные союзники предпочитали, чтобы это произошло на западном фронте. Англо-американские контакты с немцами в свете этого представляли интерес не только с точки зрения возможности местных сдач в плен, но также с учетом подписания всеобщей и, как предполагалось, безоговорочной капитуляции, интригующие детали которой, такие, как место проведения церемонии, очевидно, можно было определить заранее и без роли в

этом Советского Союза. В этом отношении было много возможностей, потому что сами немцы продолжали искать контактов с американцами и британцами в надежде заключения сепаратного перемирия с западными державами или если это окажется невозможным, то хотя бы с целью сдать как можно больше военных частей вермахта в американской или британской плен с помощью отдельных актов капитуляций этих частей. Первая мировая война 1914–1918 годов закончилась ясным и недвусмысленным соглашением о перемирии в виде безусловной капитуляции Германии, о которой знают все, и которая вступила в силу в одиннадцать часов одиннадцатого числа одиннадцатого месяца 1918 года. Что касается Второй мировой войны, то она прекратилась, по крайней мере в Европе, в обстановке интриг и путаницы, так что даже сегодня существует множество заблуждений насчет времени и места капитуляции Германии. Вторая мировая война закончилась на европейском военном театре не одной, а целой чередой немецких капитуляций, настоящим их «разгулом». Этот «разгул» начался в Италии 29 апреля 1945 года, с капитуляцией объединенных германских войск в юго-западной Европе перед союзными войсками во главе с британским фельдмаршалом Александером. Среди подписавших акт о капитуляции с германской стороны были генерал СС Карл Вольф, который ранее вел закулисные переговоры с американскими секретными агентами в Швейцарии по чувствительным вопросам, таким, как нейтрализация итальянских антифашистов, которые не входили в американо-британские послевоенные планы для этой страны. Сталин вновь выразил опасения по поводу соглашений, над которыми в то время работали западные союзники с немцами в Италии, но, в конце концов, он дал свое благословение на эту капитуляцию. Многие британцы твердо верят

даже сегодня, что война против Германии закончилась капитуляцией Германии в штаб-квартире другого британского фельдмаршала, а именно Монтгомери, в Люнебурге в Северной Германии. Но эта церемония состоялась 4 мая 1945 года, то есть, по крайней мере, за пять дней до того, как пушки наконец замолчали в Европе, и эта капитуляция относилась только к тем немецким войскам, которые до сих пор не сложили оружия перед британо-канадской группой 21-й армии Монтгомери в Нидерландах и на северо-западе Германии. На всякий случай канадцы приняли еще и капитуляцию всех германских войск в Голландии на следующий день, 5 мая, во время церемонии в городе Вагенинген в восточной голландской провинции Гелдерланд²⁸². В Соединенных Штатах, а также в Западной Европе церемония в Люнебурге справедливо рассматривается как чисто местная капитуляция, хотя признается, что она служила в качестве своего рода прелюдии к окончательной капитуляции Германии и в результате этого к прекращению огня.

Что касается американцев, французов, бельгийцев и т. п., то, согласно им, окончательная капитуляция немцев состоялась в штаб-квартире генерала Эйзенхауэра, верховного главнокомандующего всех войск союзников на Западном фронте, в потрепанном здании школы в городе Реймсе 7 мая 1945 года, рано утром. Но это перемирие вступило в силу только на следующий день, 8 мая, и лишь в 11:01 вечера. Именно по этой причине даже сейчас празднование победы в Соединенных Штатах и в Западной Европе происходит 8 мая. Однако даже важное событие в Реймсе не было церемонией окончательной капитуляции. С разрешения преемника Гитлера адмирала Деница немецкие представители постучались в дверь Эйзенхауэра с намерением еще раз раз попробовать заключить

перемирие только с западными союзниками или в противном случае хотя бы попытаться спасти больше сил вермахта «из лап Советов» при помощи местных сдач в плен на западном фронте. Эйзенхауэр лично больше не был готов дать согласие на дальнейшие сдачи в плен на местах, не говоря уже об общей капитуляции Германии только перед западными союзниками. Но он оценил потенциальные преимущества, которые может извлечь западная сторона, если каким-то образом часть вермахта попадет в англо-американский, а не в советский плен. И он также понял, что это было уникальной возможностью побудить отчаявшихся немцев подписать в его штаб-квартире всеобщую и безоговорочную капитуляцию в виде документа, который будет соответствовать межсоюзническим соглашениям, и эта деталь, очевидно, может сделать многое для повышения престижа Соединенных Штатов. В Реймсе, таким образом, был реализован византийский сценарий. Во-первых, из Парижа был доставлен никому не известный советский офицер-связист, генерал-майор Иван Суслопаров, для того, чтобы придать вид требуемой коллегиальности союзников. Во-вторых, немцам было ясно дано понять, что не может быть и речи о сепаратной капитуляции на Западном фронте, но им была сделана уступка в виде соглашения о том, что перемирие вступит в силу только через сорок пять часов. Это было сделано, чтобы удовлетворить желание новых немецких лидеров успеть сдать в плен как можно больше сил вермахта американцам или англичанам, а не Советам. Этот интервал дал немцам возможность перебросить войска с востока, где тяжелые бои продолжались теми же темпами, на запад, где после подписания ритуальных документов в Люнебурге, а затем Реймсе больше почти не было выстрелов. Немецкая делегация во главе с генералом Йодлем

подписала документ о капитуляции в штаб-квартире Эйзенхауэра 7 мая в 2:41 утра; но, как упоминалось ранее, орудия замолчали лишь 8 мая в 11:01 часов вечера. Американские офицеры перестали позволять бегущим немцам прятаться за их линией фронта только после того, как капитуляции Германии на самом деле вступила в силу. То есть можно утверждать, что заключенная в городе шампанского сделка не представляла собой совершенно безоговорочную капитуляцию²⁸³.

Документ, подписанный в Реймсе, дал американцам именно то, что они хотели, а именно престиж подписания «всеобщей капитуляции Германии» на Западном фронте в штаб-квартире Эйзенхауэра. Немцы также достигли лучшего, на что они могли надеяться, так их мечты о капитуляции только перед западными союзниками оказались невыполнимыми, они получили, так сказать, «отсрочку исполнения приговора» на почти два дня. В течение этого времени бои продолжали идти практически только на Восточном фронте, и бесчисленные немецкие солдаты воспользовались этой возможностью, чтобы «исчезнуть» за британско-американской линией фронта²⁸⁴.

Однако текст капитуляции в Реймсе не полностью соответствует формулировке всеобщей капитуляции Германии, согласованной ранее американцами, англичанами, а также Советами. Кроме того, было сомнительно, что представитель СССР Суслопаров имел действительно достаточно высокий ранг, чтобы совместно подписать такой документ. И, естественно, Советы не испытывали восторга от того, что немцам была предоставлена возможность продолжать бои с Красной армией в течение еще почти двух дней, в то время как на Западном фронте бои практически завершились. Таким образом, создавалось впечатление,

что документ, подписанный в Реймсе, был лишь немецкой капитуляцией на Западном фронте, механизмом, который нарушал договоренности между союзниками. Для того, чтобы очистить атмосферу их отношений, было решено организовать окончательную церемонию подписания капитуляции немцев, так что капитуляция в Реймсе задним числом проявила себя как своего рода прелюдия к финальному поднятию белого флага и в качестве капитуляции чисто военной, хотя американцы и западные европейцы и продолжают отмечать ее дату как день окончания войны в Европе²⁸⁵.

Но именно в Берлине, в штаб-квартире маршала Жукова был подписан акт о капитуляции Германии всеобщей и полной как политической, так и военной. Это было 8 мая 1945 года, то есть, иначе говоря, капитуляция Германии днем раньше, в Реймсе, теперь была должным образом ратифицирована всеми союзниками. Подписывали акт со стороны Германии, действуя по поручению адмирала Дёница, генералы Кейтель, фон Фридебург (который также присутствовал в Реймсе) и Штумпф. Так как Жуков по воинскому званию был ниже Эйзенхауэра, последний имел прекрасное оправдание для того, чтобы не посещать церемонию в развалинах немецкой столицы. Он прислал для подписания акта своего достаточно малоизвестного британского помощника, маршала Теддера, и это, конечно, несколько поубавило блеск церемонии в Берлине по сравнению с церемонией в Реймсе²⁸⁶.

Что касается Советов и большинства восточноевропейских стран, то для них Вторая мировая война в Европе закончилась церемонией в Берлине 8 мая 1945 года, в результате которой оружие было сложено на следующий день, 9 мая. Для американцев и для большинства западных европейцев «настоящей победой» была и остается капитуляция в Реймсе,

подписанная 7 мая и вступившая в силу 8 мая. В то время как первые всегда празднуют окончание войны 9 мая, последние неизменно делают это 8 мая. (А голландцы вообще празднуют свое освобождение 5 мая.) Тот факт, что одна из самых больших драм мировой истории пришла к такому запутанному и недостойному концу в Европе, стало следствием, как подметил Габриэль Колко, того, как американцы и англичане стремились достичь для себя всевозможных больших и малых преимуществ – за счет Советов – от неизбежной теперь уже немецкой капитуляции²⁸⁷.

Первая мировая война закончилась фактически перемирием от 11 ноября 1918 года, а юридически подписанием Версальского договора 28 июня 1919 года. Вторая мировая война подошла к концу целой серией сдач в плен, но мирный договор по типу Версальского так и не был заключен, по крайней мере, не по отношению к Германии. (Мирные договоры были в свое время заключены с Японией, Италией и так далее) Причина этого в том, что победители – западные союзники, с одной стороны, и Советы, с другой стороны, были не в состоянии прийти к соглашению о судьбе Германии. Следовательно, через несколько лет после войны возникли два германских государства, что практически исключало возможность мирного договора, отражающего соглашения, приемлемые для всех заинтересованных сторон. Так мирный договор с Германией, то есть окончательное разрешение всех вопросов, которые остались нерешенными после войны, таких, как вопрос о восточной границе Германии, стал возможным только тогда, когда воссоединение двух Германий стало реалистичным предложением, а именно после падения Берлинской стены. Это сделало возможным переговоры в формате «два плюс четыре» летом и осенью 1990 года, переговоры, в результате

которых, с одной стороны, два германских государства нашли способы объединиться в единую Германию, а с другой стороны, четырех великих победителя во Второй мировой войне – Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Советский Союз – определили свои условия на воссоединение Германии и прояснили статус новой воссоединенной страны, принимая во внимание как свои собственные интересы, так и интересы других заинтересованных европейских государств, таких, как Польша. Результатом этих переговоров стало соглашение, которое было подписано в Москве 12 сентября 1990 и которое за неимением лучшего можно рассматривать как мирный договор, положивший официальный конец Второй мировой войны, по крайней мере, в отношении Германии²⁸⁸.

Глава 17

Америка между уверенностью и озабоченностью

После того как рухнула нацистская Германия, все понимали, что война против Японии теперь не будет долгой. Поэтому в Америке мысли были больше обращены на послевоенный мир. Лидеры США смотрели в будущее с оптимизмом и полные уверенности, но они также обнаружили, что у них было несколько причин для беспокойства.

Тогда было уже более чем очевидно, что Соединенные Штаты выйдут из всех тягот всемирного конфликта в гораздо лучшей форме, чем любая другая страна. «Когда [война] закончилась, – пишет американский экономический историк Ричард Б. Дю Бофф, – враги Америки были раздавлены, ее союзники были поправлены экономически»²⁸⁹. Германия и Япония были побеждены и лежали в руинах, Франция была лишь тенью прежней великой державы, а изнеможенная, практически обанкроченная Великобритания поменяла свой прежний статус всемирной империи на роль младшего партнера в тесном, но крайне ассиметричном британо-американском альянсе. Что касается Советского Союза, который понес тяжелые потери, в конце войны он не выглядел как мировая держава или потенциальный конкурент Соединенных Штатов. Валовой национальный продукт (ВНП) Америки был в три раза больше, чем в СССР, и в пять раз больше, чем у Великобритании. Соединенные Штаты пострадали сравнительно мало: потеряли чуть более 300 000 убитыми и 1 миллион ранеными и имели в своем

распоряжении не только фантастическую по мощи военную машину, но также и несравнимый с другими странами промышленный потенциал. И Америка на зависть всему миру обладала огромными резервами в долларах и капитале в целом, в том числе на ее счет приходились две трети всех золотовалютных резервов и три четверти всех инвестиций капитала на Земле!²⁹⁰ Америка вышла из войны «великим победителем», стала величайшей мировой державой и была на тот момент, действительно, единственной «сверхдержавой». Американцы оказались на верхней ступени пьедестала почета, и они это знали. Они могли смотреть в будущее с уверенностью, зная, что никто и ничто не может помешать им сделать все, что они хотели сделать. В Соединенных Штатах в целом ожидалось, что двадцатый век окажется «американским веком», как предсказывал еще в 1941 году издатель журнала “Life” Генри Люс. Многие американцы считали, что человечество избежало двойной угрозы европейского фашизма и японского милитаризма благодаря их стране, и теперь они чувствовали призвание продвигать свои собственные идеи о свободе, справедливости и демократии по всему миру. Другими словами, создать новый мир в соответствии с их собственным видением. Американский писатель и редактор журнала “Hrper’s Magazine” Льюис Лэфем комментировал в этой связи, что «Соединенные Штаты получили Землю в наследство» и что американцы верили в то время, «что они были помазанниками божьими»²⁹¹.

Весну 1945 года американские руководители и американский народ в целом встретили в оптимистическом настроении, но заботы у них еще оставались. Экономический кризис тридцатых, по существу, кризис перепроизводства, теперь остался

позади. Во время войны государство устранило ключевую проблему – слабость экономического спроса с помощью заказов по ленд-лизу, а также заказов от собственного военного ведомства США. Расходы вооруженных сил страны умножились в шесть раз за период с 1940 по 1941 годы, а также между 1940 и 1945 американское государство потратило не менее 185 миллиардов долларов на танки, самолеты, корабли и все другие виды военных поставок²⁹². Это обеспечило «могучий стимул», как пишет Дю Бофф, для экономики страны²⁹³. Доля военных расходов в американском ВВП, которые увеличились между 1939 и 1944/1945 годами с примерно 90 млрд. до около 200 млрд. долларов, выросла с незначительных 1,5 процентов в 1939 году до примерно 40 процентов в 1944 / 1945 годах. Для того, чтобы сделать возможным этот рост, был расширен промышленный потенциал нации в виде бесчисленных новых крупных, более современных и потому даже еще более производительных заводов. Совокупная стоимость всех американских фабрик и других производственных объектов возросла с 40 млрд. долларов в 1939 году до 66 млрд. долларов в 1945 году.

Таким образом, американская экономика фактически выработала опасную зависимость в годы войны, а именно зависимость от «наркотика» военных расходов государства²⁹⁴. И послевоенная «ломка» была серьезной проблемой. С конца войны в поле зрения вырисовывалась перспектива того, что первоисточник военных заказов скоро иссякнет. Именно в тот момент, когда общее предложение промышленных товаров было выше, чем когда-либо прежде, спросу начал угрожать крах. Было неизбежным, что бесчисленные заводы начнут закрывать свои ворота и увольнять работников, когда сотни тысяч демобилизованных солдат вернутся домой и начнут искать гражданские рабочие места.

Безработица такого рода, вызванная таким стечением обстоятельств, приведет к подрыву покупательной способности американцев и, таким образом, к дальнейшему падению спроса²⁹⁵. Колко пишет по этому поводу:

«Обеспокоенность большой послевоенной безработицей была широко распространена среди экономических плановиков с 1942 года, и Ниагарский водопад пессимистических исследований и выступлений об опасности недостаточных послевоенной торговли, доступа к сырью и инвестиционных возможностей хлынула из уст государственных и частных агентств и личностей»²⁹⁶.

Пол Самуэльсон, в то время молодой экономист, «полный нетерпеливых планов», который потом станет лауреатом Нобелевской премии в своей области в 1970 году, был одним из экспертов, которых беспокоили мрачные предчувствия. Он предсказал, что «5 миллионов американцев потеряют свои рабочие места или, по крайней мере пострадают от значительно сокращенного рабочего времени в результате урезания государственных расходов» после окончания военных действий²⁹⁷. Для американской правящей элиты вообще и для корпоративной Америки в частности конверсия американской экономики в условиях мира грозила резким прекращением бума военного времени, который обеспечивал им прибыль, как из рога изобилия, и расширение их активов. Возвращение к мирной экономике грозило им конфронтацией с проблемами, вызванными массовой безработицей, в том числе требованиями радикальных и даже революционных перемен. Америка стояла на пороге кризиса, который вполне мог оказаться еще более травматичным, чем Великая депрессия «грязных тридцатых годов»²⁹⁸.

Однако существовали средства для предотвращения воплощения этого пугающего сценария в реальность. Например, экономический бум можно было продлить, если американская промышленность смогла бы найти пути для своей продукции на рынки всего мира, сведя таким образом на нет угрозу коллапса спроса. Дин Ачесон, в то время заместитель госсекретаря и очень влиятельный государственный деятель, подчеркнул уже в ноябре 1944 года в речи в комитете Конгресса, что Соединенные Штаты «не могут иметь полную занятость и процветание... без внешних рынков»²⁹⁹. Большинство политических и индустриальных лидеров Америки разделяли это мнение. Некоторые «рупоры» американской правящей элиты зашли даже так далеко, что утверждали, будто бы сохранение капиталистической системы в Америке зависит от значительного расширения зарубежной торговли³⁰⁰. В 1930-е годы каждая страна стремилась защитить свою перебивавшую в ходе кризиса промышленность путем высоких тарифов и других протекционистских мер. Хорошим примером этого являются британские имперские привилегированные тарифы, о которых уже шла речь. Однако и сами США с введением Закона Холи-Смута 1930 года увеличили тарифы не менее чем на 50 %³⁰¹. Если стало бы возможным устранить такую практику после войны и если вместо нее принцип свободной торговли получил бы всеобщее признание, то для американской промышленности это открыло бы возможности для «замечательного бизнеса» по всему миру. Одной из причин этого было то, что промышленность Соединенных Штатов пользовалась крупными конкурентными преимуществами, связанными с экономией на масштабе. Кроме того, модернизация и рационализация, которые

потребовались во время войны, сделали американскую промышленность сверхэффективной и в силу этого чрезвычайно конкурентоспособной.

В девятнадцатом веке Британская империя активно распространяла принцип свободной торговли, потому что, будучи сильной промышленной державой, она извлекала для себя выгоду из реализации этого принципа. Именно по той же причине сто лет спустя, в конце Второй мировой войны американское правительство, позицию которого выражал прежде всего госсекретарь Корделл Халл, жадно проповедовало евангелие универсальной свободной торговли. Свободная торговля представлялась американцами как средство против всех экономических и даже политических бед, от которых страдал мир. Несколько упрощенно свободная торговля приравнивалась к миру между народами, в то время как протекционизм связывался с конфликтами, кризисом и войной³⁰². Американцы не ждали конца войны, чтобы заложить основы для нового «халлианского» экономического мирового порядка, основанного на свободной торговле. Помощь Великобритании по ленд-лизу была привязана к определенным условиям, которые якобы были нацелены на то, чтобы открыть закрытую экономику Британской империи в качестве рынка для экспортных товаров американской промышленности в долгосрочной перспективе. Похожие ожидания были от договоренностей по ленд-лизу с Советским Союзом. Многие другие страны, которые оказались, подобно Великобритании, в сложном экономическом положении во время войны и поэтому зависели от американской помощи, были вынуждены принять правила будущего экономического мирового порядка³⁰³. Историк Говард Зинн пишет следующее:

«Тихо действуя под прикрытием боев и взрывов, американские дипломаты и бизнесмены работали на то, чтобы, когда война закончится, американская экономическая мощь не знала себе равных во всем мире... Политика открытых дверей, равного доступа распространится из Азии на Европу...»³⁰⁴.

Принцип открытых дверей – новая политика свободной торговли, которая открыла бы все двери для американских товаров и американских инвестиций капитала, был утвержден на конференции в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гемпшир, летом 1944 года, в которой приняли участие представители не менее 44 стран. Эта конференция создала институциональные механизмы для реализации принципов новой экономической политики на практике, прежде всего Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, так называемые «международные» организации, в которых всегда доминировали Соединенные Штаты и продолжают делать это и по сей день³⁰⁵. По очень схожим экономическим, а также политическим причинам американское правительство с такой же энергией преследовало цель создания Организации Объединенных Наций (ООН) и устроило так, чтобы штаб-квартира этой международной организации была размещена в Нью-Йорке, но это история, которая выходит за рамки данного исследования³⁰⁶.

От тех стран, которые были освобождены Америкой, Вашингтон ожидал благодарности в виде сотрудничества в отношении свободной торговли и политики открытых дверей для американского инвестиционного капитала. Будет справедливым сказать, что американцы обеспечили приход к власти в освобожденных ими странах только таких правительств, которые выступали в поддержку этой политики. Американцы надеялись, кроме того, что и в

других странах Европы, а именно в Германии и в восточноевропейских государствах, после войны к власти придут правительства, которые положительно будут относиться к такой либеральной экономической политике, от которой Соединенные Штаты ожидают такие высокие дивиденды. В особенности восстановление экономики потерпевшей поражение Германии обещало создать беспрецедентные возможности для бизнеса, и американская промышленность была решительно настроена на получение славных прибылей от грядущей «золотой лихорадки» между Рейном и Одером. В девятнадцатом веке граница с Диким Западом функционировала в качестве экономического и социального мотора для Америки; после Второй мировой войны казалось, что провидение создало новую восточную границу для Америки в Европе, и прежде всего в Германии, границу, призванную обеспечить Америку рогом изобилия неограниченных экономических возможностей³⁰⁷.

Сказочные перспективы бизнеса могло также открыть восстановление экономики СССР. Американское участие в решении этой титанической задачи еще оставалось возможным, и от «перспективы прибыльной крупномасштабной торговли с Россией» у многих американских промышленных магнатов текли слюнки. Это также относится к тем, кто еще незадолго до этого не делал секрета из своей ненависти к советской системе. Было подсчитано, что стоимость будущего ежегодного экспорта в Советский Союз составит от 1 до 2 млрд долларов³⁰⁸.

Американские лидеры были полны решимости наводнять мир не только американской экспортной продукцией, но также и сопутствующими американскими взглядами на мир, в которых царили «личная свобода, демократия, свобода

предпринимательства и свободная торговля». Это была идеологии, которая использовалась для продвижения нового экономического порядка Америки в Европе и во всем мире, включая не в последнюю очередь и сами Соединенные Штаты. Для американских лидеров было просто немыслимо, что у некоторых людей были другие идеи, например у европейских бойцов Сопротивления, которые мечтали о социальном и экономическом «новом курсе», в корне отличном от жесткой американской капиталистической системы. У них практически не было понимания радикальных прогрессивных социально-экономические программ, таких, как «Хартия Сопротивления» во Франции, которая призвала к национализации некоторых фирм или промышленных секторов и которая, следовательно, ограничивала принципы свободного предпринимательства. Не менее неприятными для них были и умеренные, но более или менее левые идеи европейских социалистов или социал-демократов. Однако самым отвратительным в американских глазах был коммунизм. Причина этого заключалась в том, что данная революционная идеология отказывалась от капитализма в целом, а кроме того, в том, что ее сторонники были активно заняты с 1917 года строительством в Советском Союзе радикально отличающейся социально-экономической системы, таким образом, обеспечивая капитализм нежелательной конкуренцией общества, построенного на противоположных капиталистическим принципах.

В двадцатые и тридцатые годы американские политические и промышленные элиты были антикоммунистами и, следовательно, с пониманием относились к фашизму. Однако после Перл-Харбора фашисты стали врагами Америки, в то время как Советский Союз по воле причуд войны превратился в союзника Дяди Сэма. Лишь по этой причине во время войны были временно приглушены пылающие огни

антикоммунизма. Тем не менее большинство религиозных, политических, а также военных лидеров Америки продолжали считать коммунизм своим истинным врагом. Даже после Перл-Харбора католические журналисты, например, как правило, оставались лояльными довоенной ортодоксальной доктрине, которая предпочитала фашизм, поддерживаемый в Ватикане, «безбожному» коммунизму. Многие известные американцы публично сетовали на то, что Соединенные Штаты оказались в состоянии войны «не с тем врагом», и сенатор Тафт громко предупреждал, что «победа коммунизма будет гораздо более опасной для Соединенных Штатов, чем победа фашизма»³⁰⁹. В военной академии Вест-Пойнта, где боевая элита Америки проходила школу, несколько генералов в порыве откровенности открыто жаловались, что Америка вступила в войну «на неверной стороне»; вину за этот промах возлагали на плечи лично президента Рузвельта, которого снисходительно называли «евреем Франклином Д. Розенфельдом», почти так же, как его называл Гитлер. «Мы должны были бороться с коммунистами, а не с Гитлером», – таково было общее заключение³¹⁰.

Все это на практике означало, что во время войны реальные или воображаемые коммунисты также систематически подвергались преследованиям со стороны американских властей. Охота на коммунистов была давней и по-прежнему актуальной специальностью ФБР Дж. Эдгара Гувера, но во время войны ФБР столкнулось с растущей конкуренцией в этом отношении со стороны так называемой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (КРААД) якобы антифашистского комитета Конгресса. Это «один из величайших парадоксов [американской] истории, – пишет американский ученый Ной

Айзенберг, – что ФБР и КРААД специально преследовали немцев, бежавших от нацистской диктатуры “по политическим, а также этническим мотивам” и поселили в Соединенных Штатах, например, Томаса и Генриха Манна, Эриха Марию Ремарка и Бертольда Брехта». Подчиненные Эдгара Гувера, которые, как пишет Айзенберг, «сами себя назначили в качестве защитника народа от угрозы зарубежной коммунистической инфильтрации», шпионили за этими немецкими беженцами и часто тревожили их не потому, что в них подозревали нацистских агентов, а потому, что их политические пристрастия были слишком левыми, по мнению властей³¹¹.

В своей знаменитой устной истории Второй мировой войны «Хорошая война», Стадс Теркель цитирует представителя американского Красного Креста, который заметил, что если говорить об американских лидерах, то их военный союз с СССР просто никогда не был “от чистого сердца”»³¹². Это было очень оправданным заявлением. Для американской правящей элиты война против фашистской Германии, действительно, была не больше, чем аномалией, незапланированной, нежелательной, тем неожиданным перерывом, который временно прервал их пустившие глубокие корни антикоммунистические мысли и планы, но не остановит их от возвращения к этим мыслям и планам, как только конфликт с «не тем врагом» подойдет к концу. Как выразился итальянский историк Филиппо Гайя:

«Основное внимание оставалось сконцентрированным на борьбе против большевизма и против преобразования мира на социалистических началах. В этом отношении Вторая мировая война была феноменом, имевшим среднее значение, просто

отступлением в гораздо более широкой схеме, а именно в планах уничтожения большевизма»³¹³.

После поражения фашизма в Европе весной 1945 года создались условия для возрождения антикоммунизма в Америке. Причем в то время коммунизм становился еще более ненавидимым врагом, потому что он остался единственным идеологическим конкурентом американской идеологии и был заклятым врагом «демократии», «личной свободы», «частной собственности» и не в последнюю очередь такого рода международной свободной торговли, в которую американская промышленность и правящая элита вложила такие большие надежды. В «прекрасном новом мире», который должен был возникнуть под эгидой американцев из пепла Второй мировой войны, в «американском веке», для которого 1945-й должен был стать нулевым год, не было места для коммунизма.

Глава 18

Ядерная дипломатия и развязывание «холодной войны»

С немецкой капитуляцией в начале мая 1945 года война в Европе была завершена. Победители, Большая тройка, после этого столкнулись со сложным и деликатным вопросом послевоенной реорганизации Европы. В Западной Европе американцы и англичане уже создали «новый порядок» почти годом раньше, и Сталин принял этот порядок вещей. В Восточной Европе, с другой стороны, советский лидер явно наслаждался преимуществом благодаря присутствию там Красной армии. Тем не менее в то время западные союзники могли еще надеяться, что они будут в состоянии обеспечить свой вклад в реорганизацию и этой части Европы. Сталин маневрировал в пользу коммунистов и их сторонников, ставя в невыгодное положение всех тех, кого подозревали в антисоветизме или антикоммунизме, но все еще было возможным³¹⁴. Кроме того, по отношению к Восточной Европе западные аутсайдеры уже просунули ногу в дверь, выражаясь фигурально, благодаря предшествовавшим соглашениям, таким, как заключенное в Ялте и формуле Черчилля о сферах влияния. Что касается Германии, западные союзники на самом деле пользовались там преимуществом по сравнению с Кремлем, потому что в результате соглашений, ратифицированных в Ялте, американцы и британцы совместно занимали гораздо большую и гораздо более важную часть Германии, а также получали львиную долю недвижимости в

Берлине. В Западной Европе все уже было решено, но в странах Восточной Европы и в Германии все еще оставалось возможно. Далеко не неизбежным фактом было то, что Германия надолго останется разделенной на зоны оккупации и что Восточная Европа будет сохраняться в течение полувека под влиянием Советов. Сталин, которого потом будут в этом обвинять, на самом деле имел веские причины для того, чтобы прислушиваться к западным требованиям в отношении Германии и Восточной Европы. Он знал, что неразумные требования или непокорность в отношении британцев и американцев сопряжены с большим риском. Как ясно показал Дрезден, такое поведение может быть губительным для Советского Союза. Кроме того, Сталин надеялся, что добрая воля и сотрудничество в сочетании с его обещанием объявить войну Японии может принести богатые плоды в виде американской помощи в практически сверхчеловеческой задаче восстановления экономики Советского Союза.

Руководствуясь комбинацией опасений и надежды, Сталин был готов сотрудничать с американцами и англичанами, но, конечно, он также имел полное право пожинать некоторые из преимуществ, на которые имеют право победители. Например, он ожидал определенных территориальных приобретений (или, точнее, компенсацию за более ранние территориальные потери Советского Союза или его предшественника, царской России); значительных репараций от Германии; признания его права не терпеть антисоветских режимов в соседних странах; и последнее, но не менее важное – возможности продолжать строительство социалистического общества в СССР. Его американские и британские партнеры никогда не давали понять Сталину, что они считали эти ожидания неразумными. Напротив, законность этих советских военных целей

была неоднократно признана как явно, так и неявно в Тегеране, Ялте и других местах.

Можно было вести диалог со Сталиным, но такой диалог также требовал терпения и понимания советской точки зрения, и его надо было вести, осознавая, что Советский Союз не уйдет из-за стола переговоров с пустыми руками. У Трумэна, однако, не было никакого желания заниматься таким диалогом. Он не имел ни малейшего представления даже о самых основных ожиданиях Советов, и ему была ненавистна сама мысль, что Советский Союз сможет получить компенсацию за принесенные им жертвы и, возможно, таким образом, ему будет предоставлена возможность возобновить работу над проектом коммунистического общества. Как и многие другие американские руководители, президент выразил надежду, что можно будет «выжать» Советы из Германии и Восточной Европы без компенсации и даже каким-либо образом положить конец их коммунистическому эксперименту, который оставался источником вдохновения для красных и других радикалов и революционеров по всему земному шару, даже в самих США³¹⁵.

Как и Черчилль, Трумэн счел «палку» жесткой линии в отношении Сталина гораздо более перспективной, чем «пряник» мягкой линии. Мы уже видели, что это было во многом связано с резким улучшением военной ситуации западных союзников в Германии в марте и апреле 1945 года. Тем не менее это принесло им лишь незначительные преимущества в сравнении с тем потенциально фантастическим козырем, на использование которого в карточной игре со Сталиным новый американский президент мог надеяться в ближайшем будущем. 25 апреля 1945 года Трумэн был проинформирован о секретном Манхэттенском проекте, или S-1, как на кодовом языке именовался проект

атомной бомбы. Американские ученые работали над этим мощным новым оружием в течение многих лет; оно было почти готово, вскоре должно было пройти испытания, а после этого будет готовым для использования. Атомная бомба сыграла чрезвычайно важную роль в процессе принятия новой американской политики весной 1945 года в Европе, а также на Дальнем Востоке. Трумэн и его советники были околдованы тем, что известный американский историк Уильям Эпплман Уильямс окрестил «видением собственного всемогущества». Они были абсолютно убеждены, что атомная бомба поможет им навязать свою волю Советскому Союзу³¹⁶. Атомная бомба была «молотком», как заявил сам Трумэн, которым он будет махать над головой «этих парней в Кремле»³¹⁷.

Владение атомной бомбой открыло всякого рода немыслимые ранее и чрезвычайно благоприятные перспективы для сторонников политики жесткой линии. Благодаря бомбе, считали они, теперь будет можно заставить Сталина несмотря на ранее достигнутые договоренности вывести Красную армию из Германии и отказать ему в праве играть роль в послевоенных делах этой страны. Казалось, теперь посильным и установление прозападных и даже антикоммунистических режимов в Польше и в других странах Восточной Европы, а также предотвращения влияния Сталина там. Они размышляли даже о том, что и сам Советский Союз может быть открыт для американского инвестиционного капитала, а также для американского политического и экономического влияния и что этот коммунистический еретик может, таким образом, вернуться в лоно вселенской капиталистической церкви. «Существуют свидетельства, – пишет Немецкий историк Йост Дюлффер, – что Трумэн считал монополию на атомную

бомбу своего рода карт-бланшом для реализации идей Соединенных Штатов о новом мировом порядке»³¹⁸.

По сравнению с тонкой и часто нелегко осуществляемой политикой мягкой линии Рузвельта политика жесткой линии, то есть политика всесильной «палки», которой обещала стать ядерная бомба, казалась простой, эффективной и поэтому чрезвычайно привлекательной. Если бы он остался жив, и Рузвельт сам, вероятно, выбрал бы этот курс. Его преемник, Трумэн, не имел опыта политики с использованием «морковки». Для слишком неискушенного в политике уроженца штата Миссури простота и потенциал новой жесткой линии оказались просто неотразимыми. Вот так он пришел к атомной дипломатии, которая была изучена в такой увлекательной форме в работах американского ревизионистского историк Гара Альперовица.

Монополия на атомную бомбу должна была позволить Америке навязывать свою волю СССР. Хотя на момент капитуляции Германии в мае 1945 года она еще не была готова, Трумэн знал, что ему недолго придется ждать. Поэтому он не внял совету Черчилля как можно скорее обсудить судьбу Германии и Восточной Европе со Сталиным, «пока не растворились войска демократии», то есть, до того, как американские войска должны были уйти из Европы. В конце концов Трумэн согласился на встречу на высшем уровне Большой тройки в Берлине, но не раньше, чем летом, когда бомба должна уже была стать готовой.

На Потсдамской конференции, которая проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года, Трумэн получил долгожданное сообщение, что атомная бомба была успешно испытана 16 июля в Аламогордо, Нью-Мексико. Американский президент счел, что пришло время сделать свой ход. Он больше не старался выдвигать

предложения в адрес Сталина, вместо этого он выдвигал всякого рода требования; в то же время он отвергал с ходу все предложения, исходящие с советской стороны, например, предложения, касающиеся немецких репараций, в том числе сделанные на основе более ранних соглашений, таких, как Ялтинское. Сталин, однако, не проявил обнадеживающей готовности капитулировать, даже когда Трумэн попытался запугать его, прошептав ему на ухо, что Америка приобрела невероятно мощное новое оружие. Советский Сфинкс, которому, конечно, уже сообщили о Манхэттенском проекте его разведчики, ответил ему ледяным молчанием. Трумэн сделал вывод, что только реальная демонстрация атомной бомбы сможет убедить Советы в необходимости уступить ему дорогу. В результате этого в Потсдаме не было достигнуто общее согласие по важным вопросам³¹⁹.

В то же время японцы сражались на Дальнем Востоке, хотя их положение было совершенно безнадежным. Они на самом деле были готовы сдаться, но не безоговорочно, как того требовали американцы. Для японцев безоговорочная капитуляция стала бы высшим унижением, так как император Хирохито, возможно, был бы вынужден уйти в отставку и даже был бы обвинен в военных преступлениях. Американские лидеры были в курсе этого, и некоторые из них, например, секретарь военно-морского флота Джеймс Форрестол верил, как пишет Альперовиц, «что заявление, уверяющее японцев, что “безоговорочная капитуляция” не означает свержения императора, вероятно, положило бы конец войне. Добиться японской капитуляции, действительно, было возможно, несмотря на их просьбу об иммунитете для Хирохито. Был прецедент капитуляции Германии в Реймсе тремя

месяцами раньше, которая, как мы видели, не была полностью безоговорочной. Кроме того, требование Токио было далеко не самым важным: после безоговорочной капитуляции, вырванной у японцев, американцы так и не выдвинули никакие обвинения против Хирохито, и именно благодаря Вашингтону он оставался императором в течение еще нескольких десятилетий»³²⁰.

Почему японцы считали, что они все еще могут позволить себе роскошь выдвигать свои условия в ответ на предложение сдаться? Причина в том, что основные силы их армии в Китае оставались нетронутыми. Они думали, что смогут использовать эту армию, чтобы защитить саму Японию и таким образом заставить американцев заплатить высокую цену за их по общему признанию неизбежную окончательную победу.

Однако эта схема могла сработать, только если Советский Союз не вмешается в войну на Дальнем Востоке, задержав таким образом японские войска на материке, в Китае. Другими словами, советская нейтральность, давала Токио небольшую надежду, не надеяться на победу, конечно, но надеяться, что к переговорам с Соединенными Штатами, возможно, сложатся несколько более благоприятные условия для капитуляции. В определенной степени война с Японией затянулась, потому что СССР еще не был вовлечен в нее. Но уже в Тегеране в 1943 году Сталин обещал объявить войну Японии в течение трех месяцев после капитуляции Германии, и он подтвердил свою приверженность этому обещанию 17 июля 1945 года, в Потсдаме. Следовательно, Вашингтон рассчитывал на советское нападение на Японию в середине августа. Американцы, таким образом, прекрасно знали, что ситуация японцев была безнадежной. «Японцам конец, когда это произойдет», – писал Трумэн в своем

дневнике, ссылаясь на ожидаемое вмешательство СССР в войну на Дальнем Востоке³²¹. Кроме того, американский военно-морской флот заверил Вашингтон, что он в состоянии предотвратить переброску японских войск из Китая, необходимую для того, чтобы защитить саму Японию от американского вторжения. Наконец, было сомнительно, понадобится ли американское вторжение в Японию вообще, так как могучий флот США мог и просто блокировать это островное государство и таким образом поставить его перед выбором между капитуляцией или голодной смертью. Для того, чтобы закончить войну против Японии без особых жертв, Трумэн таким образом, имел ряд очень привлекательных вариантов. Он мог бы принять тривиальное японское предложение об иммунитете для их императора; он также мог бы подождать, пока Красная армия не атакует японцев в Китае, таким образом заставляя Токио в конце концов принять безоговорочную капитуляцию; и он мог заставить Японию голодать до смерти с помощью военно-морской блокады, принудив Токио просить мира рано или поздно³²². Трумэн и его советники, однако, не выбрали ни один из этих вариантов. Вместо этого они решили нанести удар по Японии с использованием атомной бомбы. Это роковое решение, которое стоило жизни сотням тысяч людей, в основном мирных жителей, предоставляло американцам значительные преимущества. Во-первых, бомба все еще могла заставить Токио сдаться, прежде чем Советы ввяжутся в войну в Азии. В этом случае не было бы необходимости, чтобы Москва имела какой-то голос при принятии решений о послевоенной Японии по поводу территорий, которые были заняты Японией (например, Кореи и Маньчжурии), и о Дальнем Востоке, и Тихоокеанском регионе в целом. Соединенные Штаты

стали бы пользоваться полной гегемонией в этой части мира, что, можно сказать, было истинной, хотя и невысказанной целью их войны с Японией.

Этот пункт заслуживает более пристального рассмотрения. С точки зрения американцев, советское вмешательство в войну на Дальнем Востоке угрожало тем, что Советы могли бы добиться здесь таких же преимуществ, которые их собственное относительно позднее вмешательство в войну в Европе дало самим США, а именно место за круглым столом победителей, навязывание своей воли поверженному врагу, перекраивание границ, определение послевоенных социально-экономических и политических структур и, таким образом, получение для себя огромных преимуществ и престижа. Однако Вашингтон совсем не хотел, чтобы Советский Союз наслаждался такими преимуществами. Американцы ликвидировали большую часть своих империалистических соперников в этой части мира. Они не приветствовали идею появления тут нового потенциального конкурента, соперника, которого они, кроме того, ненавидели за его коммунистическую идеологию, могущую стать опасной для них во многих азиатских странах.

Американские лидеры считали, что после японского грабежа Китая и унижения традиционных колониальных держав, таких, как Великобритания, Франция и Нидерланды, и после грядущей победы над Японией только устранение СССР с Дальнего Востока, казалось бы, простая формальность потребуется для того, чтобы реализовать свою мечту абсолютной гегемонии в этой части в мире. Их разочарование и огорчение было огромным, когда после войны Советам вместо этого удалось сохранить определенную меру влияния в Северной Корее и когда Китай был «потерян» из-за коммунистов Мао. Еще ухудшило их положение то, что во Вьетнаме, ранее известном как французский

Индокитай, народное движение за независимость под руководством Хо Ши Мина вынашивало планы, которые оказались несовместимыми с великими азиатскими амбициями США. Не удивительно, что со временем дело дойдет до войны в Корее и Вьетнаме и почти до вооруженного конфликта с «Красным Китаем».

Но вернемся к лету 1945 года, когда благодаря атомной бомбе Вашингтон мог надеяться на то, что «сам справится» с Дальним Востоком, то есть без того, чтобы его пирушку испортили нежелательные советские незваные гости. Атомная бомба, казалось, может предложить американским лидерам дополнительное важные преимущества. Опыт Трумэна в Потсдаме убедил его, что только реальная демонстрация нового оружия сделает Сталина податливым. Ядерный взрыв в Японии поэтому был призван также служить в качестве нового сигнала для Кремля, сигнал, по сравнению с которым горящий Дрезден будет выглядеть, как простое дружественное подмигивание³²³.

Трумэну не нужно было использовать атомную бомбу для того, чтобы заставить Японию встать его колени. Как после войны категорически признало «Стратегическое исследование бомбардировок США», «Япония, без сомнений, сдалась бы до 31 декабря 1945 года, даже если атомные бомбы не были бы сброшены, даже если Россия не вступила бы в войну и даже если не было бы вторжения на ее территорию или оно не было бы даже запланировано»³²⁴.

Тем не менее у Трумэна были причин, по которым он хотел использовать бомбу. Ядерная бомба позволила бы американцам заставить Токио безоговорочно капитулировать, удержать Советы от Дальнего Востока, и – последнее, но не менее важное – запугать советских лидеров, и, таким образом, позволить Вашингтону

навязать свою волю Кремлю в отношении европейских дел. Ради этого Хиросима и Нагасаки были стерты с лица Земли³²⁵. Многие американские историки прекрасно это понимают. Шон Деннис Кэшман пишет:

«С течением времени многие историки пришли к выводу, что бомба была использована только по политическим причинам.... Ванневар Буш [глава американского Управления научных исследований и разработок] заявил, что бомба “была сброшена вовремя, таким образом, чтобы не было никакой необходимости в каких-либо уступках России в конце войны”. Госсекретарь Джеймс Ф. Бирнс [госсекретарь Трумэна] никогда не отрицал приписываемое ему заявление о том, что бомба была использована для демонстрации американской мощи Советскому Союзу для того, чтобы [Советы] стали более управляемыми в Европе»³²⁶.

Трумэн сам, однако, лицемерно заявлял в то время, что целью двух ядерных бомбардировок было «вернуть парней домой», то есть быстро закончить войну без каких-либо дальнейших крупных потерь жизней на американской стороне. Это объяснение было некритически передано в американских средствах массовой информации, и оно превратилось в миф, охотно распространяемый большинством американских историков, в который очень многие верят и до сих пор³²⁷. Атомная бомба была готова для использования как раз вовремя, прежде, чем СССР получил возможность принять участие в войне на Дальнем Востоке. Тем не менее ядерное уничтожение Хиросимы 6 августа 1945 года произошло слишком поздно, чтобы отвлечь Советы от вступления в войну против Японии. Это нарушило задуманный Трумэном сценарий, по крайней мере частично. Несмотря на страшные разрушения в Хиросиме, Токио еще не сдался, когда 8 августа 1945 – ровно через три месяца после

капитуляции Германии в Берлине – СССР объявил войну Японии. На следующий день Красная армия атаковала японские войска в северной китайской области Маньчжурия. Совсем еще недавно Вашингтон хотел советской интервенции в войне против Японии, но, когда летом 1945 года такое вмешательство материализовалось, Трумэн и его советники были далеко не в восторге от того, что Сталин сдержал свое слово. Теперь стало важно закончить войну как можно быстрее для того, чтобы ограничить ущерб, нанесенный вмешательством СССР. Токио не сразу отреагировал на бомбардировки Хиросимы желанной безоговорочной капитуляцией. Судя по всему, правительство Японии сначала не поняло, что произошло на самом деле в Хиросиме, потому что многие обычные бомбардировки вызывали внешне не менее катастрофические результаты; нападение тысячи бомбардировщиков на японскую столицу 9 – 10 марта 1945 года, например, привело к большему числу жертв, чем в Хиросиме. Японские власти не могли сразу установить, что лишь один самолет и лишь одна бомба нанесли такой ущерб. Именно поэтому потребовалось некоторое время до безоговорочной капитуляции, которую так жаждали американцы. В результате этой задержки СССР вступил в войну против Японии. Это сделало Вашингтон крайне нетерпеливым. Уже на следующий день после советского объявления войны, 9 августа 1945 года, была сброшена вторая бомба, на этот раз на город Нагасаки³²⁸. Об этой бомбардировке, в которой погибли многие японские католики, бывший капеллан американской армии позже заявил: «Это, как я думаю, было одной из причин, почему была сброшена вторая бомба. Чтобы поторопить их. Чтобы заставить их сдаться, прежде чем русские придут»³²⁹. (Этот священник, вероятно, не знал, что среди 75.000

человек, которые были «мгновенно сожжены, обуглены и испарились в Нагасаки», было множество японских католиков, а также неизвестное число военнопленных союзников, чье присутствие в городе было доведено до сведения американского командования ВВС впустую, как оказалось)³³⁰. Тем не менее прошло еще несколько дней, до того момента, когда японцы смирились с капитуляцией. Тем временем Красная армия смогла намного продвинуться вперед, к великому огорчению Трумэна и его советников. Дело выглядело так, что американцам все-таки придется смириться с присутствием советского партнера на Дальнем Востоке. Однако Трумэн позаботился, чтобы этого не случилось. Он действовал так, словно прежнее сотрудничество трех великих держав в Европе не создало прецедент, отвергнув запрос Сталина о создании советской оккупационной зоны в побежденной Стране восходящего солнца; это произошло 15 августа 1945 года. (Советы, конечно, вступили в войну против Японии на поздней стадии, но разве Соединенные Штаты не аналогично вступили в войну против Германии лишь на поздней стадии, спустя много времени после того, как ход войны изменился в результате битвы под Москвой в начале декабря 1941?) И когда 2 сентября 1945 года генерал Макартур официально принял капитуляцию Японии на американском линкоре «Миссури» в Токийской бухте, представителям Советского Союза и других союзников на Дальнем Востоке, в том числе Великобритании и Нидерландов, было разрешено присутствовать только в качестве незначительного дополнения. Япония не была разделена на оккупационные зоны, подобно Германии. Побежденный соперник Америки будет оккупирован полностью лишь американцами, и в качестве американского наместника в Токио генерал Макартур

позаботился о том, чтобы, независимо от вклада в общую победу, ни одна другая держава не имела бы права голоса в делах послевоенной Японии³³¹.

Американские завоеватели воссоздали Страну восходящего солнца в соответствии со своими идеями и в своих интересах. В сентябре 1951 г. довольный исходом дел Дядя Сэм подписал мирный договор с Японией. Однако СССР, чьи интересы не были приняты во внимание, не подписал совместно этот договор³³².

Советы оставили Китай, но отказались эвакуироваться с таких японских территорий, как Сахалин и Курилы, которые были заняты Красной армией в последние дни войны. За это их будут беспощадно критиковать в Соединенных Штатах, как будто бы отношение самого американского правительства не имело никакого влияния на этот вопрос. В послевоенный период советское объявление войны Японии также будет представлено на Западе в виде трусливого нападения на побежденную страну, хотя Вашингтон убеждал Москву в течение нескольких лет пойти на такой шаг.

Америка была обязана своей монопольной властью над побежденной Японией, по крайней мере частично, своей атомной бомбе. В Европе, однако, ядерная дипломатия Трумэна будет иметь печальные для США последствия. Преемник Рузвельта в Белом доме надеялся, что ядерная демонстрация заставит Сталина уступить американским требованиям по отношению к Германии и Восточной Европе, но эта надежда не сбылась. Гар Альперовиц описал в деталях, как сразу же после взрывов в Японии в начале осени 1945 года советский лидер, по-видимому, находясь под достаточным впечатлением от увиденного, пошел на уступки, особенно в отношении балканских стран, таких, как Венгрия, Румыния и Болгария, где он

позволил политический плюрализм и свободные выборы. В Соединенных Штатах СМИ, заметив эти изменения, громко аплодировали, и, не колеблясь, объяснили их «твердостью Трумэна, опиравшегося на атомную бомбу», как писал «Нью-Йорк геральд трибюн» 29 августа 1946 года. Однако, когда администрация Трумэна выступила с новыми требованиями, например, в отношении состава правительств в Софии и Бухаресте и было ясно, что она больше не заинтересована в диалоге на основе ялтинского и потсдамского соглашений, а решительно намерена свернуть влияние Советов в Восточной Европе, отношение Сталина изменилось, и он выбрал курс на установление исключительно коммунистических и безоговорочно просоветских режимов во всех странах, занятых Красной армией³³³.

Сталин был, несомненно, готов участвовать в диалоге, но в диалоге равных, победителей в войне против нацистской Германия. Даже значительно позже он оставался заинтересованным в таком диалоге, что нашло отражение в его разумном подходе к послевоенным договоренностям о Финляндии и Австрии. Красная армия в установленном порядке вышла из этих стран, не оставляя каких-либо коммунистических режимов.

Не Сталин, а Трумэн в 1945 году (и впоследствии тоже) не выразил заинтересованности в диалоге между равными. С ядерной пистолетом у бедра американский президент не считал, что он должен относиться к «кремлевским парням», у которых не было такого супероружия, как себе равным. «Американские лидеры излучали самодовольство и унижали Россию», – писал Гэбриэл Колко, – [И] они отказались вести какие-либо серьезные переговоры просто потому, что, будучи уверенными в себе хозяевами экономической и военной

державы, Соединенные Штаты считали, что они в конечном счете могут в одиночку определять мировой порядок»³³⁴.

С советской точки зрения «атомная дипломатия» Америки была ядерным шантажом. Хотя первоначально Сталин действовал сдержанно, в конечном счете он отказался подчиниться этому шантажу, так что Трумэн так и не смог пожать плоды своей ядерной политики. Во-первых, советский лидер вскоре узнал, что уступки в Восточной Европе лишь приведут к эскалации американских требований и что Вашингтон успокоится только на одностороннем и безоговорочном выводе советских войск из таких стран, как Польша и Венгрия, что было, конечно же, неприемлемо. Вопреки общепринятому в эпоху «холодной войны» мнению, переговоры о выводе Красной армии из занятых ею стран, оставляющие капиталистическую социально-экономическую структуру нетронутой, на самом деле были приемлемы для Сталина. Это было четко продемонстрировано на примере Финляндии. Эта страна, которая воевала против СССР на стороне фашистской Германии, не стала советским сателлитом, потому что, как подчеркивает финской исследователь Юсси Ханхимяки, была согласована сделка, в результате которой Советский Союз достиг того, чего он хотел, а именно «безопасности для советской северо-западной границы и, в частности, гарантий, что эта страна никогда больше не будет использоваться в качестве базы для нападения на СССР». Что касается американцев, пишет Ханхимяки, они «полагали, что, если они будут слишком агрессивно выдвигать требования в отношении Финляндии, это только приведет к включению Финляндии в ряды стран народной демократии». Случай с Финляндией демонстрирует, что вести бизнес со Сталиным было

возможно. Что касается Польши и остальной Восточной Европы, то здесь администрация Трумэна – самоуверенная со своим «ядерным пистолетом» – повела себя слишком агрессивно и не обеспечила советские требования о безопасности, что и привело к включению этих стран в ряды советских сателлитов³³⁵. Во-вторых, после того как у советских стратегов было время, чтобы осмыслить уроки Хиросимы и Нагасаки, они, как и некоторые западные военные аналитики, отказались поверить, что война может быть выиграна исключительно в воздухе, даже с помощью атомной бомбы. Сталин и его генералы пришли к выводу, что лучшая защита против ядерной угрозы состоит в том, чтобы Красная армия находилась как можно ближе к американским силам на освобожденных и (или) оккупированных территориях Восточной и Центральной Европы. В этих условиях американским бомбардировщикам придется не только проделать очень долгий путь, прежде чем они могут сбрасывать бомбы на сам СССР, но и в случае нападения на войска Красной армии они неизбежно также поставят под угрозу свои собственные войска. Это означало, что Красная армия приступила к укреплению демаркационной линии между оккупационными зонами западных союзников и самих Советов.

В 1944 и 1945 году Сталин не инициировал почти никаких социальных или политических изменений в странах, которые были освобождены Красной армией, включая Венгрию, Румынию и советскую зону оккупации Германии, и он даже допускал там некоторую антисоветскую и антикоммунистическую деятельность. (В Румынии летом 1945 года, например, антисоветскую агитацию вели король Михаил и другие лидеры, с чем Москва была готова примириться). Все это быстро изменилось под давлением американской ядерной

дипломатии. Коммунистические и безоговорочно просоветские режимы были установлены везде, и терпимость к оппозиции прекратилась.

Только в это время, то есть в конце 1945 года, «железный занавес» опустился между Штеттином на Балтийском море и Триестом на Адриатическом море. Это выражение впервые было использовано Черчиллем 5 марта 1946 года во время его выступления в Фултоне, городе в родном штате Трумэна, Миссури. Это было в некотором роде подходящее место, потому что без атомной дипломатии Трумэна Европа, возможно, никогда и не оказалась бы разделенной железным занавесом³³⁶.

Глава 19

Полезный новый «враг»

Холодная война, которая продлится почти полвека и вынудит мир жить под угрозой возможной ядерной войны, началась, когда американские лидеры посчитали, что с помощью ядерной бомбы они смогут навязать свою волю Советам. Скоро стало очевидно, что атомная дипломатия Вашингтона не принесет желаемых результатов. Однако концепция «холодной войны» оказалась полезной для американской правящей элиты в других отношениях. Вряд ли можно было объяснить американской общественности и западным европейцам, что новый конфликт с Советами был вызван политикой Вашингтона. Гораздо удобнее было возложить всю вину на Кремль, место, откуда якобы ведут свое происхождение вообще все агрессивные намерения.

До этого момента Советы изображались как героические союзники в «крестовом походе» против нацизма. Теперь пришло время превратить СССР в грозное пугало для «свободного мира», потому что американская правящая элита рассчитывала получить значительные выгоды от такой метаморфозы. Враждебный Советский Союз отныне стал гораздо более полезным, чем Советский Союз – союзник. Во-первых, таким образом можно было в самой Америке дискредитировать как «неамериканских» предателей не только горстку коммунистов, но также – и это было гораздо важнее – многочисленных американцев с более или менее левыми радикальными убеждениями. Во-вторых, существование якобы враждебного СССР оправдывало также титанические «оборонные»

расходы, которые помогали поддерживать «процветание» экономики страны также и после войны. Эти два важных момента заслуживают нашего внимания.

Несмотря на свои многие недостатки, СССР, или, по крайней мере, идеализированная его версия, функционировали до войны в качестве источника вдохновения и надежды не только для относительно небольшого числа американских коммунистов, но и для профсоюзных лидеров и радикальных и прогрессивных граждан США, то есть для определенного числа американцев, которых нельзя недооценивать и которые мечтали об определенной левой социально-экономической альтернативе печально известной жесткой капиталистической системе своей страны. Кроме того, государство большевиков выдержало страшное испытание нацистской атаки, и после Сталинграда промышленные и военные успехи Советов были более чем впечатляющими. Эти успехи смогли продемонстрировать жизнеспособность и достоинства эксперимента большевиков и повысили престиж и популярность Советского Союза среди американского населения. Распространению позитивного имиджа СССР также значительно способствовало во время войны американское правительство, средства массовой информации и Голливуд, как мы уже видели. В любом случае успех Советов поднимал дух различного рода левых радикалов и профсоюзных активистов.

Во время войны у американских рабочих выработалось классовое сознание в марксистском смысле, как заметил известный британский историк Артур Марвик – сам не марксист. Это классовое сознание выражалось не только на словах, но и в делах. Американские рабочие все чаще использовали такие слова, как «пролетариат» и «рабочий класс», и американский истеблишмент воспринимал это, как

боевые идиомы классовой борьбы, а такого рода тревожный «языковой авангард» считал предвестником своего рода социальной революции, вдохновение и образец для которой давал Советский Союз³³⁷. Но были и другие, более тревожные симптомы роста сознания воинствующего класса. Во время войны американские рабочие массово вступали в более или менее радикальные профсоюзы, и с помощью, в первую очередь, забастовок, в том числе несанкционированных, они показали себя достаточно способными вырвать у своих работодателей повышение заработной платы. Многие консервативные американцы полагали, что за этим развитием событий пряталась «рука Москвы», хотя сами американские коммунисты, которые боялись, что забастовки могут поставить под угрозу американскую помощь СССР, несомненно, принадлежали к более умеренным элементам в профсоюзном движении. В 1944–1945 годах, еще до того, как была достигнута окончательная победа в войне, новая волна забастовок, казалось, демонстрировала, что трудящиеся готовятся к крупному послевоенному наступлению на домашнем фронте социальной борьбы. Кроме повышения заработной платы, рабочие Америки теперь начали требовать и различных видов социальных пособий, которыми давно уже пользовались их коллеги в советском «рае для трудящихся», например, пенсий по старости, пособий по безработице, медицинского страхования, а также оплачиваемых отпусков³³⁸. Обследование Fortune Magazine, проведенное в годы войны и в конечном итоге опубликованное в сентябре 1945 года, ясно показало, что средний американец испытывает большое восхищение таким достижениями Советов, как «перераспределения богатства, равенство, экономическая безопасность и... возможности для образования»³³⁹.

Не только классово сознательные рабочие, но и различного рода интеллектуалы, религиозные лидеры, политики и даже бизнесмены в годы войны восприняли прогрессивные идеи и стали их сторонниками. Эти так называемые либералы американского среднего класса выступали за национальную систему социального обеспечения, обеспечение полной занятости, промышленную демократию и более активную роль государства в социальной и экономической жизни. Они тоже, по крайней мере, были отчасти вдохновлены романтизированной моделью Советского Союза. Либералы, возможно, не были коммунистами или красными, но в глазах, по крайней мере, некоторых консерваторов они были «попутчиками» большевизма и марионетками Москвы, «розовыми». Что касается интеллигенции, ведущие экономисты Америки, например, традиционно были преданными сторонниками свободного предпринимательства, но во время войны некоторые из них, в том числе Элвин Хансен, профессор Гарвардского университета, известный как «американский Кейнс», изменили свои взгляды и начали выступать за неортодоксальную политику, такую, как стремление к полной занятости³⁴⁰. После мраке «грязных тридцатых» и жертв, принесенных за долгую, мрачную ночь войны, большая часть населения не только в Соединенных Штатах, но и повсюду в западном мире ожидала нового социального рассвета. В Великобритании эти надежды на социальную «новую сделку» в основном сбылись, хотя консервативные лидеры, такие, как Черчилль, выступали против этого. Именно по этой причине британский народ поменял своих консервативных правителей во время всеобщих выборов летом 1945 года на правительство подлинно реформистской лейбористской партии. Таким образом, в

Великобритании были созданы обширная система социальной безопасности на основе плана, известного как план Бевериджа, и то, что в скором времени станет известно как «социальное государство»³⁴¹. В послевоенные годы британская модель вдохновила аналогичные социальные реформы во многих странах Западной Европы, а также в Канаде и в Австралия, но не в США. Это не было связано с «врожденным индивидуализмом» американцев, как часто предполагают. Американское государство благосостояния не стало возможным потому, что американская правящая элита нашла способ избежать требования социальных реформы, и способом этим было развязывание холодной войны. Встревоженные тем, что они воспринимали, как «тенденции к социализму», корпоративные лидеры страны ответили на это многогранной кампанией «защиты американской экономической системы», «характеризующейся свободным предпринимательством», как писал Роберт Гриффит³⁴². В этом контексте имело большой смысл демонизировать СССР, страну, которая до недавнего времени идеализировалась. Объявив Советский Союз врагом американского народа, стало возможным осудить все «неамериканские» радикальные идеи, профсоюзные требования, и большинство форм социального обеспечения, которые смутно ассоциировались с большевизмом и СССР³⁴³.

Демонизация Советского Союза также была выгодной потому, что СССР был олицетворением централизованного планирования и государственного вмешательства в экономическую жизнь. В 1930-е годы Америка уже экспериментировала с государственным планированием и вмешательством в виде нового курса Рузвельта, и в течение 1940-х годов, таким образом, были успешно согласованы гигантские военные и

оборонные усилия страны. Американские либералы рассчитывали на «активное» государство для реализации своих надежд на социальное и экономическое будущее страны. Американская правящая элита, однако, не без причины боялась, что после войны льготы для свободного предпринимательства, то есть привилегии бизнесменов и корпораций, могут быть дополнительно ослаблены государственным вмешательством и централизованным планированием, иначе говоря, ростом «командной экономики». Изображение Советского Союза в качестве врага также позволило им осудить все формы экономического вмешательства государства как «коммунистическое» или, по крайней мере, «неамериканское» и, наоборот, защищать «свободное предпринимательство» как неотъемлемое право всех американских патриотов, как «американский образ жизни», критиковать который могут только предатели американского флага³⁴⁴.

Вот так в Соединенных Штатах была запущена антикоммунистическая и антисоветская кампания – еще до того, как прозвучали последние выстрелы войны. Эта кампания вошла в историю как «маккартизм», потому что сенатор Джозеф Маккарти играл роль Торквемада в этой инквизиции. Благородные идеалы свободы совести и свободы слова, которым Америка так предана в теории, и замечательные принципы «Атлантической хартии», ради которых Америка якобы вступила в войну, снова и снова нарушались в период «охоты на ведьм» Маккарти, который продлился много лет. Маккартизм был направлен, конечно, не только против горстки американских коммунистов, но и против всех левых, радикальных, прогрессивных, социально озабоченных и даже немного неортодоксальных политических элементов в политике, в профсоюзном

движении, даже в интеллектуальной и культурной жизни. (Альберт Эйнштейн, Чарли Чаплин, и Бертольд Брехт были вынуждены покинуть США из-за маккартизма). Было логично также, что маккартистская «охота на ведьм» шла рука об руку с широкомасштабным наступлением против профсоюзов. Удушающая конформистская атмосфера царила вплоть до 1960-х годов в стране, которая считает себя колыбелью свободы слова и личности. К слову, американский пример был вдохновителем похожих (хотя, как правило, гораздо менее истеричных) антикоммунистических и антисоветских кампаний и в других местах так называемого «свободного мира»³⁴⁵.

Правящие круги считали, что не только успех и престиж Советского Союза, но даже само его существование слишком сильно вдохновляет левое крыло в политической и общественной жизни. Тем не менее СССР просуществует еще в течение полувека, так что в западном мире все это время будет оставаться невозможным умиротворить рабочих заработной платой, рабочим днем, отпусками, пенсиями и так далее, которые хотя бы в чем-то уступали советским, по другую сторону железного занавеса. Для богатой Федеративной Республики Германии и богатых Соединенных Штатов, например, долгое время источником неловкости будет оставаться то, что рабочие в гораздо менее богатой Германской Демократической Республике, которые, хоть и получают меньше денег, чем их коллеги на Западе, на самом деле пользуются социальными услугами, которые во многом превосходят западногерманские³⁴⁶.

С помощью более высокой заработной платы (как в США) или более или менее комплексной системы социального обеспечения (как в Великобритании, Канаде, и большинстве стран Западной Европы)

оказалось возможным обеспечить лояльность большинства населения по отношению к существующей социально-экономической системе³⁴⁷. Поэтому мы можем понять причины того, что после распада Советского Союза рабочим, а также безработным, женщинам и так далее практически везде в западном мире пришлось примириться с урезанием всевозможных социальных льгот, которые они привыкли считать само собой разумеющимися в эпоху холодной войны. Потому что у существующего капиталистического социально-экономического порядка больше нет конкуренции и для него больше нет необходимости обеспечения лояльности населения посредством высоких зарплат или высокого уровня социальных услуг³⁴⁸. Именно «давление конкуренции с альтернативной экономической системой, – пишет Майкл Паренти, – в те дни, когда Советский Союз еще существовал, устанавливало пределы того, насколько западные политические и экономические лидеры решались истязать свое трудящееся население». Когда Советского Союза не стало, добавляет Паренти, эти же самые лидеры решили, что пришло время «отбросить всю сдержанность и присосаться к рабочему классу по полной. Битва за умы и сердца закончилась. Больше не было альтернативной системы, некуда было бежать. Большой Капитал праздновал полную победу и теперь мог устанавливать собственные правила как дома, так и за рубежом... Удовлетворения требований больше не будет...»³⁴⁹

Во время войны Советский Союз был полезным для Америки в качестве союзника. После войны Советы вскоре стали полезными для Америки, или, точнее, для американской правящей элиты, в качестве врага. Если после Второй мировой войны не было бы СССР, то американцы придумали бы эту «империю зла»,

поскольку в качестве «врага» Соединенных Штатов Советский Союз был также чрезвычайно удобен им по еще одной причине. Только если Соединенные Штаты находятся под угрозой со стороны мощного и опасного врага, можно оправдать огромные суммы, которые тратятся на военные нужды, то есть на постоянную программу вооружений. Чем больше раздувалась новая «красная угроза», тем легче было убеждать Конгресс выделить всевозможные фонды на нужды Пентагона, который использует эти деньги для заказов новых, все более совершенных бомб, самолетов и танков³⁵⁰. Эта схема получила такие названия как «военное кейнсианство», «Пентагоновская система», «военная экономика» или, в отличие от «государства всеобщего благосостояния», «государство войны». Благодаря этой системе было обеспечено то, чтобы после войны американская промышленность не скатилась бы в новый кризис. Больше всех от Пентагоновской системы выиграли, конечно, крупные корпорации, которые всегда оказывали большое влияние на Вашингтон; во время войны они научились участвовать в высокорентабельных коммерческих сделках с Пентагоном, а благодаря холодной войне они еще более разбогатели. Пентагоновская система представляла и продолжает представлять собой схему «государственные субсидии, и не только в Италии, но и в Германии – частная прибыль», по которой налоги, выплачиваемые трудящимися массами, позволяют частным лицам и фирмам класть себе в карман огромные доходы. Уже во время войны вооружение, которое вскоре сменило название на «оборону», стало мотором американской экономики. После войны эта экономика будет продолжать вырождаться в экономику военную, то есть она станет еще более зависимой от наркотика заказов Пентагона³⁵¹. Следовательно, власть

в Соединенных Штатах будет все больше концентрироваться в руках генералов, чиновников и корпоративных лидеров, в совокупности образующих военно-промышленный комплекс, против которого президент Эйзенхауэр высказывал благородные предупреждения, к сожалению, лишь после того как он сам проявил себя преданным сторонником данного комплекса в течение тех 8 лет, которые он провел в Белом доме³⁵².

Более полувека прошло после окончания Второй мировой войны и десятилетия после окончания холодной войны, но Пентагоновская система продолжает работать на всех парах, постоянно изобретая новых «врагов», таких, как Саддам Хусейн и кризисы, такие, как войны в Персидском заливе в 1991 году, конфликт вокруг Косово в 1999 году, а в последнее время террористические атаки 11 сентября 2001 года. Военный бюджет Америки уже составил 265 миллиардов долларов в 1996 году и 350 миллиардов долларов в 2002 году, в 2007 году он достиг 450 млрд. долларов, а в 2010 году Пентагон получил уму непостижимую сумму в 680 миллиардов долларов. Если сюда еще включить неофициальные военные расходы, например, проценты по государственным облигациям, финансировавшим прошлые военные расходы, помощь ветеранам, а также расходы на войны в Ираке и Афганистане, которые фактически финансируются через «дополнительный» счет, не включенный в федеральные бюджетные военные показатели, то получатся государственные расходы на сумму в триллионы долларов, примерно от 1 до 1,3 трлн. долларов за 2010 год³⁵³.

Так же как во время Второй мировой войны и во время холодной войны, сегодня военные расходы составляют источник невероятно высоких прибылей для

крупных корпораций и, таким образом, служат для пополнения кошельков их богатых менеджеров и акционеров. Кроме того, расходы эти по-прежнему финансируются преимущественно за счет кредитов, а проценты по этим кредитам выплачиваются, в первую очередь, за счет американских физических и юридических лиц, которые могут себе позволить купить облигации³⁵⁴. Поэтому американский госдолг, который уже чрезвычайно вырос за время Второй мировой войны, продолжает расти после 1945 года и после окончания холодной войны в 1990 году³⁵⁵. В средствах массовой информации и в научных исследованиях, однако, в этом развитии винят, как правило, не катастрофическую Пентагоновскую систему, а якобы являющиеся «не по карману» США государственные расходы на социальные услуги. В любом случае основное бремя этого несут на себе, прежде всего, средние американцы, которые все «владеют» долей в государственном долге, нравится ли им это или нет, ибо именно им приходится платить по счетам государственного долга своими налогами.

Экономисты, такие, как вышеупомянутый Пол Самуэльсон, автор учебников, по которым учились миллионы студентов, утверждают, что «оборона» является одним из общественных благ, расходы на которые неизбежно должны нести все граждане, которые получают от нее пользу. Однако они никогда не указывают на то, что прибыль Пентагоновской системы все больше приватизируется с большой выгодой для корпораций и богатых американцев, в то время как ее расходы безжалостно обобществляются в ущерб обычным американцам³⁵⁶.

Холодная война была очень сложным историческим явлением, вызванным множеством факторов, некоторые из которых можно проследить вглубь истории до

русской Революции 1917 года. В этом смысле холодная война уже началась к концу Первой мировой войны, и ее можно определить как международную реакцию на русскую революцию, как контрреволюционный проект, который завершился только с разрушением Советского Союза. Тем не менее появившись на сцене истории, холодная война оказалась полезной для различных целей международного капитала. Например, несмотря на то что ее не планировали специально с этой целью, холодная война сделала возможной работу двигателя американской промышленности на полную мощность и после окончания военных действий с Германией и Японией – к большой выгоде для корпоративной Америки. Кроме того, новый «конфликт» оказал еще одну услугу американской правящей элите. Он вынудил Советский Союз, который был практически разрушен войной, вкладывать львиную долю своего национального богатства в вооружения в течение неопределенного периода времени в отчаянной попытке не отставать от американцев в гонке вооружений, которая постоянно ускорялась. (Кстати, выражение «гонка вооружений» ложно создает впечатление, что речь шла о добровольном участии и честной конкуренции между двумя равными конкурентами). Таким образом, все меньше и меньше становилась вероятность того, что Советы смогут успешно строить социалистическое общество; вместо этого значительно увеличивались шансы того, что эта задача потерпит в конечном итоге фиаско, и именно это в конце концов и произошло, хотя американской правящей элите пришлось ждать почти пятьдесят лет, прежде чем придет время ее триумфа³⁵⁷.

Глава 20

Корпоративный коллорабационизм и так называемая «денацификация» Германии (1)

Начиная с весны 1945 года, американцы имели возможность сведения счетов с нацизмом в Германии и с фашизмом в целом. Что касается Германии, то этот эпизод вошел в историю под названием «денацификации». Однако было бы большой ошибкой полагать, что денацификация представляла собой решительные и последовательные усилия, направленные на то, чтобы искоренить все пережитки нацизма.

Это было не в интересах американской правящей элиты выявить истинную природу нацизма и фашизма в целом. Фашизм был социально и политически реакционным явлением, пришествие которого к власти в Италии и Германии стало возможным в результате политики и интриг консервативных элементов, таких, как банкиры, промышленники, крупные землевладельцы и армия, верхушка католической церкви, и не только в Италии, но и в Германии. В других странах эти же консервативные элементы симпатизировали иностранному, а также отечественным фашистам. Германские нацисты и фашисты других стран защищали существующий социально-экономический порядок, были смертельными врагами профсоюзов, социалистов и коммунистов; и, как указывали американские бизнесмены, с ними «хорошо

можно было вести бизнес». Как и европейские элиты, правящая элита США была в основном «филофашистской», то есть сочувствовала фашизму и ценила преимущества, которые она может пожинать от сотрудничества с фашистскими движениями и режимами.

Соединенные Штаты, безусловно, вступили в войну не в результате антифашистских настроений в целом и антигитлеровских настроений в частности. Если Вашингтон, действительно, в конечном счете и принял участие в войне против нацистской Германии (и против фашистской Италии), это стало возможным благодаря тому, что поддержка врага Германии, Великобритании, открывала перспективы для прибыльного бизнеса с этой страной, врагом нацистской Германии, не ставя в то же время под угрозу выгодные связи с немцами, которые продолжали функционировать благодаря наличию американских дочерних заводов в рейхе. Но, даже учитывая все это, понадобились японское нападение на Перл-Харбор и объявление войны Соединенным Штатам самой Германией для того, чтобы «втянуть» их в войну с нацистским государством.

Этот неожиданный поворот событий потребовал значительных усилий, чтобы убедить американский народ, что врагом отныне является гитлеровская Германия, а не поносимый до сих пор СССР. Нацисты и фашисты теперь демонизировались, как уголовные монстры, от которых поддерживавшим их ранее консервативным соратникам нужно было срочно дистанцироваться. Это требовало отвлечения внимания от истинной природы фашизма. Именно по этой причине в Соединенных Штатах была разработана и начала распространяться так называемая «теория гангстерского характера национал-социализма». Гитлер и Муссолини отныне изображались в карикатурном виде, как жадные до власти негодяи, которые

появились на политической сцене из ниоткуда и которые действовали там исключительно сами по себе, в своего рода социально-экономическом вакууме, если так можно выразиться. Фашисты изображались садистскими бандитами, кровожадными авантюристами, чей приход к власти в Германии оказался трагической, но таинственной причудой истории. С такой точки зрения задача денацификации была проста; она состояла в том, чтобы заставить виновных предстать перед судом, вынести им такое наказание, чтобы это отпугивало потенциальных подражателей, и надеяться, что в результате этого с немецким кошмаром будет покончено³⁵⁸.

Дело дошло до серии судебных процессов над военными преступниками, наиболее эффектным примером которых был так называемый Нюрнбергский процесс, в результате которых занимавшие высокие ранги (а также некоторые менее известные) нацисты получили суровое наказание, вплоть до смертной казни. Однако консервативные «спонсоры» и коллаборанты нацистов отделались, к огорчению многих, незначительными наказаниями, а то даже и оправдательными приговорами. Банкир Гитлера, Шахт, например, был оправдан, и та же участь постигла нечистоплотного политика фон Папена, который помог Гитлеру проложить дорогу к власти. Пределы денацификации были особенно очевидны, когда очередь дошла до наказания немецких банков и корпораций, чье начальство – владельцы, топ-менеджеры, крупные акционеры – поддерживали нацистов иногда даже задолго до 1933 года и получали большие прибыли от гитлеровской программы перевооружения и от его захватнической войны. Во многих случаях о них было также известно, что они получали прибыль от тесного сотрудничества с

нацистской партией и зловещей СС Гиммлера. Например, ведущие немецкие фирмы создавали заводы и лаборатории рядом с концентрационными лагерями, в том числе с Освенцимом; в обмен на скромную финансовую поддержку им было разрешено использовать заключенных в качестве рабов, а в некоторых случаях даже как подопытных кроликов в вивисекциях. После войны американские оккупационные власти практически не беспокоили эти фирмы; на самом деле американцы часто энергично защищали их от всех тех – немецких антифашистов, бывших узников лагерей, еврейских организаций, Советов и так далее, – кто по праву считал этих бизнесменов военными преступниками такого же масштаба, как сами нацисты. В серии судебных процессов, проведенных после Нюрнбергского трибунала, сознательно организованных американцами, которые потом американский же прокурор будет неуважительно описывать как «символические меры», с немецкими промышленниками и банкирами, поддерживавшими нацистов, обойдутся очень мягко и часто будут выносить им оправдательные приговоры. Все те, кто получают (как правило, очень мягкий) приговор, будут через три года амнистированы американскими оккупационными войсками³⁵⁹.

В действительности, таким образом, германская бизнес-элита, поддерживавшая Гитлера и получавшая прибыль от его диктатуры, фактически получила амнистию от Дяди Сэма, «де-факто амнистию», как назвал это американский историк Кристофер Симпсон³⁶⁰.

В наши дни многие немецкие фирмы, которые так охотно сотрудничали с нацистами и с СС, продолжают вести успешный бизнес благодаря американцам не только в Германии, но и во всей Европе, во всем мире.

Хорошим примером этого является IG Farben, огромный немецкий концерн, который преданно поддерживал Гитлера, получая гигантские прибыли от широкого использования рабского труда, предоставленного ему СС, и за счет поставок тому же СС ядовитого газа Циклон-Б, производившегося на заводах его филиала, Degesch для газовых камер Освенцима. Хотя IG Farben был отдан под суд властями США, но начальство концерна обошлось такими легкими наказаниями, которые «могли бы порадовать любого куриного воришку», как выразился американский прокурор Джосайя Дюбуа³⁶¹. Огромный картель был разбит на несколько фирм-преемников, но таким поверхностным образом, что отношения собственности и корпоративная власть сохранились в прежних руках, несмотря на народные требования радикальных реформ. Собственным менеджерам IG Farben было позволено очень удобно для них разработать эту якобы чисто деловую «декартелизацию» с помощью банкиров и экономистов, таких, как Йозеф Абс и Людвиг Эрхард, которые ранее оказывали полезные услуги для нацистского режима. Самые известные среди этих якобы «новых» предприятий – Bayer, Hoechst, BASF, по-прежнему, и по сей день получают прибыли для анонимных акционеров, которые клали в свой карман и дивиденды IG Farben³⁶². Другие немецкие фирмы, которые охотно сотрудничали с СС, включают AEG, Siemens, Daimler-Benz и BMW – другими словами, все сливки германской промышленности сегодня³⁶³. Не зря некоторые немцы жаловались, что такого вида денацификация, какая практиковалась американцами, слишком легко позволяла «большой рыбе» выскользнуть из сети³⁶⁴.

Известный фильм «Список Шиндлера» мог быть основан на реальных фактах, но тем не менее он в

какой-то мере нарушает историческую правду, создавая впечатление, что сотрудничество между немецкими бизнесменами и СС было чем-то очень из ряда вон выходящим – инициативой одного конкретного человека – и что оно якобы служило для «спасения жизней». В действительности СС систематически сотрудничал с бесчисленными немецкими фирмами, большими и малыми, и это сотрудничество стоило жизни многим тысячам людей, которые использовались в качестве рабов или подопытных кроликов. Маловероятно, чтобы Голливуд когда-либо снял фильм об истинных отношениях между СС и германскими ведущими фирмами, которые включают в себя бывших партнеров и дочерние филиалы американских корпораций. Научные и технические успехи, достигнутые многими немецкими фирмами во время войны путем их зловещего сотрудничества с СС, но и, конечно, также с помощью обычных исследований, по большей части попали в американские руки после войны, хотя Советам какая-то доля тоже досталась. Начиная с весны 1945 года, американцы изъяли патенты, планы, чертежи и всякие ноу-хау не только в собственной зоне оккупации для того, чтобы сделать их доступными для своих ведущих корпораций. Это представляло собой настоящий «интеллектуальный грабёж», или, как предпочитал называть его чиновник из канцелярии технических служб Министерства торговли США Джон С. Грин, «интеллектуальные репарации»³⁶⁵. Кроме того, большое количество концлагерских врачей, которые принимали участие в опытах на людях, а также другие ученые и специалисты были как можно скорее вывезены в Соединенные Штаты. Эта операция была проведена под кодовыми названиями «Пасмурная погода» и позднее – «Скрепка». При этом сознательно закрывали глаза на нацистское

прошлое этих людей; им выдавали необходимые иммиграционные документы и многие из них даже получил американское гражданство. В обмен на это они начали работать на Пентагон и на другие государственные или частные американские организации и фирмы. Например, Вашингтон проявлял большой интерес к германской ракетной технике, дисциплине, которая была специальностью бывшего эсэсовца Вернера фон Брауна, а также к производству отравляющего газа и всех других видов химического и бактериологического оружия. Многим нацистам, на совести которых были ужасные преступления, таким образом, было позволено жить долго и счастливо в стране, которая якобы вступила в войну из отвращения к нацизму³⁶⁶.

Американские власти проявляли большое понимание того факта, что в эпоху Третьего рейха промышленная элита Германии руководствовалась девизом «бизнес, как обычно». В конце концов, в США, как известно, крупные корпорации тоже получали прибыль от войны. Кроме того, американские лидеры считали крупные немецкие фирмы необходимыми партнерами в строительстве новой Германии, в которой частная собственность и предпринимательство будут такими же священными, как в Соединенных Штатах. От нацистского прошлого руководителей этих фирм при этом отмахивались, потому что трудная задача восстановления Германии не могла якобы быть решена без помощи этих «экспертов». Все те, кто требовал наказания финансистов Гитлера, руководителей IG Farben, производителя вооружений Круппа и др., были объявлены врагами свободного предпринимательства, «коммуняками»³⁶⁷.

Последняя, но не менее важная причина великодушия американцев крылась также в тех близких

и высокорентабельных отношениях, которые влиятельные американские предприятия поддерживали со многими немецкими фирмами. В 1920-е годы американские корпорации создали филиалы в Германии, взяли некоторые германские предприятия под свой контроль или вступили в стратегическое партнерство со многими германскими фирмами, и в мрачные годы Великой депрессии они получали там большие прибыли. После начала войны и даже после Перл-Харбора эти немецкие связи были в том или ином виде сохранены³⁶⁸.

Завод Соса-Кола в Эссене, например, процветал во время войны; его продажи и операции розлива значительно расширились, когда в качестве немецкой дочерней компании этот завод последовал за победоносным вермахтом в оккупированные страны, такие, как Франция и Бельгия. Когда были прекращены поставки сиропа кока-колы из Соединенных Штатов после Перл-Харбора, завод продолжал вести бизнес с новым лимонадом Fanta, почти 3 миллиона ящиков которого были проданы в одном только 1943 году. Поведение Соса Кола во время войны на земле нацистского врага едва ли было совместимым с тем имиджем, которым эта компания пользовалась у себя дома, пишет Марк Пендерграст, ибо в США этот безалкогольный напиток из Атланты «символизировал... американскую свободу [и] все то хорошее, за что боролись на фронте американские парни...» Однако связи Соса-Кола со свастикой – довольно безобидный пример военной деятельности американских корпораций в нацистской Германии, по крайней мере, по сравнению с немецкими филиалами таких фирм, как IBM, ITT, Ford и General Motors³⁶⁹.

Согласно Эдвину Блэку, ноу-хау компании IBM позволило нацистам и их военной машине «добиться

масштаба, скорости, эффективности». Блэк утверждает, что IBM не только «добавила “блиц” к слову “блицкриг” с помощью своей немецкой дочерней компании Dehomag, но и что ее технология перфокарты, предшественницы компьютера, также позволила нацистам “автоматизировать репрессии”». IBM «внесла фантастические цифры в Холокост», продолжает Блэк, потому что она поставляла гитлеровскому режиму холлеритовские вычислительные машины и других инструменты, использовавшиеся для «создания списков евреев и других жертв, которые были намечены для депортации», «регистрации заключенных [в концентрационных лагерях] и отслеживания рабского труда». (Офис IBM под именем Hollerith Abteilung существовал в каждом концентрационном лагере, в том числе в Освенциме). Вероятно, что нацисты смогли бы достичь такой же смертельной эффективности без технологий IBM, как утверждают некоторые критики исследования Блэка. Однако этот случай демонстрирует, насколько IBM и другие крупные американские компании не гнушались передачей самой современной своей технологии в распоряжение нацистов и насколько безразличны они были к тому, в каких целях Гитлер и его поодельники используют эту технологию. В любом случае Блэк утверждает, что IBM удалось продолжать вести бизнес с нацистской Германией и после Перл-Харбора, «используя свои европейские филиалы в качестве фасада», «и что корпорация получила в ходе этого миллионы долларов³⁷⁰. ИТТ, управляемая профашистски настроенным Сосфенесом Бенном, приобрела четверть акций производителя самолета Focke-Wulf в 1930 году и, таким образом, принимала участие во время войны, по крайней мере косвенно, в создании истребителей, которые сбили сотни самолетов союзников. (Важным

ингредиентом топлива, необходимого для самолетов Focke-Wulf ITT, а также других немецких истребителей, был синтетический тетраэтил; его производило предприятие Ethyl GmbH, которое было дочерней фирмой трио, образованного Standard Oil, его немецким партнером IG Farben и General Motors. В немецких документах, обнаруженных после войны, американские военнослужащие смогли прочесть, что «без тетраэтила мы никогда не могли бы даже мечтать о нашей форме [молниеносной] войны»³⁷¹. До самого конца войны производственные мощности ITT в Германии, а также в нейтральных странах, таких, как Швеция, Швейцария, Испания, обеспечивали немецкие вооруженные силы не только самолетами, но и многими другими боевыми «игрушками»³⁷². Чарльз Хигем рассказывает о деталях:

«После Перл-Харбора немецкая армия, флот, ВВС заключили контракт с ITT для изготовления распределительных щитов, телефонов, сигнализации, боев, сигнальных приборов воздушной тревоги, радиолокационной аппаратуры и тридцати тысяч взрывателей в месяц для артиллерийских снарядов. К марту 1944 года эта цифра выросла до пятидесяти тысяч в месяц. Кроме того, ITT поставляла ингредиенты для ракетных бомб, которые сбрасывались на Лондон, селеновые элементы для сухих выпрямителей, радиооборудование высокой частоты и сети для укрепления и установления полевой связи. Без этих поставок важных материалов для немецких ВВС было бы невозможно уничтожать американские и британские войска, для немецкой армии – бороться против союзников, бомбить Англию, атаковать союзнические корабли на море».

Без современного оборудования связи, предоставленного ITT, Германия на ранних стадиях

войны была бы не в состоянии нанести по своим противникам смертельный удар, известный под названием «блицкриг», который представлял собой хорошо синхронизированные атаки с воздуха и на земле. После Перл-Харбора ИТТ поставляла в Германию еще более продвинутые системы связи также в ущерб американцам, чьи дипломатические коды были расшифрованы нацистами при помощи подобного оборудования³⁷³.

Гигантский автопроизводитель GM обеспечивал то, что является, пожалуй, наиболее ярким примером незаконной деятельности американского крупного бизнеса на земле нацистского врага, но его конкурент Ford также внес значительный вклад в нацистскую войну. Во время войны Ford поставлял вермахту не только бесчисленные грузовики, но также двигатели и всякие запасные части; Форд занимался этим не только на заводе Ford-Werke в Кёльне, но и в своих филиалах в оккупированной Франции, Бельгии, Нидерландах и Дании, а также в Финляндии, Италии и других странах, которые состояли в союзе с нацистами Германии³⁷⁴. Немецкие филиалы General Motors были преобразованы полностью под военное производство после встречи Гитлера и Геринга, который был не только боссом Люфтваффе, но и экономическим королем Германии в то время, с представителем GM в Берлине Муни 9 - 20 сентября 1939 года. Результатом этой беседы стало то, что на заводе Opel в Бранденбурге, созданном в 1935 году, перешли на производство «Blitz» - машин для вермахта, в то время как Opel в Рюссельсхайме отныне производил в первую очередь для Люфтваффе, там шла сборка самолетов, таких, как JU-88, «рабочая лошадка» германского флота бомбардировщиков. Было время, когда на General Motors и Ford в общей сложности приходилось не менее половины всего производства

танков в Германии. Кстати, немецкие танки, как правило, были более высокого качества, чем те, которые производились в самих Соединенных Штатах, такие, как «Шерман», который солдаты цинично прозвали «Ронсон», потому что немцы могли поджечь их «с первой попытки»; аналогичные качества приписывались зажигалкам марки «Ронсон» в рекламе того времени³⁷⁵.

Эксперты считают, что от лучших военных технологических инноваций GM и Ford, в первую очередь, выиграли филиалы их заводов в нацистской Германии, а не их заводы в США или Великобритании, которые производили военную технику для армий союзников. В качестве примеров они приводят грузовики All-Wheel-Drive фирмы Opel, которые оказались чрезвычайно полезными для немцев в грязи Восточного фронта и в пустынях Северной Африки, а также двигатели для новой модели Me-262, первого реактивного истребителя, также собранного на заводе Opel в Рюссельсхайме. Что касается Ford-Werke в Кёльне, в 1939 году эта фирма создала «компанию для прикрытия» Arendt GmbH с целью производства другого военного оборудования, кроме автомобилей, а к концу войны этот завод был вовлечен в сверхсекретные разработки турбин для печально прославившихся ракет V-2, которые сеяли опустошение в Лондоне и Антверпене. Поэтому понятно, почему немецкие филиалы американских предприятий считались «пионерами технологического развития» планировщиками министерства экономики рейха и другими нацистскими органами, занятыми в войне³⁷⁶.

Только очень немногие люди знают, что GM, Ford, ITT и другие гиганты корпоративной Америки действовали во время войны в Германии, как своего рода «арсенал нацизма». Сами эти предприятия, естественно,

помалкивают на эту деликатную тему³⁷⁷. Более того, даже редкие ее знатоки, как правило, предполагают, что эти немецкие заводы-филиалы были безжалостно конфискованы нацистами после Перл-Харбора и были возвращены под контроль их корпоративных владельцев и менеджеров в США только после войны. На самом деле это было не так. Немецкий эксперт Ханс Хелмс категорически утверждает, что «ни одного единственного раза за время правления своего режима террора нацисты не предприняли ни малейшей попытки изменить статус собственности Ford или Opel»³⁷⁸. Даже во время войны Ford сохранил свои 52 процента акций Ford-Werke в Кёльне и General Motors оставалась единственным собственником компании Opel. (Кстати, большая часть оставшихся акций Ford-Werke контролировалась IG Farben). Американские владельцы и менеджеры продолжали поддерживать в значительной мере контроль над своими филиалами в Германии также и после того, как Германия объявила войну Соединенным Штатам. Существуют доказательства того, что головные офисы в США и заводы-филиалы в Германии продолжали поддерживать контакты друг с другом либо косвенно, через дочерние компании в нейтральной Швейцарии, либо непосредственно с помощью всемирных систем связи того времени. Последние производились ИТТ в сотрудничестве с Transradio (совместным предприятием самой ИТТ), RCA (другой американской корпорацией) и немецкими фирмами Siemens и Telefunken. Эдсель Форд, сын Генри Форда, таким образом, имел возможность продолжать лично вмешиваться в управление заводом Ford-Werke в Кёльне и филиалами Ford в оккупированной Франции³⁷⁹. Что касается IBM, то Эдвин Блэк пишет, что во время войны ее общий менеджер по Европе, голландец Юрриан В. Схолте, действительно, находился

в корпоративной штаб-квартире фирмы в Нью-Йорке, откуда он «по-прежнему регулярно поддерживал связь с дочерними предприятиями IBM на подвластной нацистам территории, в таких странах, как его родная Голландия и Бельгия». IBM, продолжает Блэк, могла также «следить за событиями и управлять своими дочерними компаниями в Европе через нейтральные страны», в особенности через свое швейцарское отделение в Женеве, чей директор, гражданин Швейцарии, «свободно путешествовал в Германию и обратно, на оккупированные территории и в нейтральные страны». И, наконец, как и многие другие крупные американские корпорации, IBM также могла рассчитывать на американских дипломатов, которые находились в оккупированных и нейтральных странах для пересылки сообщений с помощью дипломатической почты. Блэк приходит к выводу, что, «несмотря на иллюзию непричастности, IBM [в] Нью-Йорке по-прежнему играла центральную роль в повседневных операциях своих дочерних компаний [в Германии и в других странах Европы]... В течение всей войны бизнес велся, «как обычно»³⁸⁰. Нацисты любезно позволяли американским владельцам сохранять в собственности свои дочерние компании в Германии, и им был даже разрешен определенный контроль над повседневными операциями последних. Кроме того, собственное вмешательство нацистов в управление, к примеру, заводами Opel и Ford-Werke оставалось минимальным. После объявления Германией войны Соединенным Штатам американские сотрудники фирм, по общему признанию, исчезли со сцены, но занимавшие свои должности немецкие менеджеры – доверенные лица своих боссов в США – в основном сохранили свои позиции и продолжали вести дела с учетом интересов головного офиса корпорации и акционеров в Америке. В

случае с фирмой Opel штаб-квартира GM в Соединенных Штатах сохранила практически общий контроль над менеджерами в Рюссельсхайме. По крайней мере, таково мнение американского историка Брэдфорда Снелла, который уделил внимание этой теме еще в 1970-х годах, но чьи выводы тогда были оспорены GM. Тем не менее недавнее исследование, проведенное немецким автором Анитой Куглер, подтверждает точность утверждений Снелла, сообщая при этом новые и с большими нюансами выясненные подробности. После германского объявления войны США, пишет она, нацисты поначалу вообще не беспокоили руководство Opel. Только 25 ноября 1942 года, почти через год после Перл-Харбора, Берлин назначил хранителя «вражеских активов», но значение этого шага оказалось чисто символическим. Нацисты просто хотели создать имидж чисто немецкого предприятия, которое на 100 % принадлежало General Motors и оставалось в его руках в течение всей войны. Куглер сообщает подробности:

«В отличие от легенды, которую пропагандируют Opel и General Motors, опека хранителя активов не представляла собой диктаторских репрессий со стороны антиамериканских нацистов. Хранитель был не каким-то посторонним автократом, но был выбран еще в 1935 году самими американцами как член правления директоров и назначен ими в качестве одного из ведущих менеджеров. Более того, фактически, а также юридически он подчинялся решениям совета директоров... Он даже не имел звания генерального менеджера»³⁸¹.

В Ford-Werke в качестве генерального менеджера во время войны служил некий Роберт Шмидт, ярый нацист, и его деятельностью были весьма довольны как власти в Берлине, так и руководители Ford в Америке. Он регулярно получал как сообщения о поддержке, так

даже и поздравления, подписанные Эдселем Фордом из корпоративной штаб-квартиры компании Ford в Дирборне, штат Мичиган. Нацисты тоже были чрезвычайно довольны работой Шмидта, настолько, что они присудили ему помпезный, но престижный титул «лидера в области военной экономики». Даже когда спустя много месяцев после Перл-Харбора хранитель активов был назначен курировать завод Форда в Кёльне, Шмидт сохранил свои прерогативы и свою свободу действий. После войны Шмидт решил скрыться с места на некоторое время из-за своей преданности национал-социализму и охотного сотрудничества с СС, но с 1950 года он вернулся на прежнюю должность в Ford-Werke и оставался на этой должности до самой своей смерти в 1962 году³⁸².

Перспектива того, что «хранитель вражеских активов» будет осуществлять контроль за их филиалами в Германии, на самом деле вовсе не пугала головные офисы американских корпораций. У американских владельцев были все основания ожидать, что с «вражеской» собственностью в Германии будут обращаться так же, как это было во время Первой мировой войны, и как обращались с немецкими инвестициями в самих Соединенных Штатах во время Второй мировой³⁸³. Как подчеркивает Эдвин Блэк, инвесторы с обеих сторон ожидали, что их собственность на территории противника «будет охраняться, управляться должным образом, а затем будет возвращена им в неповрежденном виде, когда конфликт завершится», и временно заблокированная прибыль тоже будет разблокирована по окончании военных действий. Как и американцы, фашисты следовали писаным и неписаным нормам международного капитализма и было фактически гарантировано, что, как пишет Блэк, «нацистский

получатель будет старательно управлять филиалами предприятий врага» и что «их деньги [то есть прибыль] будут ждать их, когда закончится война». Кроме того, как указывает Блэк, то, что этим фирмам назначался хранитель, фактически означало значительное преимущество, а именно «правдоподобное отрицание»: Наличие хранителя активов противника позволило владельцам и менеджерам американских компаний зарабатывать деньги при помощи сотрудничества с врагом, сохраняя при этом возможность не нести никакой ответственности за то, что совершалось в процессе получения этих прибылей³⁸⁴.

Что касается IBM, то ее опыт военного времени с хранителями вражеских активов в Германии (а также Франции, Бельгии и других оккупированных странах) был весьма далек от печального. Согласно Блэку, «они активно охраняли активы, расширяли производство и увеличивали прибыль». Кроме того, «действующие менеджеры IBM сохранили свои посты и руководили повседневной работой фирмы, а в некоторых случаях даже назначались заместителями хранителей вражеских активов». Хранитель фирмы Dehomag Герман В. Феллингер, как пишет Блэк, «действовал с таким сильным коммерческим рвением и преданностью фирме IBM, как мог бы любой ведущий менеджер, назначенный на этот пост лично Уотсоном». В свете этого неудивительно, что Феллингер остался на одной из ведущих управленческих позиций в фирме Dehomag после капитуляции Германии³⁸⁵.

Нацисты были гораздо менее заинтересованы в национальности владельцев или в личности менеджеров, чем в производстве, так как после краха их стратегии блицкрига в Советском Союзе они испытывали растущую нужду, к примеру, в самолетах и грузовиках массового производства Ford-Werke. С тех

пор как Генри Форд стал пионером использования конвейерной сборки и других подобных «фордовских» методов, американские фирмы стали лидерами в области массового производства промышленных товаров, и американские отделения этих фирм в Германии, в том числе Opel, дочерняя компания GM, не были исключением из этого общего правила. Нацистские планировщики, такие, как Геринг и Шпеер, знали это и отлично понимали, что радикальные изменения в управлении Opel помешает производству в Бранденбурге и Руссельсхайме. Для того чтобы сохранить выпуск продукции компании Opel на высоких уровнях, менеджерам, отвечающим за нее, было разрешено остаться на своих местах, потому что они были знакомы с очень эффективной американской моделью производства. Это было главной причиной того, почему на заводах Opel дела продолжали идти под девизом «бизнес, как обычно», даже после Перл-Харбора. Берлинские квоты на производство к тому же регулярно превышались, так что что нацистские власти наградили заводы GM почетным званием «Образцовое военное предприятие». Менеджеры Opel были настолько успешными в области производства, что нацисты позволяли им все больше и больше «предпринимательской свободы». Немецкий исследователь Анита Куглер приходит к выводу, что филиал завода GM, Opel, «поставил всю свою продукцию и исследования на службу нацистам и таким образом, объективно говоря, способствовал усилению их долгосрочной возможности вести войну»³⁸⁶.

Для американских менеджеров и владельцев GM и Ford было неважно, кто работал в качестве менеджеров в их немецких дочерних фирмах и какая продукция сходилась там со сборочных линий, и их мало беспокоило или не беспокоило вообще, что деятельность их

немецких дочерних фирм, возможно, служит тому, чтобы продлить войну. В конечном счете все, на что они рассчитывали для себя и для акционеров, была только прибыль. Слишком мало людей знали о том, что филиалы американских корпораций в Германии получили значительные доходы во время войны и что эти деньги не были положены в собственный карман нацистами. Для Ford-Werke имеются точные цифры. Прибыль немецкой дочерней компании Dearborn выросла с 1,2 млн. немецких марок в 1939 году до 1,7 млн. в 1940 году, 1,8 млн. в 1941 году, и 2,1 миллионов в 1943 году³⁸⁷.

Дочерние предприятия Ford в оккупированной Франции, Голландии и Бельгии, где американский корпоративный гигант также вносил свой промышленный вклад в нацистские военные усилия, также были чрезвычайно успешными. Ford-France, например, – далеко не процветающая фирма до войны, стал получать очень большие прибыли после 1940 года благодаря своему безоговорочному сотрудничеству с немцами; в 1941 зарегистрированная прибыль там составила 58 млн. франков – достижение, с которым фирму тепло поздравил Эдсель Форд³⁸⁸. Никаких подробностей зарегистрированных прибылей Opel не обнародовано, но известно, что немецкий филиал завода GM также очень успешно вел свои дела. По словам Аниты Куглер, мало какие из немецких предприятий могут сравниться с Opel по денежным потокам во время войны, и дочка GM накапливала все больше и больше ликвидных активов ежемесячно. Прибыль Opel взлетела до такой высоты, что нацистское министерство экономики запретило публикации данных об этом; это было сделано для того, чтобы избежать зависти части немецкого населения, которое все чаще просили подзатянуть свой коллективный ремень и

которое, вероятно, осознало, что прибыль этого американского завода не достанется Volksgenossen, то есть тевтонским «товарищам по расе»³⁸⁹.

Что касается IBM, Эдвин Блэк пишет, что его немецкие отделения процветали во время войны. Dehomag уже зарегистрировал рекордный рост прибыли в 1939 году, и по мере развития военных событий росли и его прибыли, «быстрее, чем грибы... особенно в результате нацистских поглощений Бельгии, Польши и Франции», так что ценность дочерней компании IBM в Третьем рейхе ежедневно росла. Как и в случае с Ford, прибыль IBM в оккупированной Франции выросла в первую очередь из-за бизнеса, связанного с охотным сотрудничеством с немецкими оккупационными властями, и скоро уже понадобилось строить новые заводы. Прежде всего, однако, если верить Блэку, *«IBM процветала в Германии и в оккупированных странах, потому что она поставляла нацистам технологические инструменты, необходимые для идентификации, депортации, заключения в гетто, порабощения и в конечном счете истребления миллионов европейских евреев, другими словами, для организации Холокоста»*³⁹⁰.

Сами нацисты не имели ничего против того, что американский инвестиционный капитал получал значительную прибыль в Германии во время войны. Это неудивительно с учетом того, что именно из-за их уважения к капиталистическим правилам игры фашисты вызывали такое восхищение и поддержку у промышленников Германии и Америки. Эти правила, которые сами нацисты выразили в девизе «каждому – свое», на самом деле будут соблюдаться Гитлером и его сообщниками до самого их незавидного конца. Нацисты не были коммунистами, и в Третьем рейхе прибыль предприятия не доставалась ни государству, как часто

ошибочно представляется в американских СМИ, ни рабочим, а исключительно владельцам предприятия или его акционерам. Это было и остается верным и в случае американских дочерних заводов, хотя прибыль не переводилась непосредственно в штаб-квартиры корпораций в Соединенных Штатах. Далеко не ясно, что произошло с прибылью, полученной в Германии американскими дочерними компаниями во время войны, но тем не менее кое-какая весьма любопытная информация все-таки оказалась обнародованной. Уже до войны, в 1930-е годы, американские корпорации разработали ряд стратегий для того, чтобы обойти эмбарго нацистов на репатриацию прибыли. Головной офис компании IBM в Нью-Йорке, например, имел привычку регулярно посылать счета фирме Dehomag за роялти в отношении материнской фирмы, в счет погашения надуманных кредитов и других сборов и расходов; эта практика и другие «византийские» операции внутри компании также сводили к минимуму прибыль в Германии и, таким образом, одновременно функционировали в качестве эффективной схемы избегания уплаты налогов. Маловероятно, что IBM была единственной головной американской компанией, которая разработала такую «бухгалтерию метаморфоз», как называет это Блэк, такие «сложные, не подлежащие налогообложению межфирменные фортели», по существу, предшественники трансфертного ценообразования и других трюков, широко используемых транснациональными корпорациями в современном глобализированном мире для того, чтобы избежать налогов и максимально увеличить прибыль³⁹¹.

Мы уже видели, что были и другие способы обхода эмбарго на репатриации прибыли, такие, как реинвестирование в Германии, но после 1939 года эта опция больше не позволялась, по крайней мере, не в

теории. Тем не менее многим американским дочерним компаниям все же удалось увеличить их активы таким путем. В 1942 году Opel поглотил литейный завод в Лейпциге, который поставлял ему блоки двигателей в течение уже довольно продолжительного времени. И, конечно, оставалась возможность использовать прибыль для того, чтобы улучшить и модернизировать собственную инфраструктуру таких заводов. Именно это и было сделано в случае с Opel³⁹². Что касается Ford-Werke, его совокупные активы увеличились в период между 1939 и 1945 годами с 60,4 до 68,8 миллионов рейхсмарок, и стоимость фирмы, по сообщениям, выросла более чем в два раза в течение военных лет³⁹³. Также существовали возможности для расширения производства в оккупированных странах Европы. Дочерние предприятия Ford во Франции использовали его прибыли в 1941 году для строительства танкового завода в Оране в Алжире; это дочернее предприятие предположительно поставляло корпусу Роммеля в Африке средства, необходимые для его продвижения в сторону Эль-Аламейна. Так, Ford-Werke в Кёльне поддерживал тесные контакты с Ford-France, не исключено, что алжирское предприятие частично финансировалось с помощью прибыли, полученной от Ford в нацистской Германии³⁹⁴.

Кажется, что, по крайней мере, небольшую часть накопленной прибыли в Третьем рейхе удалось перевести в Соединенные Штаты через Швейцарию. Согласно Эдвину Блэку, эта нейтральная страна функционировала, «как своего рода щит для коммерческой интриги в нацистские времена». Многие американские корпорации держали там свои офисы, которые служили в качестве посредников между штаб-квартирами в США и их дочерними компаниями на территории противника или в оккупированных странах.

Эти офисы, очевидно, были замешаны в «утечке прибыли», как пишет Эдвин Блэк в отношении швейцарского отделения IBM³⁹⁵.

Швейцарские банки и международные банки, базирующиеся в Швейцарии, оказались полезными в этом отношении, например, Банк международных расчетов (БМР), который удобно базировался в городе Базель, в швейцарском городе на границе с Германией. Этот международный банк был основан в 1930 году в рамках плана Янга с целью облегчения немецких репарационных платежей после Первой мировой войны. Американские и немецкие банкиры (например, Шахт) преобладали в правлении БМР с самого начала, уютно сотрудничая друг с другом в этом финансовом предприятии и продолжая делать это и во время войны, даже после Перл-Харбора. Немец Пауль Хеклер, член нацистской партии, был его директором, а американец Томас Х. Маккитрик служил в качестве его президента. На протяжении всей войны БМР функционировал, как своего рода частный клуб, в котором немецкие и американские банкиры и предприниматели могли проводить дружественные и взаимовыгодные встречи в то время как, по словам немецкого еженедельника "Der Spiegel" в 1997 году, «далеко от нейтральной и идиллической страны, в которой находились они сами, солдаты их соответствующих стран были заняты тем, что безжалостно убивали друг друга по всем фронтам».³⁹⁶ (Поль Валери выразил это в конце Первой мировой войны такими словами: «Война – [это] резня людей, которые не знают друг друга, на благо людей, которые знают друг друга, но друг друга не убивают».) БМР был похож на своего рода улей, который гудел от американских банкиров, промышленников и адвокатов, а также их немецких коллег. Последние даже включали ряд высокопоставленных нацистов, в том числе воротил

СС, которые приезжали в Швейцарию с золотом, награбленным у убитых евреев, для того, чтобы оплачивать покупку всякого вида импортных товаров, таких, как железная руда из Швеции или вольфрам из Португалии, которые были нужны для того, чтобы продолжать войну так долго, как это только будет возможно³⁹⁷. Видное место среди американцев, которые вращались вокруг БМР, занимал Аллен Даллес, агент OSS в Швейцарии с 1942 года, который был другом Маккитрика. Его брат, Джон Фостер Даллес, тем временем служил адвокатом БМР в Нью-Йорке. Разве не логично предполагать, что БМР мог быть вовлечен в репатриации прибылей немецких отделений американских корпораций, другими словами, денег, накопленных такими людьми, как клиенты и партнеры вездесущих братьев Даллес? Неудивительно, что корпорации и банки, которые принимали участие в этих операциях, всегда соблюдали самую большую осторожность. Но некоторая информация тем не менее стала достоянием гласности. Известно, например, БМР оказался достаточно любезным, чтобы переправить нефтяному магнату Уильямудэвису Родосу через Лиссабон и Буэнос-Айрес часть прибыли от его немецкой дочерней компании Eurotank Handelsgesellschaft, находившейся в Гамбурге³⁹⁸.

Глава 21

Корпоративный коллорационизм и так называемая «денацификация» Германии (2)

Современный феномен, известный как «сокращения», требующий постоянного уменьшения числа работников, при котором оставшимся работникам приходится трудиться все более интенсивно для того, чтобы гарантировать все более высокие прибыли для работодателей (и иностранных или отечественных инвесторов), ясно показывает, что прибыль зависит не только от высоких цен и дешевого сырья, но также в значительной степени и от низкой заработной платы³⁹⁹. Чем ниже цена труда, тем выше прибыль, получаемая капиталом. В этом отношении практикующие сокращения могут многому поучиться из опыта американских заводов в Германии во время Второй мировой войны. Уже до войны большинство, если не все немецкие корпорации с радостью воспользовались очень полезным для них нововведением нацистов, а именно ликвидацией профсоюзов. Эта мера произвола выхолостила немецкий рабочий класс и превратила его, пользуясь нацистской терминологией, в бессильную «массу последователей» (Gefolgschaft), в соответствии с авторитарным принципом руководства «сверху вниз» (Führerprinzip), получившим широкое распространение как в частном, так и в государственном секторе, что безоговорочно отдало трудящихся в распоряжение их работодателей. Неудивительно, что в нацистской

Германии реальная заработная плата резко сократилась, а прибыль, соответственно, увеличилась. Во время войны рабочие Германии были призваны в армию в качестве «пушечного мяса». Это должно было представлять собой только временное неудобство, так как концепция «блицкрига» заключалась в короткой войне с последующей всеобщей победой, но провал «молниеносной войны» против Советского Союза помешал возвращению миллионов рабочих в Германию. Они застряли на Восточном фронте, и огромное число из них больше в Германию вообще не вернулось. В результате последовавшей нехватки рабочей силы закон спроса и предложения вообще-то должен был привести к росту заработной платы и снижению прибыли. Однако эта неприятная для капиталистов перспектива была предотвращена находчивыми нацистами, которые ввели мораторий на рост заработной платы и цен уже 4 сентября 1939 года. На практике цены продолжали расти, в то время как заработная плата постепенно снижалась, а длительность рабочей недели увеличивалась. Это относилось также и к рабочим в американских дочерних компаниях.

Начиная с мая 1940 года, например, рабочим на заводах Opel пришлось работать по шестьдесят часов в неделю за более низкую заработную плату, что привело к протестам против этой «кражи зарплаты», как ее называли рабочие Opel. Тем не менее в Рюссельсхайме рабочая неделя продолжала постепенно удлиняться, так что к концу 1942 года рабочим пришлось трудиться уже шестьдесят шесть часов в неделю⁴⁰⁰.

В целях борьбы с нехваткой рабочей силы на заводах нацисты все более полагались на иностранных рабочих, которых насильно заставляли трудиться в Германии, часто в нечеловеческих условиях. Вместе с

сотнями тысяч советских и других военнопленных, а также заключенных концентрационных лагерей эти «Fremdarbeiters» представляли собой гигантский источник принудительного труда, который можно было эксплуатировать как угодно любой фирме, которая решала использовать их, в обмен на скромное вознаграждение, выплачиваемое СС. СС, кроме того, также поддерживала требуемые дисциплину и порядок, часто железной рукой. Затраты на заработную плату, таким образом, опустились до такого уровня, о котором сегодняшние сокращающие свою рабочую силу предприниматели могут только мечтать, а корпоративные прибыли выросли, соответственно. Немецкие заводы-филиалы американских корпораций также стремились использовать рабский труд, поставляемый нацистами, и не только в виде иностранных рабочих, но также и в виде военнопленных и даже заключенных концлагерей. Например, Yale & Towne Manufacturing Company, действовавшая в Фелберте в Рейнской области, полагалась на «помощь рабочих из Восточной Европы» для «получения немалых прибылей», как пишет историк Стефан Х. Линднер. Coca-Cola тоже получала выгоды от использования иностранных работников, а также военнопленных на своих заводах, производящих напиток «Фанта». Kodak был еще одной американской корпорацией с немецкими филиалами в Штутгарте и в Берлине – Копенике, которая использовала принудительный труд⁴⁰¹. Однако наиболее яркие примеры использования принудительного труда в американских дочерних компаниях, по всей видимости, представляют Ford и General Motors. О Ford-Werke утверждается, что, начиная с 1942 года, эта фирма «ревностно, настойчиво и успешно» использовала иностранных рабочих и военнопленных из Советского Союза, Франции, Бельгии

и других оккупированных стран, причем, по-видимому, с ведома корпоративной штаб-квартиры в Соединенных Штатах. Карола Фингс, немецкая исследовательница, которая внимательно изучила военные дела Ford-Werke, пишет:

«[Форд] вел замечательный бизнес с нацистами. Так как ускорение производства во время войны открыло совершенно новые возможности для сокращения уровня расходов за счет низкой заработной платы. Вообще замораживание повышения заработной платы в действительности было введено в Форд-Werke с 1941 года. Но тем не менее наибольшие прибыли были достигнуты посредством использования так называемых «остарбайтеров» [подневольных рабочих из Восточной Европы]»⁴⁰².

Тысячи иностранных подневольных рабочих, которых заставляли работать в Ford-Werke, были вынуждены трудиться в поте лица каждый день, кроме воскресенья, по двенадцать часов, и за это они вообще не получали заработную плату. Предположительно еще хуже того обращались с относительно небольшим числом заключенных из концлагеря Бухенвальд, которых отдали в распоряжение Ford-Werke летом 1944 года. В отличие от Ford-Werke, Opel никогда не пользовался трудом заключенных концлагерей, по крайней мере, не на основных заводах фирмы в Рюссельсхайме и Бранденбурге. Тем не менее немецкий филиал GM тоже испытывал ненасытный аппетит к другим видам принудительного труда, например, труду военнопленных. Уже летом 1940 года первые военнопленные были поставлены для работы на заводе в Рюссельсхайме, и эти первые военнопленные включали французов. Позднее к ним присоединилось большое число советских военнопленных, с которыми обращались особенно скверно. Вывезенные насильно в

основном из Восточной, но и Западной Европы мирные жители также были привлечены к работе на Opel. Типичным для использования рабского труда на заводах Opel, в частности, что касается русских, были, по словам историка Аниты Куглер, «максимальная эксплуатация, наихудшее обращение и... смертная казнь даже за малейшие проступки». Гестапо вело надзор за иностранными рабочими⁴⁰³.

Во время войны, таким образом, крупные корпорации Америки ловчили для получения прибылей от бизнеса как с врагами, так и с союзниками. Однако сомнительно, чтобы известные бизнес-школы в Соединенных Штатах, где амбициозные (и материально обеспеченные) молодые иностранцы, а также американцы знакомятся с методами американского предпринимательства, уделяли какое-либо внимание этой особенно интересной и поучительной «истории успеха». В более или менее официальных хрониках истории этих корпораций, а также биографии Генри Форда и других подобных корпоративных гигантов, как правило, эта тема почти или вообще не затрагивается. Что касается североамериканских СМИ, то они, как правило, сосредотачивают свои дотошные расследования на швейцарских банках, хранивших золото, похищенное нацистами у своих еврейских жертв, и на немецких фирмах, таких, как Volkswagen, который пользовался рабским трудом во время войны, но они практически никогда не пишут о связях между американскими корпорациями и нацистами. В США, а также в Канаде, где Ford и GM владеют важными предприятиями, так универсально расхваливаемая «свобода прессы» (и слова в целом) оказывается «имеющей свои пределы» всякий раз, когда газеты, журналы и телеканалы рискуют потерять доходы от рекламы, «обидев» такие много тратящие на нее

фирмы, как Ford и Coca-Cola, исследованием их корпоративного прошлого. (Так же, как некоторые телевизионные программы, которые, как выражаются, «стали возможными» благодаря известным корпорациям, многие программы «становятся невозможными» в результате корпоративного спонсорства).

Похожую самоцензуру можно наблюдать также в университетах, где академическая свобода царит только в теории. Американский специалист по истории Третьего рейха и Второй мировой войны, которого мы не будем здесь называть по имени, сумел не так давно написать книгу о войне более чем в 1000 страниц, без единого упоминания о Ford-Werke или Ford вообще или General Motors и его дочерней компании Opel. Это вполне понятно в свете того факта, что он сделал свою карьеру в Мичигане, в один из университетов, чье финансовое благополучие зависит в основном от патроната автопроизводителей этого штата. Дома, в США, головные офисы корпораций, имевших немецкие дочерние предприятия, вряд ли испытывали вообще какие-либо проблемы из-за своей деятельности в стране нацистского врага. Вполне естественно, эти корпорации сохраняли максимально возможную секретность об этом аспекте своего бизнеса, так что большинство американцев понятия не имело о том, что вытворял американский капитал во время войны в Кёльне, Рюссельсхайме и в других местах в Германии. Более того, с помощью напыщенных слов и красивых жестов эти фирмы очень старались убедить общественное мнение в США в своем патриотизме. Вследствие этого рядовой американец не мог даже представить себе, что, например, GM, фирма, которая финансировала антинацистские плакаты в своей собственной стране, на дальних берегах Рейна принимала участие в мероприятиях, которые фактически представляли собой

своего рода предательство⁴⁰⁴. Вашингтон был гораздо лучше информирован об этом, чем рядовой американец, но американское правительство соблюдало неписаное правило: «То, что хорошо для General Motors, хорошо для Америки», и закрывало глаза на то, что американские корпорации накопили богатства путем своих инвестиций в Третью рейх или торговли с ним. Кстати, администрация Рузвельта включала в себя ряд бывших руководителей GM на высоких постах, таких, как Уильям С. Кнудсен, друг Геринга в 1930-е годы и до 1940 года президент General Motors. Всего лишь через неделю после нападения Японии на Перл-Харбор, 13 декабря 1941, года президент Рузвельт сам потихоньку издал указ, позволяющий американским корпорациям вести бизнес с вражескими странами или нейтральными странами, которые были дружелюбно настроены по отношению к врагу, с помощью специального разрешения. Этот порядок, очевидно, противоречил якобы строгим законам против всех форм «торговли с врагом» и резко отличался от того, как соблюдаются другие аналогичные законы даже по сей день, например, в связи с Кубой. Американским гражданам не дозволяется привозить с собой в США из Канады даже приобретенные там кубинские сигары⁴⁰⁵.

Вашингтон также рассчитывал на активное сотрудничество крупных корпораций страны с тем, чтобы довести войну до победного конца. Как писал Чарльз Хигем, администрации Рузвельта «пришлось лечь в постель с нефтяными компаниями для того, чтобы победить в войне». Следовательно, должностные лица правительства не могли позволить себе задавать неприятные вопросы и закрывали глаза на непатриотичное поведение американского инвестиционного капитала за рубежом и особенно в Германии. «Для того, чтобы удовлетворить

общественное мнение, пишет Хигем, – чисто формальные меры пришлось принять в 1942 году против самого известного нарушителя законодательства о “торговле с врагом” – Standard Oil. Но Standard Oil указала на то, что она “поставляет горючее большей части армии, флота и ВВС и, [таким образом], делает возможной для Америки победу в войне”. Корпорация Рокфеллера в конечном итоге согласилась заплатить незначительный штраф за то, что “предала Америку”, но ей было разрешено продолжить свою выгодную торговлю с врагами Соединенных Штатов».⁴⁰⁶ Предварительное расследование возможно предательской деятельности IBM в стране нацистского врага было аналогичным образом прервано, поскольку Соединенные Штаты нуждались в технологии IBM не меньше, чем нацисты. Эдвин Блэк пишет:

«IBM была в некоторых отношениях “важнее войны”. Обе стороны не могли себе позволить обойтись без важнейшей технологии компании. Гитлеру была нужна IBM. Так же, как и союзникам»⁴⁰⁷.

Дядя Сэм немного погрозил пальцем Standard Oil и IBM, но большинство владельцев и менеджеров корпораций, которые вели бизнес с Гитлером, вообще никто не беспокоил. Связи Сосфенеса Бенна из ИТТ с нацистской Германией, например, не были ни для кого секретом в Вашингтоне, но он никогда не испытывал никаких трудностей из-за этого. Чарльз Хигем объясняет:

«Несмотря на то, что все отделения американской разведки следили за каждым шагом Бенна... и вообще точно знали, чем он занимался, не было сделано ничего вообще, чтобы остановить его. Когда война приближалась к концу, какая бы то ни было, даже мягкая «внутренняя» критика американского

правительства в его адрес быстро умолкла в связи с перспективой капитуляции Германии и ожидания грядущего противостояния с Советским Союзом».

Бенн имел близкие контакты с военным руководством Америки и даже получил высшую гражданскую награду «Медаль за заслуги» за свои предположительно неоценимые услуги американской армии. Его тело покойся на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне, недалеко от могилы Джона Ф. Кеннеди и могил тысяч американских солдат, которые отдали свои жизни в войне против его нацистских друзей⁴⁰⁸.

Таким образом, крупные американские корпорации не испытывали никаких серьезных трудностей от государства из-за услуг, оказываемых ими врагу. Более того, кажется, в штаб-квартире западных союзников были заинтересованы в том, чтобы как можно мягче относиться к американским предприятиям в Германии. К примеру, в то время как исторический центр Кёльна был стерт с лица земли в ходе повторяющихся бомбардировок, крупный завод Ford на окраине города пользовался репутацией самого безопасного места в нем во время воздушных налетов. Местные жители, которые рассказывают эту историю, возможно, несколько преувеличивают, но факт остается фактом, во время бомбардировок союзников собственность Ford-Werke на удивление мало пострадала, и инфраструктура дочернего предприятия Ford в Кёльне осталась фактически нетронутой, так что завод смог возобновить работу практически сразу после окончания военных действий. Первый послевоенный грузовик фактически был произведен уже 8 мая 1945 года, в день капитуляции немцев. По мнению немецкого эксперта Ганса Г. Хелмса, Бернард Барух, высокопоставленный советник президент Рузвельта, дал приказ не бомбить определенные заводы в

Германии или бомбить их лишь слегка. Неудивительно, что в эту категорию попали дочерние предприятия американских корпораций. О Ford-Werke Хелмс пишет категорически, что «их нельзя было бомбить и, следовательно, их не бомбили», за исключением «симулированных атак». Так, 15 и 18 октября 1944 года целью воздушного нападения союзников стали находившиеся по соседству бараки рабочих. Еще одно предприятие, избежавшее бомбардировок, – Bayer в Леверкусене, аффилированный со Standard Oil через IG Farben. Хелмс утверждает, что это предприятие выпускало определенные типы лекарств против тропических болезней, необходимые американской армии в Тихом океане и должным образом поставляемые немцами через Швейцарию и Португалию⁴⁰⁹. Завод Opel в Рюссельсхайме, с другой стороны, на самом деле бомбили, но только к концу войны, 20 июля и 25–26 августа 1944 года, что вызвало разрушение половины его зданий. К этому времени, однако, наиболее важные машины и средства производства уже были вывезены в сельскую местность в ходе операции, известной как «рассеивание» (Auslagerung). Таким образом, производство продолжалось по-прежнему до 25 марта 1945 года, когда американские войска вступили в Рюсселсхейм⁴¹⁰. Немецкие дочерние предприятия IBM также вышли из войны с на удивление небольшими повреждениями. Среди самых первых американских военных, которые вошли на территорию фабрики Dehomag в Зиндельфингене неподалеку от Штутгарта, пишет Эдвин Блэк, было несколько бывших «солдат IBM», то есть работников IBM, временно освобожденных от работы для службы в армии. Они обнаружили, что все было на «100 % нетронутым» и «в очень хорошем состоянии», вплоть до «каждого инструмента, каждой

машины, которые хорошо сохранились и были готовы начать работу в любой момент». Они взволнованно сообщили самому Томасу Уотсону, что «вся фабрика [была] нетронутой, ее пощадили по неизвестной причине наши летчики». Уотсон, который пользовался привилегированным доступом ко всей информации в Вашингтоне, в том числе в Белом доме, несомненно, знал причину этого. Завод IBM в Берлине, однако, был уничтожен во время многочисленных бомбардировок немецкой столицы союзниками, но, по словам Блэка, только после того, как «большинство подразделений были перенесены в разные места в южной Германии», в результате действий по «рассеиванию», похожих на те, которые спасли большую часть завода GM в Рюсселсхейме⁴¹¹.

После войны GM и другие американские корпорации, которые вели бизнес в Германии, были не только не наказаны, но были даже компенсированы за ущерб, причиненный их немецким дочерним компаниям в результате англо-американских воздушных налетов. Таким образом, GM получила 33 миллиона долларов, а ИТТ – 27 миллионов от американского правительства в качестве компенсации, частично в форма налоговых кредитов. Ford-Werke пострадал сравнительно немного во время войны и вообще-то получил более 100,000 американских долларов в качестве компенсации от самого нацистского режима. Филиалу завода компании Ford во Франции тем временем удалось вырвать в качестве компенсации 38 миллионов франков у правительства в Виши. Тем не менее Форд подал прошение в Вашингтон на компенсацию убытков на сумму в 7 миллионов долларов, но в итоге получил лишь чуть больше, чем 500.000. Эти компенсации, независимо от того, идет ли речь о больших или сравнительно небольших суммах, сильно бросаются в глаза как

пример щедрости Казначейства США, особенно когда человек осознает, что эти корпорации уже получали налоговые льготы в течение войны за свое предположительно утраченное имущество в Германии. Например, GM списала все свои инвестиции в Opel в своей федеральной налоговой декларации за 1941 года, в результате чего ее налог был снижен на примерно 22,7 миллионов долларов. Теоретически это означало, что правительство США имеет право конфисковать собственность Opel, но после войны, в 1948 году, GM было любезно разрешено снова взять в свои руки свои немецкие филиалы посредством уплаты налогов в размере \$ 1,8 млн., что почти на 21 миллион долларов меньше, чем налоговая льгота, которой GM пользовались в 1941 году. Ford тоже проделал подобный трюк путем списания Ford-Werke в 1943 году как потери на сумму в около 8 миллионов долларов и официально снова взяв в свои руки свою немецкую дочернюю компанию в 1954 году за «справедливую сумму» в 557 000 долларов. Кстати, юридическая выдумка, что их немецкие активы якобы были конфискованы, также позволила владельцам и руководителям американских фирм отрицать какую бы то ни было ответственность за деятельность своих немецких дочерних фирм ⁴¹².

Если бы после войны американские власти создали трудности для этих фирм, которые так тесно сотрудничали с нацистами, возможно, достоянием гласности стали бы некоторые неприятные факты. Общественность могла бы понять, что американская промышленность работала в тесном сотрудничестве с нацистами, что такие корпорации, как Ford, GM, и получили фантастические прибыли за счет поставок военной техники не только американским войскам, но также и вермахту и что, торгуя с врагом, эти же фирмы

не просто поступали более чем непатриотично, но даже совершили государственную измену. Американский эксперт по политике США в отношении Германии в конце Второй мировой войны, Каролин Вудс Айзенберг, пишет, что одной из многих причин, почему американские оккупационные власти не стремились вникать в связи с нацистами крупных немецких фирм, было то, что «поведение немецких картелей трудно было отделить от сомнительной деятельности некоторых американских корпораций».

Последовательное судебное преследование немецких фирм, таких, как IG Farben, могло бы привести к их конфискации и национализации, как это произошло во Франции с автопроизводителем Renault, который сотрудничал с нацистами, а в этом случае американским головным или партнерским фирмам, возможно, был бы нанесен серьезный ущерб⁴¹³. Как заявил «банкир Гитлера» Шахт американскому офицеру во время допроса в ходе Нюрнбергского процесса, «если вы хотите отдать под суд всех немецких промышленников, которые помогли [Гитлеру], вам необходимо будет отдать под суд и ваших собственных промышленников»⁴¹⁴.

Крупные американские корпорации с немецкими связями принадлежали к коорпоративной элите, которая смогла за время войны умножить свое богатство, влияние и власть. После войны эта элита обладала чрезмерным влиянием на то, как американские власти обращались с потерпевшей поражение Германией. Американские оккупационные власти в самой Германии включали многих влиятельных представителей таких фирм, как GM и ITT. Согласно Каролин Вудс Айзенберг, многие из этих людей «*[были назначены]* из-за своего личного опыта отношений с немецкими фирмами или же потому, что их

собственные фирмы уже вели бизнес в Германии до войны. Так что это включало людей... из General Motors... и [филиала ИТТ — примеч. автора.] АТТ. Директор [Уильям Дрейпер, друг Томаса Уотсона из IBM — примеч. автора.]... был из фирмы Dillon, Read & Company, крупного финансового института, который вложил значительные инвестиции в Германии в начале 1920-х годов... Многие из этих людей имели личные связи с той или иной крупной немецкой фирмой...»⁴¹⁵

Американские корпорации, таким образом, предотвратили не только разоблачение их собственной сомнительной деятельности военного времени в Германии, но также и какие бы то ни было серьезные трудности для своих немецких дочерних фирм и партнеров. Небольшое число нацистов, таких, как Заукель, работороговец, который поставлял немецкой промышленности во время войны массы иностранных подневольных рабочих, закончило свою жизнь на виселице – вполне заслуженно. Однако руководители немецких фирм и американских заводов в Германии, которые использовали принудительный труд, едва ли испытали хоть малейшие неудобства⁴¹⁶. В Японии американцы поступили после войны аналогичным образом.

Какое-то число военных преступников получили заслуженное наказание, но к слишком многим из числа милитаристской «крупной рыбы» отношение было чересчур снисходительное, прежде всего к императору Хирохито. Причина этого в том, что руководители США и их оккупационные власти в Японии испытывали большую симпатию к консервативной политической и бизнес-элите этой страны, хотя они и были ответственны за военные преступления, чем к антифашистским и демократическим элементам, которые появились после войны с прогрессивными

планами для новой Японии. Первые рассматривались американцами как респектабельные и серьезные бизнесмены, с которыми «можно иметь дело» – ко взаимной выгоде – для установления прочной капиталистической системы в Японии, и как надежные государственные деятели с безупречными антикоммунистическими взглядами. Последние же казались опасными левыми революционерами и потенциальными сторонниками Москвы. В результате этого под эгидой американского проконсула в оккупированной Японии, генерала Макартура, чистки быстро были прекращены, и традиционные авторитарные структуры страны были восстановлены в кратчайшее время, хоть и «отполированы» для вида с помощью «демократического лака». Профсоюзы были нейтрализованы, а демократы и антифашисты Японии не получили ни малейшей возможности сказать свое слово в послевоенной реконструкции своей страны.

Показательным для этой политики было то, как обращались с императором Хирохито. Японский глава государства, так называемый микадо, которого можно было считать военным преступником, не только не был отдан под суд американцами, его даже не вызвали в качестве свидетеля на процессы по делу некоторых из его ближайших советников, которые обвинялись в военных преступлениях. Обелением японского монарха, как пишет Ноам Хомский, Вашингтон дал понять, что США не позволят никаких новых демократических экспериментов в Стране восходящего солнца; они были полны решимости восстановить там традиционный консервативный порядок⁴¹⁷.

Глава 22

Соединенные Штаты, Советский Союз и послевоенная судьба Германии

В европейских, а также американских газетных статьях, фильмах и исторических книгах нам, как правило, дают довольно упрощенное изображение ситуации в Европе в конце Второй мировой войны. В этой версии рисуется картина, в которой американцы больше всего стремились к тому, чтобы поскорей отправиться домой, по другую сторону Атлантики, с освобожденного континента, подобно тому, как в старых вестернах, где герой, сидя в седле с непроницаемым видом, не обращая внимания на восхищенные взгляды местных жителей, медленно выезжает из поселка, который он только что избавил от всевозможных злоумышленников. Подразумевается, что этот привлекательный сценарий не мог стать реальностью по вине гадких Советов, которые якобы непременно немедленно воспользовались бы выводом американских войск, чтобы безжалостно подчинить себе всю Западную Европу. Эта история – сказки, типичная для эпохи холодной войны. Историческая правда на самом деле очень сильно от нее отличается. Интригующая тема роли русских и американцев в Европе после мая 1945 года на самом деле выходит за рамки исследования Второй мировой войны. Тем не менее необходимо обратиться к вопросу послевоенного устройства Германии, потому что после окончания

военных действий было необходимо «свести счета» со страной, начавшей войну, и это оказалось сложной и запутанной задачей. Важные события, которые произошли между Рейном и Одером в первые месяцы и годы после мая 1945 года, события, в которых американцы и русские были так тесно вовлечены, заслуживают – и даже требуют – отображения и краткой интерпретации в рамках данного исследования. Начнем с изучения позиции Москвы.

Послевоенная политика Советов была направлена на воссоздание единого немецкого государства по той простой причине, что они могли получить гораздо больше преимуществ от такого положения вещей, чем от раздела Германии. От побежденного немецкого врага Москва в качестве одного из победителей ожидала две очень важные уступки, которые были достаточно разумными и были одобрены, по крайней мере в принципе, их американскими и британскими союзниками на Ялтинской конференции: во-первых, значительные репарационные платежи, а во-вторых, гарантии безопасности со стороны потенциально реваншистского послевоенного немецкого государства. Репарации и безопасность были чрезвычайно важны для того, чтобы СССР смог восстановить свою экономику и, в частности, для построения социалистического общества на советской земле без вмешательства извне. Строительство «социализма в одной стране» было задачей, которую Сталин всегда считал гораздо более важной, чем разжигание красных революций в других странах мира, альтернативой коммунистической стратегии, главным героем которой был соперник и враг Сталина – Троцкий. Реализация этих советских планов зависела в большой степени от существования единого германского государства, процветающего в достаточной степени для того, чтобы позволить себе

огромные репарационные платежи⁴¹⁸. Такое немецкое государство, однако, неизбежно было бы также достаточно мощным, так что его нужно было принудить выполнять свои обязательства совместными усилиями всех союзников-победителей.

Для Советов имело сравнительно мало значения то, как будет выглядеть послевоенное немецкое государство. Они, безусловно, не ожидали, что это будет коммунистическая страна, потому что слишком хорошо понимали, что продвижение такого варианта было верным рецептом для конфликта с американцами и англичанами. (Сталин пытался однажды успокоить своих западных партнеров в этом отношении саркастическим замечанием, что «коммунизм подходит Германии, как седло свиноматке».) Советы фактически рассчитывали на новую версию Веймарской республики, которая в западном стиле была бы парламентской демократией, приемлемой для Вашингтона и Лондона. Москва горячо желала продолжения сотрудничества с американцами и англичанами в течение как можно более долгого времени, так как только такое союзническое сотрудничество могло гарантировать, что новая Германия будет платить репарации и не будет представлять собой угрозу для Советского Союза. *Таким образом, Советы желали единую и демократическую послевоенную Германию потому, что это было самым выгодным вариантом для них.* Вот причина того, почему Советский Союз последовательно выступал против раскола Германии с самого начала и вплоть до самой середины 1950-х годов⁴¹⁹. Советские планы в отношении Германии были вовсе не необоснованными, и большинство компонентов этих планов уже были одобрены западными союзниками в Ялте и в других местах. Однако теперь американцы

отказались принять их, потому что после поражения Германии они рассматривали ситуацию в совершенно другом свете. От создания единого послевоенного германского государства Соединенные Штаты могли бы получить преимущества только в том случае, если бы они сами стали доминировать в этой Германии политически и экономически. Когда стало очевидно, что эта цель не может быть достигнута даже средствами агрессивной «ядерной дипломатии» Трумэна, в Вашингтоне поняли, что было более выгодным сохранение существующего разделения Германии на якобы временные оккупационные зоны⁴²⁰. Американская политика в отношении Германии определялась прежде всего экономическими факторами. Для того, чтобы избежать нового экономического кризиса у себя дома, Вашингтон стремился открыть мировые рынки для экспортной продукции американской промышленности. Поэтому им было необходимо принятие принципа «открытых дверей» предпочтительно по всему миру, но уж, по крайней мере, в тех странах, которые в результате войны оказались в американской сфере влияния. Лидеры США были настроены решительно на то, чтобы, в частности, Германия стала доступной в качестве рынка для американских промышленных товаров, тем более что предстоящее экономическое восстановление этой страны обещало стать настоящей «золотой лихорадкой». Кстати, после войны американские промышленные лидеры разыскивали по всему земному шару не только новые рынки для своей продукции, но также новые возможности инвестировать огромные прибыли, полученные ими во время войны. Для американского инвестиционного капитала Германия в то время тоже выглядела землей обетованной,

тевтонским Эльдорадо, изобилующим возможностями для получения прибыли⁴²¹.

Для этого срочно требовалось интегрировать Германию в новый «халлианский» экономический мировой порядок, сутью которого была свободная торговля. Однако такая схема не укладывалась в планы Советов, которые ожидали реализации соглашений, заключенных в Ялте, подразумевающих, что экономический потенциал новой Германии будет в первую очередь направлен на осуществление их интересов в виде репарационных платежей, поскольку именно их страна внесла такой огромный вклад в достижение окончательной победы и так сильно пострадала от агрессии нацистов. Вряд ли стоит удивляться, что президент Трумэн проявил себя гораздо более чувствительным к пожеланиям американской промышленности, чем к потребностям СССР, независимо от того, насколько они были законны. Если Германия стала бы платить репарации в пользу СССР в течение неограниченного периода времени, вряд ли было бы возможным для американских экспортеров и инвесторов поучаствовать в прибыльном бизнесе, который в их нетерпеливых умах был связан с предстоящей реконструкцией Германии; более того, они могли даже частично или полностью потерять право пользования собственными активами в Германии. Эти активы уже были огромными до войны, а во время войны они еще и значительно выросли, относительно мало пострадав за это время. Большинство немецких филиалов американских корпораций вышли из войны практически неповрежденными и были в состоянии продолжать производство сразу по окончании военных действий или возобновить его в ближайшее время⁴²². В 1945 году американские корпорации обладали в Германии большими активами, чем когда-либо прежде,

и они с нетерпением ждали того, чтобы получить еще большие, возможно, беспрецедентные прибыли от предстоявшей реконструкции этой страны. (Они оказались правы: уже к концу 1946 года IBM в Германии, например, будет оцениваться более чем в 56 миллионов рейхсмарок, в то время как ее прибыль дойдет до 7,5 млн. рейхсмарок.)⁴²³ Однако, если исходить из согласованной программы репарационных платежей, эта прибыль вполне могла стать частью погашения Германией своего огромного военного долга по отношению к Советскому Союзу. В Рюссельсхайме, например, руководство Opel в течение долгого времени после капитуляции Германии опасалось, что их компании придется внести свой вклад в репарационные платежи⁴²⁴. И IBM, которая под властью нацистов получила фантастические прибыли от лжи о том, что Dehomag был немецкой фирмой, теперь была крайне обеспокоена тем, что ее немецкий филиал может считаться вражеской собственностью и, следовательно, использоваться для возмещения ущерба военных лет. «IBM очень хотела быть исключенной [из репараций], – пишет Эдвин Блэк, – и поэтому корпорация начала действовать так, чтобы вывести свой завод-филиал из “сферы виновности” и не попасть в кандидаты среди тех, на кого будет возложено возмещение ущерба»⁴²⁵.

Неудивительно, что лоббисты крупных американских корпораций начали действовать в Вашингтоне, чтобы предотвратить включение американских филиалов корпораций в Германии в любые репарационные схемы. Кроме того, теперь, когда Советский Союз был больше не нужен в качестве союзника, антикоммунисты начали возвращать свое бывшее влияние в столице США, и им была противна даже мысль о том, что богатство послевоенной Германии может быть использовано в течение

неограниченного периода времени для пользы коммунизма в СССР. Им была ненавистна идея того, что капитал, накопленный американским «свободным предпринимательством» в Германии, может послужить финансированию строительства коммунизма в Советском Союзе, вместо того, чтобы приносить дивиденды в кошельки американских акционеров. Таким образом, советские планы в отношении Германии, вне зависимости от того, насколько законными и умеренными они были, были совершенно неприемлемы для Дяди Сэма. Вашингтон хотел, чтобы Советы просто исчезли из Германии, оставив деликатную задачу восстановления этой страны (и Европы в целом) для американского «ноу-хау». Если Советы не были готовы сделать это добровольно, то американцы, пользуясь преимуществами атомной бомбы, были достаточно готовы к тому, чтобы заставить их это сделать. Как мы уже видели, «ядерная дипломатия» президента Трумэна была направлена на то, чтобы принудить Сталина в одностороннем порядке вывести Красную армию из всей Германии и Восточной Европы. Однако эта стратегия оказалась контрпродуктивной: именно для того, чтобы защищаться от атомной бомбы, Москва решила оставить свои войска как можно дальше на Западе, в том числе в Восточной Германии. Советы остались в своей оккупационной зоне в Германии, но на дипломатическом уровне они продолжали выступать за неразделенную Германию – предпочтительный для них вариант решения немецкой проблемы⁴²⁶. Однако Вашингтон предпочел статус-кво, то есть разделение Германии по межзональной демаркационной линии, зафиксированной в Ялте. Это разделение в конце концов давало американцам (вместе с их британскими и французскими союзниками) контроль над наиболее

важной частью Германии, включая крупные порты Северного моря, высокоразвитые в промышленном отношении Рурский и Саарский регионы, процветающий Рейнланд и «немецкий Техас», Баварию. Кстати, большинство (хотя и не все) филиалы американских корпораций были расположены в той части Германии, которая впоследствии образует Федеративную Республику Германию (ФРГ)⁴²⁷.

Привилегия доминирования в этой части Германии и возможности вести там бизнес и, наоборот, лишения всего этого СССР обошлась США в небольшую цену, которую пришлось заплатить тем, что Советам было позволено, по крайней мере, временно поступать, как им заблагорассудится в их зоне оккупации, включая получение репараций с этой зоны. Эта цена стоила того, ибо советская зона – будущая Германская Демократическая Республика (ГДР) – не только больше пострадала от войны, но и была гораздо менее плотно заселена, и в экономическом отношении развита гораздо слабее, чем Западная зона. (Значительная доля того, что было Восточной Германией до войны, районы к востоку от рек Одер и Нейсе, была передана по согласованию Польше для того, чтобы компенсировать эту страну за территории к востоку от линии Керзона, которые снова отошли Советскому Союзу.)⁴²⁸

В этом контексте следует отметить, что за последние недели военных действий сами американцы заняли значительную часть советской зоны, а именно Тюрингию и значительную часть Саксонии, в том числе вышеупомянутый город Лейпциг. Когда они вышли оттуда в конце июня 1945 года, они вывезли на Запад более 10.000 вагонов, полных новейшего и лучшего оборудования, патентов, чертежей и так далее фирмы Carl Zeiss в Йене и местных филиалов других ведущих предприятий, как Siemens, Telefunken, BMW, Krupp,

Junkers и IG Farben. Эти восточногерманские трофеи включали в себя ограбленный союзниками нацистский завод по производству V-2 в Нордхаузене: были вывезены не только ракеты, но и технические документы, оценивавшиеся в сумму от 400 до 500 миллионов долларов, а также около 1 200 захваченных немецких экспертов по ракетной технике, одним из которых был печально известный Вернер фон Браун⁴²⁹. Наконец, американцы также вывезли оттуда значительное количество золота – относительно небольшую, но важную часть так называемого «Totengold der Juden», золота, награбленного нацистами у евреев, которое СС не удалось переправить в Швейцарию в конце войны. Это сокровище было обнаружено американскими солдатами в соляной шахте в Тюрингии, в городе Меркерс, и в концентрационном лагере Бухенвальд. Понятно, что это «перекачивание» золота, технологий и всякого рода капитала значительно увеличило уже и без того заметную асимметрию между Восточной и Западной оккупационными зонами Германии⁴³⁰.

Мы можем предположить, что американцы также ничего не оставили на банковских счетах и в сейфах этих саксонских и тюрингских предприятий. Но еще более экономически разрушительным стало, пожалуй, то, что американцы просто-напросто похитили тысячи менеджеров, инженеров и всякого рода экспертов, а также лучших ученых – мозги Восточной Германии – с их заводов, из их университетов и домов в Саксонии и Тюрингии для того, чтобы поставить их на службу в пользу американцев в Западной зоне или просто для того, чтобы они медленно зачахли там. Немецкий историк, изучивший эту операцию, в ходе которой лишь очень немногих депортированных не принудили к этому, не стесняется в выражениях. Он описывает

американское кровопускание в советской оккупационной зоне как «принудительную депортацию» и как «похищение»; он даже сравнивает это действие, несомненно, несколько несправедливо с печально известной гестаповской «туманной ночью» – депортацией противников нацистского режима в концентрационные лагеря. В любом случае вряд ли можно отрицать, что это переливание капитала и людских ресурсов было крайне выгодным для американцев и ФРГ, или «Западной Германии», но крайне невыгодным для ГДР, или «Восточной Германии»⁴³¹.

Оставив меньшую и более бедную восточную часть Германии Советам, американцы смогли поступать, как им заблагорассудится, в большей и более богатой западной части этой страны. Были еще и другие причины, почему разделение Германии было выгоднее для Вашингтона. Нацизм, как и фашизм вообще, был крайне правым политическим течением, которое не только показало уважение к существующему капиталистическому социально-экономическому порядку, но, что было также важно, оказало капиталу такие важные услуги, как устранение профсоюзов, а также социалистических, коммунистических и всех других левых партий. Именно по этой причине корпорации Германии, такие, как IG Farben, Thyssen Krupp и так далее, оказали щедрую финансовую поддержку нацистам во время их продвижения к власти, связали себя с ними после того, как они пришли к власти, и сотрудничали с ними, получая прибыль от таких типично фашистских государственных инициатив, как преследования противников режима, экспроприация еврейского населения, перевооружение и внешняя агрессия⁴³². Макс Хоркхаймер очень точно подметил, что те, кто хочет говорить о фашизме, не

могут молчать о капитализме, потому что в конечном счете фашизм является лишь формой капитализма, его проявлением⁴³³. В Германии и в остальной Европе в 1945 году почти все остро ощущали тесную связь между фашизмом и капитализмом, место фашизма в рамках капиталистической системы. Или, как пишет Эдвин Блэк в своем исследовании о роли IBM в Холокосте, «мир понял, что корпоративный сговор [стал] краеугольным камнем гитлеровского террора»⁴³⁴.

Это важное понимание стало упускаться из виду только позже, когда фашизм начал представляться – в американском стиле – так, словно он возник в социально-экономическом вакууме, был делом рук лиц с какими-то особенно злобными, уголовными, диктаторскими замашками, таких, как Гитлер, который якобы появился, словно из ниоткуда, на исторической сцене. Знаменитый биограф Гитлера Алан Буллок, впервые опубликовавший свои работы в 1952 году, которые стали предметом для подражания многих других «психобиографий» и «психоистории», внес большой вклад в этот процесс «смещения», перехода от понимания социально-экономического феномена фашизма к теории «гангстерского» фашизма и нацизма.

Впоследствии, даже когда исследования нацизма делали попытку изучить исторические причины прихода Гитлера к власти, влияние немецких деловых интересов удобно для них упускалось из виду в пользу таких факторов, как якобы причуды, присущие немецкой истории, несправедливые условия Версальского договора и, конечно, поддержка гитлеровского режима народными массами. После кончины германского нацизма и европейского фашизма в целом общее настроение было (и будет оставаться таким в течение еще нескольких коротких лет) решительно антифашистским и одновременно более или менее

антикапиталистическим. Почти везде в Европе начали спонтанно возникать и стали очень влиятельными радикальные народные объединения, такие, как немецкие антифашистские группы, или Antifas. Профсоюзы и левые политические партии также испытали возрождение, особенно в Германии, и это четко отразилось в результатах региональных выборов, например, в британской оккупационной зоне и в центральной германской области Хессен⁴³⁵. Левые партии и профсоюзы пользовались широкой поддержкой, когда они осудили германских банкиров и промышленников за поддержку нацистов и их сотрудничество с гитлеровским режимом и когда они предложили более или менее радикальные антикапиталистические реформы, такие, как социализация или национализация определенных фирм и отрасли промышленности. Даже консервативный ХДС (Христианско-демократический союз), который позже превратит Германию в зону свободного предпринимательства в американском стиле, был вынужден приспосабливаться к антикапиталистическим настроениями. В своей так называемой Ахленской программе в начале 1947 года он подверг резкой критике капиталистическую систему и предложил экономический и социальный новый порядок. Однако такие планы реформ нарушали американские догмы относительно неприкосновенности частной собственности и свободного предпринимательства⁴³⁶.

Американцы были также очень недовольны появлением демократически избираемых рабочих советов, которые потребовали роли в делах фирм. Еще более обеспокоило их то, что рабочие часто избирали коммунистов в эти советы. Это произошло в самых важных американских филиалах корпораций, а именно в Ford-Werke и на заводе Opel. Коммунисты играли

важную роль в совете Opel, который работал до 1948 года, когда General Motors официально возобновил управление Opel и быстро распустил эту организацию. Эти советы явно представляли собой форму промышленной демократия, в отношении которой американские владельцы и менеджеры испытывали крайне мало энтузиазма. Кроме того, заводские советы напоминали многие из комитетов (советов) солдат и рабочих большевистской революции 1917 года и советов рабочих собственной потерпевшей поражение Красной революции в Германии в конце Первой мировой войны⁴³⁷. Американские власти были прекрасно в курсе этих исторических прецедентов. Луи А. Визнер, специалист по вопросам труда в Государственном департаменте, например, предупреждал своих начальников, что «советы были в Германии (как и в России) после последней войны [т. е., Первой мировой войны. – примеч. автора.] органом попыток революционных изменений», и он предположил, что эти советы действуют как «добровольное приглашение для немецких рабочих вспомнить свои революционные традиции»⁴³⁸. Создание заводских советов, очевидно, беспокоило всех тех, кто опасался, что Вторая мировая война может привести к социальной революции, точно так же, как франко-прусская война 1870 – 71 годов и Первая мировая война привели, соответственно, к Парижской коммуне и Октябрьской революции⁴³⁹.

К досаде американских руководителей, радикальная социализация и проект советов не только встретился с сочувствием и поддержкой советских властей, но также пользовался, по крайней мере временно, определенной мерой понимания со стороны англичан, чья политика определялась результатами всеобщих выборов в июле 1945 года, где победила умеренно левая Лейбористская партия во главе с

премьер-министром Клементом Эттли. Британское лейбористское правительство не имело ничего в принципе против социальной и экономической реформы и было на самом деле готово ввести в Великобритании не только социальные реформы «государства всеобщего благосостояния», но и обширную программу национализации. В своей оккупационной зоне в северо-западной Германии, включающей важные промышленные зоны Рурской области, англичане готовы были провести масштабную программу национализации в сотрудничестве с местными Antifas, профсоюзами, социал-демократическим «побратимом» Лейбористской партии – германской СПД и другими левыми силами⁴⁴⁰. Это означало, что Соединенным Штатам будет трудно, если не невозможно, предотвратить, чтобы левые задавали тон в едином немецком государстве и возможное введение далеко идущих реформ при поддержке (красных) Советов и (розовых) британцев; в этом случае даже немецкие филиалы американских корпораций могли бы стать жертвами национализации⁴⁴¹. Рассмотрим преимущества, связанные с альтернативным вариантом, продолжающимся разделением Германии. Этот вариант давал Соединенным Штатам возможность поступать по своей воле в западных оккупационных зонах не только в отношении британского партнера, который не мог составить конкуренции Дяде Сэму в двусторонних отношениях, но по отношению к левым, антифашистским и, следовательно, в каких-то аспектах антикапиталистически настроенным немцам. Американцы могли рассчитывать на поддержку консервативного, правого крыла немцев, если необходимо, также экс-нацистов, чтобы свести на нет все эти надоедливые планы реформ. Американские власти, действительно, систематически выступали

против антифашистов и саботировали их планы социальных и экономических реформ. Они делали это на всех уровнях государственного управления, а также в частном бизнесе⁴⁴². На заводе Opel в Рюссельсхайме, например, американские власти неохотно сотрудничали с антифашистами; они сделали все, что в их силах, чтобы не допустить создания новых профсоюзов и отказывали рабочим советам в какой-либо роли в управлении заводскими делами⁴⁴³. В Ford-Werke в Кёльне антифашистское давление заставило американцев уволить генерального менеджера, нациста Роберта Шмидта, но благодаря Dearborn и американским оккупационным властям он и многие другие нацистские менеджеры вскоре снова оказались «у руля»⁴⁴⁴.

Вместо того, чтобы позволить запланированные демократические реформы управления «снизу вверх», американцы приступили к восстановлению авторитарных структур по принципу «сверху вниз» везде, где это было в их силах. Они отодвинули в сторону антифашистов в пользу консервативных, авторитарных правых деятелей, в том числе многих бывших нацистов, на чью помощь они могли рассчитывать при восстановлении традиционных отношений власти в западной части Германии.

Это была знакомая политика, уже последовательно практиковавшаяся США в таких освободившихся странах, как Италия. Эта политика началась в Германии осенью 1944 года в первом городе, который попал в руки американцев, Ахене⁴⁴⁵. Согласно разочарованному американскому ветерану войны, то же самое происходило впоследствии в Германии снова и снова:

«В Германии действовали антифашистские группы. То, что мы делали, было настоящим преступлением. Мы брали какой-нибудь маленький городок, арестовывали

мэра и другое начальство и ставили антифашистов у власти в городе. Потом дня через три мы возвращались туда, а американцы уже освободили всех чиновников и вернули их на прежние должности. И бросали за решетку тех, других парней. Все время неизменно это случалось. Видите ли, после того, как мы освобождали эти города, власть там передавалась военной администрации»⁴⁴⁶.

Вот так и случилось, что «многие откровенные нацисты, сторонники гитлеровцев или другие недемократические элементы... оказались... в фаворе военных властей США», – пишет немецкий американский историк Микаэла Хунике⁴⁴⁷. Двумя ключевыми консервативными деятелями в этой американской политике были Конрад Аденауэр и Людвиг Эрхард. Эрхард, якобы архитектор послевоенного германского «экономического чуда», был защитником интересов свободного предпринимательства и выступал против государственного вмешательства в уже Третьем рейхе, и был известен как противник социальных экспериментов и сторонник «непрерывности» экономического порядка; он упоминался уже как крестный отец фальшивой декартелизации IG Farben. Аденауэр, известный в Германии как «старый лис», был заключен в тюрьму нацистами, но это не означало, что он был убежденный демократ. Напротив, он был типичным представителем старой, авторитарной Германии и был описан историком Т.Х. Тетенсом как «консервативный националист», «символ крайнего политического консерватизма» и даже как «реакционный автократ». В качестве канцлера ФРГ Аденауэр также показал себя бесстыдным защитником немецких промышленников и банкиров, которые позволили Гитлеру прийти к власти, и защитником

всевозможных бывших нацистов, в том числе печально известных преступников⁴⁴⁸.

Американские лидеры не любили антифашизм. Неудивительно, что они поручили управление ФРГ, которая была основана под их эгидой, таким людям, как Аденауэр, которые в равной степени были против антифашизма.

В западногерманском государстве антифашизма не одобрялся потому, что его приравнивали не без оснований к антикапитализму. По той же причине антифашизм энергично поддерживался в ГДР. Однако после объединения двух германских государств, или, точнее, поглощения ГДР в ФРГ, антифашизм подвергся систематическим нападкам на востоке Германии, например, с помощью переименования улиц и площадей, разрушения памятников и закрытия или «переориентации» музеев и мемориальных комплексов. Это позор Германии – то, как имена ее собственных героических борцов с фашизмом были стерты из памяти общественности и из официальной памяти, в то время как основные магистрали в Берлине получили имена видных друзей фашизма, таких, как зловещий Джон Фостер Даллес, ставший госсекретарем в администрации Эйзенхауэра, в то время как его брат Аллен стал главой ЦРУ⁴⁴⁹. В Западной Германии кампания против антифашизма уже отпраздновала свой триумф на внутреннем фронте значительно раньше, а именно, когда президент Рональд Рейган в сопровождении канцлера Гельмута Коля возложил венок на могилы эсэсовцев в Битбурге в 1984 году. Вполне вероятно, что порочная кампания, направленная против антифашизма в воссоединенной Германии, послужила в некоторых отношениях реабилитации самого фашизма и внесла большой вклад в то, что неонацизм поднимает свою уродливую голову по всей

стране. Для борьбы с антифашизмом американские власти нашли полного энтузиазма и полезного партнера в лице Ватикана. Именно при помощи сотрудничества с Папой Римским во всех странах, где левые антифашисты добивались слишком большого, по мнению американцев, успеха, американцы вербовали и поддерживали консервативных католических политиков типа Аденауэра, и формировали католические или еще лучше такие, где доминировало католичество, христианские политические партии, как ХДС в Германии и коррумпированная Democrazia Cristiana в Италии, чьи избирательные кампании также финансировал Ватикан. В сотрудничестве с Ватиканом американцы пытались всеми имеющимися в их распоряжении средствами бороться с левыми и дискредитировать их, как это было в пресловутой итальянской избирательной кампании 1948 года, в которой могли победить коммунисты и социалисты. Благодарные за ценные услуги, оказанные Ватиканом их международной кампании против антифашизма, американские элиты припомнили своих друзей в Риме, когда в 1949 году под американской эгидой было создано западногерманское государство. Ватикан должен был испытывать удовлетворение. Действительно, Основной закон ФРГ сохранил многие привилегии, приобретенные католической церковью во время Конкордата 1933 года с Гитлером, в том числе церковный налог, который продолжает собираться государством, к неудовольствию многих немцев; эта квазисредневековая «десятина» превратила Германию в крупнейшего финансового благодетеля Ватикана после Соединенных Штатов. Небольшим, но трогательным жестом признательности стало то, что папские автомобили с 1930-х годов приобретались у немецкого производителя автомобилей – не Volkswagen, но Mercedes⁴⁵⁰.

Наконец, раздел Германии также был выгоден для США в военном отношении. Неделимой Германии пришлось бы быть непредвзятой в отношении всех своих победителей и, следовательно, нейтральной. Такая Германия, кроме того, могла на самом деле симпатизировать СССР, если бы, что не было маловероятным, в конечном итоге там пришло к власти на выборах левое правительство, конечно, непривлекательный сценарий для Вашингтона по сравнению с возможностями, предоставляемыми разделенной Германией⁴⁵¹. Раздел позволил гегемонии США над Западной Германией, которая даже сама по себе оставалась самой мощной и в военном отношении сильной страной на европейском континенте. Благодаря своей силе и стратегическому расположению такое государство выступало как потенциальный краеугольный камень антикоммунистической и антисоветской коалиции, задуманной Вашингтоном для Европы, которая позже стала реальностью в облике НАТО. Другими словами, раздел Германии позволил использовать ее или, по крайней мере, самую большую и самую важную часть этой страны в качестве оплота против большевизма, как антисоветский бастион. Такие мечты заморозили элиты западного мира еще до войны, наиболее ярким примером чего был Чемберлен, а с концом войны эти мечты возродились. Мечта об интеграции Германии в антисоветские схемы под эгидой западных держав стала реальностью, когда Аденауэр формально возродил ремилитаризацию ФРГ ее вступлением в НАТО в 1954 году⁴⁵². Специалист по американо-германским отношениям описал это развитие как «переворужение Западной Германии с целью превращения ее в младшего партнера США против бывшего союзника, Советского Союза»⁴⁵³. В этих условиях неудивительно, что именно Вашингтон, а не

Москва несет на себе ответственность за все важные инициативы, приведшие к разделу Германии и сохранению этого раздела в течение полувека. Что касается вопроса репарационных платежей, который занимал прежде всего Советы, то Трумэн попытался дать понять Сталину уже летом 1945 года в Потсдаме, что он не может рассчитывать на американское сотрудничество в этой области и что лучше для него будет попробовать получить возмещение ущерба в собственной советской оккупационной зоне. К великому огорчению американцев, Советы на самом деле получили некоторое разобранное промышленное оборудование из Рурской области на определенное время, хотя в значительной степени в обмен на продукты питания из сельскохозяйственной восточной части Германии⁴⁵⁴. Наконец, 3 мая 1946 года, Генерал Люциус Клей, американский военный губернатор в Германии, в одностороннем порядке и окончательно опроверг право Советов требовать компенсации в западных оккупационных зонах за совершенные всей Германией военные разрушения в Советском Союзе. Однако в том же году американцы осуществили объединение собственной оккупационной зоны с английской; французская зона присоединилась к ним позже, в апреле 1949 года. Это было шагом, который безоговорочно привел к официальному провозглашению ФРГ 8 мая 1949 года⁴⁵⁵.

Другой важной вехой на пути к созданию отдельного государства в западных областях Германии было принятие Вашингтоном летом 1947 года знаменитого плана Маршалла. Этот план, как правило, описывается несколько двусмысленно как масштабный проект «финансовой помощи» для Европы. Так же, как в случае с ленд-лизом, многие полагают, что участники этого проекта были чистыми альтруистами, иными

словами, что данная «помощь» была подарком от рыцарски настроенного Дяди Сэма. Однако дело обстояло совсем не так. Известный план не представлял собой щедрого подарка на сумму в миллиарды долларов, это была сложная комбинация из кредитов и займов. Очень похожие виды кредитов и займов предлагаются сегодня финансовыми институтами и всякими фирмами часто в виде кредитных карт для кредитоспособных клиентов. Эта практика отражает понимание важного принципа современного маркетинга, а именно потенциал предоставления кредита для цели заполучить клиентов и привязать их к кредитору. План Маршалла служил не исключительно но, конечно, в первую очередь как своего рода коллективная кредитная карта, доступная для того, чтобы заполучить Западную Европу в качестве клиента для американской промышленности и связать эту часть мира с Соединенными Штатами не только экономически, но и политически. (Большая часть «помощи развивающимся странам» преследует ту же цель – заполучить или сохранить под своей властью страны третьего мира в качестве клиентов или вассалов.) Каролин Вудс Айзенберг справедливо написала о плане Маршалла, что «американские политические и экономические интересы» требовали, чтобы Европа была реконструирована таким образом после войны⁴⁵⁶. С экономической точки зрения план Маршалла действовал для того, чтобы двигатель американской промышленности работал на всех парах, чтобы западная часть Германии и Европа в целом все больше зависела от Соединенных Штатов и чтобы более тесно интегрировать эту часть мира в новую «халлианскую» мировую экономику. Можно сказать, что так расхваливаемый план Маршалла открыл в Европе процесс «американизации», или, как иногда цинично

говорят о странах третьего мира, «кока-колонизации». Политически целью плана Маршалла была политическая интеграция Западной Европы в антисоветский блока во главе с Америкой. Что касается Германии, план представлял собой шаг в направлении создания проамериканского и антисоветского государства на западе Германии и, таким образом, также стал вехой на пути к долгосрочному разделу страны⁴⁵⁷.

Кредиты в рамках плана Маршалла также были предложены Советскому Союзу, но на условиях, которые, как очень хорошо знали американцы, были совершенно неприемлемы. Фактически эти условия представляли собой требование к Советам отречься от их коммунистической «ереси» и вернуться в лоно истинной, капиталистической веры. Сегодня очень похожие кредиты выдаются МВФ и Всемирным банком только для тех стран третьего мира и Восточной Европы, которые отказываются от всех форм коммунизма или социализма и обещают уважать правила игры международного капитализма – правила, которые, что неудивительно, в конечном итоге дают преимущества кредиторам, а не должникам⁴⁵⁸.

Советы крайне негативно относились к перспективе разделенной Германии, так что они дали наказ немецким коммунистам сосредоточиться не на строительстве социализма в Германии, а на сохранении ее единства. Не Советы, а американцы несут на себе вину за дипломатическую обструкцию, которая привела к разделу Германии. Разочарованная отсутствием сотрудничества с американской стороны, советская сторона даже временно блокировала Берлин, но сделано это было неэффективно, например, позволялось американским самолетам с поставками пролетать через советскую зону оккупации на пути в

Берлин во время знаменитого воздушного моста. Блокада даже оказалось контрпродуктивной, так как американцам удалось использовать ее в привлечении на свою сторону общественного мнения. После СССР еще долго продолжал умолять о сохранении единого немецкого государства. Социалистическое государство в виде ГДР было создано в советской оккупационной зоне только после создания ФРГ, и Советы пошли на это очень неохотно. Еще в 1953 году они будут предлагать распустить ГДР в обмен на единое нейтральное германское государство. Но американцы предпочтут ждать возможности вырвать восточную часть страны у Советов, и эта возможность, наконец, осуществится в 1989 году. Пока же они остановятся в Германии на наиболее выгодной для себя формуле: раздела страны на большую и богатую Западную Германию, с одной стороны, с которой выгодно вести бизнес, и маленькую и бедную Восточную Германию, скудные ресурсы которой можно будет использовать для себя «голодным Советам»⁴⁵⁹.

С советской точки зрения ГДР была, действительно, как пишет немецкий историк Вильфрид Лот, «нелюбимым ребенком», то есть ребенком, которого Советы, одержимые необходимостью немецких репараций, с удовольствием обменяли бы на идеологически менее родственную, но более зажиточную Германию. Что касается Восточной Германии, Москва, в самом деле, вела себя, как злая мачеха; это сохранилось даже после того, как Советы установили там коммунистический режим. Так как богатая Западная Германия оказалась вне их досягаемости, Советы станут вывозить из достаточно небогатой Восточной Германии, уже разграбленной к тому же американцами, все, что может послужить возмещением их за военные убытки. Они даже

демонтировали восточногерманские железные дороги, которые имели бы жизненно важное значение для транспортировки их собственных войск в случае войны с Западом⁴⁶⁰. При таких обстоятельствах было на самом деле подлинным «экономическим чудом», что ГДР в конце концов удалось добиться относительно высокого уровня жизни, который, хотя и был, по общему признанию, гораздо ниже, чем у Западной Германии, но выше, чем у самого СССР и у миллионов жителей американских гетто, бесчисленных бедных белых американцев и населения в большинстве стран третьего мира, которое волей-неволей было интегрировано в мировую капиталистическую систему.

Случай ГДР не позволяет сделать, казалось бы, логичное – и для некоторых особенно приятное – заключение, что коммунизм «порождает бедность». (Относительная) бедность Восточной Германии, бесспорно, связана в первую очередь с тем неопровержимым фактом, что менее многочисленным и бедным немцам Востока, «Ossi», пришлось оплатить счет за зверства, совершенные нацистами, в то время как благодаря их американским покровителям гораздо более многочисленным и богатым немцам Запада, «Wessi», никогда не пришлось заплатить свою справедливую долю в этом. ФРГ выплатила в общей сложности 600 миллионов долларов репараций СССР в виде разобранного промышленного оборудования, например, из Рура. Американский историк Джон Х. Баккер считает эту сумму такой низкой, что приходит к выводу: благодаря американцам ФРГ был фактически освобожден от «значительного бремени репараций»⁴⁶¹. Обратное можно сказать о намного меньшей по территории и намного более бедной ГДР, чьи репарационные платежи СССР описываются западнонемецким экспертом Йоргом Фишем как

«чрезвычайно высокие в относительном, а также в абсолютном выражении»⁴⁶². Фиш утверждает, что, «в соответствии с консервативными оценками», ГДР пришлось уплатить не менее 4,5 млрд. долларов, или сумму, в 7 раз превышающую уплаченную ФРГ, и это после того, как немецкий Восток уже получил «кровопускание» от американцев. Результатом, как он пишет, стала «значительная деиндустриализация»⁴⁶³. Гипотетическая капиталистическая Восточная Германия также пострадала бы от такого несправедливого раздела репараций, и ей так же пришлось бы построить стену, чтобы предотвратить бегство населения в другую, более благополучную Германию. Кстати, люди бежали и продолжают бежать в более богатые страны также и из бедных капиталистических стран. Тем не менее многочисленные беженцы из крайне бедных стран, например, Гаити, никогда не пользовались такой же симпатией в Соединенных Штатах и других странах мира, какой были так щедро удостоены беженцы из ГДР в период холодной войны. И если мексиканское правительство решило бы построить «Берлинскую стену» вдоль Рио-Гранде для того, чтобы предотвратить бегство мексиканцев в Эль-Норте, Вашингтон, конечно, не осуждал бы такую инициативу, как он осуждал в свое время строительство Берлинской стены.

Таким образом, невеселая сага о ГДР не дает повода прийти к каким-либо логическим выводам об эффективности коммунизма. Но она проливает интересный свет на внутренние проблемы американского капитализма и советского коммунизма. Можно сказать, что американцы вынудили Советы представить свой обоснованный счет за разрушения бедной Восточной Германии, в то время как сами они забрали себе богатство Германии на зажиточном

Западе. При этом они предоставили капиталистической системе США противовоюдяие против новой депрессии и одновременно предотвратили то, чтобы Советы – после бесконечных тягот революции, Гражданской войны между красными и белыми, иностранного вмешательства и разрушительной гитлеровской агрессии– смогли воспользоваться огромным капиталом от репарационных платежей из Германии в полном объеме для того, чтобы продолжить свой коммунистический эксперимент и, возможно, сделать это успешно.

Даже если взять оба германских государства вместе, СССР не получил с них более 5,1 млрд. долларов в возмещение ущерба, что едва больше половины относительно скромной суммы репараций в 10 миллиардов долларов, согласованной в Ялте. Это не составляет даже одной двадцатой от суммы подсчитанных позднее и более реалистичных оценок общего ущерба для СССР в военное время, а именно 128 миллиардов долларов. Эта цифра может показаться астрономической, но вряд ли она передает все масштабы ущерба, причиненного СССР во время войны. Есть более яркие способы описать это опустошение. Например, американские эксперты считают, что Советский Союз потерял все благосостояние, накопленное во время быстрой (и болезненной) индустриализации тридцатых годов, что объем советской экономики сократился на 20 процентов в период между 1941 и 1945 годами и что ущерб, вызванный войной, все еще не был ликвидирован в начале шестидесятых годов. Согласно британскому историку Клайву Понтингу, ущерб от войны СССР составил валовой национальный продукт не менее, чем за двадцать пять лет⁴⁶⁴. Советы, таким образом, несомненно, получили гораздо меньше немецких

репарационных платежей, чем то, на что они имели право, и, конечно, гораздо меньше, чем им требовалось для реконструкции своей страны. (Тем не менее СССР вышел из испытания Второй мировой войны в качестве второго наиболее мощного государства на планете, что, кажется, серьезно подрывает теорию внутренней неэффективности коммунизма.)

Американцы, с другой стороны, не претендовали ни на какие репарации, но в действительности получили значительные репарационные платежи из Германии, как мы уже видели, в виде технологии и «ноу-хау» от ведущих предприятий их потерпевшего поражение немецкого врага не только в своей зоне оккупации, но и в советской зоне. «Популярным и прочным в сознании является миф о том, что Соединенные Штаты не получили никакого или же получили очень немного возмещения ущерба от Германии после Второй мировой войны. Очевидно, что этот миф «необходимо рассеять», пишет американский эксперт Джон Гимбел. Он указывает, что этот «интеллектуальный грабёж» опирался на «метод пылесоса, чтобы приобрести всю научную информацию [имевшуюся у] немцев», и *«включал в себя практически каждый аспект немецкой промышленности и технологии, в том числе аэродинамические трубы, магнитофоны, синтетическое топливо и резину, дизельные двигатели, обработку цветной пленки, текстиль и текстильное оборудование, станки, химию производства ацетилена, керамику, оптику и оптическое стекло, тяжелые прессы, холодное давление стали, тяжелую технику, электрические конденсаторы, электронные микроскопы, литейное оборудование и длинный список других вещей».*

Гимбел приходит к выводу, что американская наука и промышленность, таким образом, присвоили «самое ценное [из интеллектуального. – примеч. автора.] капитала побежденной Германии», общая стоимость

которого была выше, чем вся уже устаревшая техника, которую было позволено забрать Советам⁴⁶⁵.

В общем, мы можем сказать, что раздел Германии позволил американскому капитализму, который наживался на войне, но которому угрожали экономические последствия мира, обогатиться и обновиться, в то время как советские коммунисты, которые надеялись получить дивиденды от мира после того, как их страна так сильно пострадала во время войны, остались с пустыми руками.

Глава 23

После 1945 года: от «хорошей» войны к войне непрекращающейся

В Соединенных Штатах Вторую мировую войну часто называют «хорошей войной». Всего несколько лет назад американский историк Майкл С.С. Адамс даже назвал свою книгу об этой войне «Лучшая война за всю историю». И Говард Зинн тоже использовал почти идентичный термин «лучшая из войн», хотя и с оттенком иронии. Во многих отношениях Вторая мировая война была поистине «хорошей» войной для Соединенных Штатов, и это, возможно, была самая лучшая война в истории страны. Во-первых, мировой конфликт 1939–1945 годов, действительно, выглядит, как «хорошая война», если сравнить его с плохими войнами американской истории, например, многочисленных «индейских войн» против чероки и других коренных американцев. Эти индейские войны фактически представляли собой серию кровопролитий и депортаций; они принадлежали к тому типу геноцида, который вызывал восхищение Гитлера и вдохновил его попытку завоевания «жизненного пространства» в Восточной Европе, своего рода европейском аналоге американского Дикого Запада, огромной «границей», которой якобы было предопределено стать колонизированной немцами в ущерб предположительно «менее развитым местным жителям»⁴⁶⁶. Зал позора плохих американских войн, естественно, также включает жестокую Вьетнамскую войну, осужденную бесчисленными американцами – к их чести, – как

империалистическую и аморальную агрессию. Кроме того, Вторая мировая война также была хорошей войной в том смысле, что велась против «врага, являвшегося невыразимым злом», как выразился Говард Зинн⁴⁶⁷. Этим врагом был фашизм в целом и его немецкая версия – нацизм – в частности, идеология и система, которые навсегда останутся связанными с угнетением в собственной стране, с агрессией за рубежом, с ужасными военными преступлениями, а также с геноцидом, это был Молах, в которой миллионы людей стали жертвами за относительно немного лет. Война против такого зла – это обязательно хорошая война, хотя победители, американцы, англичане и Советы, конечно, не вышли с чистыми руками из этого «крестового похода» против фашизма, как напоминают нам названия: Дрезден, Катынь, Хиросима, Нагасаки. В любом случае это хорошо, что не фашисты, а их противники стали победителями в этом Армагеддоне. Эта победа была нелегкой, она потребовала огромных усилий со стороны всех союзников, и американцы, конечно, заслуживают нашего уважения и благодарности за вклад, который они в нее внесли.

Но в каком смысле Вторая мировая война была «хорошей войной» для самих Соединенных Штатов? Для кого это была хорошая война и за что она велась? Для правящей элиты Америки, и прежде всего для крупных корпораций и банков этой страны, Вторая мировая война была, несомненно, очень хорошей войной по ряду причин. Во-первых, поднимая экономический спрос, война закончила Великую депрессию. Другими словами, война предложила решение для глубокого кризиса капиталистической экономической системы, по крайней мере, когда речь заходит о США. «Война, – лаконично отмечает американский писатель Лоуренс Виттнер, – омолодила американский капитализм»⁴⁶⁸. Не было

никакой уверенности в том, что это средство было не только лишь временным облегчением симптомов, вызванным войной и потому обреченным с возвращением мира, но это имело гораздо меньшее значение, чем то, что этот вид решения кризиса капитализма был нереволюционным решением, таким, которое не ставило под угрозу выживание самой системы. Во-вторых, война была хороша для американской правящей элиты потому, что прибыль сыпалась на нее за эти годы, как из рога изобилия. В-третьих, война усилила авторитет лидеров бизнеса и, что более важно, обеспечила им еще более привилегированное место у рычагов власти в Вашингтоне. Для американской правящей элиты Вторая мировая война была не просто хорошей, она была просто замечательной. Кроме того, когда большой Армагеддон двадцатого века подошел к концу, Америка вышла из него великим победителем, и весь мир, казалось, ждал с открытыми дверями американских экспортных товаров и инвестиций. Наступающий Рах Americana обещал принести с собой такой вид мировой свободной торговли, который американские руководители считали неременным условием постоянной послевоенной корпоративной рентабельности и всеобщего процветания. Для рабочих и для среднего класса в Соединенных Штатах – рядовых американцев, в отличие от верхушки, работников, а не работодателей, труда, а не капитала, Вторая мировая война была также хорошей войной. Сама война, а не «Новый курс» Рузвельта прекратила Великую депрессию и ее страдания, особенно проклятие безработицы. Вдруг появилась работа для всех и благодаря коллективным договорам и, если необходимо, забастовкам, заработная плата поднялась до небывалых высот. По мере того, как их жизненный уровень значительно улучшался, рабочие и

либеральные представители среднего класса начал мечтать о еще более замечательном будущем, о различных социальных услугах, таких, как медицинское страхование, оплачиваемый отпуск и другие блага. Для рядовых американцев война принесла вкус лучшего будущего, перспективу нового социального рассвета; для них Вторая мировая война тоже была хорошая войной, но, когда она подошла к концу, многие из вызванных ею ожиданий остались нереализованными. Для американской правящей элиты война была хорошей, даже замечательной, но не идеальной. Она могла бы стать такой, но не стала из-за того, что наемные работники одновременно расширяли свои права. Другими словами, потому что война принесла с собой скромное перераспределение богатства. Без уступок в виде более высокой заработной платы корпорации могли бы наслаждаться еще большими прибылями. (Этот факт экономической жизни был ясно доказан в случае американских филиалов-заводов в Германии, где использование неоплачиваемого труда фактических рабов помогло добиться беспрецедентных доходов для работодателей.) Военного времени успехи наемных рабочих Америки в какой-то мере представляли собой потери для американских корпораций. Кроме того, корпоративная Америка также была глубоко обеспокоена послевоенными планами рабочих и либеральных представителей среднего класса, планами, которые включали все виды социальных услуг, за которые работодатели должны будут платить, по крайней мере частично, и которые предполагали управляющее государственное вмешательство в экономику, грозившее подорвать традиционные привилегии свободного предпринимательства. Экономисты, кроме того, предупреждали, что послевоенная конверсия экономики может сопровождается серьезным кризисом

и, возможно, депрессией в стиле тридцатых годов. Внешняя торговля могла стать лекарством от этой болезни, но было далеко не очевидно, что весь мир откроет свои двери для американского экспорта и инвестиций. Оказалось, что для исправления этих недостатков, которые были наследием «хорошей войны», необходима новая война, которая будет даже лучше, чем Вторая мировая война, эта война будет идеальной. Такой войной стала холодная война.

С точки зрения американской правящей элиты, холодная война была идеальной в первую очередь потому, что она велась против «идеального врага». Вторая мировая война была «войной против неправильного врага», как некоторые генералы Вест-Пойнта называли ее. Действительно, немецкий нацизм – и фашизм вообще – не был естественным врагом политической и социально-экономической элиты США, ибо что они инстинктивно признавали фашизм тем, чем он был, а именно проявлением капитализма, которое функционировало на пользу бизнеса. Американская правящая элита поэтому с неохотой пошла на «крестовый поход» против фашизма. Она была невольно втянута в войну против Гитлера и продолжала вести бизнес с фашистами даже после Перл-Харбора; когда война закончилась, у нее не было никакого интереса к подлинному искоренению нацизма и фашизма. Генералы Вест-Пойнта также сказали: «Мы должны бороться с коммунистами!» – и этот комментарий отражает реальность, с точки зрения американской правящей элиты, которая была одержима «красной угрозой» задолго до Второй мировой войны, и то, что естественным врагом для нее был и остался коммунизм и его Советская Родина, даже в то время, когда это государство было таким полезным временным союзником с 1941 по 1945 г. В самом деле, в конце Второй мировой войны СССР и его коммунистическая

идеология казались еще большей неприятностью, чем в тридцатых годах. Существование социалистической «контрмодели» капитализма было источником вдохновения и руководства к действию для радикалов и революционеров, вызывало сильное возмущение даже со стороны буржуазного государства. А в 1945 Советы показали себя готовыми возобновить работу по строительству социалистического общества вместо того, чтобы вернуться в лоно Вселенской Церкви капитализма. Кроме того, СССР не был готов предоставить безусловно открытые двери для американских экспортных товаров и инвестиционного капитала на Родине коммунизма и в Восточной Европе. Советский Союз, таким образом, также воспринимался, как препятствие для планов всемирной экспансии торговли и инвестиций США, а также был «дурным примером» для других стран, от которых ожидалось, что они откроют свои двери. На самом деле в 1945 году СССР символизировал почти все, что американская правящая элита ненавидела и боялась: закрытую экономику вместо свободной торговли, государственное вмешательство вместо свободного предпринимательства, социальные блага вместо индивидуализма, социализм, а не капитализм. (Дихотомию «диктатура против демократии» нет необходимости здесь называть, потому что американская правящая элита, на словах исповедующая полную преданность теоретическому идеалу демократии, демонстрировала снова и снова, что она ничего не имеет против диктатур, пока они утверждают, капиталистический социально-экономический порядок и предлагают Америке так желанные для нее открытые двери.)

Когда Вторая мировая война подошла к концу, Советский Союз начал казаться американской элите причиной всех остальных «несовершенств мира»

и главным препятствием для реализации своих мечтаний о послевоенной эпохе. Правящая элита США получила славную прибыль от Второй мировой войны. Из двух основных врагов, против которых воевала Америка, можно утверждать, что правящая элита США хотела воевать, ожидала войны и даже спровоцировала ее только в отношении Японии; но против Германии война была ни желанной, ни планировавшейся, ни ожидаемой, хотя ее, возможно, и нельзя было избежать. В любом случае потребовалось иррациональное решение Гитлера, чтобы ввязать США в войну в Европе. Холодная война против Советского Союза, напротив, была очень желанной и организованной американским истеблишментом. Когда Вторая мировая война подошла к концу, правящая элита, примером которой были вышеупомянутые анонимные генералы в Вест-Пойнте и в еще большей степени их печально известный коллега Паттон, рвалась свести счеты с ненавистным Советским Союзом. «Горячая война», предпочтительно развязанная вместе с остатками нацистов, по-видимому, была предпочтительным вариантом, но внутреннее и международное общественное мнение не позволило бы этого. Так что Паттону нельзя было давать зеленый свет для похода на Москву. Тем не менее американцы уже имели атомную бомбу и считали, что могли использовать этот «молоток», как ее называл Трумэн, чтобы заставить «парней в Кремле уступить всем требованиям США, начиная с требований в отношении Восточной Европы». Когда Москва отказалась это сделать, началась холодная война.

С точки зрения американской элиты, холодная война достигла или, по крайней мере, приблизилась к совершенству не только потому, что она с самого начала была ориентирована на идеального врага. Холодная война оказалась замечательной, независимо от личности и характера врага, уже просто потому, что

это была война, а не мир. После поражения Германии и Японии новый конфликт – любой новый конфликт, неважно, против кого – был спасением, потому что он делал возможным поддержание военных расходов на высоком уровне, тем самым поддерживая экономический бум военного времени. Благодаря новому конфликту производство вооружений могло продолжаться и после 1945, функционируя, как кейнсианское динамо, для американской экономики. То есть начало холодной войны защитило американскую экономику от риска реконверсии в условиях мирного времени, в том числе возможности новой депрессии. Кроме того, ключевой особенностью «холодной войны» стала эскалация гонки вооружений, обеспечившая источник прибыли для крупных корпораций, которые научились во время Второй мировой войны, как пользоваться кормушкой военных расходов. Таким образом, после 1945 года любой новый конфликт против любого нового врага приветствовался американской правящей элитой. Однако благодаря тому, что новый враг, в отличие от прежнего фашистского врага, был настоящим идейным врагом – Советским Союзом, Родиной коммунизма, холодная война давала еще одно преимущество. С таким врагом не только американские «коммуняки», но и все отечественные сторонники радикальных перемен могли быть дискредитированы, как «пятая колонна», как «непатриотичные агенты Советского Союза». Холодная война, особенно очевидно во времена маккартизма, служила для того, чтобы заставить замолчать несогласных.

Во время холодной войны СССР был идеальным врагом. Но для СССР холодная война стала роковой войной, гораздо менее кровавой, но в некоторых отношениях намного более страшной, чем был опыт страшной Второй мировой войны. Советский Союз

великолепно выдержал испытания в огне «блицкрига» Гитлера и вышел из него победоносным, но бесславно погиб в результате длительной, медленной и холодной американской версии «плана Барбаросса». Во время Второй мировой войны СССР был отброшен назад на десятки лет в экономическом развитии. В 1945 году Москва надеялась начать свою реконструкцию с помощью большого послевоенного притока капитала в виде немецких репараций, но эта перспектива была фактически сведена на нет правом вето со стороны американцев, которые контролировали основную часть богатства Германии и планировали использовать ее для своей собственной выгоды. Кроме того, как заметил американский экономический историк Джеймс Р. Миллар, Советы не смогли посвятить собственные ресурсы в полной мере реконструкции своей страны на социалистических началах, потому что начало холодной войны заставили их начать масштабную военную программу для того, чтобы идти в ногу с американцами в гонке вооружений⁴⁶⁹. Так что холодная война также представляла собой форму саботажа послевоенной реконструкции СССР. Одним из результатов этого (хотя, конечно же, были и внутренние факторы) стало то, что СССР не смог достичь высокого уровня благосостояния, хотя советские люди, действительно, в материальном отношении жили лучше, чем многие американцы и чем большинство населения Латинской Америки и остальных частей так называемого третьего мира, а также чем большинство людей в капиталистической России сегодня. Другим гнусным побочным продуктом холодной войны в отношении Советского Союза было то, что внешняя угроза приводила к внутренним ограничениям, как это уже было во время Гражданской войны, в тридцатые годы и, конечно, во время Второй мировой войны. В этом отношении Майкл Паренти

заметил, что советская система вынужденно была своего рода «социализмом в осажденной крепости» и потому довольно мрачным на вид социализмом⁴⁷⁰. Необходимость одновременно «идти в ногу» с американцами в военном отношении и контролировать собственное население, а также свои страны-сателлиты, требовала огромных усилий, которые СССР оказался не в состоянии поддерживать в долгосрочной перспективе. Родине коммунизма пришлось поднять белый флаг к концу 1980-х годов, положив тем самым конец большевистскому проекту, наполнявшему мир либо надеждой, либо ужасом (в зависимости от того, о ком идет речь) в течение более семидесяти лет. Хотя, несомненно, в этом сыграли свою роль и различные другие факторы, такие, как неэффективность советской бюрократии, но, по сути, верно, что, как писал немецкий автор Юрген Брюн, холодная война стала преднамеренной «гонкой вооружения до смерти» (Totrüstung) для Советского Союза⁴⁷¹.

Советское поражение в холодной войне было представлено в западном мире в качестве доказательства того, что коммунизм якобы по природе своей неэффективен. Однако такая точка зрения не учитывает тот неоспоримый факт, что коммунистическому эксперименту, начатому в России в 1917 году, систематически мешали и саботировали его от начала до конца путем внешнего давления, и прежде всего варварского вооруженного вмешательства, конечной целью которого всегда было полное уничтожение Советского государства. Наиболее ярким примером этого был, конечно, «План «Барбаросса» – вторжение Гитлера в 1941 году. Паттон был еще одним «святым Георгием», который грезил об убийстве коммунистического «дракона» в его «советском логове»,

и его марш на Москву, возможно, стал бы еще более драматичным, чем «блицкриг», но этого так и не произошло.

В конце концов, с советским экспериментом покончила гораздо менее сенсационная, но более длинная и холодная» война. Гитлер был бы рад, если бы такое достижение приписали ему, но те, кто добился этого на самом деле, и их внутренние и внешние паладины и пиарщики предпочитают, чтобы мы считали, что Советский Союз распался без посторонней помощи. Можно ли было избежать холодной войны? Историки обычно не считают достаточно полезным подумать об альтернативах исторического развития, другими словами, рассматривать, что могло бы быть. Однако в этом случае стоит побаловать себя на мгновение такой спекуляцией. Все могло быть иначе. В конце войны американские лидеры могли принять участие в диалоге с Советами, и они могли бы сотрудничать с ними. Сталин был, по общему признанию, непростым партнером в переговорах (не были простыми ни де Голль, ни Черчилль), но есть подавляющие доказательства того, что он предпочел бы диалог и сотрудничество, а не конфронтацию с самым мощным государством в мире. Уже когда давно было ясно, что американцы не намерены позволить СССР пожинать плоды своих военных усилий, советский лидер по-прежнему был готов к сотрудничеству. Это дало положительные результаты в отношении Финляндии, а также Австрии – страны, разделению которой на оккупационные зоны в конце концов был положен конец и из которой Красная армия вышла должным образом в обмен на конституционно закрепленный ее нейтралитет, оставив существующий капиталистический строй полностью нетронутым. Что касается Германии, то вывод советских войск, конечно, зависел бы прежде всего от справедливого решения

вопроса о репарациях. Иными словами, неделимой Германии пришлось бы платить за те огромные убытки, которые нанесли нацисты Советскому Союзу. Послевоенная экономика Германии, несомненно, была достаточно прочной, чтобы осуществить такие платежи, связанные со значительной «репарационной ипотекой». Ведь после 1945 года экономически более слабая Великобритания в течение многих лет платила за войну, но по-прежнему была в состоянии поддерживать высокий уровень благосостояния. Дела для Советского Союза, возможно, пошли бы также лучше после войны, если бы он мог заключить справедливый, мирный договор с Германией, который обеспечил бы ему возмещение ущерба, а также прочные хорошие отношения с союзниками военного времени вместо холодной войны.

Разве Советский Союз уже не показал, на что он способен своим чрезвычайно быстрым экономическим развитием до Второй мировой войны, даже во время Великой депрессии 1930-х годов? С помощью значительного капитала репарационных платежей и без огромных финансовых тягот гонки вооружений советская экономика, возможно, мощно «взлетела» бы ввысь в пятидесятые и шестидесятые годы, и это, возможно, привело бы к дивидендам для советских людей в виде более высокого уровня жизни и, возможно, большей личной свободы. Таким образом, от справедливого решения германской проблемы, возможно, была бы польза как советскому народу, так и советской системе. Но это не устраивало Соединенные Штаты или, по крайней мере, американскую правящую элиту, потому что неделимая (и нейтральная) Германия, вероятно, не была бы столь открытой для американского экономического проникновения. Например, обязавшись выплатить значительные репарации Советам, неделимая Германия не стала бы

таким хорошим покупателем для американских экспортных продуктов, каким оказалась ФРГ. И в едином нейтральном немецком государстве с финансовыми обязательствами в отношении СССР прибыль, полученная от немецких дочерних предприятий крупных американских корпораций, возможно, не служила бы для обогащения их акционеров. Без экономически привилегированного места в Германии США, возможно, скатились бы обратно в экономическую депрессию, но не обязательно. С невраждебным Советским Союзом, который испытал бы не только экономические, но также политические и социальные улучшения, Соединенные Штаты, безусловно, были бы в состоянии участвовать в выгодных сделках, подобно тому, как это делается в случае с Китаем сегодня. С другой стороны, и это несомненно, принципиально важный фактор в сознании лидеров США: процветающий Советский Союз послужил бы даже еще более опасным источником вдохновения для собственных американских профсоюзных деятелей, либералов, социалистов, других радикалов и (честно признаемся, немногочисленных) революционеров. Американская правящая элита решила не рисковать справедливым решением немецкой проблемы и вместо этого выбрала путь, который казался ей безопаснее и выгоднее, а именно разделение Германии и Европы и холодная война. В своем выступлении в Техасе в марте 1947 года Трумэн признал, что он сам и многие другие американские руководители беспокоились по поводу перспективы возможного послевоенного экономического возрождения Советского Союза. В случае такого возрождения, объяснил он, модель социалистической плановой экономики, возможно, стала бы служить «примером для следующего столетия» – пример, который в конечном итоге мог быть воспроизведен во всем мире, даже в Соединенных

Штатах. Для того чтобы предупредить такую возможность и таким образом спасти американскую систему свободного предпринимательства, добавил Трумэн, есть только одно решение, чтобы американская система была введена в практику по всему миру, а советская модель была стерта с лица земли⁴⁷².

Холодная война в конечном счете достигла целей, ради которых она была развязана и которые Трумэн сформулировал так ясно. Советский Союз, действительно, был стерт с лица земли, создав таким образом для капиталистической американской системы возможность установиться в восточной части Германии, Восточной Европе и на всей территории бывшего Советского государства и, наконец, восторжествовать во всем мире. В этом смысле двадцатый век стал «американским веком» на время его последнего десятилетия. Еще более важным было то, что кончина социалистической «противоположной модели» освободила капитализм в Соединенных Штатах и других странах от необходимости беспокоиться о лояльности своих трудящихся и обеспечивать эту лояльность, предлагая (только там, где без этого нельзя было обойтись) им относительно высокие зарплаты и / или различные социальные блага. Сразу после Второй мировой войны, когда радикальные и даже революционные изменения витали в воздухе, капиталисты сочли разумным создать систему относительно высокой заработной платы и / или щедрых социальных услуг в западном мире. Эти уступки, которые символизировали «государство всеобщего благосостояния», были сделаны неохотно, так что было только вопросом времени, когда будут предприняты попытки отменить их. В восьмидесятых годах нападки на такое государство были начаты под эгидой Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда

Рейгана в Соединенных Штатах. Однако только исчезновение Советского Союза позволило ликвидировать государство всеобщего благосостояния практически безнаказанно, лишить трудящихся социальных льгот и терроризировать рабочих и служащих тем, что стало известно, как «сокращения». Конец холодной войны позволил капитализму в западных странах снова стать жестокой эксплуататорской системой, которой он уже был в своей форме XIX-го века и которой он всегда оставался в третьем мире. Капитализм временно был «капитализмом с человеческим лицом», пишет Майкл Паренти, но после краха Советского Союза все больше и больше показывает миру свой подлинный оскал⁴⁷³.

О Первой мировой войне пропагандисты, такие, как президент Вильсон, говорили, что это было «война, чтобы закончить все войны», или «война, чтобы сделать мир безопасным для демократии». О холодной войне можно было бы так же сказать, что это была «война, чтобы прекратить все альтернативы капитализму», или «война, чтобы сделать мир безопасным для капитализма».

С исчезновением Советского Союза все альтернативы капитализму, по-видимому, перестали существовать. «Альтернативы нет!» – кричала Маргарет Тэтчер. Мир отныне принадлежал капитализму, более конкретно его американской разновидности. Для американской правящей элиты окончание холодной войны составляли такой счастливый конец, такое, казалось бы, достигнутое совершенство, что они хотели остановить часы в этот блаженный момент. Эта задача была выполнена академическим наемником, Фрэнсисом Фукуямой, который провозгласил «конец истории» в книге «Конец истории и последний человек», которая с самого начала отмечалась, как большое событие в

средствах массовой информации, где доминируют корпорации⁴⁷⁴. С тех пор, однако, история неумолимо двинулась дальше и выявила значительные остающиеся проблемы. С одной стороны, в то время как Вторая мировая война была, действительно, очень хорошей войной для богатых американцев, она также была хорошей войной для простых американцев. Холодная война, с другой стороны, действительно, была замечательной для первых, но далеко не доброй к последним, и основной причиной этого является то, что американцы были обременены огромными затратами на этот долгий конфликт.

Холодная война представляется, как торжество Пентагоновской системы, но этот военный вид кейнсианства вызвал рост государственного долга до заоблачных высот. В 1945 году, когда закончилась Вторая мировая война и началась холодная война, государственный долг составлял почти 260 млрд. долларов; в 1990 году, когда закончилась холодная война, долг составлял уже около 3,200 миллиардов долларов. Он продолжает немыслимыми темпами расти до сих пор, даже с нобелевским лауреатом в Белом доме. В 2009 году долг достиг примерно 10.000 млрд. долларов, в 2010 году – примерно 13.500 млрд., а в 2013 году он был близок к 17.000 миллиардов⁴⁷⁵.

По кейнсианской теории, Вашингтон мог бы сбалансировать свой бюджет путем взимания налогов на прибыль с крупных фирм, которые выиграли от Пентагоновской системы, но такой вопрос никогда даже не ставился. Корпорации в целом платили 50 процентов всех налоговых поступлений в Соединенных Штатах в 1945 году, в эпоху холодной войны этот процент последовательно снижался, и на сегодня их доля в налоговых платежах составляет менее десяти процентов. Это стало возможным потому, что после

Второй мировой войны крупные предприятия Америки стали транснациональными корпорациями (ТНК), которые «дома везде и нигде», как писал американский автор по поводу ИТТ⁴⁷⁶. Транснациональные корпорации использовали «трансфертное ценообразование» и всякие другие трюки бухгалтерского учета – некоторые из них, по-видимому, впервые были использованы на рынке их дочерних компаний в нацистской Германии – для того, чтобы демонстрировать год за годом налоговой службе любой страны, в которой они находятся, что местные отделения корпорации понесли высокие расходы, в то время как прибыль была получена ее отделениями в каких-нибудь других странах. Таким образом, транснациональным корпорациям удалось избежать уплаты значительных налогов, в том числе в Соединенных Штатах, стране, где на самом деле находятся их головные офисы и где бизнес, порожденный холодной войной, всегда был самым прибыльным.

В 1991 году 37 процентов всех американских транснациональных корпораций и более 70 процентов всех иностранных транснациональных корпораций не уплатили ни единого доллара в налогах в Соединенных Штатах, в то время как другие транснациональные корпорации платили менее 1 процента⁴⁷⁷. Потрясающе высокая стоимость военных расходов холодной войны, таким образом, ложилась не на плечи тех, кто нажился на Пентагоновской системе и прикарманил процентные платежи по государственному долгу, но на плечи рядовых американцев из рабочего класса и среднего класса. В течение холодной войны Пентагоновская система выродилась в гигантское мошенничество, развращенное перераспределение богатства Америки в пользу очень богатых и в ущерб всем остальным. В то

время как элита становилась все богаче и богаче, благосостояние обычных американцев, которого они добились во Второй мировой войне, медленно подрывалось, и их уровень жизни постепенно снижался. Что касается скудных социальных благ, которые были введены в США после 1945 года, они были объявлены недоступными, и их начали урезать, если не вообще полностью прекратили. К тому времени, когда холодная война подошла к концу, в 1989 году, более чем 13 процентов американцев – примерно 31 млн. человек – имело доходы, которые были ниже официальной черты бедности. (К 2013 году процент официально бедных американцев поднялся до 14,9.)⁴⁷⁸ Соединенные Штаты могут быть самой богатой страной на земле, но богатство там распределяется крайне неравномерно, и в то время как богатые становятся все богаче, бедные становятся все беднее.

Огромная стоимость холодной войны, таким образом, не представляла собой проблемы для американской правящей элиты, это была проблема для рядовых американцев. Когда холодная война закончилась, эти простые американцы почувствовали себя освобожденными; они надеялись, что огромные ресурсы их страны перестанут использоваться с целью ведения войны холодной или горячей и они смогут наконец-то пожинать так называемые «мирные дивиденды». Как раз это и было проблемой для правящей элиты. С окончанием холодной войны – идеальной войны – американская правящая элита «осиротела», исчез ее идеальный враг, чье существование так выгодно оправдывало военные расходы Пентагоновской системы в течение полувека. Как и в 1945 году, срочно потребовался новый враг или новые враги. Подлинная демилитаризация американской экономики не только задушила бы

главный источник прибыли; это также привело бы страну к ключевой проблеме капиталистической экономической системы – недостаточному экономическому спросу. Эта проблема резко проявилась в годы Великой депрессии и не была по-настоящему решена средствами военного кейнсианства, которые были введены во время Второй мировой войны и холодной войны. Конфронтация с этой системной проблемой, возможно, начала бы стимулировать интерес народных масс к радикальным и даже революционным изменениям, как это уже случалось в «красные тридцатые» годы, и это было явно не в интересах правящей элиты.

Проблеме отсутствия врагов быстро было найдено решение в неожиданном спасении в виде появления на сцене «новых гитлеров», таких, как Саддам Хусейн. Нигде в этой книге не говорится, что Гитлер был приличным человеком или что Саддам Хусейн и иже с ним были чем-нибудь другим, кроме как жестокими диктаторами. Тем не менее у Вашингтона за плечами богатая история проявления сочувствия и поддержки жестоким диктаторам, например, Пиночету и Сухарту, и ранее и сам диктатор Саддам воспринимался Дядей Сэмом, как хороший друг. Разве может быть совпадением то, что, как только завершилась холодная война, он вдруг резко превратился в огромную угрозу, требующую мощной военной интервенции, хотя дело можно вполне было решить простыми переговорами? С исчезновением мнимой «советской угрозы», и раздражающим элиту растущим требованием «мирного дивиденда» срочно было необходимо сфабриковать новые опасные «угрозы», и опасность, которую представлял собой Хусейн, была, несомненно, сильно раздута, чтобы оправдать войну и сохранить Америку вооруженной до зубов. Не исключено, что в конце войны в Персидском заливе Саддаму Хусейну было разрешено

остаться у власти в Багдаде для того, чтобы Вашингтон мог продолжать ссылаться с пользой для себя на «огромную угрозу», которую он якобы представлял.

Еще один удобный «новый Гитлер» вскоре появился на сцене в лице сербского лидера Милошевича, и военные действия перешли на Балканы. Потом Джордж Буш стал президентом, и Китай временно начал исполнять роль «пугала Америки». Но ни один из этих «негодяев» не был достаточно убедительно страшным, чтобы оправдать сохранение, не говоря уже о расширении колоссального арсенала Америки. 11 сентября 2001, однако, страшное преступление было совершено в Нью-Йорке, и правящие элиты по полной воспользовались этой возможностью. Этот беспрецедентный акт терроризма сразу начали сравнивать с японской атакой на Перл-Харбор, и сравнение со Второй мировой войной, «хорошей войной», делалось до тошноты президентом и СМИ, пока Вашингтон готовился к «войне против терроризма». По многим причинам, однако, такое сравнение не имело смысла. Народ и даже правительство Афганистана, которые стали жертвами американского гнева, не несут ответственность за террористический беспредел 11 сентября. Кроме того, как может вестись война против такого абстрактного и расплывчатого понятия, как «терроризм»? Война против такого врага не может привести к ясной победе или любого вида успешному завершению конфликта. Напротив, от подобной «войны» можно ожидать только еще более изощренных террористических зверств. Но с точки зрения американской правящей элиты, которую олицетворял Джордж Буш, бывший президентом в то время, война, действительно, имела смысл, поскольку она обеспечивает решение проблемы, связанной с концом холодной войны. Война против нечетко определенного врага, война без географических

пределов, война, которая будет продолжаться до тех пор, пока президент говорит нам, что необходимо вести войну, что требуется безусловная поддержка от всех, кто не хочет восприниматься сторонниками терроризма, на самом деле в конечном итоге является панацеей, так как она обеспечивает продолжение существования Пентагоновской системы на неопределенное время, к большому удовольствию тех, кто получает от нее прибыли. Даже конец президентского срока Буша, который воспринимался, как поджигатель войны, в 2008 году и его замена на президента, который якобы был миролюбив, Барака Обаму, не изменила каким-то серьезным образом эту реальность. И нет никаких причин считать, что все изменится с каким-либо новым президентом в ближайшие несколько лет. Добро пожаловать в дивную новую эпоху перманентной войны!

«Война против терроризма» недавно разгорелась в таких странах, как Ливия, Сирия, Ирак, и в настоящее время дополняется новой холодной войной против России. Если это зависит от американской правящей элиты, то новые «хорошие войны» могут рано или поздно начаться также против Ирана, Северной Кореи и, может быть, даже против Китая. Предотвращение таких войн будет нелегким, но оно, безусловно, возможно. Даже с ретивой помощью большинства наших СМИ Бушу и Блэру было трудно убедить широкую публику в необходимости своей войны против Ирака.

Если Соединенные Штаты когда-либо будут вынуждены прекратить ведение войн, для американской экономики наконец-то настанет момент истины. Может ли американский капитализм выжить в такой «вспышке» мира? Подвергаясь постоянной осаде, советский социализм не смог выжить. Сможет ли американский капитализм выжить, не будучи в осаде,

без врагов, без угроз, не будучи в состоянии вести «хорошие» или любые другие войны?

Ссылки и примечания

Введение

¹ Dirty Truths – это название книги Майкла Паренти, опубликованной в 1996 году

² Ambrose (1998), p. 66.

³ К «классическим» произведениям американского ревизионизма относятся книги Уильямса (1962) и Колко (1968)

⁴ See the studies of Chomsky, Dieterich

⁵ Parenti (1999), pp. xv-xvi.

Глава 1

⁶ Adams, pp. 4 ff., 11-14, 17

⁷ Eisenhower and Roosevelt as quoted in Fussell, p. 167.

⁸ Quotation of Isaiah Berlin from Fussell, ibid.

⁹ Fussell, pp. 79 ff., 179.

¹⁰ Adams, pp. 81, 147; Lichtblau, p. 22.

¹¹ Hynes, pp. 114-15; Doenecke and Wilz, pp. 6-7

¹² Fussell, pp. 129 ff., 141, 179. See also Blum, pp. 67-68; Sherry (1995), pp. 90-91; Mazzeno; Kolko (1994), pp. 210-11; Hoenicke (2010), p. 116

¹³ См. комментарии по поводу фильма “*Saving Private Ryan* in Zinn” (2001), pp. 102, 104.

¹⁴ Blum, p. 46; Ponting, p. 175; Cashman, p. 230.

¹⁵ О критике теории «великих личностей в истории» см. Edelman, стр. 37 0 65, а также Whitelam, стр. 9

¹⁶ См. критику американского плюрализма у Mills, стр. 242, Parenti, 1978, стр. 27

Глава 2

¹⁷ Schmitz (1999); Vidal, p. 928; Lens, p. 96.

¹⁸ Diggins, pp. 335-39; Schmitz (1985), pp. 117-38; Deschner (1990), p. 59; Lacroix-Riz (1996), pp. 168-70, 253

ff

19 Cm. Pauwels (2013), Part One

20 Higham (1983), *passim*; Kolko (1962), pp. 713–28; Doares; Knapp, Link, Schröder, Schwabe, pp. 86–92; Grosser, p. 8; Jonas, p. 222; Simpson (1993), pp. 11, 46 ff.; Offner (1969), p. 7, n. 23; Wilkins, pp. 187–88; Schäfer, p. 207; Bettelheim, p. 94; Cray, p. 315n; Zilg, pp. 213, 304–08, 313–14; Pendergrast, p. 218 ff

21 Pendergrast, p. 221; Jones and Ritzmann, pp. 10–12; Reymond, pp. 302–05

22 H. A. Turner, p. 12

23 H. A. Turner, p. 10. Commentary on Turner in Black (2009), pp. 123–124

24 Billstein, p. 24; Lindner, p. 121; Reich (1990), pp. 109, 117, 247; Silverstein, *passim*; Kolko (1962), p. 725; Dobbs (1998a and 1998b); Jersak; Matthias, pp. 134–35; Black (2009), pp. 101–102; Gassert, pp. 347–348

25 Black (2001), pp. 60, 99, 116, 122–23

26 Higham (1983), introduction, p. xvi

27 Higham (1983), p. xviii

28 “All in the Family: The Apple Does Not Fall Far from the BUSH”; Aris and Campbell; Buchanan and Stacey; Mikhah and Kofoet

29 Black (2009), p. 9; Losurdo (2006), pp. 219–220, 224–225, and (2007), p. 114 ff.; Zilg, pp. 294, 304–08, 314; Higham (1983), pp. 162, 165; Sampson (1973), p. 27 ff.; Sampson (1975), pp. 81–82; Doares; Warburg, pp. 34–35; Deschner (1992), pp. 219–26

30 Jersak

31 Billstein et al., p. 25; H. A. Turner, p. 23

32 Overesch (1993), p. 64

33 Higham (1983), p. 163; also Berghahn (2004), p. 142

ff.

34 Higham (1983), p. 165

35 Watkins, pp. 222–24, 247–48, 323; O’Reilly, pp. 122, 165 ff.; David Brinkley, p. 17; Blum, p. 182 ff.; Adams, pp.

12, 145; Roeder, pp. 45, 84; Zinn (1980), p. 406; Terkel, p. 564; Kühl, p. 38

36 Ambrose (1998), p. 146

37 Hoenicke (2010), p. 152

38 Hoenicke (2010), p. 72 ff.

39 Adams, p. 146. Ford's and Du Pont's anti-Semitism: Losurdo (2007), p.114 ff.; Silverstein, p. 12; Dobbs (1998a and 1998b); Higham (1983), pp. 161-62; Hoenicke (2010), p. 73; Amblard, p. 49 ff.; Baldwin, p. 279

40 Dodd and Dodd, p. 107

41 Adams, p. 146; Watkins, p. 320; Morse, *passim*

42 Morse, pp. 270-88.

43 Hilliard, *passim*, и документ на стр. 216-17; также см. комментарии у Terkel, pp. 572-73, и Zezima, p. 68.

44 Zunes

45 Cray, p. 315; Dobbs (1998a and 1998b); Sampson (1975), p. 82; Higham, p. 97; Cashman, pp. 70-72; Black (2001), pp. 132-34

46 Jersak; Martin (1976), p. 82; Dobbs (1998b); Black (2001), p. 20

Глава 3

47 Parenti (1989), pp. 136-38; Chomsky, pp. 66-67; Aronson, p. 26 ff.; Leibovitz and Finkel, p. 35 ff.

48 Filene, pp. 35-42; Foner, p. 42 ff.

49 Murray; Foner, p. 20 ff.

50 Williams (1967); Aronson, pp. 29-30; Loewen, p. 12 ff

51 Paterson, Clifford, and Hagan, pp. 289-93

52 Vidal, p. 926; Barson, pp. 5-8

53. W. Turner, p. 177.

54 Russo.

55 Zieger, p. 71

56 Backer, p. 162

57 Thurston, p. 221; Losurdo (2008), pp 138-143; Heale, p. 99; Watkins, pp. 76-107; Greiner, p. 62 ff.; Kutulas, pp. 46-51

58. Cowley как процитирован у Watkins, p. 338
- 59 Millar (1985), p. 288
- 60 Цитата из комментария в литературном приложении к «Таймс», воспроизведенного на суперобложке из Diggins
- 61 Для случая Франции см. исследования Lacroix-Riz (2006 и 2008).
- 62 Mayer, p. 30 ff.; Dülffer, p. 84; Overy (1997), pp. 34–35
- 63 Martin (1974), pp. 313–14.
- 64 Schmitz (1985), *passim*; Schmitz (1999), p. 87 ff.; Leibovitz and Finkel, p. 35; Parenti (1989), p. 141; Kühnl (1989), pp. 34–35; Engelmann, pp. 272–74; Chomsky, p. 68
- 65 Hoenicke (2010), p. 61
- 66 Hitchens, p. 25; Adams, p. 34; Sobel, pp. 87–88; Schäfer, p. 207
- 67 Kershaw, pp. 143–44; van der Pijl, p. 86; Parenti (1989), pp. 142–43; Harbutt, pp. xi – xii; Higham (1983), pp. 5, 182; Davies, pp. 16, 19; Kühnl (1989), p. 37; Soete, pp. 102–08
- 68 Процитировано у Higham (1988), p. 241
- 69 Подробно о политике умиротворения в Европе см. исследования Лейбовица и Финкеля, также Суте (Soete)
- 70 Horn; Knapp, Link, Schröder, and Schwabe, p. 109
- 71 Schmitz (1999), pp. 88–89; Simpson (1993), p. 52; Maddux (1977), *passim*
- 72 Meyer, p. 32; Offner (1983)
- 73 Schmitz (1999), p. 87 ff.; Farnham, pp. 76–77; Hass, p. 81; Offner (1969), pp. 146, 234; Offner (1971), pp. 54–76; Ambrose (1998), p. 73
- 74 Kolko (1976), p. 220
- 75 Leibovitz and Finkel, p. 235 ff.; Soete, pp. 249–52; Knightley, pp. 225–226
- 76 Offner (1983), pp. 215–16; Paterson, Clifford, and Hagan, p. 329; Hass, pp. 89, 109, 153 ff.; Barson, pp. 19–22; Billstein et al., pp. 37–44; Völklein, pp. 81–88; H. A. Turner,

р. 104 ff. Католические и протестантские периодические издания цитируются в Hoenicke (2010), pp. 66, 71; Моoney цитируется по Hillgruber (1967), p. 85.

77 Heale, pp. 122-25; Cashman, pp. 269-71; Soete, pp. 275-83

Глава 4

78 Viorst, pp. 37-40; Aglion, pp. 118-27, 136; David Brinkley, p. 32

79 Du Boff, p. 72; Oppelland, pp. 16-17.

80 Doenecke and Wilz, p. 63; Schäfer, p. 207

81 Подробно см. Pauwels (2014), p. 457 ff

82 Ambrose (1993), p. 3; Hass, p. 70; Fussell, pp. 147-48; *Historical Statistics*, p. 903

83 MacDonald, pp. 400-01, 409; Williams (1962), p. 233; Barber, p. 154; Doenecke and Wilz, pp. 104-05

84 Maddox (1992), p. 76; Blum, pp. 309-10; A. J. P. Taylor (1965), pp. 513, 533

85 Puth, p. 522; Cashman, p. 214; Blum, p. 230; Reynolds, Kimball, and Chubarian, p. 181

86 Cashman, p. 214

87 Harbutt, p. 62; Keegan, pp. 97-98

88 Crombois, p. 291 ff

89 Carroll and Noble, p. 345

90 Schäfer, pp. 207-08; Berghahn (1993), pp. 85-86; Hoenicke (2010), pp. 65-66; Hearden, pp. 109-10, 126-27; Knapp, Link, Schröder, and Schwabe, pp. 119-25, 145-50; Schäfer, p. 207; Hass, pp. 37-38

91 Pommerin (1977), pp. 23-27; Junker (1975), pp. 97-102; Knapp, Link, Schröder, Schwabe, pp. 137-46; Gatzke, pp. 122-23; Hass, p. 39 ff.; Carroll and Noble, p. 346

92 Hearden, p. 110.

93 Цитата из Hallgarten and Radkau, pp. 337-38

94 Lewis, pp. 222, 270

95 Black (2001), p. 212

96 Cashman, p. 56; Carroll and Noble, p. 347

- 97 Cashman, pp. 67–68.
98 Ambrose (1998), p. 66

Глава 5

- 99 См. исследование Rolf-Dieter Müller, *Der Feind steht im Osten*, опубликованное в 2011
100 Цитируется у Müller, p. 152
101 Soete, pp. 289–290, включая p. 289, n. 1
102 См, например, Ueberschär (2011b), p. 39.
103 Müller, p. 169
104 Ueberschär (2011a), p. 95
105 Müller, pp. 209, 225
106 Ueberschär (2011b), p. 15
107 Pauwels, op. cit., p. 62; Ueberschär (2011a), pp. 95–96; Domenico Losurdo, *Stalin: Storia e critica di una leggenda nera*, Rome, 2008, p. 29
108 Müller, p. 243
109 Overy (1997), p. 87; Ueberschär (2011a), pp. 97–98
110 Ueberschär (2011a), p. 97
111 Overy (1997), pp. 64–65
112 Furr, p. 343; Losurdo (2008), p. 31; Soete, p. 297
113 Losurdo (2008), pp. 31–32; Wegner, p. 653; Ueberschär (2011a), p. 100
114 Müller, p. 233
115 Ueberschär (2011a), pp. 99–102, 106–107
116 Ueberschär (2011a), p. 106
117 Ueberschär (2011a), pp. 107–111; Roberts, p. 111
118 Hillgruber (1989, p. 81
119 Hillgruber (1989, p. 81
120 Lacroix-Riz (1996), p. 417
121 Bourgeois, pp. 123, 127
122 Ueberschär (2011a), pp. 107–108
123 Gatzke, p. 137
124 Wegner, pp. 654–656
125 Ueberschär (2011a), p. 116
126 Ponting, p. 130; Ambrose (1998), p. 72

Глава 6

127 Overy (1995), p. 254; Overy (1997), pp. 194–197; Martin (1974), pp. 459, 475; Ambrose (1998), pp. 76–77; Hass, pp. 233–234; Hillgruber (1989), p. 78; Sivachev and Yakovlev, p. 165; Dülffer, pp. 138–141; Keyssar and Pozner, pp. 151–152. Steinhardt процитирован у Mayers, p.131

128 Levering, p. 156; Hillgruber (1989), pp. 80–81; Fohlen, pp. 147–48; Gaddis, pp. 22–23

129 David Brinkley, p. 152 ff

130 Levering, p. 46; Cole, pp. 433–434; Parenti (1969), p. 126; Levering, p. 46–47; Douglas, p. 86; Koppes and Black, p. 189; Adler and Paterson, p.1051

131 Ponting, p. 106; Overy (1997), pp. 194–197; Martin (1974), p. 459; Deutscher, p. 512, n. 1; Hillgruber (1989), p. 81; Hass, p. 234; Sivachev и Yakovlev, p. 165; Adams, p. 71

132 Статистика из Jersak, который использовал “совершенно секретные” документы Werhmacht Reichsstelle für Mineralöl, доступные в военной части Бундесархива (Федерального архива Германии), файл RW 19/2694; а также Снелл, стр. 16; Хигем (1983), стр. 59–61

133 См например, Zhilin, pp. 55–56

134 См например., Zinn, p. 305 ff

135. Hearден, p. 105

136 См статью “Anti-Japanese Sentiment»

137. Rudmin, op. cit

138 Кнох цитируется по статье Buchanan

139 В соответствии с условиями Тройственного пакта, заключенного Японией, Германией и Италией в Берлине 27 сентября 1940 года, три страны взяли на себя обязательство поддерживать друг друга всеми средствами, в случае если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, но не в случае нападения

какой-либо из договаривающихся сторон на другие страны.

140. Hillgruber (1989), pp. 75, 82–83, Iriye, pp. 149–150, 181–182

141 Stinnett, op. cit., pp. 5–6, 9–10, 17–19, 39–43, 60 ff.; Buchanan

142 Аналогичным образом американскую общественность спланировали вокруг флага и ранее, а именно: в начале испано-американской войны, когда американский крейсер “Мэн” был взорван в порту Гаваны при неясных обстоятельствах, – акт, в котором сразу обвинили испанцев. После Второй мировой войны американцев снова приводили в такое состояние, при котором они одобряли и поддерживали войны, желаемые и планируемые их правительством, с помощью подстроенных провокаций, таких, как Тонкский инцидент 1964 года.

143 Stinnett, pp. 152–154

144 Zinn (1980), p. 401

Глава 7

145 Данные из *Historical Statistics*, p. 126; Adams, pp. 115–16; Du Boff, p. 91

146 Terkel, p. 9

147. Brandes, pp. 253–59, 263; Adams, p. 118; Zinn (1980), p. 416; Cashman, pp. 202–08

148 Stimson как процитирован у Sherry (1995), p. 72; Overy (1995), p. 198

149 Black (2001), p. 345

150 Farber, p. 223

151 Brandes, pp. 259–62; Cashman, pp. 202–03; Sherry (1995), p. 73; Mills, pp. 100–01; статистика из David Brinkley, p. 53; Трумэн цитируется по Brandes, p. 262

152 David Brinkley, pp. 53–54

153 Vatter, p. 149; also Sherry (1995), p. 72

154 Adams, p. 117; Weiher, pp. 98-99; Reynolds, Kimball, and Chubarian, pp.181-82; Cashman, p. 213; Roeder, p. 65

155 Mills, pp. 100-01

156 Zieger, p. 62 ff.; Brecher, p. 221 ff.; Marwick, pp. 246-47; Cashman, pp. 245-247; Cardozier, pp. 150-152; Fohlen, pp. 213-16; Sivachyov and Yazkov, pp. 183-87; Levine et al., pp. 459-63. Цинн цитируется по: Zinn (1980), pp. 408-09, Уровень инфляции с 1939 по 1945 подсчитан по "The Inflation Calculator," www.westegg.com/inflation

157 См заметки о коллективных действиях у Parenti (1996), pp. 123-24; Chapter 3 или в книге Ольсона на данную тему

158. Keen, pp. 27, 33, 89

159 Hoenicke (2010), p. 157 ff.; Steele, особенно pp. 233-34

160 Dick, p. 196; Shull and Wilt, pp. 36, 94-95; Maddox (1992), pp. 186-87; Howell, p. 806; Hoenicke (2010), pp. 236-240

161. Small (1974); Parenti (1969), p. 125; Koppes and Black (2001), pp. 185 ff., 210, 219; Roeder, pp. 128-29; Barson, pp. 23-32; Adams, p. 139; Levering, p.73; Adler and Paterson, p. 1051.

162. Small (1974); Parenti (1969), p. 125; Koppes and Black (2001), pp. 185 ff., 210, 219; Roeder, pp. 128-29; Barson, pp. 23-32; Adams, p. 139; Levering, p. 73; Adler and Paterson, p. 1051

163 Levering, pp. 111-12; Parenti (1969), p. 125; Deutscher, pp. 474-75, 477; Hillgruber (1989), p. 124; Small (1974), p. 472,

164 Reynolds, Kimball, and Chubarian, pp. 193-94

Глава 8

165 Deutscher, p. 499; Bagguley, p. 95; Davies, p. 52

166 Desquesnes, pp. 262, 265

- 167 Overy (1995), p. 34
168. Levering, p. 78; Gaddis, pp. 66-67; Deutscher, pp. 92 and 479, n. 2; Harbutt, p. 39; Lynd, p. 568; Loth (1988), p. 60; Stoler, *passim*
- 169 Sainsbury, p. 37; Maddox (1992), pp. 134-36; Harbutt, p. 46; Gaddis, p. 70, Ambrose (1993), p. 17
- 17 °Chomsky, pp. 68-69; Ponting, p. 80; Sivachev and Yakovlev, pp. 174, 180-81; Levering, p. 46; Cole, pp. 433-34
- 171 Ross, pp. 28-29
172. Deutscher, p. 499; Bagguley, p. 95; Desquesnes, pp. 262, 265
- 173 См книгу David O'Keefe, One Day in August: The Untold Story Behind Canada's Tragedy at Dieppe»
- 174 Knightley, pp. 319-20
- 175 Carroll and Noble, p. 354
- 176 Adams, pp. 53-54, 108-110; Overy (1995), pp. 101-33; Murray and Millet (1996), pp. 106-08, 122-27, 140; Kolko (1994), pp. 185, 206; Maddox(1992), pp. 259-65; Roeder, p. 84; O'Neill, pp. 314-15
- 177 Bagguley, p. 92; Ponting, pp. 130-31

Глава 9

- 178 Overy (1995), pp. 63-100; Ebert, p. 53; Davies, p. 58
- 179 Harbutt, pp. 36-37, 50; Gaddis, p. 74
- 180 Stoler, pp. 136-37
- 181 Ponting, p. 130; Ambrose (1998), p. 72
- 182 Kimball, pp. 19-20
- 183 Blasius, pp. 166-73; Hillgruber (1989), pp. 85-86, 101, 104; Gaddis, p. 73; Maddox (1988), p. 4; Maddox (1992), p. 141; Ambrose (1993), pp. 23-24; Sainsbury, pp. 142-43
- 184 Blasius, pp. 164-67
- 185 Mayers, p. 138
- 186 Gaddis, p. 15

187 Gaddis, p. 75; Junker (1989), pp. 67–68; Ponting, p. 130

188 Williams (1962), p. 210 ff.; Lynd, p. 571; Harper, p. 81; Harbutt, pp. 43, 54 ff.; Loth (1988), p. 30

189 Maddox (1988), pp. 6–7; Harbutt, p. 55

Глава 10

190 Процитировано у Stoler, p. 137

191 О роли Бадوليو в Эфиопии см. Del Boca, *passim*.

192 Kolko (1968), pp. 56–57; Lacroix-Riz (1996), pp. 430–33; Feldbauer, pp 132–147; Gaja, pp.151–60

193 Caretto and Marolo, pp. 39 ff.; Zezima, pp. 148–51; p. 133, n. 6; Kruger, p.1

194 Ambrose (1993), p. 25; Lynd, p. 572; Ponting, p. 247; Kolko (1968), p. 52; Kimball, p. 20

195 Deutscher, p. 518; Harbutt, p. 68. Kolko quotation: Kolko (1968), pp. 50–51

196 Loth (1994), p. 20; Harper, p. 122

197 Carroll and Noble, p. 354

198. Stoler, p. 138

199 Kolko (1968), p. 29; Ross, p. 81; Stoler, pp. 137–38

Глава 11

200 Kimball, p. 19; Overy (1997), pp. 240–44

201 Kolko (1968), p. 144 ff

202 О Греции см, например, Gaja, pp. 145–150

203 “1944: Charte du Conseil National de la Résistance,” www.ldh-france.org/1944-CHARTRE-DU-CONSEIL-NATIONAL-DE

204. Thomson, pp. 233–34; Davies, pp. 56–57; Kolko (1968), pp. 72–73, 77

205. Harbutt, pp. 76–77; Hoge

206 Grosser, p. 24; Viorst, pp. 115–33, 220; Kolko (1968), p. 64 ff.; Aglion, p. 195

207 Rossi; Hoge; Loewenheim, Langley, and Jonas, pp. 344–45; Kolko (1968), pp. 82–83

- 208 Stimson процитировано по Rossi, p. 61
- 209 Rossi, p. 64; Kolko (1968), p. 77
- 210 Viorst, pp. 210–11
- 211 Overy (1997), pp. 244–49
- 212 A. J. P. Taylor (1967), p. 299
- 213 Kolko (1976), p. 228; Harbutt, p. 78
- 214 Kolko (1968), pp. 96–98

Глава 12

- 215 Leibovitz and Finkel, p. 206; Losurdo (2008), pp. 179–180. См также Harper, p. 104, для цитаты из Рузвельта
- 216 Knightley, pp. 324–25; Keyssar and Pozner, p. 153
- 217 Overy (1997), pp. 256–60; Kolko (1968), pp. 350–52; Maddox (1992), pp. 250–51; Keyssar and Pozner, p. 154
- 218. Мнение МакАртура процитировано у Schwinge, pp. 10–11
- 219 Bennett, p. 156
- 220 Steininger, pp. 20–22; Kolko (1968), pp. 353–55, цитата по p. 355
- 221 Harbutt, p. 82; Horowitz (1965), p. 35
- 222 Stettinius процитирован по Parenti (1969), p. 131
- 223 Eisenberg (1996), p. 61
- 224 Steininger, p. 28; Loth (1994), p. 15
- 225 Loewenheim, Langley, and Jonas, p. 656.
- 226 Harbutt, p. 72; Loth (1994), p. 18; Hoenicke (2010), p. 293 ff.; Krieger, pp. 36, 40–41; Paterson, Clifford, and Hagan, p. 409; Kolko (1968), pp. 331, 348–49; Link, pp. 107–08; Gardner, pp. 250–51
- 227 Fisch, p. 48
- 228 Eisenberg (1982), p. 26; комментарий Громыко взят из Hoenicke (2010), p. 302
- 229 Parenti (1969), p. 135; Cochran, p. 42
- 230 Parenti (1969), p. 137
- 231. Weinberg, p. 809; Düllfer, p. 29
- 232. Parenti (1969), p. 139

233 Gaddis, p. 88; Deutscher, pp. 473-74; Simpson (1993), pp. 118-19; Maddox (1992), p. 251; Paterson, Clifford, and Hagan, p. 413; Loth (1994), p. 16, Parenti (1969), p. 131

Глава 13

234 Knightley, p. 313

235 F. Taylor, pp. 354, 443-448; Bergander, chapter 12, и особенно pp. 210 ff., 218-219, 229; "Luftangriffe auf Dresden", p. 9; Irving, pp. 224-27

236 Sherry (1987), p. 260; похожая точка зрения высказана в Irving, p. 231

237 См, напр., комментарии, сделанные генералом Спаатцом, процитированные в Hansen, p.243

238 Overy (1995), pp. 127-33

239 F. Taylor, p. 416

240 F. Taylor, pp. 321-322

241 Groehler, p. 414; Hansen, p. 245; "Luftangriffe auf Dresden"; F. Taylor, pp. 152-154, 358-359

242 Spoo, pp. 367-70.

243 F. Taylor, p. 190; Groehler, pp. 400-40. Ссылаясь на исследование о Ялте, британский автор последнего исследования бомбардировок союзников во время Второй мировой войны отмечает, что Советы «определенно предпочитали держать Королевские военно-воздушные силы Великобритании и ВВС США подальше от территории, которую они (Советы) могли скоро занять».

244 McKee, pp. 264-265; Groehler, pp. 400-402

245 Davis, p. 96

246 F. Taylor, pp. 185-186, 376; Grayling, p. 71; Irving. pp. 96-99

247 Hansen, p. 241

248 Harris. p. 242

249 McKee, p. 46, 105

250 Groehler, p. 404

251 Groehler, p. 404

252 В теории, хотя и не всегда на практике американцы предпочитают «прицельное бомбометание»

253 F. Taylor, p. 318; Irving, p. 147

254 Процитировано в F. Taylor, p. 319

255 Irving, p. 148

256 Процитировано в Broadfoot, p. 269

257 F. Taylor, pp. 361, 363–65

258 См, например, Dahms, p. 187

259 Процитировано в Schaffer, p. 330

260 Parenti (1989), pp. 146–47; Simpson (1988), pp. 55–56; Loth (1994), p. 14; Millar (1985), p. 284; Horowitz (1965), pp. 51–52, n. 3; Leffner (1992), p. 5

261 Simpson (1988), pp. 55–56; Leffner (1992), pp. 5–6; Williams (1962), pp. 230–31; Dieterich, pp. 122–24. Доклад JCS процитирован в Poole, p. 12

Глава 14

262 Henke, pp. 669–72

263 Knightley, p. 327

264 Eisenberg (1996), p. 72; Sivachev and Yakovlev, pp. 195–96

265. Maddox (1992), p. 255; Shtemenko, pp. 388, 390; Henke, p. 673

266 Henke, p. 714 ff.; Harbutt, p. 102; Gaddis, pp. 208–10

267 Offner (1991), pp. 49–60; McCullough, p. 355

Глава 15

268 Bruhn, pp. 17–18

269 Higham (1983), p. 98; Liebig

270 Bruhn, pp. 17–19; Lacroix-Riz (1996), p. 438; McCormick, p. 37; Heideking and Mauch, pp. 12 ff., 28 ff.; Engelmann, pp. 268–70; см также Carl Goerdeler's

“Geheime Denkschrift” of March 26, 1943, воспроизведено у Kühnl 1980), pp. 446–48; Higham (1983), p. 98; Liebig

271 Schwinge, p. 4

272. Smith (1974); Smith (1977), p. 54 ff.; Harbutt, pp. 102–3; Kolko (1968), p.505; Hillgruber (1989), p. 147; Bacque, pp. 139–40; Pommerin (1995), p. 17; “No Canadian Scandal”; Loth (1988), p. 89; Altmann, p. 24; Kraus, p. 16; Zhilin., p. 95

273 Yeldell, pp. 23–25; Simpson (1988); Zezima, pp. 155–5; Grose, pp. 22–25; Adams, p. 147; Ponting, pp. 288–93; Terkel, pp. 465–69; Lacroix-Riz (1996), pp. 438–40, 453–55; Lee; Milano and Brogan; Lichtblau, pp. 33–34

274 Bruhn, p. 19; Leibovitz and Finkel, p. 41; Aronson, pp. 33–35; Terkel, pp. 124, 127, 477; Smith (1974), p. 20; Roeder, p. 174, n. 21; Gaja, p. 99

275. Matthias, p. 113; also Drechsler, pp. 119–20

276. Цитата из ветерана войны: Terkel, pp. 44–45; похожие комментарии у Terkel, pp.303, 478

277 Gaja, pp. 77–89; Waters, p. 280 ff.; Matthias, pp. 345–46; Heartfield, pp. 152, 397

278 Ambrose (1998), pp. 122, 172; Blumenson, pp. 269–70; Gaja, p. 106

279 Цитата из Паттона – см Buhite and Hamel, p. 372

280 Buhite and Hamel, p. 372

281 Smith (1977), p. 49; Gaja, pp. 161–165; Lacroix-Riz (1996), p. 438; Simpson (1988), pp. 92–93; Simpson (1993), p. 199 ff., 236 ff.; Alperovitz (1985), pp. 25–33; Heideking and Mauch, p. 142 ff.; Kolko (1968), p. 375 ff.; Parenti (1969), p. 132, n.; Badia, pp. 215–16; Shtemenko, pp. 283–84; Lichtblau, pp. 14–21, 24–29

282. Gellermann, pp. 112, 119

Глава 16

283 *Germany Surrenders* 1945, pp. 2–3

284 Kraus, pp. 4–5, 12; *Germany Surrenders* 1945, p. 6; Henke, pp. 687, 965–67; Keyssar and Pozner, p. 233

- 285 Henke, pp. 967–68.
- 286 Kolko (1968), p. 387; *Germany Surrenders* 1945, p.8
- 287 *Germany Surrenders* 1945, pp. 8–9
- 288 Kolko (1968), p. 388
- 289 Albrecht.

Глава 17

- 290 Du Boff, p. 153
- 291 Leffner (1992), p. 2; McCormick, p. 48; Adams, p. 6; Levering, p. 96
- 292 Цитата из Lapham: Terkel, p. 6.
- 293 Puth, p. 521; Adams, p. 6; Paterson, Clifford, and Hagan, p. 421
- 294 Du Boff, p. 91
- 295 Feagin and Riddell, p. 53; David Brinkley, p. 54
- 296 Martel, p. 98; Adams, p. 132; Gaddis, pp. 21, 189; Williams (1962), p. 232 ff.; Loth (1988), p. 23; Dieterich, pp. 120–21
- 297 Kolko (1976), p. 235
- 298 Garraty, pp. 231–32
- 299 Mills, pp. 100–01, 212–13
- 300 Acheson, цитата по Williams (1962), pp. 202–03
- 301 Carroll and Noble, pp. 354–55
- 302 Adams, p. 30; Gaddis, p. 20
- 303 Chomsky, pp. 10, 34; Kolko (1976), pp. 221–25; Zinn (1980), pp. 404–05
- 304 Davies, p. 81; Loth (1988), pp. 24–25; Gaddis, pp. 22–23
- 305 Zinn (1980), p. 404
- 306 Davies, pp. 81–82; McCormick, pp. 52–53; Barber, pp. 156–57; Blum, pp. 307–08; Dippel, pp. 101–02; George and Sabelli, p. 21 ff.; Williams (1962), p. 203 ff.; Dieterich, pp. 89–90
- 307 См, например, Gaja, pp. 30–33
- 308 Delanty, p. 121

309 Irons, p. 75; Levering, pp. 156–59; Gaddis, pp. 185, 187–88; Loth, (1988), pp. 26, 64

310 Adler and Paterson, pp. 1050–52; Gaddis, pp. 52–53; Parenti (1969), p. 126; Doenecke, *passim*; Heale, pp. 119, 124; Gaja, pp. 47–48

311 Vidal, pp. 929, 1097; Hitler and “Rosenfeld”: Hoenicke (1997), p. 78; Matthias, pp. 133–34; Zezima, pp. 35–38

312 Isenberg

313 Terkel, p. 570

314 Gaja, p. 18.

Глава 18

315 Deutscher, p. 519; Parenti (1969), pp. 136–38

316 Horowitz (1965), p. 278; Christopher Lasch во введении к Alperovitz (1985), pp. 19–20

317 McCullough, pp. 376–377; Williams (1962), p. 250; также McCormick, p. 45.

318 Цитата из Трумэна: Bernstein, p. 32; Parenti (1969), p. 126

319 Düllfer, p. 155

320 Alperovitz (1985), p. 223; Gaja, pp. 38–39

321. Alperovitz (1985), pp. 28, 156

322 Цитата из Трумэна: Alperovitz (1985), p. 24

323 См, например, статью Фрэзера (Fraser)

324 Zezima, p. 127

325 Процитировано в Horowitz (1967), p. 53, n.

326 Levine et al., p. 469; Slusser, p. 121

327 Cashman, p. 369

328 Об участии Голливуда в этом процессе мифотворчества см статью Митчелл (Mitchell). См. также статью Элдер (Elder) о том, как в америкаских школах преподносят трагедию Хиросимы и Нагасаки

329 Alperovitz (1985), pp. 26–27; McCormick, p. 4

330 Процитировано по Terkel, p. 535

331 Kohls

332 Ambrose (1993), p. 49; Paterson, Clifford, and Hagan, p. 457; Slusser, p. 121;

Sherry (1987), p. 339. См также Gaja, p. 45 «Реальная причина бомбардировок Хиросима и Нагасаки в том, чтобы заставить Японию капитулировать исключительно перед Макартуром...»

333 Paterson, Clifford, and Hagan, p. 458

334 Alperovitz (1985), pp. 248-64; Alperovitz (1970), p. 14; Horowitz (1967), p. 56 ff.; Gaja, pp 109, 114. *New York Herald Tribune* quoted in Alperovitz (1985), p. 252, n.

335 Kolko (1976), p. 355

336 Hanhimaki, pp. 354-55

337 Gaja, pp. 107-109; Horowitz (1965), pp. 95, 255, 270-71; Holloway, p. 147;

Alperovitz (1985), pp. 266-68

Глава 19

338 Marwick, pp. 247-48

339 Eiler, pp. 436-37; Irons, pp. 77-78; Levine et al., pp. 470-77; Fones-Wolf, pp. 15, 20; Oshinsky, pp. 124-27; Zieger, pp. 87, 92, 97-99

340 Filene, p. 164

341 Alan Brinkley, *passim*; Hamby, pp. 7-9, 16-17, 19; Blum, pp. 231, 262, 247-49; Barber, p. 165

342 Hopkins, Wallerstein et al., pp. 119-20

343 Griffith, *passim*, especially pp. 391, 396, 399

344 Bruhn, pp. 22-24

345 Fones-Wolf, pp. 26, 37; Irons, pp. 72-89; Sherry (1995), p. 48

346 Zinn (1980), pp. 417, 420, 422 ff.; Zieger, p. 108 ff.; Sivachyov and Yazkov, pp. 205-09

347 Kleinfeld, p. 54

348 Rosenbaum, p. 25

349 Claessens and Claessens, pp. 210-12; Parenti (1997), p. 58

350 Parenti (1996), pp. 44-45)

- 351 Bruhn, pp. 23–25
- 352 Kolko (1976), pp. 316–23; O’Connor, pp. 150–58; Chomsky, pp. 47, 106, 111; Galbraith, pp. 231–32; Vidal, pp. 794, 927; Paterson, pp. 203–212; Baran and Sweezy, p. 212
- 353 Adams, p. 75
- 354 Klare, p.12; Chossudovsky, pp. 99–100; “Military Budget of the United States”
- 355 См например, Cockburn, p. 736; Greider; Chomsky, pp. 87, 112
- 356 Zepezauer and Naiman, pp. 13–15; Adams, p. 117–18
- 357 Критику экономической теории «общественного блага» Самуэльсона см. в исследованиях Linder и Sensat. Vidal, p. 794; Bruhn, *passim*

Глава 20

- 358 См. комментарии о «гангстерской теории» нацизма и фашизма у Hoenicke (2010), pp. 88–89, 143, 167, 233–240; also Arato and Gebhardt, p.34
- 359 Pingel, pp. 784–97; Simpson (1993), pp. 13, 85 ff., 269–71; Eisenberg (1996), p. 130 ff.; Kolko (1968), p. 513
- 360 Simpson (1993), p 13
- 361 Hayes, pp. 361–63, 377–79; Borkin; “Holocaust-Ueberlebende klagen”; Ponting, pp. 282–83. Цитата о «курином воре» взята из Borkin, p. 195
- 362 Schmelzer, *passim*
- 363 Simpson (1993), *passim*, и особенно pp. 290–310
- 364 Цитата о “крупной рыбе» взята из Steininger, p. 130
- 365 Цитата взята из: Gimbel (1990c), p. 349
- 366 Gimbel (1990b), p. 448; Gimbel (1990c); Gimbel (1993), pp. 175–96; монографии авторов Bower, Hunt, и Jacobsen
- 367 Simpson (1993), pp. 150–53, 217 ff.; Berghahn (1993), p. 88; Gimbel (1990b)

368 См, например, Borkin, p. 58 ff.; Jonas, p. 222; Junker (1975), p. 104; Kolko (1962), pp. 721-25; Sampson (1973), pp. 33-38; Simpson (1993), pp. 96-97; Snell, pp. 15-16; Sobel, p. 89; Wilkins and Hill, p. 320

369 Pendergrast, pp. 218, 226 ff.; "Fanta boooo"; Lindner, p. 118; Raymond, p. 311

370 Black (2001), pp. 205, 360 ff., 371 ff.; see also Black (2009), pp. 127-60

371 Hofer and Reginbogin, p. 589; von Hassell and MacRae, pp. 223; Sutton, p. 53-54; Tooze, p. 128; Jeffreys. pp. 196-199; quotation from Black (2009), pp. 107-08

372 Helms, p. 113; Higham (1983), p. 93 ff.; Greiner, pp. 110-12

373 Higham (1983), p. 112

374 Helms, p. 113; Silverstein, pp. 12-13; Greiner, pp. 112-14; Kitman

375 Billstein et al., p. 25; Neliba; Kugler (1997a), pp. 40-41; Kugler (1997b), p. 69; Helms, p. 113

376 Snell, pp. 14-15; Kugler (1997a), pp. 53, 67; Kugler (1997b), p. 89; Wilkins and Hill, p. 320; цитата о «пионерах развития технологии» взята у Lindner, p. 104

377 Dobbs (1998a and 1998b)

378 Цитата взята у Helms, p.114; Dobbs (1998a and 1998b)

379 Helms, pp. 14-15; замечания о Transradio в Higham (1983), pp. 104-105

380 Black, pp. 339, 376, 392-395

381 Kugler (1997a), p. 65; см. также Billstein, pp. 34-36

382 Silverstein, pp. 15-16; Lindner, p. 121

383 О роли «опекуна вражеских активов» подробнее см. исследование автора Lindner

384 Black (2001), pp. 234-3

385 Black (2001), pp. 376, 400-02, 405, 415,7

386 Kugler (1997a), pp. 52, 61 ff., 67; Kugler (1997b), p.

387 Silverstein, pp. 12, 14; Helms, p. 115; Reich (1990), pp. 121, 123; "Dokumentation uber Zwangsarbeit bei Ford." О прибылях военного времени «вражеских предприятий» в общем см. Lindner, pp. 124-27

388 Billstein, p. 116; Silverstein, pp. 15-16; Greiner, p. 114

389 Billstein, p. 73; Kugler (1997a), pp. 55, 67; Kugler (1997b), p. 85

390 Black (2001), pp. 212, 253, 297-99

391 Black (2001), pp 59-60, 76-77

392 Сообщение А. Нейгебайера из городского архива Рюсселхайма автору, 4 февраля 2000 года; Lindner, pp. 126-127

393 Silverstein

394 Helms, p. 115; Higham (1983), pp. 158-159

395 Black (2001), pp. 212, 253, 297-99

396 Цитата из "Hitlers beflissene Hehler"

397 LeBor, p. 206; Trepp (1998), pp. 71-80; Higham (1983), pp. 1-19; Sampson (1973) p. 47; "VS-Banken collaboreerden met nazis"; Clarke

398 Liebig; "Hitlers beflissene Hehler"; Steinacher, pp. 190-93. Higham (1983), p. 72. Higham (1983), pp. 1-19 devotes an entire chapter to the BIS. О Маккитрике см. "Hitler's American banker", а также книгу автора Charguéraud. См. также документальный фильм "*Banking with Hitler*".

Глава 21

399 Признаем здесь, однако, что капиталистическая система иногда может извлекать выгоду из сравнительно высокого уровня заработной платы. Например, существенное увеличение заработной платы (возможно, в сочетании с другими уступками) может разрядить потенциально революционную ситуацию и, таким образом, сделать возможным дальнейшее

извлечение прибыли, любой прибыли, и тем самым позволить системе продолжать функционировать.

400 Engelman, pp. 263–64; Recker, *passim*; Kugler (1997b), pp. 71, 86

401 Lindner, p. 118; Pendergrast, p. 228; Reymond, p. 311; Friedman

402 Fings, p. 107

403 “Ford-Konzern wegen Zwangsarbeit verklagt”; Silverstein, p. 14; Billstein, pp.

53 ff., 135 ff.; Lueken; Simpson (1993), pp. 96–97; Kugler (1997a), p. 57;

Kugler (1997b), p. 72 ff., quote from p. 76.

404 Выпущенные за счет GM патриотические плакаты хранятся в отделе фотографий Национального архива в Вашингтоне

405 Higham (1983), preface, pp. xv, xxi

406 Higham (1983), pp. 44–46

407 Black (2001), pp. 333 ff., 348

408 Higham (1983), pp. 112–15 (quotation from p. 112); Sampson (1973), p. 40; Bower, pp. 78–79. Фотографии могилы Бена на Арлингтонском кладбище и медаль, полученную им от правительства США, можно увидеть на сайте, посвященном “героям и исследователям, которые покоятся здесь”: WWW.arlingtoncemetery.com/sbehn

409 Billstein, pp. 98–100, 118; Helms pp. 115–16; Reich (1990), pp. 124–25

410 Wilkins and Hill, pp. 344–46

411 Neugebauer, pp. 170–71; Billstein, pp. 77–79

412 Black (2001), pp. 406–09

413 Silverstein, p. 16; Snell, p. 16; Higham (1983), pp. 160, 177; Sampson (1973), p. 47; Reich (1990), p. 123; Link, p. 100; Billstein, pp. 73–75

414 Eisenberg (1996), p. 142.

415 Процитировано Zhilin, p. 10

416 Higham (1983), p. 212 ff.; Eisenberg (1982), p. 29; Eisenberg (1993), pp. 63-64; Eisenberg (1996), pp. 119-21; Link, pp. 100-06; Berghahn (1993), p. 88; Stone, pp. 21-24; Simpson (1993); Greiner, pp. 262-66; Billstein et al., pp. 96-97; Gaja, pp. 66-67. Цитата из Eisenberg (1996), p. 144
417 Minnear, p. 110 ff.; Chomsky, p. 249

Глава 22

418 Steininger, p. 143; Fisch, pp. 37-38
419 Loth (1994), pp. 10, 14-15, 19, 22-27; Loth (1995); Eisenberg (1996), p. 303
420 Eisenberg (1996)
421. Chomsky, p. 40; McCormick, p. 68; Kühnl (1973), p. 129; Hardach, pp. 20-21; Kahler and Link, p. 202
422 Gatzke, p. 168; Altmann, p. 199
423 Black (2001), p. 424
424 Neugebauer, pp. 177-78
425 Black (2001), pp. 418-19
426 Reich (1990), p. 116; Eisenberg (1996), pp. 86-87; Chomsky, p. 46
427 Eisenberg (1996), pp. 12, 233; Leffner (1992), p. 234; McCormick, p. 61; Dieterich, p. 123; Chomsky, p. 47
428 Leffner (1992), p. 230; Kolko (1968), pp. 515, 572; Eisenberg (1996), p. 317
429 Henke, pp. 714 ff., 731 ff., 761, 770; Gimbel (1986), p. 437 ff.; Jonscher and Schilling, pp. 267-68; Kolko (1968), p. 572; Weinberg, p. 830; Gardner, p. 241; "Carl Zeiss"; Cohen.
430 Simpson (1988), pp. 30-31; Bower, p. 110; "Das Totengold der Juden»
431 Henke, p. 742 ff.; Gimbel (1986), p. 438 ff.; Jonscher and Schilling, pp. 267-68; Brunzel, pp. 99-100; Bower, pp. 118, 137-40; Cohen
432 Schäfer, pp. 211-12; Kühnl (1971), p. 122 ff
433 Цитата Хоркхаймера из: Dieterich, p. 70; Mayer, p. 34

- 434 Black (2001), p. 420
- 435 Eisenberg (1996), pp. 274, 335-36; Kolko (1968), pp. 507-11
- 436 Steininger, pp. 117-18; Kolko and Kolko, pp. 125-26; Kühnl (1971), p. 71; Kühnl (1973), pp. 138-39; Altmann, p. 58 ff.; Stuby, pp. 91-101
- 437 Reich (1990), p. 135; Altmann, p. 73 ff.; Simpson (1993), pp. 247-48; Eisenberg (1983), *passim*; Eisenberg (1993), pp. 62-63, 73-74; Eisenberg (1996), p. 157; Neugebauer, pp. 179-81, 185-86
- 438 Визнер цитируется по Eisenberg (1983), p. 28
- 439 Hearden, pp. 89-90; Gaja, p. 17
- 440 Eisenberg (1996), pp. 269-76, 334-42; Pfeifer, pp. 40-42; Ruhl, pp. 404, 426-27; Reich (1990), p. 185
- 441 Leffner (1991), pp. 231-32, 234; Leffner (1992), p. 8; Chomsky, p. 4
- 442 Eisenberg (1983), p. 287 ff.; Eisenberg (1993); Eisenberg (1996), pp. 124-30, 344-45; Steininger, pp. 101-13; Boehling, pp. 281-306; Schäfer, pp. 212-13; Kolko (1968), pp. 507-09; Kühnl (1971), p. 72;
- 443 Altmann, p. 76 ff.; Simpson (1993), p. 248; Knapp, Link, Schröder, and Schwabe, pp. 164-65; Ruhl, pp. 404-05.
- 444 Neugebauer, pp. 174-75, 177, 180
- 445 Billstein, pp. 119-21; Silverstein, p. 16
- 446 Simpson (1993), pp. 185-88; Greiner, pp. 195-97
- 447 Цитата ветерана войны по: Terkel, p. 381
- 448 Hoenicke (2010), pp. 334-35
- 449 Schäfer, pp. 212-13; Tetens, pp. 236, 241-42
- 45 °См исследование автора Zorn
- 451 Deschner (1990), *passim*; Lacroix-Riz (1996), pp. 428 ff., 445 ff., 457-60, 463-64, 495-99 ff.; Caretto and Marolo, p. 109 ff.; "Pope Cracks Joke over New Auto»
- 452 Chomsky, p. 47; Leffner (1992), p. 8; Altmann, p. 198; Livingston, pp. 11-16
- 453 Gimbel (1975), p. 278; Eisenberg (1983), p. 303
- 454 Hoenicke (2010), p. 345

455 Kolko (1968), pp. 573–75; Loth (1994), p. 37; Hardach, pp. 21–22; Fisch, p. 74; Paterson, Clifford, and Hagan, p. 449; Williams (1962), pp. 259–60; Backer, pp. 162–63; Overesch (1979), pp. 128–30

456 О приостановлении генералом Клеем репараций в пользу СССР см: Gimbel (1975); по вопросам репараций и разделения Германии в целом, см исследование автора Kuklick

457 Eisenberg (1996), p. 322

458 Hardach, p. 46; Hopkins, Wallerstein, et al., pp. 15–16; Leffner (1992), p. 232 ff.; Paterson, Clifford, and Hagan, pp. 452, 455

459 Gaddis, p. 260; Williams (1962), pp. 208–09; Ambrose (1997)

460 Eisenberg (1996), pp. 314, 389, 436; Loth (1994), p. 21; Backer, p. 162

461 Loth (1994), p. 23; Simpson (1988), pp. 55–56

462 Backer, p. 16

463 Fisch, pp. 200–01

464 Loth (1988), p. 70; Loth (1994), p. 15; Backer, p. 162, Linz, p. 21; Millar (1985), pp. 284–85; Ponting, p. 295; Zhilin, p. 6

465 Gimbel (1990a), p. 296; Gimbel (1993), pp. 182, 186, 192–94

Глава 23

466 Zinn (1980), pp. 124–46, 514; Loewen, p. 110 ff.; Schäfer, p. 205; Delanty, p.

119; Zezima, p. 6

467 Zinn (1980), p. 398

468 Цитата Лоуренса Виттнера из: Zinn (1980), p. 416

469 Millar (1985), p. 289

470 Parenti (1997), pp. 49, 56; see also Bernal, p. 1176; Gaja, p. 102

471 Costs and consequences of arms race: Bruhn, *passim*; see also Dowd, pp. 114, 289.

472 Трумэн процитирован по Matthias, pp. 125–26

473 Parenti (1997), p. 58

474 Критику Фукуямы см. Gray, pp. 119–21

475 “National Debt of the United States»

476 Sampson (1973), p. 46

477 Zepezauer and Naiman, pp. 69–70

478 Налоговые данные: Zepezauer and Naiman, pp. 69–70. Более 30 миллион бедных американцев в 1989 году:

www.census.gov/search-results.html?page=1&stateGeo=none&searchtype=web&q=poverty+statistics+1989. Percentage

of officially poor Americans:

www.census.gov/hhes/www/poverty/data/census/1960/cphl162.html

Избранный список использованной литературы

Для ознакомления с полным списком источников посетите сайт <http://tinyurl.com/mythbiblio>

Michael C. C. Adams, *The Best War Ever: America and World War II*. Baltimore and London, 1994.

Les K. Adler and Thomas G. Paterson, "Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's—1950's,"

American Historical Review, Vol. LXXV, No. 4, April 1970, pp. 1047—64.

Gar Alperovitz, *Cold War Essays*, Garden City, NY, 1970.

Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the

American Confrontation with Soviet Power, new edition, Harmondsworth, Middlesex, 1985 (original edition 1965).

The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth, New York, 1995.

Stephen E. Ambrose, *Rise to Globalism: American Foreign Policy Since 1938*, 7th, revised edition, New York, 1993.

When the Americans Came Back to Europe," The International Herald Tribune, May 28, 1997.

Americans at War, New York, 1998.

John H. Backer, "From Morgenthau Plan to Marshall Plan," in Robert Wolfe (ed.),

Americans as Proconsuls: United States Military Governments in Germany and Japan, 1944–1952, Carbondale and Edwardsville, IL, 1984, pp. 155—65.

John Bagguley, "The World War and the Cold War," in David Horowitz (ed.), *Containment and Revolution*, Boston,

1967, pp. 76—124.

Neil Baldwin, *Henry Ford and the Jews: The Mass Production of Hate*, New York, 2001.

William J. Barber, *Designs within Disorder: Franklin D. Roosevelt, the Economists, and the Shaping of American Economic Policy, 1933–1945*, Cambridge, 1996.

Michael Barson, *“Better Dead than Red!”: A Nostalgic Look at the Golden Years of Russiaphobia, Red-Baiting, and Other Commie Madness*, New York, 1992.

Edward M. Bennett, *Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945*, Wilmington, DE, 1990.

Volker Berghahn, “Resisting the Pax Americana? West German Industry and the United States, 1945—55,” in Michael Ermarth (ed.), *America and the Shaping of German Society, 1945–1955*, Providence and Oxford, 1993, pp. 85—100.

“Writing the History of Business in the Third Reich: Past Achievements and Future Directions”, in Francis R. Nicosia and Jonathan Huener (eds.), *Business and Industry in Nazi Germany*, New York and Oxford, 2004, pp. 129—48.

Barton J. Bernstein (ed.), *Politics and Policies of the Truman Administration*, Chicago, 1970.

Reinhold Billstein, Karola Fings, Anita Kugler, and Nicholas Levis, *Working for the Enemy: Ford, General Motors, and Forced Labor during the Second World War*, New York and Oxford, 2000.

Edwin Black, *IBM and the Holocaust: The Strategic Alliance between Nazi Germany and America’s Most Powerful Corporation*, London, 2001.

Edwin Black, *Nazi Nexus: America’s Corporate Connections to Hitler’s Holocaust*, Washington, DC, 2009.

John Morton Blum, *V Was for Victory: Politics and American Culture During World War II*, New York and London, 1976.

Rebecca Boehling, "US Military Occupation, Grass Roots Democracy, and Local German Government," in Jeffry M. Diefendorf, Axel Frohn, and Hermann-Josef

Rupieper (eds.), *American Policy and the Reconstruction of West Germany, 1945-1955*, Cambridge, 1993, pp. 281-306.

Joseph Borkin, *The Crime and Punishment of I.G. Farben*, New York, 1978.

Stuart D. Brandes, *Warhogs: A History of War Profits in America*, Lexington, KY, 1997.

David Brinkley, *Washington Goes to War*, New York and Toronto, 1989.

Russell D. Buhite and Wm. Christopher Hamel, "War or Peace: The Question of an American Preventive War against the Soviet Union, 1945-1955," *Diplomatic History*, Vol. 14, No. 3, Summer 1990, pp. 367-84.

V. R. Cardozier, *The Mobilization of the United States in World War II: How the Government, Military and Industry Prepared for War*, Jefferson, NC, and London, 1995.

Peter N. Carroll and David W. Noble, *The Free and the Unfree: A New History of the United States*, 2nd edition, New York, 1988.

Sean Dennis Cashman, *America, Roosevelt, and World War II*, New York and London, 1989.

Ron Chernow, *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance*, New York, 1990.

Wayne S. Cole, *Roosevelt and the Isolationists, 1932-45*, Lincoln, NE, 1983.

James V. Compton, "The Swastika and the Eagle," in Arnold A. Offner (ed.), *America and the Origins of World War II, 1933-1941*, New York, 1971, pp. 159-83.

Ed Cray, *Chrome Colossus: General Motors and its Times*, New York, 1980.

Richard G. Davis, "'Operation Thunderclap': The US Army Air Forces and the Bombing of Berlin," *Journal of*

Strategic Studies, Vol. 14, № 1, March 1991, pp. 90—111.

Bernard F. Dick, *The Star-Spangled Screen: The American World War II Film*, Lexington, KY, 1985.

Jeffrey M. Diefendorf, Axel Frohn, and Hermann-Josef Rupieper (eds.), *American Policy and the Reconstruction of Germany, 1945–1955*, Cambridge, 1993.

John P. Diggins, *Mussolini and Fascism: The View from America*, Princeton, NJ, 1972.

Bill Doares, "The Hidden History of World War II, Part I: Corporate America and the Rise of Hitler," *Workers' World*, New York, May 4, 1995.

Michael Dobbs, "US Automakers Fight Claims of Aiding Nazis," *The International Herald Tribune*, December 3, 1998 (1998a).

"Ford and GM Scrutinized for Alleged Nazi Collaboration," *The Washington Post*, December 12, 1998 (1998b).

William E. Dodd, Jr., and Martha Dodd (eds.), *Ambassador Dodd's Diary 1933–1938*, New York, 1941.

Justus D. Doenecke, "Rehearsal for Cold War: United States Anti-Interventionists and the Soviet-Union, 1939–1941," *International Journal of Politics, Culture and Society*, Vol. 7, No. 3, 1994, pp. 375—92.

Justus D. Doenecke and John E. Wilz, *From Isolation to War 1931–1941*, 2nd edition, Arlington Heights, IL, 1991.

Roy Douglas, *The World War 1939–1943: The Cartoonists' Vision*, London and New York, 1990.

Doug Dowd, *Blues for America: A Critique, A Lament, and Some Memories*, New York, 1997.

Richard B. Du Boff, *Accumulation and Power: An Economic History of the United States*, Armonk, NY, and London, 1989.

Murray Edelman, *Constructing the Political Spectacle*, Chicago and London, 1988.

Keith E. Eiler, *Mobilizing America: Robert P. Patterson and the War Effort 1940–1945*, Ithaca, NY, and London,

1997.

Carolyn Woods Eisenberg, "U.S. Policy in Post-war Germany: The Conservative Restoration," *Science and Society*, Vol. XLVI, No. 1, Spring 1982, pp. 24-38.

"Working-Class Politics and the Cold War: American Intervention in the German Labor Movement, 1945-49," *Diplomatic History*, Vol.7, No. 4, Fall 1983, pp. 283-306.

"The Limits of Democracy: US Policy and the Rights of German Labor, 1945-1949," in Michael Ermarth (ed.), *America and the Shaping of German Society, 1945-1955*, Providence, RI, and Oxford, 1993, pp. 60-81.

Drawing the Line: The American Decision to divide Germany, 1944-1949, Cambridge, 1996.

Michael Ermarth (ed.), *America and the Shaping of German Society, 1945-1955*, Providence, RI, and Oxford, 1993.

"Fanta boooo," *Ciao!* October 12, 2008, www.ciao.co.uk/Fanta_Orange_Review_5794341.

David Farber, *Sloan Rules: Alfred P. Sloan and the Triumph of General Motors*, Chicago and London, 2002.

Joe R. Feagin and Kelly Riddell, "The State, Capitalism, and World War II: The US Case," *Armed Forces and Society*, Vol. 17, No. 1, Fall 1990, pp. 53-79.

Peter G. Filene, *American Views of Soviet Russia 1917-1965*, Homewood, IL, 1968.

Philip Sheldon Foner, *History of the Labor Movement in the United States. Volume VIII: Postwar Struggles, 1918-1920*, New York, 1988.

Elizabeth A. Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise: The Business Assault on Labor and Liberalism, 1945-60*, Urbana, IL, and Chicago, 1994.

John S. Friedman, "Kodak's Nazi Connections," *The Nation*, March 26, 2001.

Grover Furr, *Khrushchev Lied: The Evidence That Every 'Revelation' of Stalin's (and Beria's) 'Crimes' in Nikita Khrushchev's Infamous 'Secret Speech' to the 20th Party*

Congress of the Communist Party of the Communist Party of the Soviet Union on February 25, 1956, is Probably False, Kettering/Ohio, 2010.

Paul Fussell, *Wartime: Understanding and Behavior in the Second World War*, New York and Oxford, 1989.

John Lewis Gaddis, *The United States and the Origins of the Cold War 1941–1947*, New York and London, 1972.

Lloyd C. Gardner, *Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy 1941–1949*, Chicago, 1970.

John A. Garraty, *Unemployment in History: Economic Thought and Public Policy*, New York, 1978.

Hans W. Gatzke, *Germany and the United States: A "Special Relationship"?* Cambridge, MA, and London, 1980.

Dieter Georgi, "The Bombings of Dresden," *Harvard Magazine*, Vol. 87, No. 4, March-April 1985, pp. 56–64.

Germany Surrenders 1945, Washington, DC, 1976.

J. Arch Getty, Gabor Rittersporn, and Victor Zemskov, "Victims of the Soviet Penal

System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence," *American Historical Review*, Vol. 98, October 1993, pp. 1017–49.

John Gimbel, "The American Reparations Stop in Germany: An Essay on the Political Uses of History," *The Historian*, Vol. 37, No. 2, February 1975, pp. 276–96, "U.S. Policy and German Scientists: The Early Cold War," *Political Science Quarterly*, 1986, No. 3, pp. 433–51.

"The American Exploitation of German Technical Know-How after World War II," *Political Science Quarterly*, Vol. 105, No. 2, Summer 1990, pp. 295–309 (1990a).

"German Scientists, United States Denazification Policy, and the 'Paperclip' Conspiracy," *The International History Review*, Vol. XII, No. 3, August 1990, pp. 441–65 (1990b).

"Project Paperclip: German Scientists, American Policy, and the Cold War," *Diplomatic History*, Vol. 14, No. 3, Summer 1990, pp. 343–65 (1990c).

“Science, Technology, and Reparations in Postwar Germany,” in Jeffry M. Diefendorf, Axel Frohn, and Hermann-Josef Rupieper (eds.), *American Policy and the Reconstruction of Germany, 1945–1955*, Cambridge, 1993, pp. 175–96.

John Gray, *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*, London, 1998.

A. C. Grayling, *Among the Dead Cities: Was the Allied Bombing of Civilians in WW II a Necessity or a Crime?* London, 2006.

William Greider, *Fortress America: The American Military and the Consequences of Peace*, New York, 1998.

Robert Griffith, “The Selling of America: The Advertising Council and American Politics, 1942–1960,” *Business History Review*, Vol. LVII, Autumn 1983, pp. 388–413.

Peter Grose, *Operation Rollback: America’s Secret War Behind the Iron Curtain*, Boston and New York, 2000.

Alfred Grosser, *The Western Alliance: European-American Relations Since 1945*, New York, 1982.

Alonzo L. Hamby, *Beyond the New Deal: Harry S. Truman and American Liberalism*, New York and London, 1973.

Jussi Hanhimäki, “‘Containment’ in a Borderland: The United States and Finland,

1948–49,” *Diplomatic History*, Vol. 18, No. 3, summer 1994, pp. 353–74.

Randall Hansen, *Fire and Fury: the Allied Bombing of Germany, 1942–45*, Toronto, 2008.

Fraser J. Harbutt, *The Iron Curtain: Churchill, America, and the Origins of the Cold War*, New York and Oxford, 1986.

John Lamberton Harper, *American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson*, Cambridge and New York, 1994.

Peter Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era*, Cambridge, 1987.

M. J. Heale, *American Anticommunism: Combating the Enemy Within 1830–1970*, Baltimore and London, 1990.

Patrick J. Hearden, *Roosevelt Confronts Hitler: America's Entry into World War II*, Dekalb, IL, 1987.

James Heartfield, *An Unpatriotic History of the Second World War*, Winchester and Washington, 2012.

Charles Higham, *Trading with the Enemy: An Exposé of The Nazi-American Money Plot 1933–1949*, New York, 1983.

Robert L. Hilliard, *Surviving the Americans: The Continued Struggle of the Jews after Liberation*, New York, 1997.

Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Part 2, Washington, 1975.

Christopher Hitchens, "Imagining Hitler," *Vanity Fair*, No. 462, February 1999, pp. 22–27.

Michaela Hoenicke Moore, *Know Your Enemy: The American Debate on Nazism, 1933–1945*, Cambridge, 2010.

David Holloway, "Fear and Competition: The Soviet Response to America's Atomic Monopoly," in Thomas G. Paterson and Robert J. McMahon (eds.), *The*

Origins of the Cold War, 3rd edition, Lexington, MA, and Toronto, 1991, pp. 137–47.

David Horowitz (ed.), *The Free World Colossus: A Critique of American Foreign Policy in the Cold War*, London, 1965.

From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War,

Harmondsworth, Middlesex, 1967.

Thomas Howell, "The Writers' War Board: U.S. Domestic Propaganda in World War II," *The Historian*, Vol. 59, No. 4, Summer 1997, pp. 795–813.

Linda Hunt, *Secret Agenda: The United States Government, Nazi Scientists, and Project Paperclip, 1945 to 1990*, New York, 1991.

Samuel Hynes, *The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War*, New York, 1997.

Akira Iriye, *The Origins of the Second World War in Asia and in the Pacific*, London and New York, 1987.

Peter H. Irons, "American Business and the Origins of McCarthyism: The Cold War Crusade of the American Chamber of Commerce," in Robert Griffith and

Athan Theoharis (eds.), *The Specter: Original Essays on the Cold War and the Origins of McCarthyism*, New York, 1974, pp. 72-89.

Noah Isenberg, "Double Enmity," *The Nation*, January 1, 2001.

John W. Jeffries, *Wartime America: The World War II Home Front*, Chicago, 1996.

T. Christopher Jespersen, *American Images of China 1931-1949*, Stanford, CA, 1996.

Manfred Jonas, *The United States and Germany: A Diplomatic History*, Ithaca, NY, and London, 1984.

Miles Kahler and Werner Link, *Europe and America: A Return to History*, New York, 1996.

John Keegan, *The Battle for History: Re-Fighting World War Two*, Toronto, 1995.

Ian Kershaw, *Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis and the Road to World War II*, New York, 2004.

Helene Keyssar and Vladimir Pozner, *Remembering War: A U.S.-Soviet Dialogue*, New York and Oxford, 1990.

Warren F. Kimball, "FDR and Allied Grand Strategy, 1944-1945: The Juggler's Last Act," in Charles F. Brower (ed.), *World War II in Europe: The Final Year*, New York, 1998, pp. 1538.

Gerald R. Kleinfeld, "The Genesis of American Policy Toward the GDR: Some Working Hypotheses," in Reiner Pommerin (ed.), *The American Impact on Postwar*

Germany, Providence, RI, and Oxford, 1995, pp. 53-64.

Gabriel Kolko, "American Business and Germany, 1930-1941," *The Western Political Quarterly*, Vol. XV, No. 4, December 1962, pp. 713-28.

The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945, New York, 1968.

Main Currents in Modern American History, New York, 1976.

Century of War: Politics, Conflicts, and Society Since 1914, New York, 1994.

Joyce and Gabriel Kolko, The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954, New York, 1972.

Clayton R. Koppes and Gregory D. Black, Hollywood Goes to War: How Politics, Profits, and Propaganda Shaped World War II Movies, New York and London, 1987.

Stefan Kühl, The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism, New York, 1994.

Judy Kutulas, The Long War: The Intellectual People's Front and Anti-Stalinism, 1930–1940, Durham, NC, and London, 1995.

Melvyn P. Leffler, "The American Drive for Security: Marshall Plan, Revival of Germany, and NATO," in Thomas G. Paterson and Robert J. McMahon, The Origins of the Cold War, 3rd edition, Lexington, MA, and Toronto, 1991, pp. 229–240.

A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration and the Cold War, Stanford, 1992.

Clement Leibovitz and Alvin Finkel, In Our Time: The Chamberlain-Hitler Collusion, New York, 1998.

Sidney Lens, Permanent War: The Militarization of America, New York, 1987.

Ralph B. Levering, American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945, Chapel Hill, NC, 1976.

David Lanier Lewis, The Public Image of Henry Ford: An American Folk Hero and his Company, Detroit, 1976.

Eric Lichtblau, The Nazis Next Door; How America Became A Safe Haven For Hitler's Men, Boston and New York, 2014.

Marc Linder, in collaboration with Julius Sensat, Jr., *The Anti-Samuelson*.

Macroeconomics: Basic Problems of the Capitalist Economy, 2 volumes, New York, 1977.

Richard R. Lingeman, *Don't You Know There's a War on?: The American Home Front, 1941-1945*, New York, 1970.

Susan J. Linz (ed.), *The Impact of World War II on the Soviet Union*, Towota, NJ, 1985.

James W. Loewen, *Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong*, New York, 1995.

Wilfried Loth, *The Division of the World 1941-1955*, London, 1988.

Callum A. MacDonald, "The United States, Appeasement and the Open Door," in Wolfgang J. Mommsen and Lothar Kettenacker (eds.), *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*, London, 1983, pp. 400—12.

Robert James Maddox, *From War to Cold War: The Education of Harry S. Truman*, Boulder, CO, 1988.

The United States and World War II, Boulder, CO, 1992.

Thomas R. Maddux, "Watching Stalin Maneuver Between Hitler and the West: American Diplomats and Soviet Diplomacy, 1934-1939," *Diplomatic History*, Vol. 1, No. 2, Spring 1977, pp. 140—54.

Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933-1941, Tallahassee, FL, 1980.

Charles S. Maier, "Why the Allies Did It," *Harvard Magazine*, Vol. 87, No. 4, March-April 1985.

Eduard Mark, "October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927-1947," *American*

Historical Review, Vol. 94, No. 4, October 1989, pp. 937—62.

Leon Martel, *Lend-Lease, Loans, and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy*, Boulder, CO, 1979.

Arthur Marwick, *Class: Image and Reality in Britain, France and the USA since 1930*, New York, 1980.

David Mayers, *The Ambassadors and America's Soviet Policy*, New York and Oxford, 1995.

Laurence W. Mazzeno, "Getting the Word to Willie and Joe," *Military Review*, Vol.

LXVII, No. 8, August 1987, pp. 69–82.

Thomas J. McCormick, *America's Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War*, Baltimore and London, 1989.

Alexander McKee, *Dresden 1945: The Devil's Tinderbox*, London, 1982.

Henry Cord Meyer, *Five Images of Germany: Half a Century of American Views on German History*, Washington, 1960.

James V. Milano and Patrick Brogan, *Soldiers, Spies and the Rat Line: America's Undeclared War Against the Soviets*, Washington and London, 1995.

James R. Millar, "Conclusion: Impact and Aftermath of World War II," in Susan J. Linz (ed.), *The Impact of World War II on the Soviet Union*, Towota, NJ, 1985, pp. 283–91.

The Soviet Economic Experiment, Urbana, IL, 1990.

C. Wright Mills, *The Power Elite*, New York, 1956.

Robert K. Murray, *Red Scare: A Study of National Hysteria, 1919–1920*, New York, 1964.

Williamson Murray and Allan R. Millet (eds.), *Military Innovation in the Interwar Years*, Cambridge, 1996.

Derek Nelson, *The Posters That Won The War*, Osceola, WI, 1991.

"No Canadian Scandal," letter published in *The Globe and Mail*, Toronto, October 4, 1997.

David W. Noble, David A. Horowitz, and Peter N. Carroll, *Twentieth Century Limited: A History of Recent America*, Boston, 1980.

Arnold A. Offner, *American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933–1938*, Cambridge, MA,

1969.

“American Appeasement, 1933–1938,” in Arnold Offner (ed.), *America and the Origins of World War II, 1933–1941*, Boston, 1971, pp. 54–76.

“The United States and National Socialist Germany,” in Wolfgang J.

Mommsen and Lothar Kettenacker (eds.), *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*, London, 1983, pp. 413–27.

“Harry S Truman as Parochial Nationalist,” in Thomas G. Paterson and

Robert J. McMahon (eds.), *The Origins of the Cold War*, 3rd edition, Lexington, MA, and Toronto, 1991, pp. 49–60.

David O’Keefe, *One Day in August: The Untold Story behind Canada’s Tragedy at Dieppe*, Toronto, 2013.

Mancur Olson, *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Interest Groups*, Cambridge, MA, and London, 1965.

William L. O’Neill, *A Democracy at War: America’s Fight at Home and Abroad in World War II*, New York, 1993.

Torsten Oppelland, “Der lange Weg in den Krieg (1900–1918),” in Klaus Larres and Torsten Oppelland (ed.), *Deutschland und die USA im 20. Jahrhundert:*

Geschichte der politischen Beziehungen, Darmstadt, 1997, pp. 1–30.

Richard Overy, *Why the Allies Won*, London, 1995.

Russia’s War, London, 1997.

Michael Parenti, *The Anti-Communist Impulse*, New York, 1969.

Power and the Powerless, New York, 1978.

The Sword and the Dollar: Imperialism, Revolution, and the Arms Race, New York, 1989.

Against Empire, San Francisco, 1995 (1995a).

Democracy for the Few, 6th edition, New York, 1995 (1995b).

Dirty Truths: Reflections on Politics, Media, Ideology, Conspiracy, Ethnic Life and Class Power, San Francisco, 1996.

Blackshirts and Reds: Rational Fascism and the Overthrow of Communism, San Francisco, 1997.

History as Mystery, San Francisco, 1999.

Thomas G. Paterson, "Exaggerations of the Soviet Threat," in Thomas G. Paterson and Robert J. McMahon (eds.), *The Origins of the Cold War*, 3rd edition, Lexington, MA, and Toronto, 1991, pp. 203—12.

Thomas G. Paterson, J. Garry Clifford, and Kenneth J. Hagan, *American Foreign Policy: A History / 1900 to Present*, Lexington, MA, and Toronto, 1991.

Jacques R. Pauwels, "Hitler's Failed Blitzkrieg against the Soviet Union. The 'Battle of Moscow' and Stalingrad: Turning Point of World War II," *Global Research*, December 6, 2011, globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=28059.

Big business avec Hitler, Brussels, 2013.

De Groote Klassenoorlog 1914-1918, Berchem, 2014.

Mark Pendergrast, *For God, Country, and Coca-Cola: The Unauthorized History of the Great American Soft Drink and the Company That Makes It*, New York, 1993.

Clive Ponting, *Armageddon: The Second World War*, London, 1995.

Walter S. Poole, "From Conciliation to Containment: The Joint Chiefs of Staff and the Coming of the Cold War, 1945-1946," *Military Affairs*, Vol. XLII, No. 1, February 1978, pp. 12-15.

Robert C. Puth, *American Economic History*, 2nd edition, Fort Worth, TX, 1988.

Simon Reich, *The Fruits of Fascism: Postwar Prosperity in Historical Perspective*, Ithaca, NY, and London, 1990.

"The Ford Motor Company and the Third Reich," *Dimensions: A Journal of Holocaust Studies*, Vol. 13, No. 2, December 1999, pp. 15-17.

Simon Reich and Lawrence Dowler, *Research Findings About Ford-Werke Under the Nazi Regime*, Dearborn, MI, 2001.

David Reynolds, *Rich Relations: The American Occupation of Britain, 1942–1945*, New York, 1995.

David Reynolds, Warren F. Kimball, and A. O. Chubarian (eds.), *Allies at War: The Soviet, American, and British Experience, 1939–1945*, New York, 1994.

Geoffrey Roberts, *Stalin's Wars from World War to Cold War, 1939–1953*, New Haven, CT, and London, 2006.

George H. Roeder, Jr., *The Censored War: American Visual Experience during World War Two*, New Haven, CT, and London, 1993.

Steven T. Ross, *American War Plans 1941–1945: The Test of Battle*, London and Portland, OR, 1997.

Mario Rossi, "United States Military Authorities and Free France, 1942–1944," *The Journal of Military History*, Vol. 61, No. 1, January 1997, pp. 49–64.

Floyd Rudmin, "Secret War Plans and the Malady of American Militarism,"

Counterpunch, 13:1, February 17–19, 2006, pp. 4–6, www.counterpunch.org/2006/02/17/secret-war-plans-and-the-malady-of-american-militarism.

Keith Sainsbury, *Churchill and Roosevelt at War: The War They Fought and the Peace They Hoped to Make*, New York, 1994.

Anthony Sampson, *The Sovereign State of ITT*, New York, 1973.

The Seven Sisters: The Great Oil Companies and the World They Made, New York, 1975.

Michael Sayers and Albert E. Kahn, *The Plot against the Peace: A Warning to the Nation!* New York, 1945.

Ronald Schaffer, "American Military Ethics in World War II: The Bombing of German Civilians," *The Journal of Military History*, Vol. 67, No. 2, September 1980, pp. 318–34.

David F. Schmitz, "'A Fine Young Revolution': The United States and the Fascist Revolution in Italy, 1919-1925," *Radical History Review*, No. 33, September 1985, pp. 117—38.

Thank God They're on Our Side: The United States and Right-Wing Dictatorships, 1921-1965, Chapel Hill, NC, and London, 1999.

Michael S. Sherry, *The Rise of American Air Power: The Creation of Armageddon*, New Haven, CT, and London, 1987.

In the Shadow of War: The United States Since the 1930s, New Haven, CT, and London, 1995.

Michael S. Shull and David E. Wilt, *Doing Their Bit: Wartime American Animated Short Films, 1939-1945*, Jefferson, NC, and London, 1987.

Ken Silverstein, "Ford and the Führer," *The Nation*, January 24, 2000, pp. 11-16.

Christopher Simpson, *Blowback: The First Full Account of America's Recruitment of Nazis, and Its Disastrous Effect on our Domestic and Foreign Policy*, New York, 1988.

The Splendid Blond Beast: Money, Law, and Genocide in the Twentieth Century, New York, 1993.

Nikolai V. Sivachev and Nikolai N. Yakovlev, *Russia and the United States*, Chicago and London, 1979.

N. Sivachyov and E. Yazkov, *History of the USA Since World War I*, Moscow, 1976.

Robert M. Slusser, "Soviet Policy and the Division of Germany, 1941-1945," in Susan J. Linz (ed.), *The Impact of World War II on the Soviet Union*, Towota, NJ, 1985, pp. 107—25.

Melvin Small, "How We Learned to Love the Russians: American Media and the Soviet Union During World War II," *The Historian*, Vol. 36, May 1974, pp. 455-478.

"The 'Lessons' of the Past: Second Thoughts about World War II," in Norman K. Risjord (ed.), *Insights on American History*. Vol. II, San Diego, 1988.

Arthur L. Smith, Jr., *Churchill and the German Army* (1945): *Some Speculations on the Origins of the Cold War*, Center for the Study of Armament and Disarmament, California State University, Los Angeles, 1974.

Churchill's *German Army: Wartime Strategy and Cold War Politics, 1943–1947*, Beverly Hills, CA, 1977.

Bradford Snell, "GM and the Nazis," *Ramparts*, Vol. 12, No. 11, June 1974, pp. 14–16.

Robert Sobel, *ITT: The Management of Opportunity*, New York, 1982.

Richard W. Steele, "'The Greatest Gangster Movie Ever Filmed': Prelude to War,"

Prologue: The Journal of the National Archives, Vol. 11, No. 4, Winter 1979, pp. 221—35.

Alexander Stephan, *"Communazis": FBI Surveillance of German Emigré Writers*, New Haven, CT, and London, 2000.

Robert B. Stinnett, *Day of Deceit: The Truth about FDR and Pearl Harbor*, New York, 2000.

Mark A. Stoler, "The 'Second Front' and American Fear of Soviet Expansion, 1941–1943," *Military Affairs*, Vol. XXXIX, No. 3, October 1975, pp. 136—41.

Anthony C. Sutton, *Wall Street and the Rise of Hitler*, Seal Beach, CA, 1976.

Frederick Taylor, *Dresden: Tuesday, February 13, 1945*, New York, 2005.

Studs Terkel, *"The Good War": An Oral History of World War Two*, New York, 1984.

T. H. Tetens, *The New Germany and the Old Nazis*, London, 1962.

Robert W. Thurston, *Life and Terror in Stalin's Russia 1934–1941*, New Haven, CT, and London, 1996.

Tooze, Adam. *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*, London, 2006.

Henry Ashby Turner, Jr., *General Motors and the Nazis: The Struggle for Control of Opel, Europe's Biggest Carmaker*, New Haven, CT, and London, 2005.

William W. Turner, *Hoover's FBI*, New York, 1993.

Harold G. Vatter, *The U.S. Economy in World War II*, New York, 1985.

Milton Viorst, *Hostile Allies: FDR and Charles de Gaulle*, New York and London, 1965.

Agostino von Hassell and Sigrid McRae, *Alliance of Enemies: The Untold Story of the Secret American and German Collaboration to End World War II*, New York, 2006.

Mary-Alice Waters, "1945: When US Troops Said 'No!': A Hidden Chapter in the Fight Against War," *New International: A Magazine of Marxist Politics and Theory*, No. 7, 1991, pp. 279–300.

T. H. Watkins, *The Great Depression: America in the 1930s*, Boston, 1993.

Kenneth E. Weiher, *America's Search for Economic Stability: Monetary and Fiscal Policy Since 1913*, New York, 1992.

Gerhard L. Weinberg, *A World at Arms: A Global History of World War II*, Cambridge, 1994.

Mira Wilkins, *The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970*, Cambridge, MA, and London, 1974.

Mira Wilkins and Frank Ernest Hill, *American Business Abroad: Ford on Six Continents*, Detroit, 1964.

William Appleman Williams, *The Tragedy of American Diplomacy*, revised edition, New York, 1962.

"American Intervention in Russia: 1917–20," in David Horowitz (ed.),

Containment and Revolution, Boston, 1967, pp. 26–75.

"Empire as a Way of Life," *Radical History Review*, No. 50, Spring 1991, pp. 71–102.

Allan M. Winkler, *The Politics of Propaganda: The Office of War Information 1942–1945*, New Haven and London, 1978.

Neil A. Wynn, "The 'Good War': The Second World War and Postwar American Society," *The Journal of*

Contemporary History, Vol. 31, No. 3, July 1996, pp. 463–482.

Wyvetra B. Yeldell, Publications of the US Army Center of Military History, Washington, DC, 1997.

Mark Zepezauer and Arthur Naiman, Take the Rich Off Welfare, Tucson, AZ, 1996.

Michael Zezima, Saving Private Power: The Hidden History of the “Good War,” New York, 2000.

Robert H. Zieger, American Workers, American Unions, 2nd edition, Baltimore and London, 1994.

Gerard Colby Zilg, Du Pont: Behind the Nylon Curtain, Englewood Cliffs, NJ, 1974.

Howard Zinn, A People’s History of the United States, s.l., 1980.

Howard Zinn on War, New York and London, 2001.

Благодарность

Трудно перечислить всех тех, кто каким-либо образом помог написанию этой книги, но некоторые из них заслуживают особого упоминания. В первую очередь среди них мои родители, бабушка, дяди и тети, братья и сестры и многие другие родственники, соседи, друзья и товарищи, которые пережили Вторую мировую войну; их рассказы об этом потрясшем планету конфликте вызвали живой интерес ребенка, которому повезло, что он увидел свет после того, как на землю пали последние бомбы. Чувство более систематического и критического подхода к истории мне в первую очередь привил мой учитель истории в средней школе небольшого фламандского городка Экло, Карлос Де Раммеларе. В государственном университете Гента мне посчастливилось слушать замечательный курс введения в современную историю у профессора Яна Дхондта. А без профессора Майкла Катера из Йоркского университета в Торонто я не знал бы практически ничего о гитлеровском Третьем рейхе и слишком мало о Второй мировой войне. Наконец, на закате моего затянувшегося студенчества ряд политологов, экономистов и представителей других общественных наук из Университета Торонто, среди них Кристиан Бэй, Стивен Кларксон, Сьюзан Соломон, Майкл Требилкок и Каролин Туохи, познакомили меня с основными принципами политической экономии, академической дисциплины, которая в наши дни не пользуется той популярностью, которая она заслуживает. Я также хочу отметить нескольких авторов, чьи работы произвели глубокое впечатление на меня: Мюррей Эдельман, Гэбриэл Колко, Томас Кун, Рейнхард Кюнль, Джордж Лукач, Майкл Паренти и Говард Зинн. Нельзя не

отметить и многих моих друзей в Европе и Северной Америке, с которым я вел, в частности, продуктивные дискуссии на такие темы, как фашизм, коммунизм, капитализм и, конечно, Вторая мировая война: Жана-Франсуа Кромбуа, Джона Хилла, Марка Липинкотта, Ханса Оппея, Майкла Куинна, Говарда Вудхауса. Я также узнал очень много о Второй мировой войне от многих канадских, американских, немецких, бельгийских и британских путешественников, которых я имел честь сопровождать, будучи гидом по обе стороны Атлантики. В ходе подготовки к написанию этой книги и работы над ней я получил ценную помощь от Берта Де Миттенаре, Каролы Фингс, Элвина Финкеля, Уго Франссена, Юргена Харрера, Михила Хорна, Андреи Нойгебауер, Анн Виллемен, Си Стром, Дженнифер Хатчисон, и моего сына Давида, и моей дочери Натали. Без этих и многих других людей эта книга была бы совсем другой, а может быть, и вообще никогда не была бы написана.

Я, конечно, несу ответственность как за неточности и слабые стороны исследования, так и за предлагаемую читателю интерпретацию. Эту историческую интерпретацию, я полагаю, многие из моих родственников и друзей найдут несколько сложной, но я верю, что они прочитают мою книгу без предубеждений, и надеюсь, что они сочтут ее стимулирующим опытом. Я буду всегда ценить их дружбу, даже если они не согласны с моими взглядами. Последнее, но не менее важное, что я хочу сказать, – это от всего сердца поблагодарить мою жену Даниэллу за ее интерес и помощь и, прежде всего, за то терпение, которое она проявила в то время, пока я работал над проектом, который отвлекал меня от более полезных дел в доме и саду.

Жак Р. Пауэлс